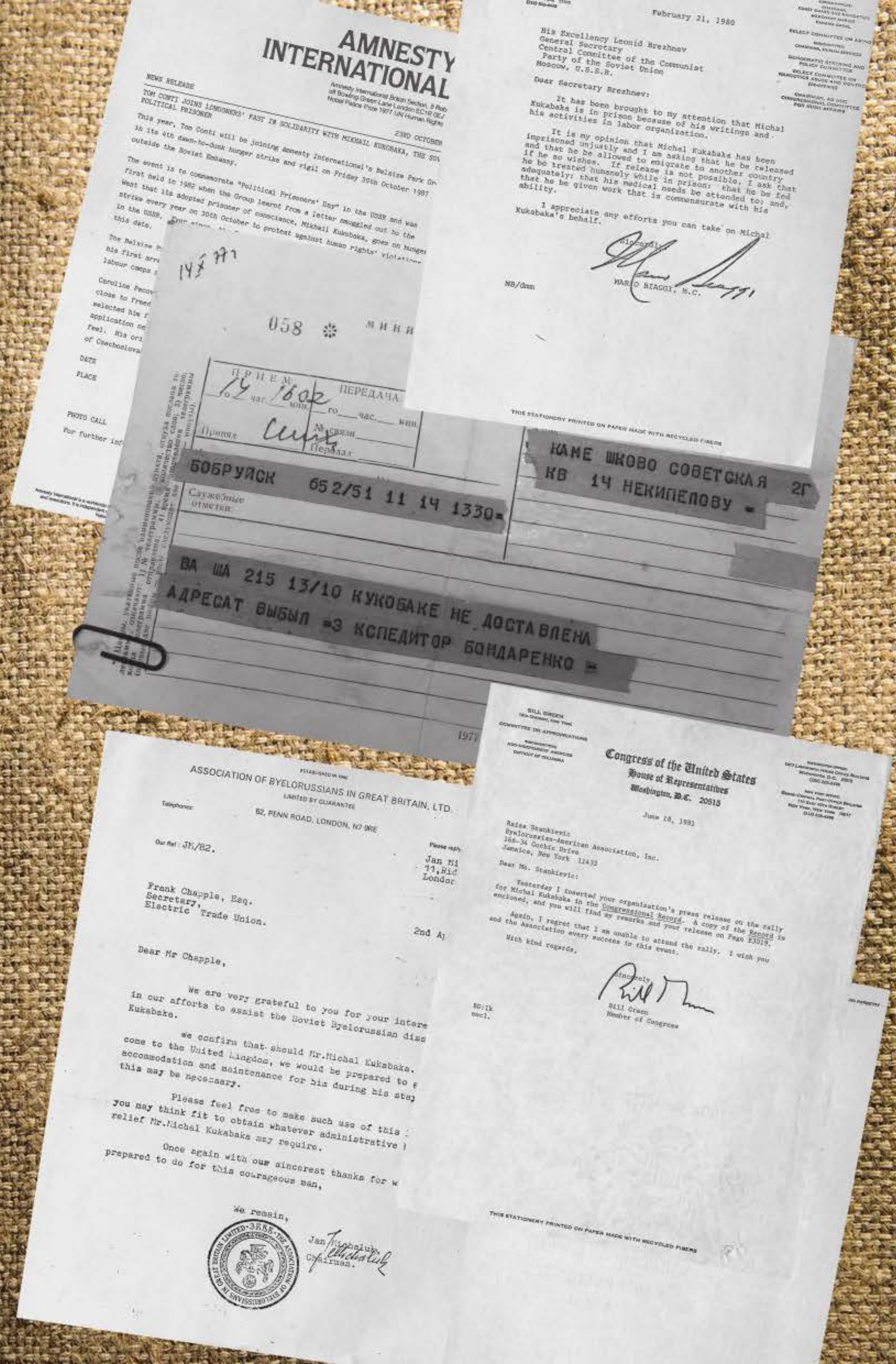
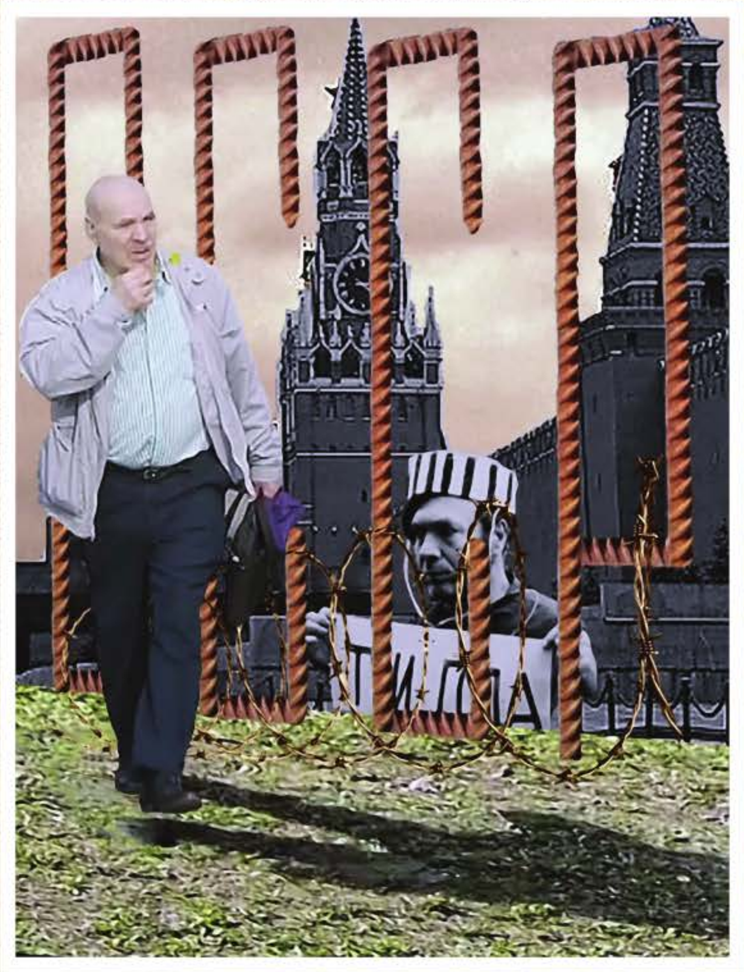


МІХАСЬ КУКАБАКА

МІХАСЬ КУКАБАКА



Міхась Кукабака

МІХАСЬ
КУКАБАКА

Мінск
2016

Міхась Кукабака. — Мінск, 2016. — 372 с., 69 іл.

У дакументальнай кнізе, прысвечанай Міхасю Кукабаку – беларускаму іншадумцу і публіцысту часоў СССР, адлюстраваныя невядомыя старонкі яго біяграфіі, а таксама прадстаўленыя публіцыстычныя творы і дакументы. Аснову кнігі складае інтэрв'ю з Міхасём Кукабакам, якое запісвалася на працягу трох дзён у лютым 2013 года ў Маскве.

Цэнтр даследванняў грамадзянскай супольнасці Беларусі

THE DANISH INSTITUTE FOR HUMAN RIGHTS

ВЯСНА праваабарончы цэнтр

Змест

Прадмова

Кніга «Міхась Кукабака» — гэта зборнік артыкулаў, інтэрв'ю, лістоў, які складаецца з трох частак:

1. Вялікае інтэрв'ю, запісанае 2–4 лютага 2013 года ў маскоўскай кватэры Міхася Кукабакі. Гэтая частка кнігі — на рускай мове, бо менавіта па-руску Міхась Кукабака распавядаў пра сябе, большую частку жыцця ён жыве ўдалечыні ад Радзімы. Але беларускі акцэнт вельмі моцна і выразна адчуваецца ў мове Міхася Кукабакі, які скончыў беларускую школу і адзначае, што ў юнацтве яму значна лягчэй было гаварыць і чытаць па-беларуску.

2. Літаратурна-публіцыстычныя творы, напісаныя Міхасём Кукабакам у часы СССР.

3. Нарыс і дакументы, прысвечаныя своеасаблівай праваабарончай дзейнасці беларускай эміграцыі. Тэксты дакументаў пададзеныя ў арыгінальным правапісе. Лісты, дакументы і фотаздымкі, якія тычацца жыцця і дзейнасці беларускага дысідэнта Міхася Кукабакі.

У тэкстах першай і другой частак ёсць шмат падабенства, але ёсць і супярэчнасці. На думку ўкладальніка, супярэчнасці абумоўленыя рознымі жанрамі (вусны аповед у выпадку пазнейшага тэксту), а таксама адлегласцю ў часе, якая падзяляе тэксты. Гісторыя жыцця распавядаецца ў розныя часы, у розных умовах, па розных прычынах, з рознымі мэтамі.

Цяпер мала хто можа дакладна аднавіць у памяці 70-я гады XX стагоддзя, бо 70-я гады ў СССР — гэта іншы свет, у параўнанні з сённяшнім часам. Адбітак гэтай рэчаіснасці 70-х мы знаходзім у публіцыстыцы Міхася Кукабакі савецкіх часоў. Інтэрв'ю, якое запісвалася ў 2013 годзе, — гэта іншы погляд на самога сябе, погляд

з іншага часу. Параўноўваючы тэксты, уважлівы чытач можа атрымаць матэрыял для роздуму і пра час, і пра чалавека.

Дарэчы, матыў адлегласці часу скарыстаны і пры афармленні кнігі — на вокладцы мы бачым Міхася Кукабаку на здымку, зробленым у 2014 годзе ў Бабруйску, які ўглядаецца ў сябе ранейшага — беларускага дысідэнта, які здолеў кінуць выклік таталітарнай сістэме СССР.

Паліна Сцепаненка

Фрагменты переписки в 2013 и 2016 годах

На сегодня Кукобака Михась — рядовой московский обыватель-пенсионер; достаточно пожилой. Я никого, кроме самого себя, не представляю; не вывожу тысячные толпы на улицы. Не состою членом каких-то партий или «движений». Я сам по себе. (...) Я не являюсь каким-то монахом-отшельником, живущим в пещере, избегающим всякого общения. Забавно, вдруг вспомнилось к месту, как английская писательница Сьюзан Ричардз после нескольких дней общения в своей книге посвятила мне небольшую главу под названием «Монах без церкви». Так и не смог до конца прочесть. Оригинальный английский не по силам мне. (...)

Я — противник нацизма, любого: русского, еврейского, арабского и т. д. Отвергаю любое религиозное мракобесие, противник милитаризации — значит, не «патриот». Не придерживаюсь корпоративной «морали»: выступал против политики Израиля и США на Ближнем Востоке, против русско-чеченских войн, против Российской империи. Поэтому для русских «патриотов» я — «русофоб», или «поляк», или «еврей». Для евреев я — злобный «антисемит».

Всего доброго! Удачи! МК.

11.01.13

Уже несколько лет в России проводится очередная кампания «по борьбе с экстремизмом». Некоторых авторов начали сажать за публикации. Но мне это вряд ли грозит. Слишком уж я стар для обвинения в очередной «антисоветчине». А с другой стороны, себе же и дороже будет — сажать человека фактически за то же самое, за что уже отбыл шестнадцать с половиной лет за решёткой. К тому же был реабилитирован. Проще меня убить, но и это не совсем прилично.

«Естественная» смерть удобней. А можно и до ста лет прожить. Предпочитаю последний вариант. Тем более, что я последователь Эпикура.

Так что если кто-то активно заинтересуется моим здоровьем, то могу уверенно ответить: «Даже не надейтесь!!!»

13.01.13

В период перестройки, оказываясь в Беларуси, не упускал случая, чтобы где-то выступить, донести до публики Правду, как её понимаю. Основная идея — временно оставить все разногласия и сосредоточиться на укреплении государственной независимости и экономики. Здесь случайно сохранившийся текст выступления на съезде Объединённой демократической партии Беларуси. К слову, никогда и нигде меня не пытались привлечь к разработке программы для какой-либо партии. Видимо, в то время в Беларуси был переизбыток умных людей. Я же, по этическим соображениям, сам не напрашивался.

Второй документ, обращение к Шушкевичу. Разумеется, оно осталось безответным. Как инициировался процесс реабилитации?

Как-то, приехав в Брест, я познакомился с местными активистами: Самойловым, Элькиным и другими. Рассказал им о своих проблемах. И тогда по инициативе Семёна Элькина активисты несколько дней на улице собирали подписи среди жителей города. Когда их собралось достаточно, Семён отправил письмо в Москву, в Верховный Совет СССР, на имя Игнатовича, депутата

от Беларуси. А тот вызвал меня к себе в приёмную на беседу. И процесс пошёл…

Почему не обратился к Позняку? Чтобы не отвлекать его от продвижения по карьерной лестнице. Ведь на это много сил требуется! Тем более, что он даже пару минут не захотел мне уделить, когда я появился в Доме правительства при содействии одного депутата. (…) И лишь когда американские и английские белорусы напомнили обо мне, тогда и стали приглашать меня на разные мероприятия.

Был ещё один примечательный момент из того давнего времени. Как-то из газет узнал, что одному активисту присудили большой штраф за какие-то его выступления. Я тут же, прямо в конверте, выслал на его имя довольно приличную (по моим меркам) сумму. Видимо, это произвело впечатление — получить деньги от совершенно незнакомого человека. Вскоре этого активиста избрали депутатом, и мне воздалось сторицей. При любом въезде-выезде он бронировал для меня билеты и через своих знакомых обеспечивал для меня ночлег. Выехать из Минска в то время было неимоверно трудно, очереди дикие. Однажды я двое суток на нескольких электричках добирался до Москвы.

Тогда я был политизирован без меры. Когда Горбачёв объявил Литве экономический бойкот, специально поехал с одним знакомым в Каунас, в гости к бывшему солагернику, и «свою» среднемесячную московскую зарплату поделил на две части — в Блокадный фонд и в Фонд независимости. Ну, и на улицах придирался к патрульным десантникам, читал им мораль. Могли бы и побить; к счастью, обошлось.

Один умный человек как-то сказал: «Старость наступает, когда человек начинает жить прошлым». Видимо, это меня касается. Поэтому заканчиваю письмо. Всего доброго! МК.

19.01.13

Здравствуйте, Полина!

Вот, посылаю Вам для информации последний свой «документик» на текущую тему. Видимо, на этом по-

ставлю точку в своей почти 10-летней тяжбе с нынешним последователем доктора Менгеле г-ном Кекелидзе, директором инст. Сербского. И вообще, решил больше не обращаться с «нравоучениями» и прочими призывами к совести ни к министру здравоохранения, ни ещё к кому-либо. Не вижу смысла. Надеюсь, Вы слышали, что Путин взял Госархив в своё подчинение. А директора уволил за то, что тот раскрыл пропагандистскую ложь о «28 панфиловцах». Да и раньше директор высказывался в том духе, что есть много мифов о «героизме» в период войны, которые противоречат фактам. Вот за эти его правдивые разоблачения и уволили. А чтобы избежать утечек информации, Путин взял Государственный архив под свой личный контроль.

Так что вряд ли я доберусь и до своего архива. Могут, конечно, выдать ничего не значащие пустые бумажки, лишь бы отчитаться и чтобы оставил их в покое. НО МНЕ ЭТО НЕ НУЖНО. Единственное, что было бы полезно в данной ситуации, это квалифицированное паблисити всей этой истории. Но здесь проблема кого-то заинтересовать. Слишком давняя и как бы отвлечённая тема. Хотя на самом деле, если привлечь внимание, может, меньше стали бы злоупотреблять психиатрией. Время от времени приходят сообщения о принудительной госпитализации за оппозиционные МИРНЫЕ акции. Не все понимают эту связь между прошлым и сегодняшним. В целом режим в России ужесточается. Уже привлекают к суду за реплику в интернете, за одиночные пикеты с плакатом и прочее. Вот такие невесёлые дела. Ладно, пока. Будьте здоровы! Привет всем! МК.

08.04.2016

Здравствуйте, Полина!

Высылаю Вам для сведения («эрудиции») один документик. Сегодня уже отправил по назначению. На этом свою 9-летнюю войну с жуликами заканчиваю. Хотя, если копнуть историю, у некоторых династий — английских, французских — хватало пороху на 30 и даже на 100 лет войны. Но я, как видите, более миролюбив. Возможно, пошлю копию в Минздрав, для уко-

ла совести. Хотя… было б что «колоть». Тем более, сам президент — Жулик (с большой буквы). Так что им есть на кого равняться.

Про ностальгию по СССР в двух словах не скажешь. Здесь проблема для психолога. Слишком уж противоречит здравому смыслу мечта вернуться в крепостную зависимость от власти. И это при максимальном (пока ещё) доступе к информации о прошлой жизни в стране, о её недавней истории.

Ностальгирующих по советским порядкам условно можно разделить на две группы. Здесь заведомо исключаю из обсуждения ветеранов Второй мировой, этих «сталинистов», выживших из ума стариков-маразматиков. Будем говорить о людях, реально живших и трудившихся при советском режиме. И о поколении постперестроечном, ностальгирующих скорее по мифам советского периода, внушённым массированной пропагандой и престарелыми родственниками. Самым молодым из советского прошлого сегодня около 50 лет, если взять за отсчёт достигших 20 лет в 1985 году. Этот год можно считать последним годом советской эпохи. Хотя формально она существовала до знакового события — крушения Берлинской стены. К 20 годам большинство людей заканчивают учиться и, приобретя трудовые навыки, зарабатывают себе на хлеб. Что помнит из прошлого сегодняшний 50-летний? Огромная империя была на пике могущества. Под советской оккупацией треть Европы. Содержание 5-миллионной армии и военных баз по всему миру. Кроме того, материальная поддержка едва ли не всех тоталитарных режимов. На содержании Кремля были «пятые колонны» — коммунистические партии тоже почти во всех странах. Ну, а какова жизнь внутри страны для обычного рабочего и колхозника? Сплошной дефицит во всём. Нищета и убогость духовной жизни вследствие цензуры на всё. И в то же время иллюзия «равенства», или почти равенства, во всём этом убожестве. Номенклатура и её обслуга жили закрыто от общества, не выпячивая свои привилегии. Для них курорты и спецполиклиники, спецраспределители товаров и продуктов, спецзарплата. И вот эта за-

крытость создавала иллюзию некоей справедливости для широких масс. Сегодня неизвестно как разбогатевшие персонажи (по мнению большинства, наворовавшие) выставляют своё богатство напоказ. Ведут кричаще роскошную жизнь, вызывая у людей ненависть этой явной несправедливостью и хамством. Вот лишь один пример. Известный миллиардер Абрамович как-то поужинал (один!) в бакинском ресторане на сумму свыше 200 тысяч долларов. Как ему это удалось? Заказал ужин, но одного блюда в наличии не оказалось. Тогда он позвонил в Лондон, и оттуда это блюдо спецавиарейсом было доставлено в Баку. Ни один сверхбогатый человек в Европе или в США такого бы себе не позволил. Все знают про миллиарды Билла Гейтса, Сороса, Цукерберга, Трампа, МакДональдса и других богачей. Но, несмотря на культивируемую Кремлём ненависть к США все в России относятся с уважением к упомянутым американцам. Потому что их богатство — за счёт их таланта. И результаты их труда видны всем.

Миллиардеры в России образовались за счёт ограбления, обнищания массы населения страны. Поэтому для многих людей у нас «ностальгия» имеет ПРОТЕСТНЫЙ смысл. Как отрицание сегодняшней жизни, но ни в коей мере не возврат к прошлому. Это ложная ностальгия, потому в кавычках. Настоящая ностальгия — у тех, кого перестройка лишила карьерной перспективы. Снизила их статус и уважение в обществе. Многочисленные капитаны не стали полковниками, а те — генералами. Зюганов так и не добрался до кресла в Политбюро. Ностальгируют разные лузеры, ни на что не способные. Работники парткомов, деятели пропаганды, культуры, получавшие оклады за место, за холуйство. Ну, естественно, также их потомки, мечтавшие унаследовать образ жизни своих родителей. Но вряд ли ностальгирует по прошлому бывший резидент советской разведки, под крышей первого секретаря посольства в Великобритании, полковник КГБ Александр Лебедев и ему подобные люди. Сегодня Лебедев — миллиардер, владелец недвижимости и нескольких газет в Лондоне. Ко всему прочему, в России успешно зани-

мается производством картофеля. Не замечен ни в какой политической деятельности, протестных акциях. Но вместе с Горбачёвым финансирует самую оппозиционную газету в России — «Новую газету». Вероятно, ещё где-то что-то молча финансирует. Больше бы таких полковников. Миллиардер Прохоров финансирует полуоппозиционное РБК и ещё некоторые полезные вещи.

Слишком многословно, но, думаю, понятно изложил свой взгляд на такое явление, как ностальгия. Всего доброго! МК.

20.04.2016

Сколько себя помню, с детдомовских времён ВСЕГДА писалось, во всех документах, «Кукобака». И никак иначе. В 1958 году получил свидетельство о рождении из Бобруйска (жил в Казахстане). В нём обнаружил «новшество»: дата рождения 3 декабря 1936 года. А до 1958 года спадар Кукобака почему-то рождался 2 февраля 1936 года. Много позже, во всех следственно-судебных документах (а КГБ даже родословную матери пытался раскопать) фигурировало одно и то же. Кукобака М. И. родился 3 декабря 1936 года. Поразмыслив, догадался: никакой путаницы здесь не было. Было обыкновенное мелкое жульничество со стороны администрации детдома. Мне добавили лишних 10 месяцев, чтобы выпроводить пораньше из детдома.

Я для себя поделил детдомовцев на 3 категории. Первая, малая группа: способные и незаменимые. В спорте и художественной самодеятельности. Им позволяли заканчивать семилетку и даже 10 классов. Третья — самые неспособные, и тоже малочисленная группа; их сплавляли в ФЗО (фабрично-заводское обучение — 6 месяцев). Ну, а вторая — середнячки, к коим и я относился; им прямая дорога в ремесленное училище (РУ) на два года. Как это ни странно, но в детдоме я считался одним из самых эрудированных среди сверстников. Когда меня призывали в армию, то, просмотрев мой «послужной» список, без колебаний определили в полковую школу. Хотя, как правило, туда с 7–10

классами брали. А вот в школу милиции меня с пятью классами уже не взяли. А я и не горевал!

И к чему мы пришли? Привычна та фамилия, которая с пелёнок, и другой человек не знал. А кто как назовёт — ни холодно, ни жарко.

Как-то, в начале второго срока, случайно познакомился с одним вором-грузином. По образованию оказался филологом с французским уклоном. Стал называть меня «Мишель». С его подачи так и прижилось до конца срока во всех лагерях. Меня тогда интересовала психология этого парня. До конца и не понял, чем его заинтересовал. Дал мне кучу адресов в Грузии: адрес жены, деда, каких-то родственников. Уговаривал приехать после освобождения. И даже исписал треть страницы по-грузински. Мол, покажешь — примут как родного. Не воспользовался его приглашением. А тетрадь изъяли при первом же обыске. Не подумал он, что отношение ко мне не столь беспечное, как к ворам.

Всего доброго! Привет команде! МК.

29.03.2016

Здравствуйте, Полина!

Копаясь в своих бумагах, наткнулся на свидетельства, как я регулярно снабжал «работой» правоохранительных чиновников. С позиции сегодняшней реальности спустя 25 лет подобные документы выглядят несколько забавными.

С наступлением лета Вас! В молодости, в Бобруйске и позже в Казахстане, с Первого мая я уже открывал для себя купальный сезон. Всего доброго! Привет всем! МК.

28.04.2016

Частка 1

Жыццё Міхася Кукабакі

Автобиография

Родился я 3 декабря 1936 года в г. Бобруйске. Хотя до 1958 года в паспорте была дата 2 февраля. Думаю, не ошибка. Видимо, чтобы пораньше меня сплавить из детдома, и сделали на десять месяцев старше. А после армии всё стало на свои места.

Из материалов уголовного дела за 1970 год узнал, что мать родилась в 1912 году и работала на лесозаводе там же, в Бобруйске. Сколько себя помню, а это, видимо, с трёх-четырёх лет, был я нежеланным ребёнком. Мать была ко мне равнодушна, и у меня также не было к ней каких-то сыновних чувств.

Мной занималась бабушка, и, похоже, я был для неё смыслом жизни. Вот её и воспринимал как единственного родного человека. С сожалением вспоминаю, лишь единственный раз мне удалось сделать для неё что-то полезное. Когда нас, троих ребят, переводили в ремесленное училище, то начальство детдома расщедрилось. Всем троим вручили по хорошему шерстяному

свитеру красного цвета. Когда бабушка меня навестила, мне с трудом удалось уговорить её взять свитер. Пришлось слегка соврать, мол, у меня ещё есть.

Возвращаясь к взаимоотношениям с матерью, разобрался в этом много позже, приобретя достаточный жизненный опыт и когда уже никого не было в живых.

Отец не вернулся с русско-финской войны. Можно представить, что почувствовала сравнительно молодая женщина в 27 лет, неожиданно оказавшись вдовой с трёхлетним ребёнком на руках. Это означало поставить крест на личной жизни. От родившегося ребёнка можно отказаться в роддоме. Но от трёхлетнего некуда деться. Можно его не замечать, но формально он всегда будет дополнительным препятствием для создания новой семьи. Тем более что в результате разных войн сложилась диспропорция полов.

В жизни нередко бывает, когда так называемый основной инстинкт оказывается гораздо сильнее материнского. Даже сегодня, в относительно мирное время, нередко матери отказываются от новорождённых детей или просто бросают, продают и даже убивают их.

Мне повезло, что бабушка оказалась добрым человеком. В детдоме время от времени навещала меня. Однажды сообщила, что мать собирается замуж; показала маленькое фото человека в военной форме. К новости отнёсся с безразличием.

Однажды мать всё же решила увидеть меня. Встретились на проходной детдома. Пришла на костылях, в сопровождении бабушки. Никаких объятий, перебросились парой ничего не значащих фраз. Я вежливо отвечал на вопросы; сам ни о чём не просил и ни о чём не спрашивал. Эта встреча была первой и последней. Вочередной раз пришла бабушка и со слезами рассказала, что мать умерла. Я с некоторым облегчением воспринял новость, но своих чувств не выдал, чтобы не огорчать бабушку.

В 1953 году (я как раз окончил ремесленное училище) большую группу молодёжи из Беларуси отправили

на стройки Сибири. Я попал в город Ангарск Иркутской области. С нашим желанием никто не считался. Обратной связи с бабушкой никогда не было, по причине её бездомности. По сути, прервалась последняя ниточка, связывающая с родиной. Английский философ XVII века Фрэнсис Бэкон сформулировал: «Любовь к Родине начинается с семьи». Конечно, семейную катастрофу можно списать на мировую войну, развязанную Сталиным с Гитлером. Но война состоит из деталей.

Деревня Вавуличи, в которой мы жили, практически не пострадала за период оккупации. Потому как разных "зой космодемьянских", чтобы поджигать крестьянские дома, в округе не оказалось. А как отступала русская армия в начале войны, всем известно. В деревне располагалась обычная немецкая пехотная часть. Как я понимаю, особых хлопот немцы не причиняли. В нашей хате тоже квартировал немец по имени Рудольф. Относился к нам хорошо. Даже помогал по хозяйству, а иногда и продуктами. Главные неприятности случились летом 44-го во время наступления русских войск. Без необходимости начали бомбить деревню, хотя зенитных установок не было, а немцы просто бежали. Разбомбили и нашу хату. Пришлось искать приют у соседей.

Лично для меня самым тяжёлым временем был период с лета 1944 до зимы 1946 года. В детдом бабушка сдала меня больным малярией. Так что большую часть первого класса школы я провёл в санчасти. Перевели во второй класс лишь из жалости. Но во втором я с лихвой всё наверстал.

Как многим пацанам того времени, мне не чужд был романтизм. Ещё в РУ сдал на разряд по стрельбе и окончил курсы укладчика парашютов. Пытался поступить в школу планеристов, но требовалось не меньше семи классов. Потому не удивительно, что, когда объявили кампанию по освоению целинных земель, я тут же пошёл за комсомольской путёвкой. Почему-то мечтал уехать именно на Дальний Восток. Тем более, что Ир-

кутское училище механизации (на тракториста) закончил на отлично. Что было условием для поездки в дальние края. Моего приятеля по детдому Володю Кушнера послали в Амурскую область, а меня оставили в Усть-Ордынском Бурятском округе.

На службу в армию пошёл охотно, но быстро разочаровался в ней. Имел массу нарушений и, соответственно, наказаний. Даже штрафбатом угрожали. Но мои «нарушения» не были типичными; вроде самоволки, пьянки и прочее. Я категорически отказывался выполнять приказы, которые угрожали моему здоровью, а также унижающие человеческое достоинство, то есть что в просторечии называется дедовщиной. Тем не менее фактически был отличником по политической подготовке и отлично стрелял из всех доступных видов оружия. Не стеснялся и дерзкие жалобы писать, если что не так. И вынудил начальство со мной считаться. Впрочем, свою службу фрагментами описал в очерке «Любил я в армии три слова — кино, отбой, столовая».

Службу закончил в Приморском крае, старшим механиком водителя 2-го класса. Перед демобилизацией в декабре 1957 года нас вербовали механиками на морские катера. Но к тому времени в Дальнем Востоке разочаровался и уехал в Узбекистан, в город Ангрен. Здесь мне крупно не повезло. Устроился помощником экскаваторщика, а позже бульдозеристом на строительство автодороги Ангрен–Коканд. Ни общежития, ни иного жилья не было. Жил в бараке в горах, за 20 с лишним километров от города, безо всяких перспектив. В том же 1958 году уехал в город Гурьев в Западном Казахстане. Почти за восемь лет, что проработал там, женился, окончил вечернюю школу, поступил на инженерный факультет вуза на заочное отделение (но учиться не стал). Также окончил автошколу, курсы экскаваторщика и крановщика. Поработал и в нефтеразведке.

Что касается так называемой общественной деятельности, то мои поступки носили спонтанный характер. Внимательно следил за политическими событиями. Уже

где-то с 1960–1961 года игнорировал разные официальные общественные мероприятия: субботники и прочие. Не ходил на выборы. И в то же время, узнав из газет о забастовке горняков в Бельгии, ходил по общежитию с подписным листом по сбору денег в помощь горнякам, искренне полагая, что «капиталисты» их морят голодом. Обращался с письмами протеста на имя Хрущёва и в газету «Известия», за что удостоился вызова на ковёр в обком партии, хотя был комсомольцем. Если бы при подобном поведении жил в центре России или где-то западнее, то наверняка арестовали бы по пресловутой 190-1. Но в Средней Азии и Казахстане предпочитали сор из избы не выносить.

В силу ряда субъективных и объективных обстоятельств вынужден был с женой расстаться, при взаимном сожалении.

В декабре 1965 года объявился в Киеве. Жил в общежитии. В Мостострое-1 в селище Корчеватом трудился плотником-бетонщиком, бригадиром слесарей. На товарной станции на Подоле работал грузчиком и бригадиром. В Дарнице на заводе химикатов работал аппаратчиком и дежурным электромонтёром.

В Киеве вёл себя обычно, как и в Казахстане. Но здесь местный КГБ мной заинтересовался, и была первая «беседа» в конце 1967 года, с капитаном КГБ Кальновым из Киевского управления. Со временем познакомился с национально ориентированной молодёжью, и меня ввели в круг Ивана Гончара — народного художника Украины. В своей студии он организовал типа домашнего музея украинского быта. Там собирались люди, небезразличные к национальным проблемам. Слышал, что КГБ делал ему предостережение за это.

1968 год стал переломным в моём сознании. Я пришёл к выводу, что в жалобах и письмах в разные инстанции смысла нет. Мало толку и в просветительской уличной агитации и листовках. Какая-то польза возможна, лишь если правдивое слово узнают тысячи или сотни тысяч людей. Единственное средство для этого —

зарубежная пресса и радио. Это и побудило меня составить и передать 30 сентября 1968 года в Генконсульство в Киеве письмо-протест против оккупации Чехословакии. Перед этим в городском военкомате я ультимативно предостерёг военкома от возможной попытки сделать из меня соучастника оккупации Чехословакии. Мой демарш формальных последствий не имел. Но подозреваю, что негласно меня, видимо, поставили на психучёт.

Весной 1969 года моя жизнь резко осложнилась из-за попытки организовать бойкот местных выборов. Вызывали на проработку в Киевский горком партии, а потом и некий крупный чин из КГБ открыто стал угрожать. На это я не реагировал. Но различные ущемления в быту и с зарплатой вынудили уволиться и покинуть Украину. Посетив ряд городов в России, остановил свой выбор на райцентре Александров во Владимирской области. Привлекло, что он в 40 с небольшим километров от Москвы. В августе 1969 года устроился электромонтёром на радиозавод в Александрове.

Однажды в газете «Комсомольская правда» прочёл злобную, клеветническую статью в адрес писателя Анатолия Кузнецова, эмигрировавшего в Англию. Автором значился некий журналист Айвор Монтегю. Про себя рассудил: если иностранец публикуется в советской газете, то почему я не могу отправить ему ответ в любую западную газету? В августе подготовил ответ: «Открытое письмо английскому писателю Айвору Монтегю». Пару раз съездил в Москву в поисках возможности отправить статью за кордон. Водитель на американской посольской машине, к которому обратился за советом, донёс на меня в КГБ. Откуда мне было знать, что все водители на иностранных машинах — агенты Лубянки? После возвращения домой, 14 апреля 1970 года был арестован по обвинению в «антисоветчине». Так началась моя «экскурсия» по островам ГУЛАГа.

За отказ от сотрудничества с КГБ майор НКВД (с 1940 года следователь) Павел Евсеев отправил меня на

экспертизу в институт судебной психиатрии им. Сербского. Там, по его рекомендации, меня объявили сумасшедшим и отправили в психушку тюремного типа в г. Сычёвку Смоленской области. В институте Сербского психдиагноз мне сочинял полковник КГБ, он же доктор медицинских наук, Лунц Даниил Романович (ныне покойный). Так и напрашивается сравнение с гитлеровским тоже доктором наук Менгеле. А предлагаемое «сотрудничество» состояло в том, что я должен был оклеветать незнакомого мне человека. По материалам дела, это был статс-секретарь посольства ФРГ Мюллер. В случае согласия обещали освободить. Я расценил это как факт заложничества. Арестовали за попытку выразить своё мнение. А потом предложили совершить подлость в обмен на свободу. На такое самоунижение я не мог пойти и решительно отклонил предложение, оскорбляющее человеческое достоинство.

В целом за статью и мою несговорчивость «гонорар» составил чуть больше шести лет лишения свободы. В 2007 году из архива снял копию того письма за 1969 год и воспроизвёл в статье «Подарок от ФСБ России». В интернете есть.

Сразу после освобождения из психушки 10 мая 1976 года, несмотря на все предостережения, активно включился в оппозиционную деятельность. Этому способствовало моё знакомство и последующая дружба с семьёй Виктора Некипелова — известного правозащитника. Уже в июне написал для передачи на Запад статью о своём взгляде на «советскую действительность», в которой описал и порядки в Сычёвской спецпсихушке. Статью опубликовали в Англии.

Перед отъездом в Беларусь основатель МХГ Юрий Орлов дал мне рекомендательное письмо для лидера белорусских сионистов в Минске, отставного полковника Овсищера Льва Петровича. С текстом письма я не был знаком. Но по тому, как после прочтения Лев Петрович отнёсся ко мне с максимальным радушием и доверием, понял, что аттестован был не худшим образом.

Полковник, авиатор Овсищер был знаковой фигурой в Беларуси. Ветеран войны, участник Сталинградской битвы со многими наградами и секретарь парткома закрытого НИИ. С таким послужным списком он был очень неудобной целью для ареста, когда увлёкся сионистскими идеями. Его лишь контролировали, не позволяя выезжать в Москву по общественным делам. Благодаря Овсищеру я получил канал связи не только в Москве, но и в Минске, что было удобно.

Были ещё публикации, и в ноябре 1976 года меня арестовали и поместили в могилёвскую психушку. Однако под давлением общественности через месяц вынуждены были освободить. Я продолжал заниматься публицистикой, и в октябре 1977 года был снова арестован на пару месяцев и помещён в ту же в могилёвскую психушку. Не имея возможности как-то остановить диссидентскую деятельность, власти решили от меня избавиться окончательно. 19 октября 1978 года я был арестован и судим, формально на три года. Анализируя не только свой, но и чужой опыт, понял: в советское время целью заключения диссидентов было не столько наказание, сколько «перевоспитание». То есть пытались сломить человека, вынудить публично выступить с фальшивым покаянием либо негласно дать или подписать какие-то обязательства, чтобы было чем шантажировать человека в будущем. Но я был «запрограммирован» с первого дня ареста в 1970 году и до последнего: никогда, ни при каких обстоятельствах не унижаться до предательства самого себя и других. Потому и судили меня три раза подряд, не выпуская на свободу, и собирались похоронить в лагере.

Мои слова подтверждаются таким фактом. Летом 1986 года, после шестимесячного отбытия в ПКТ (помещение камерного типа) в 36-й зоне, куратор КГБ майор Лукашёв откровенно высказался: «Кукобака, мы “неразоружившихся” на свободу не выпускаем. Не изменишь поведения — в 1990 году на свободу не выйдешь». Видимо, он не был уверен, что перестройка — это все-

рьёз. Но нас двоих, «чистых» диссидентов — меня из лагеря и Бориса Митяшина из Чистопольской тюрьмы — освободили последними в декабре 1988 года по дополнительному Указу Михаила Горбачёва от 30 ноября. К тому времени уже все «семидесятчики» (ст. 70 УК РСФСР) больше года как были освобождены.

Иногда задавался вопросом, почему меня не уничтожили в заключении. Даже были некоторые признаки, что подобный план у властей имелся. Всё объяснял своими способностями в оценке ситуации, умением себя вести, избегая конфликтов. Без ложной скромности скажу, что во многом так оно и было. Ко всему прочему, абсолютная уверенность в своей правоте способствовала сохранению нервно-психической системы, скажем так. Потому и в какой-то моральной поддержке не нуждался. Но истинную причину своего выживания узнал лишь после освобождения, так как в заключении постоянно подвергался ограничениям в переписке. Виктора Некипелова осудили через год после меня (в декабре 1979 г.). Но за год он сделал максимальное паблисити моему аресту. Были подключены какие-то профсоюзные деятели в США, один или два члена парламента. В мою поддержку выступали белорусские общины в Англии, Штатах и даже в Австралии. Ну, Андрей Сахаров, само собой, как и другие остающиеся на свободе москвичи тоже делали, что в их силах. «Международная амнистия» трёх стран — Англии, Австрии и Дании — взяла меня под свою опеку. Только в этом реальная причина выживания, а не в моих «хитростях». Член МА англичанка Керолайн Браун (Caroline Brown) в течение семи последних лет заключения писала мне каждую неделю. Член МА в Австрии филолог Герхильд Кучера также надоедала своими письмами разным советским инстанциям. При таком активном внимании к моей скромной персоне уничтожать политзэка было бы себе дороже. Поэтому КГБ сделал ставку на подрыв здоровья бессрочным заключением и «естественную» смерть. В отношении Виктора Некипелова их план удал-

ся — освободили тяжело больным, и он умер в госпитале. В отношении меня — не получилось. Я оказался более жизнеспособным.

После выхода на волю 3,5 года жил на положении бомжа. Без паспорта девять месяцев и ещё семь без прописки, перебиваясь случайными заработками. Позже с помощью покойного Генриха Алтуняна, ставшего депутатом украинской Рады, писателя Алеся Адамовича, преподавателя Елены Щепетовой и других неравнодушных людей мне удалось решить бытовые проблемы. Но то время было временем моей самой активной уличной деятельности. Приезжал не раз в Беларусь. В 1990 году летал в Литву, навестить бывшего солагерника, священника Сигитаса Тамкявичуса. Там же, в Каунасе, пожертвовал месячную зарплату в Фонд независимости Литвы и в Блокадный фонд. Активно участвовал в Демократическом союзе и в Радикальной партии. Так продолжалось до осени 2009 года, когда в последний раз был задержан милицией на 5 часов за акцию «31-я статья Конституции».

В 2010 году заболел, перенёс тяжелую операцию, и мои физические возможности снизились. С этого момента я превратился в «кухонно-кабинетного» диссидента. Занимался публицистикой до конца 2015 года, пока власть не прикрыла «Свободное слово» — единственную газету в Москве, которая публиковала меня безо всяких ограничений и цензуры. Так что с 2016 года я стал обычным московским пенсионером-обывателем.

Почему так получилось? Потому что девизом было: «Плох тот публицист, который всем нравится». Ещё в 1990 году в интервью «Брестскому курьеру» критически высказывался в адрес Солженицына за непонимание им национальных проблем в СССР. Не раз критиковал политику Израиля в Палестине, и США в отношениях с Израилем. Выступал с резким неприятием политики Ельцина и Путина в отношении войны в Чечне, а сегодня и с Украиной. Но вместе с тем бескомпромисс-

но критиковал неправильное, на мой взгляд, поведение известных диссидентов: Новодворскую, Елену Боннэр, Буковского, Подрабинека. Не обошёл вниманием и белорусскую оппозицию. В 2008 году опубликовал статью «Диктатура или демократия? Выбор определяют обстоятельства». В ней подверг резкой критике позицию Зенона Позняка и оценил внешнюю политику Александра Лукашенко как наиболее рациональную в данное время, если исходить из цели сохранения Беларуси как независимого государства.

Вот по всем вышеназванным причинам мне и был закрыт доступ в московскую «либеральную» прессу. Мне легче было публиковаться (хотя и не без скандала) в США, Украине, Израиле, странах Балтии, чем в России. Даже названия моих статей режут слух «либералов». К примеру: «Путин — явный поклонник Гитлера», «Сионизм и антисемитизм — две стороны одной медали», «Кости как стратегическое оружие Кремля» (о событиях в Таллинне со сносом бронзового оккупанта), «От каждой свиноматки по двенадцать поросят» (о реформе Путина по демографии), «9 мая — День победы русского фашизма» и др. Последняя из упомянутых явно опережает своё время. С подобным названием статьи будут уместны лет через 20–40, когда за анализ событий возьмутся историки. Выжившие после войны сталинисты умирают, так и «не приходя в сознание». Не понимая, что не героями, а рабами-пешками они были для Кремля. И после войны Кремль использовал ветеранов для пропаганды, для оболванивания населения, для оправдания и защиты советской крепостнической системы. После перестройки я никогда не придерживался двойных стандартов и не соблюдал корпоративную мораль. То есть следовал латинской пословице «Платон мне друг, но истина дороже». Но за такую позицию приходится платить.

Михась Кукобака.
Москва, 23.04.2016.

ИНТЕРВЬЮ, ЗАПИСАННОЕ В МОСКВЕ В ФЕВРАЛЕ 2013 ГОДА

В конце 2012 года правозашитник и литературовед Алесь Бяляцкий в письме из Бобруйской колонии попросил съездить в Москву к белорусскому диссиденту Михасю Кукобаке и записать историю его жизни и противостояния советской тоталитарной системе. Адрес Михася Кукобаки помог найти московский правозащитник Валентин Гефтер.

Детство под грифом «Секретно»

— Начиная с детства, Ваша жизнь таит в себе много загадок и белых пятен, разночтений, мифов и легенд.

Михась Кукобака: Насчёт мифов и легенд — это преувеличение, конечно. А белые пятна... Я из рабоче-крестьянской семьи. Родословные прослеживаются у каких-нибудь князей, вельмож. А я что? Родился в Бобруйске. Мать, как узнал позже, работала на лесозаводе в Бобруйске. Это, кстати, из архива КГБ узнал. Родилась в 1912 году. Тоже из архивов узнал, когда мне в 2007 году позвонили, разрешили частично ознакомиться с моим первым делом за 1970 год. Остальное до сих пор под грифом «Секретно».

Тут одна организация, по поручению группы американцев, скажем так, не признающих психиатрию как науку, как медицину, предложили мне помощь. В смысле, чтобы я попытался ознакомиться с материалами психэкспертизы по делу за 1970 год. И вот начиная с 2006 года я постоянно в этом процессе. С помощью юриста прошли все суды: районный, Московский городской, Верховный Суд, и даже подавал в Страсбург жалобу... Это я несколько отвлёкся.

Если кто читал мой рассказ «Свидание с детством», то там ясно — я встречал войну в самом Бобруйске. До

этого пытались уйти в беженцы, но не удалось, опять вернулись в Бобруйск. А потом уехали в деревню.

Теперь об отце. Он был военнослужащим, танкистом, погиб в финскую войну в 1939 году. Мне было три года, и я его не помню. Но есть деталь такая, что он не просто погиб, он пропал без вести. А это накладывало в те, сталинские времена определённый отпечаток. И я думаю, родители, в первую очередь бабушка, старались затушевать этот факт, скрыть. Тут некоторые неясности для меня самого и КГБ не смог раскрыть.

У меня даже фамилия не отцовская. Кукобака — фамилия от бабушки, очень редкая даже в Беларуси. Думаю, если бы у меня были какие-то родственники, то не составило бы труда меня отыскать. Тем более сегодня — интернет и прочее...

В Бобруйской области я жил, в деревне Дубовка во время войны, потом ещё там какая-то деревня Бабичи была — туда тоже на какое-то время переезжали. А потом в Бобруйск вернулся, уже в детдом, где и пробыл пять лет. То есть я находился в пределах информационной досягаемости.

Юность на «стройках коммунизма»

После детдома отправили в ремесленное, и после него увезли в Сибирь. Вот вся моя биография раннего периода. Никто у меня никакого согласия не спрашивал; я был государственным человеком. Раз учился — обязан отработать; на поезд — и езжай.

Направили меня в Ангарск, на стройку коммунизма; там какой-то большой нефтехимический комбинат строился. И сейчас там он одно из основных предприятий.

Позже перешёл работать на авиазавод на какое-то время. По призыву комсомола — на освоение целинных земель. Потом призвали в армию.

Демобилизовали зимой, где-то в декабре. Куда ехать? Ни родственников, никого и ничего. Не поеду

же в Сибирь — холодно. В штабе посмотрел на карту, выбрать, где потеплее. Та-ак, Кавказ, это что-то непонятное. А я же в детстве начитался рассказов о Средней Азии. Ферганская долина и прочая романтика. Нацелился пальцем на юг, закрыл глаза, ткнул. Смотрю, попал в Фергану. Вот, говорю, пиши: в Фергану поеду. Сформировали спецэшелон Владивосток–Джелал-Абад, и я поехал в неизвестные мне места. Где-то не доезжая до Ташкента познакомился с одним местным жителем: «Слушай, на кой тебе чёрт Фергана? — говорит. — Там же на работу проблема устроиться. Давай к нам, в Ангрен — шахтёрский городок. В Ташкенте вместе сойдём». А сам этот мужик, судя по некоторым повадкам, видимо, в тюрьме побывал. Как я узнал позже, и мужа его сестры на десять лет посадили. «У меня, — говорит, — поживёшь пока, если мать не против». И мы сошли в Ташкенте. Среди ночи добрались до Ангрена. С трудом, в темноте разыскали саманный домик, где жили мать с дочкой. Пару дней побыл у него, потом ушёл в гостиницу. Устроился на работу бульдозеристом, на строительство автодороги Ангрен–Коканд. Жил в бараке, в горах, за двадцать с лишним километров от города, так как общежития не было, а снять частное жильё в городе — дорого, не было средств. Потом переехал в Казахстан, из Казахстана — в Киев. Там поработал, пожил. Потом, в райцентр Александров, во Владимирской области.

Начало диссидентской деятельности

Собственно говоря, моя активная диссидентская деятельность началась в Киеве. А отдельные элементы у меня были ещё в Казахстане — на имя Хрущёва писал письма. Достаточно резкие: о нехватке продуктов; по поводу того, что о событиях в своей стране мы должны из радиоголосов узнавать. К примеру, о том, что закупаем зерно в Канаде. Почему от народа скрывают правду? О злоупотреблениях милиции писал. Вызыва-

ли меня в Гурьевский обком партии (ныне в Атырау переименовали), хотя я был только комсомольцем: «Куда ты пишешь?! Да мы тебя!..» А я говорю: «Мне плевать на ваши угрозы. Я писал правду о том, что есть. И вы об этом сами знаете».

Достаточно резко. Ну, Азия, там свои законы: стараются не выносить сор из избы. К слову, позже в лагерях я не встречал диссидентов из Средней Азии. А вот уже в Киеве КГБ достаточно жёстко всё контролировал, и меня однажды вызвали на «беседу».

Капитан Кальнов из Киевского управления КГБ: «Вот, до нас дошло, что ты выступаешь против советской власти», — и всё в таком духе. Капитан вёл себя корректно. Не вступал в полемику. Только задавал вопросы на самые разные темы и что-то записывал в блокнот после моих ответов. На все вопросы отвечал я искренне. Не скрывал, что категорически не приемлю нынешнюю политику СССР, как внешнюю, так и внутреннюю. Так мы с ним поговорили часа два, наверное.

В одном своём очерке привожу коротко заключительную часть беседы.

«Встречались ли вы с агентами иностранной разведки или пытались с ними установить контакт?» — «Нет, — говорю, — не встречался. Но если бы такая возможность представилась, я бы её с удовольствием использовал. Вы же беседуете с ними? А почему я не могу с ними встретиться и поговорить, с этими агентами?»

Он ничего не ответил. Сделал пометку в свой блокнот, и мы расстались.

Этот разговор происходил, наверное, где-то в октябре 1967 года, перед ноябрьскими праздниками. Потом эти события в Чехословакии, вызов в военкомат.

— А почему Вас в военкомат вызвали? Вам же уже было тогда почти тридцать лет.

Михась Кукобака: Да. Ну, тогда была такая обстановка, как бы сказать, в правительстве нервозная. Чуть ли не ЧП такое было. И всех военнообязанных вызывали, не знаю, с какой целью. Некоторых опять призыва-

ли, как бы повторно. Называется это в народе в «партизаны», что ли? Военнослужащих запаса иногда призывают на учения. Факт то, что у нас в общежитии сразу установили в коридоре радиооповещение на случай какой-то тревоги. Я помню, что это сделали в то время. Многих вызывали, не только меня. Какие причины для моего вызова, даже не стали объяснять. Не то, что не стали, — я просто не дал им возможности объяснить. Потому как сразу прокрутил в голове, зачем меня вызывают. А я очень внимательно следил за событиями в Чехословакии. Журнал выписывал «Чехословакия», распространялся такой. Были ещё «Румыния», «Болгария» и другие — пропагандистские. Я внимательно за всем следил. Думаю: кто его знает, может быть, они хотят меня тоже туда послать?

— *Вызывали?*

Михась Кукобака: Вызывали. «Давай военный билет показывай». Тут я сразу им всё и высказал: «Если только вздумаете меня туда послать, то знайте: я поверну оружие против вас. Я, — говорю, — категорически против вторжения в, так сказать, дружественную страну, я против оккупации. И выступлю на стороне народа. Откровенно вам говорю». Там на меня с матом. Чуть ли не кулаками перед носом замахали. Но никто меня не тронул. Вот такая ситуация была.

— *И Вас тогда не арестовали?*

Михась Кукобака: Нет. Они меня хотели, как я подозреваю, в психушку отправить. Потому что тут же заявили: «Вам необходимо пройти комиссию».

И в соседнем кабинете мужик начал меня выспрашивать о здоровье, то, другое.

Я говорю: «Всё нормально». Он: «Мы даём вам направление на обследование, это для военкомата, это необходимо». Как она там называлась местными, «Кирилловка», что ли, — центральная психушка в Киеве.

Я говорю: «А зачем? Мне это не нужно». — «Если вы не поедете, вас до работы не допустят. Нам необходимо». Говорю: «Ладно».

И поехал. Захожу к психиатру, подаю направление. Он начал расспрашивать: «А зачем вас к нам направили? Что произошло?» — «Да ничего не случилось. Направили, и всё. Откуда я знаю почему? Задавайте вопросы, я вам отвечу». — «Ну, всё-таки, какая-то причина была». Я говорю: «Вам нужно состояние моего здоровья? Пожалуйста, смотрите, обследуйте, задавайте вопросы». — «Нет, ну всё-таки. Так не бывает, чтобы без причины».

Я почувствовал опасность во всём этом деле. Решил несколько подкорректировать произошедшее в военкомате.

И стал рассказывать врачу: «Ну, вызвали меня в военкомат. Услышал беседу двух офицеров о событиях в Праге. Не удержался и высказался в том духе, что ввод войск ударит по престижу нашей страны».

Врач тогда покрутился: «Вы знаете, один я не могу решать ваш вопрос». — «Что значит, вы один не можете решать? Я же здесь, перед вами». — «Мне нужен консилиум».

Минут через 10 пригласили в другой кабинет, где сидело несколько человек в халатах. Задали несколько стандартных вопросов. Посовещались и назначили мне прийти к ним повторно, вроде через неделю. Это меня насторожило. После беседы снова зашёл к первому врачу и попросил сделать отметку в направлении от военкомата, что я побывал на приёме.

Он расписался в этой бумажке, и я вернулся к себе. Предъявил направление администрации, и мне возвратили пропуск в свой цех.

Короче, вернулся на работу и больше с этим делом не связывался, к психврачам не пошёл. Но вся эта история не давала покоя. Ну, высказался перед военкомом, и что дальше? Чем я отличаюсь от большинства «молчальников»? В общем, где-то в течение месяца написал письмо-протест. Как оно там называлось, я уже даже не помню, типа «К гражданам Чехословацкой Республики» или что-то такое. В нём я высказывал

своё абсолютное несогласие с оккупацией. Напоминал о других примерах агрессии СССР в разных частях света. Также добавил, чтобы в Чехословакии не думали, что у нас весь советский народ поддерживает действия Кремля, как во всех газетах идёт пропаганда. В стране много тех, которые не согласны с этой акцией. Просто нам не дают слово сказать. В таком духе написано было.

И стал искать возможность, как это письмо отправить на Запад. Ходил несколько дней, следил за туристами. Но всё-таки Киев — это не Москва, там ограниченные возможности. В конце концов плюнул на это дело и решил прямо в Генконсульство отнести. Опять же, понятия не имею, как оно охраняется. Думаю: а если там внутри советские милиционеры? Схватят меня, посадят и без толку?

Пошел в магазин, купил Уголовный кодекс, в общежитии посмотрел — да, статья 70: до семи лет. Подумал: «Да начхать хотел на них! Я что, свою совесть буду, как говорится, статьями мерить?» И отправился в Генконсульство. Подошёл, оглянулся, а там наружной охраны не было или, может быть, отлучился на время. Подождал, пока расстояние до ближайшего прохожего было метров пятнадцать-двадцать, раз — подскочил, быстрей давай нажимать сигнал. Открывается дверь. «Мне, — говорю, — необходимо к сотруднику Консульства». И когда услышал явный такой акцент, понял, что это, так сказать, свои. Меня впустили. Вышел человек среднего роста, лет сорока на вид: «Генконсула отозвали в Прагу. Я замещаю его».

По-русски говорит хорошо, с едва заметным акцентом. Объясняю цель своего визита. Потом протягиваю свою тетрадь, открываю последнюю страницу: «Вот, смотрите, мои данные, адрес». Вытаскиваю паспорт, военный билет: «Видите, это никакая не провокация, не фальшивка. Моя фамилия Кукобака. Вот мои документы; здесь, в тетради, указаны все данные».

Он пробежал глазами начало статьи. Мы поговорили немного. Потом он пожал мне руку: «Спасибо за

сочувствие нашему народу». И с тем мы расстались. Это важное для меня событие произошло в понедельник 30 сентября 1968 года. Слегка моросил дождик, но настроение было праздничным. Я преодолел свои страхи, свои сомнения.

— А последствия этой истории были какие-то?

Михась Кукобака: Последствий этой истории сразу никаких не было. Я не делал из своего поступка тайны. На работе говорил, всем. Абсолютно был открытым. Думаю, что именно эта моя открытость в какой-то мере спасла от раннего ареста. В каком смысле спасла? Потому что они могли думать: если человек, не стесняясь, обо всём рассказывает, значит, по их понятиям, за его спиной что-то есть. Тронь его — потом скандал какой-нибудь получится. И на меня как бы не обращали внимания. Конечно, наверное, следили, собирали сведения.

Бойкот выборов: какие могут быть выборы, если не из чего выбирать?

Начались основные неприятности, когда весной 1969 года стал агитировать за бойкот выборов. Тут уже какой-то чин из КГБ меня вызывал. Он не представился, но такой уже мужик, лет пятидесяти. Не капитан, наверное, повыше рангом — майор или полковник. Вёл себя грубо, угрожал. После ещё вызвали в Киевский горком партии меня и всех, кто в общежитии согласился на выборы не пойти, бойкотировать решил. Тема разговора была такая: меня просто запугивали. Моих соседей по общежитию, которых вызывали, убеждали: «Вы поддались под дурное влияние Кукобаки». Пытались склонить к даче показаний против меня. «Вы, мол, расскажите, чего он и когда агитировал; как занимался антисоветской пропагандой». То есть их как бы пытались стукачами сделать. Но никто не пошёл на это.

Ну, а я вёл себя в привычном стиле. В ответ на упрёки-угрозы в горкоме дал им хороший, как сам оцениваю, ответ: «В этом человеческом море я как милли-

онная частица — песчинка. Но “песчинка” самостоятельная, мыслящая. И вы мной манипулировать не будете». Там какой-то из них: «Так вы маоист?!» Я так и не понял, откуда мысль у него подобная возникла. Говорю ему: «А при чём тут маоист?» Вразумительного ответа не услышал. Тем дело и закончилось.

И тут на меня началось психологическое давление. Настоящая травля. Запрещали в мою комнату входить посторонним. Если воспитатель общежития кого-то видел, он за шкирки буквально вышвыривал. То есть как во время чумы… объявили карантин какой-то. Потом на работе начались неприятности, ущемления в зарплате. Такое уже материальное ущемление началось.

А председателем избирательной комиссии был Герой Советского Союза, ветеран войны, он же — зам. директора завода по быту. Когда мы этот бойкот объявили, он приходил лично нас агитировать. Я ему всё выложил — за что, почему мы отказываемся от голосования. Он за сердце хватался, воды просил принести.

— Вас много было отказавшихся от голосования?

Михась Кукобака: Немного. Комната моя вся, где я жил, — три человека. А кто ещё по общежитию, не знаю. Я везде носился, весьма активно убеждал.

— А какие доводы были у Вас, почему Вы отказывались?

Михась Кукобака: А что тут говорить? Доводы простые, на виду. Во-первых, если однопартийная система, то какие могут быть выборы, если не из чего выбирать? Потом, эта постоянная ложь — в газетах, везде, имперская эта политика. Тут я вспоминал и события в Венгрии. Доводов было слишком много. Я говорю, что аж за сердце хватался этот ветеран — герой так называемый.

Кукобака — «враг народа», но не пьяница

Потом этот ветеран, зам. директора завода по быту, издал приказ о моём выселении, якобы за пьянство.

Я никогда алкоголем не злоупотреблял. На праздник, конечно, могу выпить, как любой мужик. Это нормально. Мои товарищи по общежитию выпивали, не всегда бутылки сдавали вовремя. Оставляют, а когда не хватает денег, сдают. Вот при обходе две-три бутылки нашли, никого не тронули, а меня объявили пьяницей — и приказ о выселении.

Я подал на этого ветерана в суд за клевету. Тут у меня хватило ума. Стал собирать свидетелей в свою защиту именно среди коммунистов и комсомольцев. И в большинстве девушек. Считалось, что якобы девушки не склонны к излишествам. Ходил по общежитию и собирал. Тут интересное выявилось, кто чего стоит.

К примеру, был один такой: меня поддерживал на словах. Типа, правду-матку в глаза режешь, не боишься. А когда я подошёл к нему и спросил: «Будешь свидетелем?» — услышал в ответ: «Ты же отлично знаешь, что тебя не за какие-то... это все только предлог на самом деле». Говорю: «Тебе какая разница? Если я пьяница, так и скажешь, что Кукобака пьяница. А если нет, то ты скажешь “нет”». Он опять за своё: «А при чём тут это?..»

В то время я работал на заводе химикатов электромонтёром. Начальник группы, инженер-механик, коммунист, поставил подпись без лишних слов. Подхожу к старшему электрику. Леонид Мостынец был комсоргом и кандидатом в члены партии, но мужик нормальный, здравый. Несмотря на идейные разногласия, отношения были дружеские и по работе хорошие. Начал я издалека: «Лёня, как ты думаешь, я пьяница или нет?» Он удивился: «Что за глупости говоришь?» Тогда я коротко изложил суть дела и спросил: «На суде выступишь свидетелем защиты?» — «Миша, но ты же понимаешь, выдумка с пьянством — лишь предлог. Тебя выселяют за антисоветское поведение». — «Отлично! Ты в суде так и скажешь, что Кукобака “враг народа”, злобный антисоветчик, но — непьющий. Ведь формально меня за пьянство выселяют?» Он засмеялся: «Так и скажу», — и поставил свою подпись в списке.

Вот так я насобирал подписей больше, чем нужно. И когда всё это я представил в суде, они были в некоторой растерянности, как мне показалось. Поддержать меня?! Это что же получается, что неправ Герой Советского Союза, ветеран войны и зам. директора по быту? А то, что он неправ, очевидно. Список подписей свидетелей, уважаемых людей. В общем, заседание отложили, а позже передали на так называемый «товарищеский суд» по месту работы. А там как обсуждать мой иск? Ведь характер мой уже известен. Я выскажу всё, что о них думаю, а это превратится, по мысли администрации, в лишнюю «антисоветскую пропаганду». И дело просто замяли, а меня оставили в покое. Но зато стали на меня зарплатой давить; короче создали такую обстановку, что я вынужден был уволиться и уехать вообще. Потому что в таких случаях человек попадает в чёрный список. Это столица, и ты нигде уже на работу не устроишься.

Уехал я в г. Александров во Владимирской области и устроился на радиозавод. Там я себя точно так же вёл, не участвовал ни в каких субботниках, воскресниках и прочих пропагандистских ритуалах. Естественно, и в субботнике к 100-летию Ленина не принял участия.

Письмо Айвору Монтегю и арест

А суть еще в чём: я написал статью в виде открытого письма Айвору Монтегю, английскому журналисту (и коммунисту, как позже узнал). Где-то в июле 1969 года прочёл в «Комсомольской правде» его злобную, клеветническую статью в адрес русского писателя Анатолия Кузнецова, оставшегося в Англии. Решил ответить.

Написать — одно, а как передать статью в западную прессу? Пару раз съездил в Москву на «разведку». Благо, Александров — это пресловутый 101-й километр. Ближе к Москве неблагонадёжным жить запрещалось.

По наивности и незнанию считал, что в посольских машинах водители иностранцы, а оказалось, что агенты КГБ. Естественно, первый же шофёр на американской машине тут же доложил «куда следует», когда я обратился к нему за помощью. По возвращении в Александров на следующий день меня арестовали.

В 2007 году, в публикации «Подарок от ФСБ России», я воспроизвёл текст той давней статьи, «гонорар» за которую обошёлся мне в шесть лет лишения свободы. Как раз в том 2007 году мне позволили ознакомиться с судебным делом за 1970 год, и я в архиве снял копию с рукописи.

Как проходил первый арест, я где-то уже описывал. По повестке вызвали в прокуратуру, среди рабочего дня. А я собрался идти как раз на свидание. Познакомился ранее с одной женщиной, хотел с ней создать семью, пожениться. Три бутылки перцовки взял с собой, закуску в портфель. А по дороге (она на окраине городка жила) была баня. Вот, думаю, в баню схожу по дороге, а потом к ней в гости, как говорится, на ночь глядя. Поэтому, не чувствуя за собой греха, спокойно отправился в прокуратуру. Только любопытство было: чего ради я им понадобился? Захожу, поздоровался. В кабинете сам прокурор и ещё человек сидит. Видимо, его помощник. Прокурор сразу начал с вопроса: «Почему вы постоянно выступаете против советской власти?»

Вопрос меня удивил: «Я — против советской власти? Советская власть — это народная власть, товарищ прокурор. Я — рабочий человек, и я в принципе не могу выступать против своей же власти».

После моего ответа возникла пауза. Прокурор молча смотрит на меня. Тогда я спрашиваю: «Вы что, ждёте продолжения?» — «Ну да», — отвечает.

И я продолжил: «Ну что ж, уточню вышесказанное. Советская власть — это от слова *совет, советоваться*. Так вот, за тридцать лет своей жизни я пришёл к выводу, что никто и никогда с нами — с народом — не советовался и не советуется. Поэтому у нас советской влас-

ти нет и никогда не было. За неё только предстоит ещё бороться».

Сзади по плечу слегка похлопали. Я поворачиваюсь — милиционер протягивает мне наручники... И всё, в тюрьму, прямо из кабинета прокурора. Вот так началась моя тюремно-лагерная эпопея.

— Куда Вы тогда попали и на сколько?

Михась Кукобака: Отвели в Александровскую тюрьму. Она рядом с прокуратурой. Там сидел первое время, когда следствие велось местным следователем Федосовым по ст. 190-1. Он же направил меня на психэкспертизу во Владимир. Там признали здоровым, но с некоторыми психопатическими отклонениями. По мере сбора новых материалов следователь решил, что мои действия тянут на 70-ю статью. И по согласованию с прокурором города дело было передано в следственное управление КГБ по Владимирской области. Моё дело стал вести не рядовой следователь, а начальник следственного отдела КГБ по Владимирской области майор Павел Евсеев. Он лично приехал за мной с одним оперативником. И меня на чёрной «Волге», как это описывают в детективах, повезли из Александровской тюрьмы во Владимирский централ. Там моё дело почему-то переквалифицировали на статью 190-1 УК РСФСР. Никогда позже с подобной практикой в отношении других обвиняемых я не сталкивался и даже не слышал. Формально, по 190-1 дела ведёт только прокуратура. КГБ лишь негласно, за спиной, руководит процессом. У меня всё было по-иному, вопреки правилам.

КГБ предлагает сделку

Фактически уже во время поездки в машине Евсеев начал допрос в виде такой необязательной беседы. Я был абсолютно откровенен. А что мне скрывать? То, что я не приемлю власть? Да никакой тайны никогда не делал из этого. К тому же, в связи с моим активным критическим поведением, они запросили материалы. Им

прислали из Киева всё, что там накопилось. Кроме того, делали запросы во все места, где я жил и работал. По России, Казахстану, Беларуси. Следователи КГБ разыскивали и допрашивали (если кто жив был) даже бывших воспитателей Бобруйского детдома. Нафантазировали себе, что я человек особо опасный.

Через несколько дней после перевода во Владимирскую тюрьму меня вызвали пару раз уже на официальный допрос. Всякие вопросы о друзьях, знакомых, коллегах по работе, даже самые невинные, я решительно отклонял. О себе самом скрывать было нечего. Да они узнали обо мне даже то, что сам успел забыть. Иногда, после отказа отвечать на какой-то его вопрос, майор лишь добродушно отмахивался: «Да мы и так всё знаем». Как-то, видимо уже в третье посещение, Евсеев пришёл в хорошем настроении, шутил, даже разоткровенничался. Похвастался, что начал работать следователем ещё в 1940 году. «Так у вас же руки по локоть в крови, — говорю ему. — Сколько народу вы загубили?» Майор Евсеев, вальяжно откинувшись на стуле, с добродушной улыбкой спросил: «А ты знаешь Кукобака, что сказал товарищ Сталин?..» — и начал мне цитировать известную речь Сталина на банкете о «терпении» русского народа. Потом следователь посерьёзнел: «А теперь, Кукобака, давай обсудим одно важное дело».

И предложил мне сделку.

«Ведь по сути, Кукобака, в деле у тебя ничего серьёзного нет. И если ты поможешь нам в одном вопросе, то и мы могли бы тебе помочь, отпустить. Пошёл бы на свой завод, работай себе спокойно. Только измени своё поведение, не болтай никому ничего лишнего». И протянул мне какую-то бумажку; предложил подписать, что якобы я встречался и вёл какие-то беседы со статс-секретарём посольства ФРГ, неким господином Мюллером.

Я говорю: «А с какой стати? Если я и знать не знаю никакого Мюллера?» — «А тебе и знать ничего не надо. Ты просто подпиши, и всё. Ты поможешь и нам, и себе;

так сказать, выкрутишься из ситуации, в которой оказался. Бояться тебе нечего. Об этом никто не узнает, лишь бы сам не болтал». Я говорю: «Ну, правильно, никто не узнает. Но я-то сам всю жизнь буду знать, что сделал пакость человеку, которого в глаза не видел. Если вам чем-то он насолил — ищите на него какой компромат, как говорится. А я тут при чём?» — «Так ты что, не хочешь? Отказываешься?» — «Конечно, не хочу. Зачем я буду участвовать в этом?»

Такой разговор произошёл.

«Ну, смотри, Кукобака, пеняй на себя. Мы тебе такое устроим, что всю жизнь потом будешь расплачиваться». — «Да чихать я хотел на ваши угрозы!» — с вызовом ответил ему.

После этого всякие допросы и беседы закончились.

Институт Сербского

Через несколько дней меня снова приводят в кабинет следователя. Он сидит довольный, улыбается: «Ну вот, Кукобака, мы направляем тебя в институт Сербского. Поедешь в Москву, на экспертизу». — «Я не нуждаюсь в вашей экспертизе». — «А тебя и спрашивать никто не будет».

Всё. И меня отправили в институт Сербского. Там продержали сорок дней. С врачами я также был абсолютно откровенен, отвечал на все вопросы, не пытался уклоняться. Когда рассказал свою историю сокамерникам, мне предсказали: «Всё, ты обречён. Что бы ты ни говорил, бесполезны все эти разговоры, всё уже решено заранее. Тебя отправят в психушку».

Я говорю: «А почему вы так решили? Может быть, врач действительно хочет знать правду, составить мнение — действительно ли я болен или здоров? Я же никогда не был в психушке. Отслужил в армии, и нигде никто не сомневался в моём здоровье».

Они говорят: «Это не имеет значения. У них всё решено, запрограммировано».

Так оно и оказалось. Мне никто не сообщил о результатах обследования. Просто снова отправили в Лефортово. А через неделю этапом вернули во Владимирский централ. Посадили в одиночную камеру. Проходил месяц за месяцем, а я ничего о своей судьбе не знал. По сути, был на режиме строгой изоляции. Неизвестно, сколько бы это продолжалось, если бы не сумел связаться с осуждёнными политзэками на своём этаже. Я передал им сведения о себе, и один из них, Белов Юрий, написал протест на имя генпрокурора. Сам я тоже постоянно писал жалобы, но подозреваю, что их не отправляли из тюрьмы. Наконец 6 сентября 1971 года меня вызвали в спецчасть тюрьмы, и начальник скороговоркой зачитал акт экспертизы, согласно которому я признан невменяемым и буду отправлен в спецпсихушку тюремного типа. Далее он мне заявил, что суд надо мной состоялся 4 ноября 1970 года и мне якобы об этом сообщали. Это была наглая ложь.

23 ноября 1971 года наконец-то я оказался в Сычёвской спецпсихбольнице, в Смоленской области. Таким образом, больше года провёл во Владимирской тюрьме.

— Вас признали во время этой экспертизы вменяемым или наоборот?

Михась Кукобака: Конечно, невменяемым, раз отправили в психушку.

Тюрьма

Тюрьма — это как бы пересылка была для меня; в ожидании этапа сидел. Но я провёл там больше года. И если бы не жалоба Белова, неизвестно, сколько бы ещё сидел. Дело в том, что по их хитрым законам нахождение в тюрьме не входит в так называемый «срок лечения». То есть мог бы сколь угодно сидеть в тюрьме, и это не засчитывается. Им выгодно подольше держать в заключении. Хотя как бы неформально есть правило: держать в психушке столько, сколько бы по приговору

сидел. Так мне объясняли некоторые зэки. Сам я о таком законе нигде не читал. На практике знал много случаев, опровергающих эту легенду. Да и мой опыт тому подтверждение. Максимальный срок по 190-1 — три года лагеря. А я по этой же статье провёл свыше шести лет в заключении, по тюрьмам и психушкам.

Суд

Суд был 4 ноября 1970 года, заочный. Когда мне в сентябре 1971 года зачитали акт экспертизы, я обратил внимание на примечательные суждения этих «экспертов». Дословно уже не могу процитировать, но смысл передам. При аресте у меня изъяли на обыске (без моего присутствия): две работы по немецкому языку за первый курс (я поступал в институт на заочное отделение, но учиться не стал). Потом ряд книг на немецком языке, штуки три спортивных грамот, конспект некоторых работ по марксизму-ленинизму. КГБ изъял формуляр местной библиотеки, где в последнее время я часто брал литературу. В основном по марксизму: «Анти-Дюринг», работы Энгельса, Либкнехта и др. Видимо, их озадачил такой подбор книг. Эксперты оценили это оригинально: стремление учить иностранный язык, интерес к философии, занятия спортом — как результат болезненных изменений личности.

Забавно, да? К языкам способностей у меня нет. Что касается «философии». Какой элементарно грамотный человек ей не интересуется? Хотя бы на самом дилетантском уровне. Спортом никогда всерьёз не занимался. По сути, был физкультурником. Поддерживал нормальную физическую форму, как и многие люди. Но в отношении меня это оценили как «болезненные изменения личности». И естественно, всё это послужило аргументом для моей «невменяемости».

Карательная психиатрия

Сычёвская спецпсихушка считалась одной из самых жестоких в Советском Союзе. Вот туда меня и отправили. Пробыл я в ней около трёх лет, с конца 1971 до начала августа 1974 года. Из спецбольниц не освобождают. Переводят сначала на общий режим, в областную психушку. А там уж кому как повезёт. Кого на свободу к родственникам, а кого и пожизненно в психинтернат.

Из Сычёвки перевели во Владимирскую областную — там я около двух лет пробыл. В общем, как подсчитал, со всеми экспертизами, включая заключение в Печерской психушке в Могилёве (два раза туда помещали), пробыл я в качестве «психа» ровно пять лет.

Слово «карательная» в данном контексте означает, что тюремно-лагерное заключение, вопреки воле обвиняемого, заменяли психушкой с целью дискредитации личности и лишения всех формальных прав. То есть это тоже заключение, но по каким-то причинам не выгодно человека судить, чтобы не распространять о нём лишней информации. Кроме того, дискредитация личности, и на будущее держать на крючке. Если чем-то не угодил, лишать свободы без судебной процедуры и без определённого срока заключения. Абсолютный произвол. В этом плане психиатрия — уже не область медицины, а просто элемент карательной системы. Потому и получила неформальное определение — «карательная психиатрия».

Тут уже свои правила действуют. Ты попадаешь в психушку — считаешься больным и находишься в полной власти психврача и его заказчиков. Если захотят человека искалечить или убить, ничто не помешает. Если иные цели, то, как выражался начальник Сычёвской психушки психврач майор Лямиц Леонид Иванович, «здесь стены лечат».

Как выжить в этой системе? От многих факторов зависит. Там нет чётких законов. Как поведёт себя сам заключённый-пациент. Зависит и от личности врача, от

его внутренней нравственной установки. Он может возненавидеть человека и довести его до смерти или, как говорят, в овощ превратить, то есть искалечить. Ему ничего за это не будет, он ни за что не ответит. Пациент здесь абсолютно в его власти. Здесь как в лотерее.

Никакой закон на тебя уже не распространяется, все твои жалобы, петиции — это бред больного. Ощущение полной незащищённости сильно давит на психику заключённого.

Если приходит какая-то комиссия, то никто даже не считает нужным разговаривать с тобой. В своём очерке «Какие тайны хранит институт Сербского» привожу примеры, как мне все эти проблемы приходилось решать. Проявлять хитрость и мудрость. Кто-то может сказать, что это случайность, что это повезло. Не отрицаю, что и это было. Но многое от меня самого зависело. В качестве примера иногда «хвастаюсь». Мол, смотрите, голова у меня лысая — вся на виду. И ни одного шрама нет, несмотря на шестнадцать с половиной лет заключения. Пять лет по сумасшедшим домам, семь — лагерей, крытая тюрьма, два десятка пересылок. Если я вышел, скажем так, практически здоровым и живым, дожив до семидесяти шести лет, значит, наверное, что-то во мне есть как в личности. В смысле, Бог умом не обидел. Или, как уголовники говорят, у человека есть масло в голове.

В Сычёвской психушке мне ещё повезло в каком плане. Был зав. отделением сравнительно молодой врач, Сазанков Валерий Андреевич, кандидат в мастера по боксу, здоровый детина, повыше меня ростом. Беседовал всегда наедине — никаких санитаров, никакой страховки — ничего не боялся. Он когда-то во флоте работал, молодой, то есть он ещё не был слишком испорчен преступной системой. Это была одна сторона дела. Вторая — я сумел на него произвести благоприятное впечатление на первой же беседе. Не поступаясь принципами, постарался сыграть роль такого наивного деревенского мужичка: «А я разве знал?! Да, если б знал,

да чёрт с ними — субботники, воскресники!» Врач ведь сразу в настоящее моё дело не вникал. То есть я так изобразил из себя жертву обстоятельств, что, выслушав меня, задумчиво произнёс: «Да, Михаил, так, как ты влип, никто из нас не застрахован». Высказано было с явным сочувствием. Это определило и дальнейшие наши отношения. К тому же моё поведение и мои «преступления» никак нельзя было приравнивать к насильникам, убийцам, маньякам разным. А большинство именно таких пациентов содержится в психтюрьмах.

Житейская хитрость

Потом ещё, скажем так, житейская хитрость. По прибытии сразу стал проситься на работу. Вообще-то психушка — это коммерческое предприятие, там много разных работ. За мизерную оплату люди там что-нибудь производят. Но это всё под видом трудотерапии — такой термин. А на самом деле коммерческое нормальное предприятие. Формально норм выработки нет. Всё чуть хитрее устроено. Скажем, хочет человек больше заработать, постарается больше сшить костюмов, пиджаков или другой продукции. Но если в другой раз он выработает меньше, то на него нажим: «Почему меньше, чем в прошлый раз?» То есть человек как бы сам себе норму установил. И если будет хуже работать — угроза: «У вас, что состояние изменилось? Так мы подлечим».

И уже начинается шантаж. Я сразу всё это оценил и работал очень скромно. Чтобы только на продукты заработать и время для отдыха иметь. А на упрёки в медленной работе с виноватым видом отвечал; мол, извините — стараюсь, но у меня слабая подвижность. И от меня отстали.

Вторая удача: при первой же возможности постарался получить самую хорошую, высокооплачиваемую работу. А такая работа была — наладчик швейных машин. Там было швейное производство большое. Пла-

тили хорошо — до 50 рублей в месяц. Тогда заработок на свободе был, по-моему, рублей 150. А пятьдесят рублей на ларёк — это очень даже отлично. Такой был оклад. На свободе швейные машинки я видел только издали и в футляре. По штату наладчиков было двое. И они как раз собирались выписываться.

Я говорю: «Ребята, а как бы мне на ваше место?» — «Да ладно, — говорят — Михаил, устроим».

И они начальнику производства, там директриса была: «Пришёл новый инженер-механик, специалист. Может на нашем месте работать».

И она тут же к зав. отделением: вынь да подай мне Кукобаку.

Зав. отделением спрашивает: «А ты что, Михаил, разбираешься в машинках? По твоему делу ты, вроде, не инженер-механик». Я говорю уклончиво: «Вообще-то я механизатор. И потом, знаете ли, жизнь — длинная штука, всяко приходилось», — так это дипломатически.

И он меня отправил к ней. Короткая беседа — и у меня как бы стажировка: «Принимай дела».

И я, как нитка за иголкой, за этими ребятами: где, чего, а как иголку вставлять или нитку в иголку — стал тут же хватать верхушки. И всё, освоился. Они ушли. Не на свободу, конечно. Обычно отправляют со спеца на общее, в областную.

Стал я работать. Мой напарник оказался молодым бойким парнем. На этой работе мой статус очень сильно вырос. Потому как иногда что-то в отделении надо сделать, отремонтировать. А в нашем с напарником распоряжении были токарный, сверлильный, наждачный станки. Куча всякого режуще-пилящего инструмента. Потом, мы обслуживали всю электрику промзоны больницы. По сути, вдвоём. Официально был электромонтер — заключённый из соседнего лагеря. Но он физически не мог один справиться. Мы имели доступ к промышленному напряжению на 380 вольт. Вот, считайте, какие здесь психбольные и невменяемые. Тако-

ва советская система: официально нельзя, а неформально можно что угодно.

С другой стороны. это свидетельство, что в глазах врача, иного персонала ни о какой болезни речи не было. И, соответственно, ко мне было уважительное отношение.

За всё время был случай, когда за драку мне назначили лечение в наказание. Но я успешно избежал этого дела. Лишь один укол аминазина получил вот за эту драку.

«Укол правды»

Потом, конечно, меня оттуда выгнали. А почему? Я мог свободно ходить по всей промзоне, что другим было запрещено. Однажды при обыске нашли материал, который был оценён как попавший ко мне со свободы. Это некоторые сведения из передач Радио «Свобода» и других зарубежных радиостанций. Пришёл новый человек и поделился со мной информацией.

И тут на меня насели.

Отвели к начальнику психушки, майору Лямицу. У него ещё два опера сидят — больничный и лагерный: «Где, чего, как?»

Отвечаю им: «Не знаю. Нашёл бумажку, мне интересно было, переписал для себя. Хотел отдать врачу, но как-то не успел». — «Да что ты будешь нам сказки рассказывать!» — стали угрожать мне. Про себя подумал: что делать, если начнут избивать? Решил пассивно защищаться (Лямиц иногда лично избивал пациентов или санитарам приказывал). Но не стали бить. Просто пригрозили: «Не сознаешься — будем тебя лечить. Так будем лечить, что лет через десять тебе уже никакая свобода не понадобится». Всякие угрозы. Потом отвели в отделение и огромным шприцом сделали укол. На жаргоне «растормозкой» называется. Или «уколом правды» кто-то называет. Я думаю, здесь больше мифов. Врач говорит: «Ну, давно не выпивал? Мы тебе сейчас немножко хмельку добавим».

Об этих методах я раньше слышал. И приготовил себе типа мантры, в пару слов. Чтобы бесконечно повторять на любые вопросы. Главное при этом — сконцентрироваться на своём. Смысл состоит в том, что тебя пытаются вовлекать в беседу, сначала на лёгкие, как бы посторонние темы. И постепенно человек теряет контроль. У него ослаблены защитные функции из-за укола. И он начинает выкладывать требуемое. Я абсолютно ни на что не реагировал, только бубнил себе под нос «мантру», и всё. Они бились-бились, бесполезно. Завели меня под руки в палату, и я моментально уснул.

Врач

Через какое-то время меня будят — и опять к врачу. Иду, пошатываясь: действительно. как после пьянки, но голова абсолютно светлая, всё под контролем.

Врач мне говорит: «Я уж не знаю, что у тебя за проблемы со спецслужбами с этими, но лучше бы ты ко мне пришёл и всё нормально рассказал. Проще было бы решить проблему. А так ты только себе навредишь и никогда отсюда не выберешься».

У нас ведь какие отношения сложились. Это при первой беседе я как бы сыграл в наивность. Потом, когда он поближе познакомился с разными материалами, стал меня расспрашивать подробнее. По-своему оценив его как более или менее порядочного человека, был уже достаточно откровенен.

Дежурства там скучные. Поговорить без оглядки не с кем, а со мной можно не бояться. К примеру, спрашивает: «А как ты оцениваешь нынешние отношения с Китаем?» Я спокойно размышляю, отвечаю так, как сам понимаю. То есть с позиции власти можно бы оценивать беседы как чистую антисоветчину.

Он сам — человек здравый. У нас же много было людей сомневающихся, но как бы только в кухонной обстановке, между собой, с женой, с близкими друзьями. Вот он был такого типа. Он видел, что я человек

твёрдых убеждений, не склонен к предательству, к сговору. С коллегами-врачами откровенно не поговоришь. Все друг друга опасаются. Ведь врачи в спецпсихушках — аттестованные офицеры МВД. Что же касается пациентов, то контингент случайный, разношёрстный. Об опасных уголовниках и речи нет — родную мать сдадут. По политическим обвинениям людей в психбольницах не много. Вместе старались не держать: одного — в одно отделение, другого — в другое. Потом, порядок близок к тюремному: из палаты в палату — запрет. Общение сведено до минимума. В нашем отделении было всего три «политика» — все по разным камерам-палатам. Поэтому отвести душу, с кем-то поговорить действительно откровенно, не боясь последствий, проблема. Думаю, вот на этом фоне у врача и сложились со мной вполне доверительные отношения. Он за меня переживал. И когда очередная комиссия из Сербского отказалась меня выписать, я к нему с упрёком: «Вадим Андреевич, да что ж это такое? Вы убийцу выписали! Он полтора года всего отсидел. А меня почему держите?» — «Кукобака, лучше бы ты убил когонибудь, мне бы легче было тебя отсюда вытолкнуть», — раздражённо ответил врач.

Вот такая была ситуация. Со стороны я выглядел оптимистичным, неунывающим. Так себя настраивал. Но внутренне — постоянная напряжённость, ожидание и готовность ко всяким неприятностям. И закрывали меня на время, в смысле — отстраняли от работы, по их оперативным мотивам. Но в целом чувствовал себя уверенно. Был осмотрителен, но никого не боялся. Санитары-уголовники меня сами побаивались, потому что в некотором смысле я врача как бы под контроль взял: если мне казалось, что он злоупотребляет в отношении некоторых пациентов, то пытался воздействовать на него.

К примеру: «Вадим Андреевич, всё-таки желательно по совести поступать. Да, понятно, должность обязывает. Но при вашей работе самоконтроль необходим. Нельзя позволять эмоциям возобладать над человечно-

стью. И потом, вопросы нравственности — не пустые слова. Пройдёт время, когда-то всё узнается. Вам что, хочется, чтобы о вас говорили дурное где-то кто-то?»

А у него в мозгах вполне мысль: «Ага, вот этот как раз и может сказать дурное или хорошее. Молчать точно не станет».

Может, излишне я фантазировал, но на мои замечания врач нередко реагировал. Если я говорил: «Вот такого-то пациента ни за что избили, просто ради развлечения», то врач мог убрать из отделения этого насильника. А работа санитаром была для уголовников привилегией.

Уголовники-санитары

Во-первых, они грабили больных: передачи, посылки, продукты. За счёт больных жили не по стандартам зоны. В зоне ограничения, а тут пациентам можно было выписывать различный ассортимент продовольственных товаров, сигареты, больше, чем в лагере. Этим санитары и пользовались. Запугивали, избивали с целью заставить «добровольно» отдавать продукты. Это называлось «платой за страх».

Меня самого это никоим образом не коснулось. С первых дней я повёл себя так, что заставил уважать. А с другой стороны, был физически крепок. Хотя, в отличие от лагеря, в психушке физическая подготовка играет малую роль. Мозги — важнее.

Как происходило моё вживание в новую «среду обитания». После первичной проверки поселили в большую палату со здравыми в основном пациентами, занятыми в производстве. У нас нередко собирались санитары поболтать, потравить анекдоты, обменяться новостями.

Как-то я рассказал уголовникам о забавном инциденте, когда один рядовой посрамил фельдфебеля в Австро-Венгерской армии. Этот фельдфебель был любителем изощрённых наказаний для провинившихся

солдат. Старался давать задания невыполнимые (по его мнению). Как-то он приказал одному солдату присесть 500 раз и уже приготовился злорадствовать при виде мучений наказанного. Но тот легко выполнил приказ, так как был альпинистом.

И тут один из блатных возмутился: «Да что ты гонишь? Кто это может пятьсот раз присесть? Если сам дурак, то нас не равняй по себе!»

На оскорбление я отреагировал сдержанно: «Не вижу здесь чего-то особенного. Сам я не спортсмен, но если надо, то и тысячу раз смог бы присесть». — «Да я с тобой на что угодно могу поспорить, что не сможешь. Болтовня всё это», — не успокаивался санитар. «Ладно, — говорю — я не привык спорить на интерес, но доказать готов. Только небольшое условие. Я из тюрьмы недавно, заметно ослаблен. Значит, мне неделю на подготовку. А когда справлюсь с задачей, то дать мне поесть столько, чтобы я не чувствовал себя голодным». Санитары охотно согласились.

Прошла неделя, блатной назначил двух своих доверенных счётчиков в разных углах палаты. Это происходило 1 января 1972 года. И я стал приседать по всем правилам. За час с небольшим присел свыше 1600 раз. Санитары были в растерянности. Им казалось это невозможным. Ведь большинство этих ребят-уголовников деревенские, с низким интеллектом и образованием.

После приседаний повели в столовую завтракать последним. Предложили несколько порций, с которыми я быстро управился и попросил ещё. Пришлось им сходить за пищей в соседнее отделение. Я съел штук 10 стандартных порций, удивив их не меньше, чем своей выносливостью. Мой статус резко возрос: с таким, мол, и связываться небезопасно, в чисто физическом плане. Я это описывал в своём очерке «Какие тайны хранит институт Сербского». Так что я как бы со всех сторон обезопасил себя, по возможности.

Со стороны КГБ отношение ко мне также стало несколько двойственным, неуверенным. Первоначальный

их план — похоронить меня безгласно в стенах психушки — не сработал. Они ведь знали: Кукобака бывший детдомовец, родственников нет. Плюс ко всему одиночка, никаких связей, влиятельных знакомых тоже нет. Значит, абсолютно беззащитен, в полной их власти.

Это косвенно подтвердил и куратор КГБ по Смоленской области майор Шевченко в беседе с диссидентом Юрием Беловым, если верить последнему. С Беловым я несколько раз беседовал. Познакомился с ним, когда работал наладчиком, имел право свободного передвижения по всей промзоне. Белов рассказал, что, когда речь зашла обо мне, Шевченко высказался с некоторым удивлением: «Понимаете, Кукобака очень редкий в нашей практике случай. Бывший детдомовец, комсомолец, не читавший запрещённой литературы и не имевший никаких контактов с враждебными элементами, самостоятельно пришёл к антисоветским убеждениям».

Но мне удалось пробить стену изоляции и тем нарушить их планы. В соседнем лагере, который обслуживал психушку, сидел христианский писатель Краснов-Левитин, известный диссидент. У него заканчивался срок по 190-1. То есть за антисоветчину. Впоследствии он эмигрировал в Швейцарию (к сожалению, умер). И мне через уголовников удалось с ним связаться; передать письмо. В принципе, это не сложно, хотя и опасно. С уголовниками-санитарами отношения у меня были чисто по-лагерному: услуга за услугу. Попрошу принести авторучку или ещё что-то, передать письмо. А взамен: что ты хочешь — сигареты, продукты? Договорились!

Так что обо мне начала потихоньку выплывать информация. И естественно, моё дело привлекло внимание общественности.

Ультиматум

Поскольку моей скромной персоной заинтересовались оппозиционеры кремлёвской власти, КГБ также вынужден был изменить своё отношение. Был случай, когда я решился на крайние меры. Фактически поставил ультиматум. За всё время заключения было два таких опасных эпизода, когда я очень сильно рисковал. В Сычёвке и позже в Елецкой тюрьме.

А было что? Уголовники, как я уже упоминал, вымогали у всех продукты, передачи, отбирали грубо или шантажом. Я эту «плату за страх» игнорировал. Никогда и нигде никаких взяток в моей практике не было. Моё поведение стало уголовников раздражать: «А что он за аристократ такой? Почему нам не даёт?» И меня начали шантажировать, для начала прогулкой. По правилам, два санитара выводили определённое число пациентов. Меня перестали брать, всякий раз мотивируя, что нужное количество набрано. После двух-трёх случаев я вызвал старшую медсестру и попросил объяснить, по какой причине меня перестали выпускать на прогулку. Медсестра вывела меня персонально и сделала выговор старшему из санитаров. После её ухода ко мне подступили с угрозами, типа: «Да мы тебе! Да мы не одного такого, как ты, на тот свет отправили. Устроим тебе жизнь, не обрадуешься!» Я молча ходил по дворику, как бы ничего не слыша и не замечая. Прикоснуться ко мне никто из них не решился: только угрозы и оскорбления.

Во время обхода заявил врачу: «Мне необходимо, встретиться с оперативником для беседы по серьёзному делу». На следующий день пришли два опера — один из лагеря, второй по психушке: «В чём дело, по какому поводу вызвали?» — «Вы ведь знаете, за что я здесь нахожусь? В последнее время мне эти лагерные блатные стали угрожать расправой, насилием за то, что я отказываюсь платить им “дань”. Я рабочий человек, всю жизнь честно трудился. И не позволю, чтобы кто-

то, который на свободе грабил, обманывал, жил за чужой счёт, поднял на меня руку, пытался унизить моё человеческое достоинство. Вы знаете, я человек ответственный и прямо вам заявляю: в случае попытки насилия ко мне если не сумею убить, то искалечу — сто процентов. А потом будь что будет. Если у вас подобный исход запланирован, так оно и произойдёт. Я вас предупредил для того, чтобы не было оправданий типа: Кукобака "заболел", "возбудился" и т. п.». Оба внимательно меня выслушали: «Да-да, мы подумаем».

Риск был очень большой, потому что они могли тут же распорядиться меня привязать, «положить на вязки». И я был бы абсолютно беззащитен: делай со мной что хочешь. Был случай, одного так убили. Могли просто заколоть, если не до смерти, то до инвалидности. Подозреваю, что в отношении любого другого пациента так бы и поступили. Но в отношении меня подобное не входило в планы администрации. Решили до конфликта не доводить. Видимо, в лагере оперативник очень убедительно поговорил с санитарами, так как их отношение радикально изменилось. Не то, что угрожать перестали, даже заискивать начали передо мной.

В очерке «Какие тайны хранит...» описываю всё это с лёгкой иронией, но на самом деле нервотрёпка была изрядная. Тем не менее я удачно прошёл все испытания.

Я — человек жизнерадостный!

Наконец меня выписали. Прошла комиссия, меня вызвал на беседу зав. отделением Сазанков Вадим Андреевич. Я с ним и сегодня бы пару кружек пива выпил за дружеским столом. У меня нет какого-то всеобщего озлобления. Он прилично себя вёл по отношению ко мне и к другим пациентам, насколько позволяли условия. И, скажем, в Печерской больнице доктор Мыльников (забыл его имя, отчество) вёл себя прилично, хотя Рослова Наталья Арсеньевна, бывший депутат Могилёвского областного Совета, и назвала его непорядоч-

ным человеком. В конце 1990 года я попросил её посмотреть мои архивные дела в больнице. И она мне рассказала, что Мыльников считает меня психически нездоровым по причине, цитирую: «У Кукобаки отсутствовал инстинкт самосохранения, необходимый для того времени». Забавно, не правда ли? Лишнее подтверждение, что психиатрия — не медицина в полноценном смысле. Слишком много субъективных факторов.

К слову, а вот когда в конце 1977 года меня заключили в Печерскую психушку вторично, отношение было другое. Психврачом была некая Драпкина. В отличие от доктора Мыльникова, злобная, и отношение к пациентам было жёстким. Ко мне относилась враждебно. Но даже она не решилась меня «лечить». Для формальности назначила мне элениум, это самый лёгкий препарат. Но даже эту гадость я не пил, а раздавал желающим. Тогда продержали около двух месяцев. И опять меня освободили под нажимом общественности. После этого советская психиатрия окончательно от меня отстала. Видимо, решили: связываться со мной — себе же в убыток.

Однако я отвлёкся. Итак, вызвали к врачу. Захожу. Сидит, ссутулившись на стуле, с усталым видом. На полу бумажки разбросаны.

«Ну вот, — говорит, — Кукобака, наконец-то мне удалось от тебя избавиться. Выписали тебя. Постарайся до отъезда избегать конфликтов. В любой момент всё можно перечеркнуть. И запомни, освободишься — живи тихо. Малейшее пикнешь что-нибудь лишнее — и опять сюда. И уже не выберешься. Так и останешься до конца жизни».

Я согласно кивал головой, а про себя думал: «Чёрта с два, не дождётесь! Мне бы только выбраться от вас». Так оно, в принципе, и получилось, вопреки предупреждениям врача.

В начале августа 1974 года, в сопровождении медсестры, в обычном пассажирском поезде выехал из

Сычёвки. Во Владимирской областной психушке зав. отделением Артемьев Дмитрий после первой беседы отнёсся ко мне вполне благожелательно. Оказалось, что он убеждённый сталинист. Похвастался, как в своё время добился, чтобы его отпустили в Москву на похороны Сталина.

Во время беседы я вёл себя дипломатично, избегал резких суждений. У меня было подозрение, что до моего приезда врача проинструктировали сотрудники КГБ, как себя со мной вести, видимо с целью «перевоспитания», так как через пару дней он снова вызвал меня на беседу. Заявил, что назначает меня заместителем председателя совета больных, и предложил мне редактировать стенную газету. «Вот это фокус!» — подумал я. Антисоветчик-агитатор будет редактировать советскую газетёнку. Абсурднее этой идеи трудно придумать. Попытался деликатно уклониться: «Вы знаете доктор, не смогу, наверное. Я ведь человек малограмотный, всего пять классов образования...» — «Да ладно, Михаил, я знаю всё о тебе, так что давай».

Естественно, я уклонился от этой «почётной» обязанности. Ни к какой газете даже близко не подходил. Он мне раз напомнил, два напомнил. Я говорю: «Нет, я к этому не способен».

Однажды случился конфликт. В отделении выписывали газету, одну на всех. А какой-то любимчик врача, стукач, постоянно забирал себе и читал со своими дружками. Я как-то подошел и говорю: «Слушай, а чего ты забираешь? Эта газета на отделение, не присваивай. Прочитал — дай другому». Он на кровати стоит, а я рядом, внизу с ним разговариваю.

«Газета эта не тебе, не для дураков», — говорит. И этой газетой легонько мне по лицу. Не раздумывая, я так врезал ему в пятак, что он кувыркнулся в одну сторону, а его очки улетели в другую. И, к несчастью, разбились. Скандал! Повели сразу к врачу. Тот — распоряжение: в поднадзорную палату, на «связки». И назначает мне курс «лечения», кучу уколов. Но к этому

времени я уже успел освоиться в отделении. Во-первых, я человек в общем-то жизнерадостный, экстраверт по характеру. Хотя как-то с иронией представился как меланхолик. Ну, это в очерке «История ненаписанного рассказа».

— Да, «из-за невозможности изменить жизнь к лучшему».

Михась Кукобака: Да, всё правильно. А насчет ипохондрии — это лёгкое преувеличение.

Я везде лез в отделении, что-то надо помочь — я тут же: «Давайте...» Короче говоря, расположил к себе и медсестёр, и санитарок. Успел наладить нелегальную переписку через одну санитарку. Вечерами сижу, «ля-ля-ля» с медсёстрами, то журнал какой-нибудь расчертить помогу, то ещё что-нибудь. Так сказать, развлекаюсь, никто меня не заставляет. Так, по-свойски.

И как только меня перевели в поднадзорную палату, сразу же вязать по рукам и ногам к кровати. Тихо говорю санитару: «Старина, полегче, не переусердствуй». Чувствую, бинт слегка ослаб. Заходит медсестра, я ей: «Валентина, ты что, колоть меня? Ты же знаешь, у меня куча болезней разных, аллергии и прочее». Она в ответ: «Да ладно, Михаил, не переживай. Мы тебе сейчас температурку проставим, 38 или 39 градусов». А такой порядок — если повышенная температура, то заменяют таблетками. И всё. А что, врач будет ходить за каждым проверять? И мне уколы стали заменять таблетками. А я их открыто, тут же в дырку под пол.

Едва посторонние ушли, я завертелся ужом, развязался и хожу в палате как ни в чём не бывало. И что любопытно: санитаром в надзорной палате работал старый чекист на пенсии. Когда-то он работал в НКВД, ещё при Ежове, ловил диссидентов разных, «врагов народа». По непонятной причине проникся ко мне чуть ли не отцовским чувством. Это уже загадка психологии человека. Или, может быть, у него какие-то комплексы, что он много зла творил когда-то людям. Непонятно. Даже когда меня заводили в эту палату, с одной

стороны фельдшер — здоровый молодой детина. А с другой стороны «принимающая сторона» — этот санитар. У любого зэка всегда есть какие-то маленькие запретные вещицы — иголочки, булавочки, всё, что тебе нужно. Мне запрещалось авторучку иметь, чистую бумагу, конверты. Запрещалось конкретно мне. И я так боком, со стороны санитара стал перепрятывать свои «запреты». Главное, чтобы фельдшер не заметил. Чекист невозмутимо стоит, наблюдает за моими «фокусами». И позже, когда я развязался, он лишь предупредил: «Михаил, ты смотри, врачам и старшей медсестре на глаза не попадайся». А как только обход начинался, я тут же сам привязывался.

Два раза попадал в эту поднадзорную палату. Один раз за драку. А второй раз — видимо, доктор Артемьев не с той ноги встал.

Проводит обход, заходит в палату и ко мне: «Ну, как настроение? Жалоб, претензий нет?» Отвечаю: «Да нет, всё нормально». — «И что, ничего тебя не смущает?» Я говорю: «А что меня должно смущать?» — «Ну, решётки на окнах, к примеру». Я в ответ: «Ну а кому же в тюрьме понравится сидеть? Чего вы лишнее спрашиваете?» — «А-а, так это для тебя тюрьма! Это не больница?! Так я тебя отправлю туда, где настоящая тюрьма, откуда ты приехал».

И тут же — распоряжение, и меня снова в поднадзорку. Правда, без «лечения». Такой был, человек настроения. Я позже узнал, у него семейные проблемы были, жена у него выпивала, гуляла на стороне. Был весь взвинченный. Если не шизофрения, то психопатия у него стопроцентно была, Такое вот неустойчивое настроение. Ну и Бог с ним.

Поддержка

Потом, в один прекрасный день ко мне отношение резко изменилось. Вызывает меня врач... Вернее, сначала пошли слухи по отделению, что Кукобаке присла-

ли денежный перевод из-за границы. И ко мне пациенты с вопросами: кто и откуда прислал, начинают выспрашивать. Я лишь пожимаю плечами: «Да бросьте вы глупости разные сочинять! Кому это нужно?»

Сразу понял: что-то случилось, и ко мне подсылают для разведки. С расчётом, что как бы я сам пустил слух. Потом начнут допрашивать: «А откуда, мол, чего?» Такая вот хитрость. Но я не подаю виду. Все вопросы игнорирую. Не дождавшись результатов, через несколько дней вызывает меня зав. отделением Артемьев: «Михаил, ты знаешь, что тебе перевод пришёл из-за границы?» — «Да нет, первый раз слышу», — отвечаю. «Неужели ничего не знаете?» Говорю: «Ну откуда же я могу знать?» — «Скажи, а кто у тебя там за границей есть — знакомые, родственники?» — «Да нет у меня никого там». — «Ну как так? Тебе пришёл из Швейцарии перевод. Как такое могло быть? Кто это?» Пожимаю плечами: «Да откуда мне знать? Доктор, я человек открытый. Вы это знаете. На всех этапах, везде рассказывал свою биографию, о своих неприятностях. Наверное, кто-то слышал и решил мне помочь. На предметы первой необходимости: на зубную пасту, на мыло прислать что-то. Я иначе не могу это объяснить». Он: «Не хочешь говорить правду. Ну ладно, иди».

После этого все ограничения с меня сняли. К примеру, приходит мне бандеролька с конвертами, бумагой, они тут же всё отдали. Уже можно и авторучкой пользоваться. Пришли к выводу: бесполезно держать в изоляции, себе же во вред. Потом, чего доброго, Кукобаку придётся освобождать, а он будет на всех углах пасквили распространять, как его здесь ущемляли во всём.

В первый же месяц пребывания во Владимире познакомился, установил контакт с московскими диссидентами. Одни из самых значимых — семья Некипелова. А началось с чего знакомство с москвичами? Когда уезжал из Сычёвки, мне один политзэк, Белов Юрий, попросил запомнить текст по результатам его комис-

сии, потом передать по одному адресу в Москве. Я текст вызубрил и по прибытии во Владимир написал тому человеку, попросил его о встрече. Ко мне тут же приехал на свидание один старый «псих» (много лет по психушкам) Борисов Володя под видом моего родственника. Позже он эмигрировал в Штаты. Я передал ему послание от Белова и, естественно, дал полную информацию о своих делах. Было воскресенье, начальство отсутствовало, и никто не мешал беседе. Позже, встретившись в Москве с Ниной Комаровой — женой политзэка Виктора Некипелова, Борисов попросил её поддерживать со мной связь, так как она проживала во Владимирской области в райцентре Камешково. Сам Некипелов ещё сидел в лагере по первому сроку.

Потом я стал думать, как освободиться из психушки. Это большая проблема. По советским законам, «невменяемых», да ещё с диагнозом «шизофрения», освобождают только опекуну из числа родителей или жены (мужа). В моём случае, при отсутствии родственников и жилья, выбраться мало шансов. Обычно подобных пациентов переводят в психинтернат, на пожизненное содержание. Естественно, такая перспектива меня не устраивала.

В период, когда врач надеялся «приручить» меня по заданию КГБ, он дал мне свободный выход. То есть я мог по территории больницы ходить где угодно. Выполнял разные поручения: помочь продукты погрузить-привезти, за пределы больницы в бухгалтерию отнести документы. В город с медсестрой по разным делам ездил. Грех было не воспользоваться ситуацией. И я тут же начал осаду женского отделения. Вечерами под окнами с одной, с другой начал знакомиться. Выполнял разные мелкие просьбы: «принеси мне то-то и то-то», «добудь седуксен» и прочее. Всё выполнял и успевал.

Смысл моих пожеланий к девушкам был один: «Если поможешь мне, если мать твоя походатайствует об опекунстве, то поженимся». Наконец удалось одну девицу заинтересовать и уговорить. Она убедила свою мать. Та

приходит к врачу: «Я согласна оформить на этого человека опекунство и забрать его».

Врач тут же меня закрывает, лишает всяких выходов и прочих льгот. Вызывает: «Ты что ж, Кукобака, делаешь? На свободу захотелось тебе?» — «А кто же, — говорю, — не хочет?» — «Запомни, Кукобака, наши советские законы очень гуманные. И они не могут позволить, чтобы женщина, у которой больная дочь, еще брала опекунство над таким тяжело больным человеком, как ты. Так что даже выбрось это из головы». И ухмыляется злорадно.

Я говорю: «Так что, мне пожизненно здесь сидеть у вас?» — «Ну нет, у нас ведь законы гуманные. Есть опекунские советы. Потом, от твоего поведения многое зависит».

Намёк очень понятный. Что, если полностью не капитулируешь, век тебе свободы не видать. Такая оказалась дилемма. Вскоре освободился Некипелов и приехал, чтобы лично познакомиться и всё выяснить. Мы всё обсудили и разработали план. Он уговорил свою коллегу-врача. Придумали легенду, что она моя бывшая гражданская жена: «Мы согласны узаконить отношения». Она стала приходить на свидания, пару раз принесла мне передачу. Естественно, врач доложил «куда следует». Женщину вызвали в КГБ и так запугали, что она даже уволилась и уехала к дальним родственникам в Мурманскую область. Цель властей простая: меня полностью изолировать, отгородить от всего. Но времена изменились. Как я позже узнал, в мою поддержку много разных людей выступало. Меня уже невыгодно было держать, себе дороже. В конечном счёте позволили Некипелову расписаться, что он берёт меня к себе, и 10 мая 1976 года я вышел на свободу.

Судьба Некипелова сложилась хуже моей. Врач и поэт, два высших образования. После первого ареста тоже побывал в Сербском. Но признать его невменяемым власть не решилась. Так что психушки избежал и даже написал книгу «Институт дураков», о своём опы-

те пребывания в институте Сербского. Но повторный арест в 50 лет был роковым. Его судили в 1979-м. Дали семь лет и пять ссылки, а потом ещё в тюрьму отправили. Там он стал жаловаться на головные боли. Есть подозрение, что его могли заразить раком. После освобождения выехал с семьёй во Францию уже тяжело больным человеком. Умер в 60 лет в парижском госпитале. Рак головного мозга оказался неоперабельным.

После освобождения спокойно налаживать жизнь мне не позволили. Мешали в трудоустройстве под надуманными предлогами. Чтобы получить работу грузчика, приходилось прибегать к разным хитростям, формально нарушая закон. Осенью 1976-го арестовали и заключили в Печерскую психушку в Могилёве. В результате протестов были вынуждены через месяц освободить. Осенью 1977-го снова арест на пару месяцев в ту же психушку. А осенью 1978 года арест и уже свыше 10 лет по тюрьмам и лагерям. Перестройка по воле Михаила Горбачева, по сути, спасла мне жизнь, как и многим другим политзаключённым.

— А за что в психбольницу?

Михась Кукобака: А ни за что. Формально — «изменение состояния». Само собой, ни в каких голосованиях, во всех этих мероприятиях я не участвовал. На стене над своей кроватью в общежитии повесил Всеобщую декларацию прав человека. Случайно удалось в Москве купить журнал «Курьер», орган ЮНЕСКО. Там на развороте и был опубликован полный текст этой Декларации.

— Это было в Беларуси?

Михась Кукобака: Да, в Бобруйске. Это я описывал. На моём пути встречались разные люди. Были и приличные, относились с пониманием. К примеру, както разговорился с одним офицером МВД. Речь зашла о политике, о Солженицыне и его книге «Архипелаг ГУЛАГ». Этот майор и говорит: «Конечно, было бы интересно почитать, будь книга в библиотеке или в свободной продаже». — «Вообще это не проблема, — отвечаю

майору, — могу на недельку одолжить, если вам интересно». Он согласился. Через неделю возвращаюсь за книгой. А он полушёпотом спрашивает: «За вами следом никто не шёл?» — «Да нет, я человек аккуратный, не бойтесь». Возвращает книгу — и снова вопрос: «Михаил, а вам не приходило в голову, что эту книжку я мог передать в Комитет?» Я говорю: «Вы знаете, я не прокурор, который в каждом человеке видит потенциального преступника. Сам исхожу из презумпции порядочности. А это человеческое качество не зависит от занимаемой должности или политических убеждений. И почему я обязательно должен считать вас непорядочным человеком?» Вот и всё. Он промолчал, и мы расстались. Когда меня судили, имени этого майора, ни в каком качестве, в моём деле не встречалось.

Белорусский язык — родной

— Очерк «Украденная Родина» датирован 25 марта, это специально к Дню провозглашения БНР?

Михась Кукобака: Да нет, там просто указана дата окончания очерка. Я приехал в Бобруйск где-то в августе 1976 года. Первое неприятное впечатление — в гостиницу не пустили. На вокзале ночевал. Конечно, мне всё это интересно было. Я же столько лет не был. А дата 25 марта — это совпадение, это не было запланировано.

— Но Вы знали, что 25 марта — это День белорусской Независимости, провозглашения БНР?

Михась Кукобака: Знал, конечно, но специально не подстраивался. Просто закончил и стал искать, куда и как отправить.

— Это одно из немногих в то время слов в защиту белорусского языка получилось.

Михась Кукобака: Это первое, возможно в том плане, что оно вырвалось за пределы «железного занавеса». Также как и небольшой очерк «Свидание с детством», где вскользь идея родины также упоминается.

Но сама по себе тема национальной идентичности была в умах многих людей. Трудность была в публичном выражении своей позиции. Сразу же грозили репрессиями за это.

— В детстве, когда Вы росли, на каком языке у Вас в семье говорили? Что помнится?

Михась Кукобака: Конечно, говорили на белорусском, я помню. Что интересно, такое ощущение, что при Сталине эта национальная проблема как-то учитывалась, я бы сказал, в положительном смысле. Потому что помню, когда в детдоме учился, белорусская литература, белорусские книги, газеты были. И ещё хорошо помню, что мне на русском было труднее, непривычнее читать, чем на белорусском. То есть русский язык не воспринимался родным. В основе белорусский язык был в пятидесятые годы. Литература была переводная с русского на белорусский. К примеру, очень любил журнал «Вакол свету». Перевод с московского «Вокруг света». Сегодня есть подобный в Минске? Очень сомневаюсь.

С какого времени стало это резко меняться, мне сложно сказать, потому что меня в 1953 году отправили в Сибирь и на долгие годы я был отлучён от привычной среды. Мне кажется, что основная русификация началась в хрущёвские времена. Тогда резкое наступление было и на религию. Борьба с мракобесием за просвещение — это, конечно, неплохо. Только зачем уничтожать церкви? Это же знаки истории. А их уничтожали под предлогом малой посещаемости.

Почему я выступал в защиту верующих, где только можно было? Потому что я противник двойных стандартов. Коммунизм — это та же религия. С тем же неким временным «Иисусом», который сидел в Кремле. Который был святее Папы Римского, можно сказать. Это была религия. Если есть религии — у всех должны быть одинаковые права. Не должно быть государственной религии. Почему мне навязывается эта, а почему нельзя, допустим, верить в Иисуса, древнего проповедника, или в Будду?

Вот только с этой позиции. А так я атеист до мозга костей. У меня даже в записной есть афоризм собственного сочинения, что «Бог — изобретение глупого и ленивого ума. Именем бога можно объяснить и оправдать всё, что угодно». И на практике оно так. Взорвал себя смертник — во имя бога. Сжигали на кострах — тоже во имя бога. Даже сегодня на арабском Востоке женщин забрасывают камнями от имени их Аллаха. Это анахронизм, реликт рабства. Религия возникла в период дикости человеческой, рабства, когда ничего нельзя было объяснить наукой. Вот религия всё и «объясняла».

— Вы выехали из Беларуси в 1953 году… Вам был трудно говорить по-русски?

Михась Кукобака: Вывезли. Нет, не трудно. Говорил, с очень сильным акцентом. Дразнили…

— А как дразнили?

Михась Кукобака: Ну, дразнили, типа, «бульбаш». Пытались доказывать, что белорусский язык — это испорченный русский. Я в ответ: «А может, это русский — испорченный белорусский?» Это ещё как посмотреть. Если украинец — то «хохол», белорусов всех «бульбашами» называли. Но всё это беззлобно, с юмором. Мы же все «братьями» считались? Но под строгим надзором «старшего», в Кремле.

Антисоветские взгляды

Михась Кукобака: Вот, жил человек, всё у него хорошо, всем доволен. Вдруг — раз! — сняли с должности или как-то иначе обидели. А-а! И он сразу против власти. Становится «диссидентом»-оппозиционером. Насколько искренним — узнаётся со временем. Скажем, допустили его снова к «кормушке», на этом его диссидентство и заканчивается.

А у меня, простого рабочего, это было постепенно и малозаметно. Наверное, склад ума такой, аналитический, пытающийся найти ответы. Поэтому сомнения нарастали медленно. В основном «просыпаться» начал

в хрущёвскую эпоху, после службы в армии. Хрущёв немножко приоткрыл окно в Европу. Журналисты стали чаще выезжать и смелее описывать жизнь на Западе. И не только о том, как много нищих в Нью-Йорке и как успешно строят социализм в Северной Корее.

Помню, сильное впечатление произвела на меня книга Геннадия Фиша (спецкор по Скандинавии) «Здравствуй Дания», выпущенная в 1959 году. В ней не столько про политику, сколько про факты обычной жизни. О сельском хозяйстве, о безработице, о взаимоотношениях людей. Это было интересно и ново.

Вот корреспондент разговорился с безработным на берегу моря: «А чего ты не работаешь?» — «Мне, — говорит, — по моей специальности нет пока работы». — «Ну, хорошо, пошёл бы рыбаком, у моря живёшь». — «Ну да, неизвестно, что я там поймаю или не поймаю, а пособия меня лишат. Так я лучше буду безработным на пособии сидеть и ждать, пока мне по специальности место не найдётся». Я про себя подумал: «Ну, ничего себе! Безработный! Он может работать, но он хитрит, выкручивается!»

Потом про сельское хозяйство. Фермеры, оказывается, там по дотации получают бензин для своих тракторов, и этот бензин специально окрашивается в какой-то цвет — это только для фермеров. Естественно, по заниженной цене. А это значит, что если такой бензин обнаружат в баке горожанина, то полиция большой штраф выпишет. Чтобы исключить мошенничество, чтобы посторонний не мог покупать бензин у фермеров. Вот такая система. Это мне понравилось, как они всё это здорово придумали.

Потом там ещё про учебу и кредиты. То есть для образования берут кредит под низкий процент, потом выплачивают. Так это же нормально. Этим отучают людей от халявщины и воспитывают ответственность. Там считается нормальным, когда отец заключает со своим сыном договор о кредите на образование. Сын выучится, станет работать и вернёт кредит отцу.

Позже вышла «Ветка сакуры» Овчинникова о жизни и нравах в Японии. Стали появляться газетные публикации, которые более или менее правдиво освещали жизнь в Америке и в других странах. Немало вот таких, непривычных для советского человека вещей узнали те, кто стремился к знанию.

Всё это побуждало сравнивать: как у них и как у нас. Сравнения были далеко не всегда в пользу СССР, несмотря на активную пропаганду. Образ социализма постепенно тускнел. «Да-а, оказывается не всё так просто с этим капитализмом, как у нас часто преподносит пропаганда». Постепенно стал более критически, внимательнее относится к тому, что читал и слышал по радио.

Из прессы обычно выписывал «Известия», реже «Комсомольскую правду». Из журналов — обязательно один-два из научно-популярных: «Вокруг света», «Знание — сила», «Наука и жизнь» и «Техника молодёжи». Другие не читал. Помню, прочёл в «Известиях» из серии забавных эпизодов: «Случай в Лондонском суде». Слушается дело портового грузчика: во время драки в баре он пятерых человек искалечил, а четырёх обратил в бегство. То есть он один, этот грузчик, справился с девятью человеками. Судья Арволд (это уже прошло сколько лет, а его имя в памяти) спрашивает: «Обвиняемый, как вам удалось это сделать?» Грузчик в ответ: «Сэр, я часто наблюдал вас во время игры в регби». А судья был большим любителем игры в регби. Тогда в СССР эта игра считалась буржуазным, чуть ли не бандитским видом спорта. Ну да, — забавно, интересно. Но какая-то смутная неудовлетворённость от прочитанного осталась. Прочёл как необычный факт и положил в папочку. Привычка была такая — вырезки собирать разные.

И как-то через год или сколько перечитываю старую вырезку. И вдруг сверкнуло в мозгу: «Чёрт побери! А при чём здесь игра в регби?! Ведь, понятное дело, на человека напали хулиганы, девять человек. Грузчик

сумел от них отбиться — нормальная самооборона. А регби к чему здесь?» Выходит, только для компрометации самой игры пропаганда попыталась бросить тень не только на судью, но и вызвать сомнение у читателя в абсолютно справедливом судебном решении в Англии.

Вот уже новая маленькая трещинка появилась в доверии к советской прессе у нормального, мыслящего читателя. И когда подобных фактов всё больше и больше накапливается — зарождается пресловутая «антисоветчина». Зарождается безо всякого «Архипелага ГУЛАГ» и прочей разоблачительной литературы. А вышеупомянутый куратор КГБ по Смоленщине г-н Шевченко удивлялся, отчего это простой рабочий-комсомолец Кукобака превратился в антисоветчика. В своё время немало хороших книг прочёл.

Сборник «Судебные речи известных русских юристов». Можно было сравнивать советскую судебную систему и как судили до революции: суд присяжных, состязательность.

Работы Кони А.Ф. — бывшего Председателя Верховного Суда царской России. Впечатлило дело Веры Засулич.

Книги Владимира Гиляровского, писателя-репортёра.

Из советских авторов — историк Евгений Тарле. Весьма познавательное чтение — воспоминая Майского, советского посла в Англии в период войны. Он с большой теплотой и дружелюбием описывал патриотизм, проявленный англичанами во время войны. Майский приводит эпизод. Когда англичане высадили на помощь французам экспедиционный корпус в Нормандии, немцы удачным манёвром почти окружили его. Ещё пару дней — и тысячи солдат были бы уничтожены. И тогда правительство, Черчилль обратился к народу с воззванием: помогите нашим ребятам. И, как это описано, какой-нибудь лавочник, который политикой никогда не интересовался, рыбак на своей утлой лодчонке или аристократ на яхте — все ринулись через Ла-Манш спасать

своих солдат. И в считанные сутки-двое вывезли всех на свой остров. А вот советский «патриотизм» был палочным, достигался террором, расстрелами, штрафбатами. У нас пытаются всё это за героизм выдать. Не брезгуют сочинять «героев» типа Космодемьянской, Карбышева и др. Как раз в соответствии с песней: «И коль страна быть ПРИКАЖЕТ героем, у нас героем становится ЛЮБОЙ».

— Получается, что на Вас влияли в основном книги. То есть не было людей, которые повлияли бы на Вас, и Вы совершенно самостоятельно делали выводы из прочитанного...

Михась Кукобака: Получается, что так. Ранее уже упоминал высказывание в мой адрес офицера КГБ Шевченко, если верить Белову, который с ним беседовал. После освобождения Юрий Белов эмигрировал в Германию, где и поныне проживает. Обо мне, правда, Белов после отъезда ни разу и не вспомнил. Будучи уже арестован, я получил от него письмо, написанное перед выездом. В нём было заверение, что, когда уедет, лишь тогда сможет мне помочь. Запомнилась фраза из письма: «Ты мне будешь дорог при любой погоде». Оказалось, что это всего лишь фраза.

Вернёмся ещё к литературе. Один забавный момент. До ареста я прочёл сочинение Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Работа очень понравилась. Там было много ссылок на труд американского этнографа Льюиса Генри Моргана, который около 40 лет провёл среди индейцев и написал книгу «Древнее общество». Это мне сильно засело в голову, как заноза. Едва оказавшись в Лефортовской тюрьме, настоятельно попросил найти мне это самое «Древнее общество». Книгу принесли. Как оказалось — скучнейшего занятия не придумаешь. Там генеалогия разных племён. Масса разных диаграмм, списки имён, родословных разных. Короче, научный труд для узкого специалиста. Полистал, что-то почитал, решил — «не по Фомке шапка». Был разочарован. А работа Энгель-

са — это популярное и талантливое конспективное изложение труда Моргана. Плюс собственные, весьма умные суждения. Я бы любому посоветовал прочесть этот марксистский труд для расширения своего кругозора.

Ещё прочёл и даже законспектировал сочинение «Никаких компромиссов» — полемику между Вильгельмом Либкнехтом и Карлом Марксом. Карл Маркс отстаивал идею диктатуры пролетариата, а Вильгельм Либкнехт, один из основателей германской социал-демократии, как раз доказывал, что не может быть диктатуры пролетариата. Это просто выродится в самую обыкновенную диктатуру. Эта работа, помню, заставила меня задуматься над многими вещами.

Потом, спор между марксистами и физиократами по вопросу прибавочной стоимости. Физиократы, последователи школы экономиста Кенэ, доказывали, что не рабочий создаёт прибавочную стоимость, это уже элемент промежуточный. Прибавочная стоимость — от землепашца. Или, точнее, от солнца землепашец использует энергию, растит плоды. И уже потом, от плодов землепашца, эту энергию получают все: от рабочего до короля или президента. Вот откуда идёт прибавочная стоимость. То есть более глубокие корни. И Маркс к концу своей жизни вроде принял их точку зрения.

Так, постепенно проходила трансформация моего сознания. Вырабатывался собственный, независимый от государства взгляд на мир. И это уже было предпосылкой конфликта с тоталитарной системой в СССР.

Мы в детдоме жили, как в аквариуме

Тут вот ещё один момент, пытался анализировать. Ведь мы же в детдоме были как в каком-то аквариуме; отделённые забором от повседневной, реальной жизни страны. Если человек воспитывается в семье, то в школе его зомбируют «мантрами»: советская власть, революция, вперёд к коммунизму, в светлое будущее и про-

чее. Возвращается домой — слышит от родителей совсем иное: низкая зарплата, как дожить до получки, опять в магазине нет того или другого; а вот директор предприятия или начальник цеха новую машину купил, секретарь парткома или горкома новую дачу себе строит или квартиру большую получил. И всё это вполголоса, полушёпотом, чтоб соседи не услышали. Получается некая раздвоенность сознания. С одной стороны ребёнок слышит одно, а с другой — прямо противоположное. Человек постепенно привыкает жить в рамках двойной морали. Усваивает это состояние как естественное и безопасное в первую очередь. В детдоме воспитатели-преподаватели с детьми никогда не откровенничают. «Воспитание» — в рамках госпропаганды, то есть постоянное зомбирование. А потом человек выходит в реальный мир. Начинает работать и жить самостоятельно. Вот тут и получается резкий диссонанс между миром «идеальным» — внушённым и реальным, к которому человек психологически не готов. И это различие воспринимается остро, создаёт внутренний конфликт. Это прорывается вне, и человек пытается как-то защищаться, пытается этот разрыв ликвидировать. При условии, что он внутренне честен и не склонен к оскорбительным, унижающим достоинство компромиссам. Это один из мотивов прихода к диссидентству: стремлению сопротивляться любой фальши.

В силу разных обстоятельств встречался с массой различных людей: много ездил по стране, жил в разных местах, сменил немало мест работы и, соответственно, коллективов. Подобный опыт также является стимулом для работы ума, поиска ответов на возникающие вопросы. Вот, скажем, живёт столетний старец в горах Кавказа или в Аравийской пустыне. С утра выгнал овец на пастбище или верблюдов в пустыню, а вечером пригнал их домой. Ну, может, навестил соседей или сам пригласил в гости. Поговорили о баранах, о погоде, о ценах на ближайшем рынке. Изо дня в день одно и то же. Так прошли все сто лет. Для него сто лет жизни —

в реальности, всего один день. Подобные люди — идеал для власти. Они не утруждают себя вопросами. А если какие и возникают, то охотно принимают ответ от местного чиновника или его идейных помощников: попов, мулл и прочих. Подобные люди с трудом воспринимают новое, любые изменения в своей жизни. Чаще всего они нетерпимы к другим, не похожим на них людям. Подвержены ксенофобии, расизму. Во все времена национальные проблемы были источником конфликтов и войн.

У меня достаточный опыт жизни в разных этносах, опыт общения. И как итог — твёрдое убеждение, что любой народ должен жить в своём независимом государстве, в привычной для себя культурной среде. Империализм — источник постоянных конфликтов. Я же помню, когда приехал в Казахстан, жил среди казахов, то у всех русскоязычных было пренебрежительное к ним отношение. Чёрные, азиаты, как бы люди «второго сорта». И у нас редко можно было встретить, чтобы русский, любой славянин, дружил с казашкой. На такого смотрели с лёгким презрением: «Ты что? Не мог найти нормальную девушку?» Как-то, помню, пришёл в клуб на танцы. Опоздал к «разбору». Смотрю, стоит молодая казашка-старшеклассница. Одета нормально, юбочка; фигура, внешность вроде приятные. Решил пригласить. И, в некотором смысле преодолевая себя, подошёл. Танцор я никудышный, но вопрос не в этом. Начинаю с ней общаться. Во-первых, изъясняется на хорошем языке, потом, в процессе разговора чувствую — образованная, развитая, явно неглупая. Как-то даже необычно мне показалось это. И сразу всё это национальное различие исчезло, как что-то второстепенное. Передо мной просто разумный человек. Со своими интересами, заботами. Так что как бы эмоционально на себе это испытал.

Или в геологоразведке работал, в группе одни казахи, русскоязычный я один был. Я европеец, со своими привычками, обычаями, психологией, а у них многое

для меня непривычное. У меня как у тракториста было немножко привилегированное положение. Не привлекали к дежурству, готовить пищу и прочее. Моё дело — техника, чтобы она работала. Потому что если в пустыне сломается, потом десятки километров пешком по жаре идти, бывало, люди и погибали; всякое случалось. Ну вот, готовят обед, а это же пустыня — топлива нет. Огонь — на кизяке (это высохший навоз крупного рогатого скота, любой), этим топили. Они берут нормально, а мне вроде как западло брать в руки это сухое. Я или в рукавицах, или бумажкой. Они на меня смотрят, посмеиваются, между собой ля-ля. Я же по-казахски не понимаю. Но никто мне ни малейшего замечания не сделал. Все ко мне очень дружелюбны. И так раз, другой. А потом думаю: да что я из себя барина какого-то корчу? В общем, стал вести себя, как остальные, нормально. Раз завернули в гости к кочевникам. Уселись бешбармак кушать. Бешбармак — переводится как «пять пальцев» — едят руками. Для меня это непривычно. «Мне бы ложку или вилку», — говорю им. Они опять между собой переглянулись, смеются. Что они там про меня говорили, не знаю. Но где-то разыскали мне какую-то вилку. Постепенно изменил своё поведение. Решил вести себя по пословице: коль попал в чужой монастырь, то не нужно выпендриваться. В гостях надо уважать чужие обычаи. Понимание этого не сразу приходит.

Когда был в Украине, меня тоже немножко коробило поначалу поведение националистов. Я не мог хорошо говорить по-украински, а они со мной принципиально только на украинском общались. Потом подумал: в конце концов, квартира, на которой собирались, — это маленький островок их культуры, где они могли совершенствовать свои навыки в языке, так сказать. Но все эти посиделки не выходили за рамки кухонь. Потому что истинные диссиденты — это такие, как Левко Лукьяненко. Он же 25 лет отсидел по тюрьмам и лагерям. У меня даже его книжка есть, которую подарил при

встрече. На кухне политика не делается. Хотя и это полезнее, чем вообще ничего не делать. А реальная политика делается теми, кто сопротивляется.

Ещё до службы в армии жил какое-то время в Сибири, в семье ссыльного латыша. Там же работали и ссыльные украинцы. Тоже где-то что-то услышу, всё это откладывалось в памяти. С бурятами общался. Все эти контакты расширяли моё понимание национальных вопросов, проблемы взаимоотношения власти и общества.

Возвращение в Бобруйск

Михась Кукобака: В Бобруйск я приехал не в какой-то абстрактный город, а вернулся в город своего детства, где я родился, и мои родные, как говорится, из рода в род, жили там. Или поблизости, в деревнях, как моя бабушка. Конечно, после многих лет отсутствия я искал малейшие следы, что-то, напоминающее о прошлом, какие-то ассоциации с детством, то есть именно то, что и называется родиной, — родное, близкое. Во всём старался это увидеть: что изменилось, а что напоминает?

Когда зашёл на территорию детдома, там оставалось уже полуразвалившееся здание. Оно было предназначено к сносу, меня даже спросили: «А вы кто? Вы по поводу вывоза?» — «В смысле? Да нет, — говорю, — я просто случайно». А я был в шляпе, у меня была такая бородка с бакенбардами, подстриженная на манер канадского шкипера. Знаете, как эти «морские волки» ходили с такими бакенбардами? Вид для провинции непривычный. И ещё в руках у меня был портфель. А человек с портфелем обычно воспринимается как чиновник, начальство какое-нибудь. С бородкой непонятной, в шляпе, с портфелем. Поэтому и возникли ко мне вопросы.

Походил, посмотрел. Залез через пролом в дом. Посмотрел на сцену — она такая маленькая. А в дет-

стве казалась громадной. Самодеятельность там проводили, концерты. С возрастом всё по-другому воспринимается. Спальня: мальчики, девочки, всё облазил. Классы для домашних работ, куда мы сбегали с занятий в школе или прятались через окошко от воспитателей для своих игр. Обследовал двор. Проводились такие пионерские, воспитательные мероприятия: посадка деревьев, устройство клумб. Помнится, я тоже посадил ёлочку на аллее. Должна бы она большой уже вырасти за эти годы. Смотрю — никакой аллейки нет. Я так и описал в своём очерке: «память стёрта бульдозером». То есть там уже всё это давно уничтожили. А недалеко был построен интернат — двухэтажный, каменный.

Иначе говоря, ничего не нашёл, что было бы связано с моими детскими воспоминаниями. Только этот полуразрушенный барачного типа деревянный дом под снос.

Пошел дальше по городу. Собор, который когда-то производил на меня впечатление, тоже снесли. Был костел католический, большой. На месте костёла возвели здание какого-то стройтреста. Подошёл к переезду через пути, которые мимо мармеладной фабрики проходили. В детдоме однажды нас сводили туда на экскурсию. После экскурсии у многих случилось расстройство желудка. Уж слишком активно дегустировали конфеты.

На переезде столбик был с предупреждающей надписью на щите: «Сцеражыся цягніка!» Ниже перевод на русском. Часто там бывал, и надпись примелькалась. По привычке глянул на вывеску. «Берегись поезда!» Белорусская надпись исчезла. И это меня сильно задело. Ведь я же в своей стране нахожусь! И кто смеет мой родной язык заменять чужим? А всё потому, что нас лишили своей государственности. Имперская власть в Кремле навязывает свои стереотипы поведения, уничтожает нашу культуру, язык с целью превратить нас в покорное, безликое стадо рабов. Чтобы заставлять служить чуждым нам интересам: отправлять наших пар-

ней на разные войны в Корею, Вьетнам, Африку или еще куда, во имя имперских интересов. А нам это надо?! Глубже пришло осознание своего национального достоинства.

И я не мог промолчать. Решил свои размышления изложить, чтобы не только мои земляки призадумались над понятием, что такое родина. И в то же время хотел выразить своё отношение к этому режиму. Чтобы не было у власти иллюзий, что своей ложью, пропагандой они способны всех зомбировать. Чтобы они осознали, что рано ли поздно если не им, то их потомкам придётся расплачиваться за преступления; если не физически — то морально. Такова была предыстория создания моего скромного очерка «Украденная Родина». Мне удалось передать его в западную прессу.

— А как потом Ваша жизнь в Бобруйске складывалась? Вы на работу устроились, приехали и остались тогда?

Михась Кукобака: После ночёвки на вокзале стал присматриваться к разным объявлениям. Так как освободился из психушки, то сделал некоторые правки в документах, чтобы скрыть этот факт биографии. Тогда ещё записи делались чернилами. Сводить их, исправлять не составляло особого труда. Что я и проделал. Ведь освободившийся из психушки считается инвалидом. Практически лишён всех прав.

Решив проблему с документами, устроился электромонтёром на электростанцию, ТЭЦ-2. А с диагнозом «псих» меня бы на пушечный выстрел не подпустили к этой работе. Это в тюремной психушке, как выше описывал, для меня не было ограничений.

Проработал в цехе ТАИ (тепловая автоматика и измерения) около года. Почти сразу начались проблемы. Моё поведение было таким же, как и до ареста. Категорически отказывался от всякого участия в так называемой общественной жизни: субботники, воскресники и прочее. И в рабочей среде не стеснялся выражать критическое отношение к власти, ко всем событиям в стра-

не и мире. И здесь смотрелся поначалу как белая ворона. Помнится, один командированный из Минска наладчик, коммунист с пятилетним стажем, пришёл с претензией к начальнику цеха. Как мне позже рассказали, он с возмущением спросил: «Как вы могли этого негодяя Кукобаку принять на работу?! Он же открытый враг советской власти, таким не место в коллективе». А начальник цеха оправдывался, мол, сам недавно вступил в должность. Вот такая была коллизия. Естественно, обо мне тут же доложили в КГБ. А там принялись наводить справки, делать запросы.

Но проходило время — и отношение рабочих ко мне стало меняться. И опять-таки по причине моего поведения. Парень из соседней комнаты в общежитии провожал свою девушку на вокзал, запоздал и пришел к 12 часам. Комендант отказалась его впустить. Мол, режим есть режим, если опоздал — ночуй, где хочешь. Тогда он по пожарной лестнице вскарабкался и через окошко попал в свою комнату. Она всё это наблюдала, поднялась на этаж и стала требовать, чтобы парень покинул общежитие. По комплекции женщина здоровая, так колотила в дверь, что разбудила жильцов, успевших уже уснуть. А через пару дней — приказ о выселении парня из общежития за нарушение режима проживания. Казалось бы, рядовой случай, кому какое дело до чьего-то конфликта с комендантом. Но меня самоуправство коменданта возмутило. Сел и сразу написал письмо, типа фельетона, в сатирический журнал «Вожык» — аналог русского «Крокодила». Кроме того, и в цеху весьма язвительно обрисовал поведение коменданта. Моим письмом в Минске заинтересовались и прислали корреспондента для прояснения ситуации. Но, как тогда было принято, журналист сначала направился в партком, завком на беседу. Там, естественно, охарактеризовали Кукобаку как злобного пасквилянта, который даже на стене у себя в общежитии повесил фотографии известных антисоветчиков: генерала Григоренко, академика Сахарова. Корреспондент уехал,

даже не побеседовав со мной. Однако приказ отменили и парня оставили в покое. Отвлекаясь, замечу. Через 38 лет побывав в Бобруйске, я встретился с тем парнем Леоновичем. Ему уже было лет 56. Изрядно пополневший, но жизнерадостный, полный сил и здоровья. Вспомнили с юмором о прошлых злоключениях.

Этот протест мой вызвал некоторые пересуды в рабочем коллективе. Мол, как это, Кукобака написал — и сразу на письмо отреагировали, журналиста прислали. Ко мне стали прислушиваться. Я не перестраховщик, маниями разными не страдаю. На любые вопросы о политике правительства, о событиях в стране и мире говорил то, как сам это оценивал. Это было непривычно, так как противоречило тому, что писалось в газетах, сообщалось по радио.

Потом произошёл ещё один случай, который сыграл решающую роль, в некотором смысле переломную, в отношении ко мне.

Возвращаюсь на автобусе из города в общежитие. Проезжая, там недалеко остановка была, смотрю — около общежития толпа народа, милицейская машина, санитарная стоят. Еще заметил — какая-то женщина лежит, нога у неё подёргивается, видимо, живая, но без сознания. Выхожу, начинаю расспрашивать, что случилось. «Да вот, — говорят, — с пятого этажа женщина выбросилась». Я начал было уточнять; но смотрю, там зам. начальника по быту и зам. директора ТЭЦ стоят рядом с офицером милиции. Как увидели меня, начали милиционеру что-то говорить. Тот подходит ко мне: «Вы Кукобака?» Отвечаю: «Да, я Кукобака, а в чём дело?». И тут мне ультиматум: «Немедленно идите к себе в комнату, иначе я вас арестую». Про себя подумал: а ведь действительно задержат, и я не смогу получить информацию, что называется, по горячим следам. Пришлось повиноваться. Как только они уехали, я тут же стал наводить справки. Что оказалось. Середина дня, 12 часов, рабочее общежитие (наверное, выходной был, уже не помню), парень привёл девицу к себе в комнату.

Это же не детское, не школьное учреждение, а рабочее общежитие. Комендант увидела, ворвалась к ним в комнату: «Ах, такая-сякая, проститутка! Я сейчас вызову милицию!» Парень оказался трусоватым, она ему: «Вон!» Он ушёл. Смалодушничал, короче. Комендант стала девушку терроризировать, оскорблять. Та взмолилась: «Выпустите меня, ради Бога, я никогда сюда больше не зайду». Комендант продолжает оскорблять и угрожать: «Нет! Я тебя никуда не выпущу, сдам в милицию». Девушка в истерике выбрасывается в окно с пятого этажа. Что её спасло — рядом свисал телевизионный кабель, и она при падении пыталась ухватиться и потому летела не головой вниз, а ногами. У неё было какое-то повреждение внутренних органов, ноги поломала.

Когда я собрал доступную информацию, высказал жильцам своё мнение: «Ребята, это непорядок! Во-первых, это вмешательство в частную жизнь. Кому какое дело, кто кого в гости приводит? Здесь не монастырь и не казарма, а рабочее общежитие». Короче, написал заявление в областную прокуратуру, и под моим заявлением в качестве свидетелей подписались несколько человек. Подписи, место работы, адрес. И тут же заказным отправляю это письмо. Прихожу в цех, рассказываю всем о случившемся и зачитываю копию своего заявления: «Вот, посмотрим, что из этого получится. Как отреагирует прокуратура на подобное нарушение закона, на доведение человека до попытки суицида».

Доктор Мыльников

На следующий день начальник цеха говорит: «Михаил, тебя в отдел кадров вызывают». Прихожу, а там милиция. Сажают в «скорую» — и в психдиспансер. Оттуда через час увозят в Могилёвскую областную психушку. Пока находился в психдиспансере, в ожидании оформления в Могилёв, успеваю кому-то передать записочку с адресом. Попросил отправить. С первых же дней пребывания в Могилёве очень активно пытался

дать о себе информацию. А в Москве уже активно стали заниматься психрепрессиями. Обсуждалась идея создания комиссии по расследованию злоупотреблений в психиатрии. В конечном счёте удалось связаться со своим другом Виктором Некипеловым, и моим делом в Москве занялись. Забегая вперёд, отмечу: всех членов комиссии, кто не успел выехать за кордон, пересажали. Организация была объявлена антисоветской.

В Могилёве я попал в отделение, где заведующим был доктор Мыльников. Ему на вид было лет 45–50. Должен сразу сказать, что по тем советским временам это один из самых гуманных, нормальных врачей, которые именно заслуживают звание врача. Более гуманного отношения к пациентам я не встречал. Некоторых пациентов отпускал из психушки домой на праздники. Практиковал разрешать выводить ответственных, сознательных пациентов в ближайший кинотеатр. Вызвал меня на первую беседу. В общей сложности мы проговорили с ним с перерывом около пяти часов. В конце он подытожил: «Вот, Кукобака, понимаете, какая вещь. Когда прочитал ваше заявление, у меня появилось сомнение в вашей психической полноценности. Но побеседовав с вами столь длительное время, не нахожу у вас каких-либо отклонений. Но вы же понимаете, у меня нет возможности с каждым пациентом по пять часов беседовать».

Я говорю: «Ну да, согласен. Но давайте вернёмся к моему заявлению. Вы говорите, что обнаружили какие-то несоответствия? Во-первых, какие могут быть несоответствия: заявление писалось в спешке, актуально, а я — не профессиональный журналист. Во-вторых, почему вы не учитываете уровень моего образования? У меня стационарно всего пять классов. Да и по грамматике выше тройки не было. Вот если бы подобный текст “с несоответствиями” был составлен каким-нибудь бывшим профессором-филологом, тогда бы вы имели основания усомниться в его психике. Разве не так?»

Он помялся и ничего вразумительного не мог ответить. Но, по существу, я прав? У каждого есть свой стандарт соответствия. Некоторые двух слов не могут связать, а пишут неплохо. Другие пишут плохо, зато рассказчики — заслушаешься. У каждого свои способности или склонности к чему-то. На этом первая ознакомительная беседа закончилась.

Доктор Мыльников был зав. отделением, а на следующий день меня вызвали уже к «лечащему» врачу (Сивцов, если не ошибся). Наверное, им дали сопроводиловку в отношении меня. Типа, что за человек Кукобака и как с ним поступать. Беседа началась с заявления врача: «Вы поступили, значит, мы должны вам назначить лечение». Я в ответ: «Что значит “мне назначить лечение”? Я не нуждаюсь в этом. Любое назначение так называемых лекарств буду рассматривать как посягательство на моё здоровье. За что меня сюда посадили? Вы знаете? Что я такого сделал? Я что, на паровоз с топором бросался, что ли?» И всё, на этом дело закончилось. Мне ничего не назначают.

Тут, смотрю, старшая медсестра суетится, собирает группу пациентов. Выясняю, оказывается, в кино хотят повести.

Я к ней: меня тоже запишите!

А старшая сестра такая вредная была: «Вас не можем, вы только поступили и мы о вас ничего не знаем». — «А что обо мне знать надо? Вот я, перед вами. Вот и запишите, я тоже хочу в кино сходить».

Ну, с точки зрения шизофренической подозрительности персонала: да, человек только поступил. Мало ли что у него на уме. Но я не успокоился. Вообще-то провоцировать, испытывать законы на их состоятельность — мой метод, что на свободе, что в заключении. Отвлекаясь чуть, вспомню. В одном своём очерке описывал, как я в лагере в 1985 году требовал, чтобы 300 рублей моих денег перевели в фонд Радио «Свобода». Потом требовал Библию и ещё чтобы попа из церкви ко мне пригласили. Хотя я атеист. В общем, шесть месяцев

ПКТ (лагерная тюрьма) я себе тогда заработал. Итак, продолжим.

Захожу в кабинет к Мыльникову: «Доктор, а почему меня в кино не пускают? Там группу собирают, а мне отказали. Почему такая дискриминация в отношении меня? С какой стати?»

Он посмотрел, подумал: «Ладно, скажите, что я разрешил».

Подхожу к старшей медсестре: «Доктор разрешил мне». — «Да мало ли что разрешил! Я отвечаю за людей».

Ладно, я опять к зав. отделением: «Слушайте, доктор, у вас что за порядок здесь? Ваша подчинённая заявляет: "мало ли что врач разрешил, я отвечаю". Если вы видите, что я — человек здравый, значит, вы и решаете. А почему за вас кто-то что-то должен решать?»

Он уже несколько раздражённо: «Скажите, чтобы записала вас. Всё, я приказал. А если сомневается, пусть подойдёт ко мне».

Короче, в кино пошёл. Зато нажил недоброжелателя в лице этой медсестры.

А в Москве уже закрутилось дело. Есть такая организация — Всемирная ассоциация психиатров. И, помоему, именно в то время в Лондоне должен был состояться конгресс. По просьбе Некипелова и генерала Григоренко ко мне направили молодого, бойкого парня, работавшего на «скорой» фельдшером, Подрабинека Александра. Пришёл ко мне на свидание, выяснил, что к чему. Потом фактически с ультиматумом к начальнику психушки: «У вас содержится Кукобака. Это нарушение, вы должны немедленно его освободить. Если не освободите, мы сообщим во Всемирную ассоциацию в Лондон». И тут они занервничали. Проконсультировались с КГБ, в этом нет сомнений. И в течение трёх дней освободили. В общем, пробыл я тогда месяц в Могилёве и вернулся в Бобруйск. А Подрабинек Александр улетел в Москву. На следующий год он с рядом активистов создали комиссию по расследованию злоупотреблений

в психиатрии. В последние годы я опубликовал три нелицеприятных для него статьи. О его попытках на пару с г-ном Буковским привлечь к суду Михаила Горбачёва и о других вещах. Если кто прочтёт, то поймёт, что со временем люди иногда меняются далеко не в лучшую сторону.

Сержант милиции Пенязь

Что любопытно, однажды моим соседом по комнате в общежитии оказался милиционер — сержант милиции по фамилии Пенязь. Мы с ним достаточно быстро нашли общий язык. Там какой-то скандал был в общежитии. Хулиганы завозились в коридоре, и он решил их утихомирить. Я говорю ему: «Ты не стесняйся, скажи мне. Я противник всякого хулиганства и всегда помогу тебе, если надо будет». То есть сразу установились нормальные отношения. Потом я ему рассказал, что сидел, был в заключении. Но, может быть, он и сам знал. Не зря же меня с милиционером в одну комнату поселили. У себя на стене я повесил Декларацию прав человека, объяснил, что это за документ. Показал ему журнал «Курьер» ЮНЕСКО. Мол, это не какая-нибудь враждебная литература этот журнал. А ему над кроватью, повесил разворот из журнала «Новое время» — флаги всех стран мира.

«Вот, — говорю, — будешь знать, в какой стране какие флаги». Дошло до того, что: «Слушай — говорю, — у вас же есть, наверное, пишмашина в отделении. У меня, как видишь, нет. Вот хорошую статью нашёл, напечатаешь несколько экземпляров?» Естественно, имя автора ему не сообщил. Это была статья Солженицына «Жить не по лжи». И в свободное время или в ночное дежурство он для меня печатал разные самиздатские материалы, даже не подозревая об этом. После моего ареста КГБ с ног сбилось, проверяло по городу машинки: «Где Кукобака мог копировать?» Им в голову не приходило, что печатали на машинке в от-

делении милиции. Ведь тогда пишмашинки регистрировались, чтобы можно было отпечатки сравнивать. Такая забавная ситуация возникла.

Я выступаю против существующего порядка

Возвращаюсь к Бобруйску. И тут начинается самое интересное. Сначала заглянул в отдел кадров. Оказалось, что почти сразу после ареста меня уволили с работы. Прихожу в свой цех. Все приветствуют и с расспросами: «Что случилось? Где ты был, как, почему?»

Никто же ничего толком не знает.

«А вот так! В сумасшедший дом меня загнали, за то заявление в прокуратуру, которое вам зачитывал. Вот вам и “советская власть”, которую тут некоторые защищали от моей критики».

К слову, за время работы никому в цехе не рассказывал, что уже отсидел шесть лет по психушкам и тюрьмам. Но сейчас уже нет смысла утаивать этот факт. Ведь КГБ сам расскажет обо мне с целью компрометации. Потому решил действовать на опережение.

«Вы, наверное, не знаете. Ведь я уже отсидел шесть с лишним лет по психушкам и тюрьмам. Отсидел за подобные протесты, за попытки критиковать незаконные действия чиновников. Вопрос: а почему скрывал? Да меня бы нигде не приняли на работу. Или выгнали бы, если бы узнали. Вот как сейчас. Причём, обратите внимание; меня же уволили вопреки закону. Ведь формально меня как бы в больницу поместили. Разве не так?»

Для всех мой рассказ был полной неожиданностью. Раздались сочувственные реплики, разные советы.

«И что мне остаётся делать? — продолжаю вслух размышлять. — С работы уволили, из общежития выселяют. Где правду искать? Здесь я ничего не добьюсь, придётся в Москву ехать».

Попрощался и отправился в общежитие собираться в дорогу. Позже, когда страсти улеглись, зашёл в отдел

кадров и спросил, как мол, вы, опытный кадровик, так могли ошибиться с моим увольнением.

Тот нехотя проворчал: «Я звонил в КГБ, и мне сказали, что можем вас смело увольнять, больше вы никогда к нам не вернётесь». То есть, видимо, было запланировано какое-то спецтюремное решение, чтобы навсегда от меня избавиться. В отделе кадров — отставники: полковники, майоры. Привыкли не по закону поступать, а по указаниям начальства.

В общем, поехал в столицу. А пока ехал, в поезде сочинил заявление на имя Андропова, председателя КГБ, с описанием своих злоключений. Приехал в Москву — и сразу на квартиру к генералу Григоренко, где собиралась обычно определённая публика. А тут и 5 декабря подошло — День Конституции. Вместе с его соратниками пошли на демонстрацию в сквер, к памятнику Пушкину. Туда же чуть позже подошёл и академик Сахаров со своими людьми. Там его и увидел впервые. Вся демонстрация — ровно в 6 вечера, с непокрытой головой, молча стояли пять минут. На этот раз традицию чуть изменили. Мы начали громко скандировать «Свободу Буковскому! Свободу Буковскому!» — он сидел в тюрьме, и его только готовились высылать. Мы об этом, естественно, не знали. В сквере вокруг нас собралась толпа. Кроме любопытных обывателей, было немало гэбэшников в штатском, а также зарубежные журналисты. И тут в нас полетели снежки и всё, что в руки попадало. Западных журналистов стали толкать (да и нас тоже), мешая съёмкам. Но мы выстояли до конца намеченного срока. Никого не арестовали. Мы с генералом вернулись к нему домой. Закончив свои дела — всё рассказал, передал письмо для «Свободы», — отправился в обратный путь.

Приехал в Бобруйск и сразу отправился в контору ТЭЦ-2. Смотрю, на стене приказ примерно такого содержания. Мол, в связи с ошибочным увольнением Кукобаки на работе восстановить и уволить в связи с неявкой на своё рабочее место. Я снова отправился в свой цех.

«Вот видите, как анекдот какой. Сразу два увольнения. А кто-то считает, что у нас есть законы. Вот за что меня посадили в психушку? За что уволили? Пытался опротестовать действия администрации. Даже если бы я оказался неправ, так что, сразу в сумасшедший дом за это и увольнять?»

Вопросы риторические, но они подействовали. Раздались возмущённые реплики.

«Так не должно быть. Здесь явное нарушение Трудового кодекса», — заявил коммунист (тот, который когда-то возмущался моим приёмом на работу), — надо обратиться в газету». — «Да какой смысл, кто нас будет слушать? — возражаю. — В нашей стране чиновник всегда прав, а мы для них типа крепостных». — «А мы составим коллективное письмо. Никуда не денутся, прислушаются», — стоял на своём коммунист (жаль, фамилию его уже не помню).

Со своим напарником они составили обращение в редакцию газеты «Труд» (орган профсоюза) и стали собирать подписи среди работников цеха. Это было в рабочее время. Я старался при этом не присутствовать. Если заходили в помещение, где работал, то деликатно выходил «покурить». Когда они покидали помещение, возвращался на своё рабочее место. В конечном счете, подписалось большинство цеха. Практически все, кто был на смене; коммунисты и комсомольцы во главе с комсоргом предприятия. Забавно, что последним подпись поставил парторг цеха. Видимо, чтобы «не отрываться от коллектива».

Интересный момент, как проходил процесс сбора подписей. Вот работаю на своём стенде — отлаживаю прибор. Напротив, за одним столом, у своего стенда сидит молодая девушка Таня, 22 года, после техникума.

Она мне говорит: «Вот видишь, Миша, какая получается ситуация. У тебя там, в Москве, какие-то защитники есть. А у меня муж — простой инженер. Вот случись что со мной, где какую правду я бы стала искать?» — «Ну, что касается моих “защитников”, не сто-

ит переоценивать их возможности. Мы сами должны по возможности помогать друг другу. К слову, вот я попытался как-то посочувствовать женщине, с которой не был знаком и в глаза её не видел. Но, Таня, если бы с тобой, с моей коллегой по работе, случилась какая неприятность, неужели я бы остался в стороне?» Она промолчала.

А через какое-то время, когда сборщики были в сторонке, заглянул в их список. Смотрю — и её подпись появилась. Потом подходит ко мне один наладчик: «Михаил, я твои взгляды не поддерживаю. Хотя, с другой стороны, и сочувствую тебе. Но у меня очередь на квартиру, а ты влез в какую-то политику. Мне лично до этого нет дела». — «Послушай! Что ты передо мной оправдываешься? Да правильно ты поступаешь, зачем тебе связываться со мной? Если захотят, меня посадят, подпишешь ты или не подпишешь. Это здесь никакой роли не играет. Так что свои интересы для тебя должны быть важнее. Всё ты правильно делаешь. Так чего нервничаешь?»

Когда позже заглянул в список, то и его подпись обнаружил.

Ещё эпизод. В цеху работали два брата Бобковы. Старший — рядовым прибористом, а младший — мастером, то есть моим прямым начальником.

Мастер Бобков был ярым коммунистом и злобным по характеру. С первых дней старался меня всячески третировать. И тут между братьями скандал. Старший подписал письмо в мою защиту, и мастер набросился на него с упрёками, мол, зачем защищаешь антисоветчика.

Едва начали собирать подписи, как сразу было сообщено в КГБ. Кем — загадка. Подозреваю, что это сделал мастер Бобков. В цех явился товарищ в штатском. Тут же в кабинет начальника цеха вызвали коммуниста, собиравшего подписи.

И первый вопрос гэбэшника к нему: «Мы слышали, тут Кукобака с каким-то письмом носится?» Тот гово-

рит: «Да нет, это я с письмом хожу, собираю подписи». — «Вы?! Как можете, вы, коммунист, — и выступаете в защиту какого-то антисоветчика, врага?!» Тот: «Во-первых, я не выступаю в защиту врага. Если он антисоветчик, так вы и разбирайтесь с ним. В первую очередь я выступаю в защиту рабочего, в отношении которого нарушено трудовое законодательство. Вот и всё». — «Так, покажите мне письмо, кто подписал?» — «Нет, не покажу», — отвечает. «Мы всё равно узнаем!» — «Ну и отлично, а почему я должен вам показывать, кто подписал? Отправим, вот и узнаете всё».

Тогда сотрудник КГБ решил с другой стороны подойти: «А вы знаете, что Кукобака поступил к вам на работу по поддельным документам?» Коммунист лишь пожал плечами: «Ну, так вы и судите его за подделку документов. Но какое это имеет отношение к увольнению человека с работы, когда он находился в больнице?» Такой мужик, на редкость принципиальным оказался. Гэбэшник ушёл ни с чем.

Вместе пошли на почту, и там я переписал имена всех подписантов. После рабочего дня вернулся в общежитие. Формально, я там не жилец, но выселение замедлилось. Кровать моя свободна и вещи на месте, за исключением изъятых при обыске, в моё отсутствие, когда увезли в Могилёв. И тут неожиданно с криком вбегает парень из соседней комнаты: «Миша! Иди быстрей, там о тебе передача!» Захожу, жильцы сидят, склонившись к приёмнику, и слушают. Не помню уже, на какую передачу настроились. Бывали моменты, когда и по «Свободе» проскакивало. Оказалось, что по радио зачитывали моё заявление на имя Андропова. Копию его я передал для западной прессы, когда был в Москве. Для рабочих это казалось невероятным. По-соседству живёт человек, а зарубежные «голоса» о нём что-то рассказывают. Эта новость облетела всех, и не только в общежитии.

На следующий день звонят из цеха с просьбой явиться. Вероятно, из КГБ поступил приказ срочно восстановить на работе. Однако начальство решило поиграть со

мной в «гуманизм». Прихожу. Профорг цеха мне говорит: «Тебя уволили, не посоветовавшись с нами. Ты напиши заявление в профком с просьбой о восстановлении на работе, а мы будем ходатайствовать. Ещё укажи, что бывший детдомовец — родители погибли в войну». — «Скажите, а какое отношение имеет ко мне, сорокалетнему мужику, моё детдомовское прошлое? Я требую, чтобы приказ об увольнении был отменён как незаконный. Ни с какими просьбами обращаться не буду», — повернулся и ушёл к себе в общежитие. На следующее утро опять звонок: «Выходи на работу, тебя восстановили». Опять прихожу — и к стене объявлений. Читаю приказ: восстановить на работе, а за пропущенные дни объявить выговор. Поворачиваюсь и ухожу. На следующее утро ко мне в общежитие целая делегация во главе с начальником цеха. Мол, выходи мы всё сделали как надо. Прихожу — читаю: восстановить на работе, а пропущенные дни оплатить. О незаконности увольнения — ни слова.

Добавлю. Поначалу обо всех перипетиях с этим конфликтом я сообщал по телефону Виктору Некипелову. Однажды получаю письмо, в котором советует прекратить войну, уволиться самому и подыскивать новое место работы: «Так как наши возможности помочь тебе весьма ограничены». Моё сообщение о победе стало для него приятной неожиданностью.

А в общежитии и на работе отношение ко мне изменилось. Раньше у меня был инфантилизм некоторый, например в заводской столовой излишне шумно вёл себя: то девицу ущипну, то кого-нибудь задену. А тут иду по территории, и незнакомые люди со мной здороваются. Никогда раньше такого не было. Это же не Америка! Позже подобное в Чикаго встречал, когда незнакомец на улице может поприветствовать или водитель автобуса. В общем, вижу — отношение ко мне изменилось, и сам стал вести себя сдержаннее. Вот такая история.

Это редкий случай в диссидентской практике. Не слышал, чтобы ещё у кого-то подобная коллизия слу-

чилась. Это письмо рабочих и на КГБ произвело впечатление. Около десяти месяцев опасались со мной связываться. Следили за каждым шагом, но ни одного личного досмотра, обыска у меня не было. Тактику изменили. Стали экономически давить. За каждую мелочь — штрафы, попытки как-то с коллективом меня столкнуть. Допустим, идёт собрание цеха, обсуждают соревнование групп (или бригад). Начальник выступает: вот, мол, ваша группа не смогла занять такое-то место, потому что Кукобака саботировал мероприятие, то ли голосование, или на субботник не вышел. А тут реплика: «Ну, не вышел, его личное дело. А мы-то при чём?» Не сработал приём. Или другой случай. У меня был третий уровень допуска электрика (это до 1000 вольт), а есть рангом выше — четвёртый, пятый (свыше 1000 вольт). И когда люди работают в паре, то ведущий (ответственный за работу) — работник с высоким допуском. И вот меня послали с электриком пятого уровня допуска какую-то работу выполнять. Нужно было заглянуть по дороге в котлотурбинный цех. А по закону положено каски надевать. Их с собой не оказалось. Напарник говорит: «Да ладно, заглянем всего на минуту, нам лишь аппарат сварочный взять возле входа». Заходим, уже вытаскиваем за дверь — и тут вдруг инспектор: «А вы почему без касок?» Записывает фамилии и докладную пишет. И что интересно? Начальник цеха издаёт приказ: лишить Кукобаку 100% прогрессивки за нарушение техники безопасности. О напарнике, ответственном за работу, ни слова. Хотя по закону всё наоборот должно быть. Явная несправедливость. Расчёт простой и подлый. Мол, если Кукобака обжалует, можно будет и второго наказать и тем самым вызвать взаимную неприязнь. Естественно, я не стал жаловаться, но объяснил коллегам эту хитрость начальства.

Подобными методами меня донимали постоянно. Как говорится, били по карману. Кончилось тем, что я не выдержал и уволился «по собственному желанию».

Нормальное человеческое понимание

В райцентре найти работу не просто. Понял, что по специальности не позволят работать. Решил устроиться грузчиком на местный кожкомбинат. Уже почти прошёл комиссию, сижу у последнего — кажется, лор-врача. Вдруг подходит зам. главврача и вписывает в стандартную форму психиатра. Я возмутился: «А с какой стати? Не желаю я ни к какому психиатру!» Так надо — был ответ. Я ушёл, не торопясь потренировался и заполнил стандартный бланк: поставил подписи всех врачей. На следующий день пришёл в регистратуру. Подождал, пока кто-то подойдёт ставить печать. И тут же следом подаю медсестре свой бланк. Она, почти не глядя, по инерции штампует. Расчёт на психологию сработал. Сдал в отдел кадров и приступил к работе. Главное — неделю проработать, так называемый испытательный срок выдержать. А там от меня так просто не отделаются. Проработал пару дней, на третий меня отстраняют от работы. Объясняют в отделе кадров: «Приходили два человека в штатском, говорят, что вы незаконно работаете, не прошли комиссию». — «Как так? Прошёл я, и вам же передал заключение комиссии». — «Нам сказали, что подписи поддельные». Ну хорошо, обещаю на днях всё пройти. «Нет, мы вас не можем допустить к работе». Пришлось уйти ни с чем. К счастью, я уже успел заселиться в общежитие и прописаться. Продолжаю жить, как ни в чём не бывало. Ломаю голову, как разрешить проблему, и свои дела какие-то делаю. Проходит несколько дней, и комендант говорит: «Вас вызывает директор комбината».

Захожу в кабинет директора: «Здравствуйте». — «Здравствуй, Кукобака. Садись, рассказывай подробнее, что у тебя там за проблемы. Почему ты не хочешь проходить медкомиссию?» И у нас завязывается непринуждённая беседа. Я откровенно ему рассказываю свою биографию. За что я провёл свыше шести лет по психушкам и тюрьмам. И о том, что теперь меня везде

третируют, не позволяют нормально жить, работать по специальности. Такой вот разговор. Директор — обычный советский обыватель. Для него это удивительно, никогда подобного не слышал и понятия не имел. А тут перед ним сидит живой «враг». Он говорит: «Да, ты знаешь, я вот специально сходил за тебя в поликлинику и побеседовал с врачом, раз ты их избегаешь. И мне выдали вот такую справку относительно тебя. Объяснили, что ты находишься под надзором. Вот, возьми, ознакомься с ней».

Читаю эту справку. Дословно уже не помню, но смысл таков. В ней утверждалось, что мне нельзя работать в ночные смены, во вредных условиях, на любой технике, с работающими механизмами, на любых станках, конвейерах и прочее, и прочее. Дочитав текст, спрашиваю: «А вы не спросили у того врача, мне самому улицу можно переходить или только с поводырём, как слепому?»

Он засмеялся: «Да, хороший вопрос. Ну а если без шуток. У нас на комбинате много разных вакансий, и найти тебе место — не проблема. Но, согласно вот этой справке, нет на комбинате такой работы, на которую я мог бы тебя допустить, не нарушив трудовое законодательство. А вступать в конфликт с законом не собираюсь. Давай поступим следующим образом. Я не буду выселять тебя из общежития. Живи на общих основаниях, сколько потребуется, но без скандалов. Что касается работы — ну, тут уж как сам сможешь решить проблему». — «Ладно, — говорю, — спасибо и на этом». Поднялся уходить.

«Да, вот ещё, — жестом остановил меня директор. — Насколько я понял, родственников у тебя нет. В средствах ты ограничен, и помочь некому. В подобных случаях у человека появляются нехорошие мысли и тянет на дурные поступки. Вот лист бумаги, — протягивает мне лист и ручку, — пиши заявление на помощь. Я выделю тебе из директорского фонда некоторую сумму». — «Вы что, предлагаете мне помощь от этого паршивого

государства, причинившего мне столько зла? Да и не только мне одному. Я с голоду подыхать буду, ни копейки не попрошу!» — «Ладно, Кукобака, иди уж отсюда, — с раздражением сказал директор и добавил вслед: — Видно, не зря тебя в психушки сажали».

С тем и покинул я кабинет. Позже навёл справки. Директор был членом партии. Ходили слухи, хотели ему дать Героя Соцтруда, но произошло какое-то ЧП (авария?), и вопрос был снят.

Ну а дальше что? Надо решать вопрос трудоустройства. Пошёл на хитрость. Чтобы усыпить бдительность людей в штатском, пустил слух, что уезжаю в Москву. А сам стал искать работу. Наконец обнаружил, что на комбинате вторсырья требуются грузчики. Уже испытанным методом подделал медсправку и приступил к работе. Тщательно скрывал от соседей по общежитию, что хожу на работу. Возвращался позже других, якобы с прогулки. Проработав с неделю, стал смелее. Работа состояла из погрузочно-разгрузочных операций с тюками вторсырья из вагонов и грузовиков. Такая работа явно противоречила вышеупомянутой справке, но я уже не боялся увольнения. Был уверен, что после скандала с увольнением на ТЭЦ-2 сотрудники КГБ не посмеют меня нагло лишить работы.

Так что моя хитрость удалась. Общежития своего при комбинате вторсырья не было. Но я и не нуждался в нём благодаря помощи директора кожкомбината. Так что даже среди коммунистов встречались иногда порядочные, отзывчивые люди.

У меня нет никаких обид

В 1978-м меня снова арестовали, и на этот раз уже не посмели в психушку сажать. Решили, себе дороже будет. Первое время после ареста никому не мог сообщить об этом. Власти скрывали, засекретили арест. А тут в Москве и везде беспокойство: «Кукобака пропал. Где,

чего?» Начали в психушку писать разные протесты. Там отвечают: «У нас такого нет».

— А что послужило поводом для ареста?

Михась Кукобака: Поводом? Статья 190-1 УК РСФСР: «Распространение в письменной и устной форме клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй». Конечно, основными материалами обвинения были статьи, озвученные по радио или опубликованные на Западе. Сюда же вошли и вымученные показания некоторых бывших коллег. Нашли и таких, кто хотел как-то выслужиться, — давал показания охотно. К примеру, некий Балквадзе, убеждённый сталинист, работавший водителем. Но ни одного рабочего с ТЭЦ-2 не было. На такую фальсификацию КГБ не решилось. Оттуда был лишь начальник цеха, который в письменных показаниях клеветал. Мол, на стене в комнате Кукобака размещал высказывания Гитлера. Я потребовал вызвать в качестве свидетеля сержанта милиции Пеняззя, но мне отказали.

Свидетелями были брат с сестрой, на квартире которых я прятал самиздатские материалы. Видел, как им неудобно было давать показания. К ним приходили с обыском, потребовали выдать добровольно. Действовали шантажом: «Мы же знаем, как ты квартирку свою отремонтировал». А он был хороший столяр-краснодеревщик; материалы — ворованные с фабрики, понятное дело. Все тогда воровали, где кто работает. Если на мясокомбинате, значит, кусок колбасы тащит домой. Потом ему напомнили: «Ты же сейчас в Доме правительства ремонт делаешь — ответственная работа, и платят тебе хорошо», — т. е. намёк: смотри, такую работу можешь потерять. Вот так действовали. А в случае отказа могли бы пригрозить: мол, не дашь показания, пойдёшь как соучастник — помогал Кукобаке, квартиру ему свою предоставлял и т. д. То есть методов воздействия, запугивания, шантажа было достаточно.

Узнав про обыск, попросил хозяина объяснить, как оперативники КГБ сумели разыскать всё спрятанное.

И он, смущаясь, раскрыл технологию «добровольной выдачи». Я спросил: «А не можешь ли ты сесть и спокойно, подробно изложить письменно всё произошедшее?» — «Но для меня это будет равносильно пропуску в тюрьму!» — «Возможно, ты прав», — пришлось мне согласиться с его аргументом.

В своём последнем слове в суде я заявил, что у меня нет никаких обид на свидетелей. Эти люди свидетельствовали под нажимом, шантажом. Фактически сотрудники КГБ сами писали для них показания.

Я никогда никого не вовлекал

Михась Кукобака: Формально суд считался открытым, а на самом деле был закрытым. Как так? Посторонних не пускали, у дверей стоял мент. В зале сидели сотрудники КГБ. Но до ареста я успел оформить на Некипелова и переслать ему генеральную доверенность на свою защиту в суде.

Предвидеть, что меня вскоре арестуют, было не сложно. На работе были сочувствующие люди. Одна из них, молодая, симпатичная женщина Люба, много мне помогала. Даже в больнице навещала, когда лежал на операции. Её рабочее место было напротив кабинета Солодовникова — начальника цеха. К примеру, звонят ему из КГБ, что-то в отношении меня. А он, отставник, майор-авиатор, охотно сотрудничал с ними. Люба всё слушает, а потом мне пересказывает. И я о многом был осведомлён. Попросил её переслать доверенность Некипелову, так как мою почту КГБ перехватывал. Что она охотно и сделала.

Любу, как и других, вынудили свидетельствовать против меня. Чувствовалось, как ей неловко было выступать в суде. Возможно, опасалась, что расскажу, как она мне помогала.

Судья отказал Некипелову представлять мои интересы, но не стал удалять из зала его и помощницу Петренко Марью Гавриловну. Весь процесс они оба засте-

нографировали, и сегодня он в свободном доступе в интернете. Поэтому нельзя тот суд считать полностью закрытым.

Суд в Орше

— У Вас последний суд был в Советском Союзе в 1985 году, когда уже началась перестройка. Где проходил суд, за что Вас судили, как это было? В биографии написано, что суд был в Орше на территории колонии.

Михась Кукобака: Не совсем так. Новое дело возбудили в октябре 1984 года, за неделю до окончания предыдущего срока. К лагерю подъехал «воронок». Меня вызвали на вахту, зачитали постановление о возбуждении дела и увезли в тюрьму. Суд состоялся 7 января 1985 года. Так что перестройка была пока лишь в голове уважаемого Михаила Сергеевича. Государство, которое ему вручило Политбюро, было ещё сталинской конструкции. Формально у нас все суды считались открытыми, кроме по 64-й — за измену Родине. Но уже сам факт, что суд проходил в клубе колонии (который если не на территории лагеря, то граничит с ним, — в общем, закрытая зона)... Посторонний туда не войдёт. Свидетели были из числа заключённых 12-й (туберкулёзной) зоны, куда меня перевели из 6-й. В качестве свидетелей на суд привезли также несколько заключённых из 6-й зоны.

В зале клуба, где проходило заседание суда, были только офицеры из лагеря, кто-то из их родственников. Время от времени приводили с зоны так называемых свидетелей. Ничего интересного в суде не было, по той простой причине, что я объявил полный бойкот. Не отвечал ни на какие вопросы, не вставал. Сразу объявил, что дело полностью сфабриковано и в этом спектакле, именуемом судом, я участвовать не буду. Кроме того, мне не позволили выбрать по своему желанию адвоката, на что имею право по Конституции. Во-вторых, не был допущен ни один из моих свидетелей или

друзей. Поэтому я и отказываюсь участвовать в имитации суда.

Это было моё единственное полуминутное заявление, перед началом процесса. Я сел и до окончания суда ни на что не реагировал: ни на вопросы, ни на приказы. Входит судья, команда «Встать!» — никакой реакции. Судья со злостью конвойным: «Поднимите его!», конвойные солдаты с двух сторон меня хватают, рассчитывая, что дальше сам поднимусь. Да хрен вам! Я ноги поджал, и, пыхтя, они вынуждены были поднять мои 80 килограммов и держать на весу. Стали на ухо нашёптывать разные угрозы: «Да мы тебя!..» Я — ноль эмоций на их угрозы. Судья понял, что метод не срабатывает, пожалел конвойных: «Да бросьте вы его!» — они с облегчением и бросили меня на скамейку. Так, молча, и просидел весь процесс. Если при Сталине было ОСО (особое совещание) — вызывала тройка и распишись за новый срок, то в брежневские-андроповские времена прямо в лагере имитировали «новый» судебный процесс. То есть, по сути, вернулись к сталинскому судопроизводству, чуть изменив форму. Могли держать в лагере сколь угодно долго, как и при Сталине. В моём случае, не освобождая, судили три раза подряд и угрожали четвёртым судом.

Я отказался писать прошение о помиловании

В 1986 году заговорили о перестройке даже в лагере, хотя режим и не ослаб. К слову, 26 апреля 1986 года меня освободили в зону, после шести месяцев заключения в лагерной тюрьме (ПКТ). Почему запомнилось? Чернобыль в тот день заявил о себе. Во второй половине 1986-го зачастило в лагерь разное начальство с уговорами обратиться за помилованием. Обещали свободу без лишних проволочек. Обычно к заключённому приезжал «земляк» — сотрудник КГБ по месту ареста. Приезжал из Минска и ко мне такой «земляк», представился подполковником. Фамилию не помню, так как

забыл её через минуту после знакомства, как услышал слово «помилование».

Но самую первую обработку на помилование начали местные кураторы КГБ. В лагере их было несколько. И каждый заключённый был прикреплён к одному из них. Надо мной «шефствовал» некто майор КГБ Лукашёв, командированный из Мурманского управления (с его слов). Со мной какой смысл беседовать, если уже четвёртая судимость? Но летом 1986 года на беседу он меня вызвал. Видимо, распоряжение такое поступило. И когда я посмеялся с ехидцей над его предложением о помиловании, то услышал с оттенком угрозы: «Кукобака, запомни, мы неразоружившихся на свободу не выпускаем. Не изменишь поведения, в 1990 году на свободу не выйдешь».

Дело в чём здесь: в октябре 1990 года у меня должен был закончиться срок по приговору. Смысл угрозы, что повторно по статье 70 осуждали на 10 лет особого (камерного) режима. Так что мне продлили бы срок до 2000 года, если бы не перестройка.

Ну, а если бы на этом «полосатом» отсидел 10 лет, но поведения не изменил? Добавили бы ещё 10, и продолжай сидеть дальше, фактически пожизненно. Подобную судьбу (если бы не перестройка) я сформулировал в предисловии к очерку «История ненаписанного рассказа»: «...Спешить им было некуда. Палачи уходили на заслуженный отдых — сыновья принимали эстафету палачества». Ведь сидели же и по 25 лет со времён войны. Умирали в заключении. В Украине, например, за национальные вопросы давали сроки, как за измену Родине. К примеру, Левко Лукьяненко отсидел 25 лет. Но всё-таки выжил, живым освободили благодаря Горбачёву. Я его встречал в Москве, когда он возвращался. Потом он ещё успел поработать послом в Канаде.

Отношение в лагере было такое, что трудно прямо обвинить — убили человека или просто недоглядели. Скажем, Некипелов умер, едва выйдя на свободу. В тюрьме много жаловался на головные боли; куда-то

его возили; вроде бы смотрели — ничего не нашли. Когда он с семьёй, тяжело больным, выехал во Францию, оказалось, что у него рак головного мозга. Умер в парижском госпитале: рак неоперабельный. Было подозрение, что его заразили. Но ведь не докажешь?! Сидел в 36-й зоне диссидент из Украины Михаил Фурасов. Тихий, спокойный, кандидат технических наук, бывший спортсмен — принципиально никуда не лез. Если разговор о политике кто-то затевал — сразу отходил в сторону. Слухи были, что у него соглашение с КГБ заключено: мол, не будешь никуда лезть, якшаться с врагами, то досидишь срок и выйдешь на свободу. Если иначе, то не выйдешь. Здесь сложный выбор. Ведь если сидеть «тихо», нет огласки, значит, человек сам себя обезоруживает. Становится беззащитным и более подвержен шантажу. А если проявляет активность, то ужесточают режим. Зато он в поле внимания общественности, и власти в будущем вынуждены с этим считаться. Однажды Фурасов попал в санчасть, вроде заболел. И как-то так тихо, незаметно умер. Казалось бы, здоровый человек, раньше не жаловался. Кто-то самоубийством якобы кончал. Сидел армянин один в одиночной камере, как раз в день геноцида оказался мёртвым. Гадай тут, как на самом деле происходило. Ведь в арсенале КГБ изощрённые методы умерщвления.

Придя к власти, Хрущёв закрыл одну секретную лабораторию. Ранее её возглавлял Григорий Моисеевич Майрановский, профессор, доктор медицинских наук и полковник НКВД. Этого «врача» коллеги звали «доктор Смерть». Он испытывал на людях различные яды для совершения сотрудниками НКВД-КГБ нераскрываемых убийств деятелей оппозиции как за рубежом, так и в СССР. Этот «врач» отравил-убил людей не меньше, чем гитлеровский доктор Менгеле. После отстранения от исследований Хрущёв запретил ему жить в Москве. И тот работал в какой-то периферийной поликлинике. Так же, как и доктор Менгеле, сбежавший в Аргентину. Отравление в Лондоне подполковника Литвиненко под-

тверждает, что подобные лаборатории есть и в нынешней, путинской России. Подозреваю, что и офицер КГБ «доктор» Кекелидзе, директор института Сербского, както причастен к подобным преступлениям. Он категорически отказался допустить меня к архиву по моему делу за 1970 год. С 1978 по 1988 год Кекелидзе соучаствовал в фабрикации психдиагнозов диссидентам в этом институте. Потом на время сбежал в Грузию. Если доктора Менгеле знает весь мир, то имена «врачей» типа Майрановского и Кекелидзе замалчиваются.

Уже весной 1987-го заключённые постепенно начали покидать лагерь. Подозреваю, за редким исключением, почти все узники подписывали какое-то обязательство для своего освобождения. Кто на первых порах упрямился, тех отправляли из Перми в Мордовский лагерь, а оттуда, наоборот, в Пермский. Меня тоже отправили в Мордовию в 1987 году, а менты распустили слух, что Кукобака подписал просьбу о помиловании и освободился. В Мордовии познакомился с литовским священником Сигитасом Тамкявичусом. После освобождения ездил к нему в гости. Сейчас он то ли кардинал, то ли епископ в Литве. Когда лагерь в Мордовии ликвидировали, нас всех в январе 1988-го собрали в Пермской 35-й зоне (36-ю уже закрыли). К концу 1988 года в заключении по 70-й статье оставалось лишь два человека — Борис Митяшин в тюрьме г. Чистополя и я в 35-й зоне. Освободили нас обоих в один день, 2 декабря. Как потом узнал, перед самой поездкой Горбачёва в США.

— Украинский поэт Василь Стус. Расскажите, что с ним случилось.

Михась Кукобака: К сожалению, с Василём Стусом я нигде не пересекался. Я прибыл в Пермь-36 в июне 1985 года. В конце года меня уже посадили в ПКТ на полгода. Стус сидел на особом режиме, и контактов не было. Как он умер? Предполагаю, как и Анатолий Марченко в тюрьме. Не оказали вовремя медицинскую помощь, или не захотели. Термин «не захотели» употребил неспроста. В Новополоцкой колонии УЖ-10 был

свидетелем одного случая. Со мной в камере на ПКТ сосед решил имитировать самоубийство — вскрыл вены. Я вызвал дежурного контролёра, и уголовника унесли в санчасть. Через дверь подслушал разговор в коридоре начальника оперативно-режимной части с охранником. Охранник говорит, мол, еле успели оказать помощь, а то бы умер. На что начальник с раздражением отвечает: «А на кой чёрт вы торопились?! Пусть бы и подох». Сейчас о Василе Стусе много публикаций, доступных в интернете. У меня есть небольшая книжица его стихов на украинском за 1992 год.

Принудительное освобождение

Михась Кукобака: Я получил задание залезть на крышу производственного корпуса и счистить снег. Взял рабочие рукавицы, лопату и стал не торопясь работать. Где-то в средине дня подходит дежурный помощник начальника колонии капитан какой-то и потребовал спуститься. «Сейчас, — говорю, — где-то тут рукавица затерялась». — «Давай быстрей, что ты там копаешься? Пойдёшь на этап», — говорит. И даже в цех не пустил лопату отнести. А зачем на этап, с какой целью? Бог его знает. До конца срока далеко. А на «уговоры» меня уже возили. Я отказался писать разные просьбы, заявления. Думаю, опять куда-нибудь хотят меня перевести.

Заходим в жилой барак, начинаю собирать свои вещи. А капитан торопит: «Да что ты возишься! Это тебе уже не нужно, и это». Про себя думаю: какого чёрта мне указывает, что мне нужно или не нужно? Потом командует: «Снимай свою телогрейку, бери эту», — протягивает новую. Я стал возмущаться, мол, не хочу новую. У меня, как у нормального зэка, в одежде разные потайные карманчики устроены. «Нет, не положено», — и бросает её в сторону. А куртку зэковскую я наотрез отказался снимать — каждый для себя делает, чтобы удобнее было. После споров всё же разрешил её взять.

Потом с помощником устроили мне полный обыск, как на этап. Только там конвой обыскивает. Странно всё показалось. Собирали меня, как спецоперацию проводили: тайно, по-воровски, чтобы никто не знал. Естественно, ни с кем не позволили попрощаться. И только когда повели в штаб и предложили подписать документы на выдачу денег и прочее, тут я понял, что меня освобождают. А это был уже вечер, декабрь, 6 часов — уже темно. Расписался, получил деньги — около тысячи рублей у меня накопилось. Выдали деньги на билет, документы, справку об освобождении. «Всё, иди», — вытолкали за вахту на мороз. А там ещё до станции надо было добираться. Даже не знал, в какую сторону идти. Вот такое хамское отношение. Был крайне раздражён, когда прочитал в справке слово «помилован». Как так можно?! Принудительно миловать. Да не просил я никогда у них никакой милости! Это меня возмущало больше всего. И даже освобождению поначалу не радовался.

На станции купил билет до Москвы. Это было 2 декабря. День рождения был в поезде, а 4-го рано утром прибыл в Москву на Ярославский вокзал.

Чувствовал себя оскорблённым

В Москву приехал в таком же паршивом настроении: чуть ли не напрашивался на скандал, грубил милиции, если задерживали для проверки документов. Настолько чувствовал себя оскорблённым. Сошёл с поезда в зэковской форме, с котомкой за плечами, в которой лишь с десяток книг всего имущества. Гражданскую одежду, предчувствуя новый арест, ещё в конце 1981 года отослал Нине Комаровой — жене Некипелова. Взгляды в мою сторону настороженные — видят, явно из тюрьмы. Какой-то таксист: «Куда ты хочешь?» — сразу ко мне. Думает, освободился, значит, с деньгами. Я отмахнулся, посидел, размышляю, что делать дальше. Покопался в записной своей, нашёл

адрес Вячеслава Бахмина. Знаком был с ним ещё до ареста. При освобождении обычно направляют по месту жительства или последнего суда. Для меня это была Могилёвская область, видимо. Но и в мыслях не было выполнять их предписания. Дальше Москвы никуда не собирался, так как здесь все посольства. Позвонил Бахмину, у него переночевал.

На следующий день поехали к Льву Тимофееву — моему бывшему сокамернику. Он освободился одним из первых в 1987 году и успел хорошо обжиться. Впрочем, «обжился» скорее в кавычках. Его арестовали под занавес застоя в марте 1985 года. Поэтому вернулся к жене, детям в свою трёхкомнатную квартиру. Для справедливости отмечу: после освобождения он при любом удобном случае, везде напоминал, что Кукобака всё ещё в лагере. Первое время и материально пытался мне как-то помочь. Из бывших заключённых-москвичей он был единственным. Помогли мне также бывшие солагерники, литовские католики Сигитас Тамкявичюс и Альфонсас Сваринскас.

На квартире у Тимофеева прошли первые интервью и беседы. У него же я инструктировал американских журналистов перед их поездкой в 35-ю зону. Там продолжали сидеть «изменники» по 64-й статье. Позже Горбачёв всех освободил. Многие сразу выехали за кордон.

Две недели прожил у Тимофеева, пока он по делам находился во Франции. Но главная проблема с паспортом. В целом без документов я проболтался девять месяцев. А потом ещё семь месяцев не мог прописаться нигде. Узнают, что освободившийся, да еще и политик: «Да ну его, связываться». И паспорт никто нигде не хотел выдавать. Зашёл однажды в УИН (исполнение наказаний), там мне: «Да ты что?! Столько времени болтаешься без дела, без документов?! Тебя посадить надо». Я говорю: «Ну так сажайте! Зачем тогда освобождали меня?» Потом решил съездить в город Александров Владимирской области: попытаться там полу-

чить документы. Главное, недалеко от Москвы. Прихожу в паспортный стол. Вот, мол, освободился и хочу получить документы. Паспортистка взяла справку, глянула на дату освобождения: «Ой, я так не могу, вам надо сначала к начальнику милиции зайти, если он разрешит…» Я понял: откажут гарантированно. Вернулся в Москву, просмотрел свой архив: взял копию приговора, всякие публикации обо мне в самиздате и за кордоном, в разных изданиях. Сформировал целую папочку таких документов и через пару дней снова приехал. Сразу к начальнику милиции: вот, говорю, меня к вам паспортистка направила насчёт паспорта. И протягиваю ему свою злополучную справку. Начальник — мужик лет тридцати, из молодого поколения, а не замшелый сталинист. Он глянул на справку и тоже удивился: «Слушай! Ты же девять месяцев назад освободился! И до сих пор не… Ну-ка докладывай, сколько преступлений совершил за это время? Тебя же, — говорит, — сажать опять нужно: все сроки прошли. И потом, почему ты сюда явился? У тебя же направление в Беларусь, в Могилёвскую область».

Я с иронией поддержал его обвинительный тон. Мол, преступлений совершил немало. Но если бы вы знали, сколько преступлений было в отношении меня совершено, то чаша весов… Примерно так началась наша беседа. И, слово за слово, начал рассказывать: за что, сколько и где сидел. Открыл папочку, одну вырезку ему даю, другую. Фото из зарубежных журналов показываю. Капитан милиции в провинции, обычный советский служака. Никогда ни с чем подобным не сталкивался. Ну, слышал раньше по радио, в газетах читал про «отщепенцев-клеветников». А тут перед ним живой «враг народа». Не злобный, улыбающийся, — вопреки газетным характеристикам. Причём освобождён досрочно. К тому же в стране что-то стало меняться. Бывший «клеветник» Сахаров оказался вовсе не клеветником, а уважаемым человеком. В Верховном Совете выступает перед самим Горбачёвым. Капитану всё это интересно и

внове. Одну вырезку прочтёт, другую просмотрит. В общем, как я сориентировался, беседовали мы часа три. Кто-то входит по делу, он подпишет какую-то бумажку, что-то скажет, и мы дальше продолжаем обсуждать разные проблемы.

Потом он вызвал паспортистку: «Ладно, Анна Ивановна (назовём её так), выдайте этому человеку паспорт. Может, когда-нибудь и о нас доброе слово скажут». Так я получил паспорт. Но паспорт без прописки что? Милиция задерживала. Ведь в Москве было правило трёх дней. Житель провинции как иностранец. Никто мне не помогал этом плане, к кому ни обращался. Местных диссидентов, не хочу называть фамилии, спрашиваю: «Может, поинтересуешься, кто-нибудь по соседству от тебя квартиру сдает или за деньги прописать может?» Каждому некогда, у каждого свои дела.

В поисках жилья и прописки

Как-то случайно познакомился с одной молодой девушкой, артисткой местного театра. В свободное время подрабатывала секс-услугами. Вот она и подсказала: «А ты съезди в Струнино. Я сама была там прописана». Поехал, это маленький городок рядом с Александровом. Походил по улице, поспрашивал. Кто-то подсказал: «Вон там дядька пенсионер ремонт делает, может быть, он?» Подошёл, смотрю, пожилой человек дом перестраивает. Я к нему: «Мужик, мне временно прописаться надо. Живу в Москве, беспокоить не буду. Это чистая формальность». Он что-то начал раздумывать. Тогда напрямик спрашиваю: «Триста рублей тебя устроит? К сожалению, у меня больше нет». Ну хорошо, согласен. Тут же оформили прописку без канители. 300 рублей тогда — две месячных зарплаты в провинции. В Москве больше было, около двухсот средний заработок. После прописки местный участковый вызвал на профилактическую беседу, как освободившегося из мест заключения. Я его успокоил: «Беспокоить вас

не буду. Постоянно живу в Москве». Вот так я решил проблемы с бюрократией.

Что касается вышеупомянутой девушки-артистки (к слову, она белоруска из Гомеля, у неё всё сложилось отлично. Много позже встретил её в Москве, разговорились. Она познакомилась с одним бизнесменом из Греции. Он ей оплатил какие-то коммерческие курсы. Поженились, и она готовилась уехать с ним в Грецию.

Теперь о моём жизнеобеспечении в Москве. Здесь грех жаловаться. Во-первых, у меня было лагерных с собой около тысячи рублей. А это около пяти месячных зарплат. Из фонда Солженицына «подогрели» около 300 рублей. Кроме того, Марья Гавриловна Подъяпольская, которая «шефствовала» надо мной все 10 лет заключения, перед отъездом в США оставила для меня облигаций на 400 рублей. Я их сразу обменял на деньги. Да, иногда приходилось и на вокзале ночевать. Кто же просто так жильё сдаст человеку без прописки? Но я никогда не падал духом, ко всему относился с долей оптимизма и юмора.

Был такой момент, проснулся на Ярославском вокзале, размышляю, куда податься и что делать. Покопался в разных записях и обнаружил телефон одного бывшего солагерника по 35-й зоне, «изменника родины» и кандидата наук в придачу. Московцев Виктор, химик, работал в области гранулирования веществ. Его разработки могли быть двойного назначения. Скажем, для производства пороха, другой взрывчатки. Он пытался запатентовать свою работу. Здесь не получилось, и он обратился к румынам. Так он попал в изменники на 13 лет. Забегая вперёд, замечу: Горбачёв и его помиловал. Мы познакомились, когда меня в январе вывезли из Мордовии в 35-ю зону. После знакомства я попросил его дать мне свой приговор для ознакомления. Внимательно изучив, заметил ряд нестыковок, мягко говоря. А я не упускал случая просматривать разные журналы, газеты. И в одном журнале наткнулся на статью о деле Московцева. И обнаружил в нём явный подлог со

стороны Филиппа Бобкова, зампреда КГБ. Спросил Московцева: «Ты писал надзорную жалобу?» — «Да нет, это бесполезно, я кассацию писал», — отвечает. «Хорошо, давай тогда я попробую написать её для тебя». Посидел вечера два и составил надзорную жалобу в Верховный Суд, в которой уличал Бобкова в подлоге. Подаю текст Московцеву и журнал со статьёй о нём: «Ознакомься, перепишешь своим почерком и отправляй». Он, когда прочитал жалобу, очень обрадовался и удивился, что человек, не имеющий юридического образования, смог так подготовить. И другим она понравилась. Но всё оказалось напрасным — КГБ жалобу в Верховный Суд не пропустил. Вопреки всем законам. И это уже шёл 1988 год. Я так полагаю, этот инцидент сильно запал в мозги Московцеву.

Я позвонил с вокзала: «Виктор, здорово! Как дела?» — «А кто это?» — удивлённо спрашивает. «Да я, Мишель, не узнаёшь?» — «Ой, Мишель! Здравствуй! Я так рад, что ты на свободе. А ты откуда звонишь? Ты где сейчас?» — «Да, пока на Ярославском вокзале обитаю, а дальше видно будет». — «Как так на вокзале?! Подойди к последней кассе и будь там. Никуда не отлучайся».

Тут же берёт такси и приезжает. А у него самого были сложности какие-то, с матерью конфликт или ещё что. Но всё-таки он уговаривает мать, и она согласилась, чтобы я переночевал. Потом в другую квартиру меня повёз, там переночевал. Короче говоря, он очень активно занялся моей проблемой. Видно, так на него подействовала та неудавшаяся жалоба в суд.

Новый, 1989 год я отмечал в компании вместе с поэтом Юрием Айхенвальдом, известным филологом. Сидим, выпиваем, вдруг звонок, он снимает трубку и через минуту: «Ну всё, Михаил, могу тебя поздравить, удалось снять нелегально квартиру через посредника. Встретишься завтра, возьмёшь ключи. Будешь платить хозяину по обычной для Москвы цене. Главное, что он согласился сдать».

С меня хозяин запросили 130 рублей в месяц за однокомнатную квартиру недалеко от метро «Кузьминки». Первое время я даже хозяина не видел, всё только через посредника. У него был запасной ключ от квартиры, а я деньги под телефоном оставлял. Работу мне предлагали в каком-то кооперативе — кабели прокладывать. Решил, лазить по этим туннелям — не для меня. Лучше газеты продавать. Стал газеты продавать; добывал деньги разными путями, в рамках закона или чуть-чуть около закона.

У меня весь срок — шесть тысяч и шесть дней

— Скажите, а сколько времени Вы были в разных тюрьмах? У Вас в биографии написано, что в общей сложности семнадцать с половиной лет.

Михась Кукобака: Нет, шестнадцать с половиной. Это мне прибавляют иногда. А в психушках из этих шестнадцати с половиной у меня ровно пять лет. Я подсчитывал — у меня весь срок шесть тысяч и шесть дней.

— Где были самые античеловеческие, жёсткие условия?

Михась Кукобака: Это, пожалуй, в Новополоцке было. Общий режим. Начальник — подполковник Новик, зам. по режиму — Косяк. Сажали по любому пустяку. На меня, можно сказать, с первых дней был нажим именно на то, что им не хотелось меня держать. В Беларуси было не так много политзаключённых, если вообще были в лагерях. Честно говоря, не помню, чтобы ещё где-то кого-то встречал. В Беларуси я сидел на трёх зонах: десятка, шестёрка, двенадцатая, и потом, по тюрьмам: Могилёвская, Гомельская, Бобруйская, Витебская. Нигде не встречал политических, вот только был в институте Сербского какой-то мужик, филолог. Когда меня привезли в Новополоцк, я даже скрывал, что я политзэк. Чтобы избежать всяких провокаций, обвинений в пропаганде. А это же всегда интерес-

но соседям: кто за что сидит. Под всякие там понятия подгоняют поведение.

«Мужик, ты по какой статье?» — «Да, — говорю, — поскандалил с ментами. Вечные конфликты у меня с ними». — «А, ну да, срок-то три года».

Но это недолго было. Однажды после работы прилёг (где-то через неделю, максимум две), меня толкают: «Слушай, мужик, а ты что-то темнишь. Ты ведь не из-за ментов здесь, ты политик».

Я говорю: «Откуда вы знаете? Какой, к чёрту, политик? Я простой работяга». — «Да знаем мы всё. О тебе по “Свободе” передавали, и по “Голосу Америки”».

Ну да, родственники навещают. Новые осуждённые поступают — делятся новостями со свободы. Такие вещи долго в секрете не держатся. Потом стали больше интересоваться: где, что. Тем более фамилия редкая, и ко мне потянулись, из любопытства или за советом: помоги то, другое составить. Я старался по возможности отгородиться от этого: “Ребята, я Кодекса в руки не брал. Я не юрист”, — но это не помогало. «Да ну, не гони, мы всё знаем о тебе». И я иногда помогал написать какую жалобу, письмо. Но в основном помогал советом.

Естественно, администрацию это раздражало. Потом, политзанятия проводились. По их законам, я должен посещать их вместе со всеми. И тут скандала не избежать. К примеру, начальник отряда, лейтенант задаёт мне какой-то вопрос. Но в ответ слышит: «Я на ваши вопросы не могу отвечать». — «Почему?» — «А вы знаете, за что я сижу? За свои политические убеждения. Меня считают преступником. А если меня за убеждения посадили, то любое высказанное мною слово будет квалифицироваться как продолжение преступления. Поэтому не обессудьте, я ни на какие ваши вопросы отвечать не могу».

А это же слышат все. И это расценивается как вызов, как пропаганда, демонстрация своего рода. И под любым предлогом меня старались заталкивать в лагерную тюрьму — ПКТ.

Или, скажем, кино. Для зэка кинофильм — это как лишнее развлечение. Какое бы это кино паршивым ни было. Я принципиально не желал посещать эти пропагандистские фильмы. Иногда удавалось. Потом обратили внимание на моё поведение: «Кукобака, а ты почему в кино не идёшь?»

Киносеанс в столовой проводили. Натягивали простынь вместо экрана и показывали.

Отвечаю начальнику отряда: «Понимаете, я — политзаключённый и сижу за антикоммунистические убеждения. И все эти пропагандистские фильмы не желаю смотреть. Ваша пропаганда противоречит моим убеждениям. И попытки насильно заставить смотреть советские фильмы следует расценивать как моральную пытку». — «Но ты обязан по распорядку дня быть вместе с отрядом», — настаивает лейтенант.

Ну что ж, я оделся, вошёл в зал. Сел на самую заднюю скамейку. Как только фильм начался, я повернулся спиной к экрану и поднял воротник телогрейки. Тут ко мне: «Повернись! Сядь как следует!» — «Я же вас предупредил: смотреть ваши пропагандистские фильмы не буду».

Тут же вызывают конвойных и отправляют меня в ПКТ на шесть месяцев. Так что большую часть срока я провёл на тюремном режиме. Или в штрафной изолятор помещали на 15 суток и даже на 30 подряд. Сажали по надуманному поводу, мол, у тебя пуговица не застёгнута. Потом решили совсем от меня избавиться. Отправили в Литву. С месяц просидел в тюрьме Вильнюса. Но Литовское МВД тоже отказалось меня принять и вернуло в Новополоцкую колонию. Тогда власти отправили меня в Елецкую крытую тюрьму, что в Липецкой области. В Елецкой тюрьме за два дня до окончания срока, 17 октября 1981 года, меня снова арестовали по той же статье 190-1 — «антисоветская пропаганда». Так и продолжалось моё путешествие по тюрьмам и лагерям, вплоть до 2 декабря 1988 года.

Здоровье — наследие трудного детства

Михась Кукобака: Здоровье, как я полагаю, мне досталось из трудного детства. Представьте себе: обуть нечего, кроме лаптей. Одеться не во что. Как я рассказывал, пальто из перешитой немецкой шинели. Вместо шапки — красноармейская будёновка со звездой. Вечно полуголодный. В общем, жизнь — на выживание. А раз выжил, отсюда и здоровье.

Лапти для ребёнка вещь неудобная: верёвки там обматывать, завязывать. Это же проблема! Родители зарабатывают на пропитание. Мы, трое ребят без надзора, сидим в избе. Один инвалид немножко, плохо разговаривал. Зима, скучно часами сидеть в хате возле буржуйки. Выскакиваем на улицу и босиком по снегу бегаем, играем, пока ноги не закоченеют. Опять в избу отогреваться. В Беларуси всё-таки редко бывает сильный мороз. Даже зимой иногда оттепели. Такая вот незапланированная закалка получалась. И это надолго.

Вспоминаю, где-то в марте 1954 года переезжали по льду через Ангару. Недалеко от берега грузовик провалился под лёд. Чуть-чуть верх кабины возвышался. А я сидел в кузове. Дремал, положив голову на колени какой-то девице. Вдруг по горло в ледяной воде! Вскакиваю как ошалелый. Нас было трое ребят и три девушки. В кабине — шофёр с пассажиркой. Шофёр чуть не захлебнулся, а она повыше сидела. Хорошо, что машина старенькая, верх фанерный. Мы вдвоем стали каблуками пробивать крышу — вытаскивать водителя и пассажирку. Третий начал девушкам помогать. Там ещё пару бочек пустых плавали. Картина сюрреалистическая — бочки крутятся, а они хватаются за них. Короче, все выбрались на берег. Напротив села Малышевка это произошло — даже запомнил. Вечер, темно. Подошли к одной избе — нас не пустили. Ко второй — то же самое. Одежда ледяной корочкой стала покрываться — морозец на улице. Наконец в третьей открыли. Впустили, мокрых, дрожащих от холода. Все простыли, кроме меня.

Немало эпизодов неприятных было в жизни. Но как-то удачно для меня обходилось.

— А Вы в заключении, в карцере физические упражнения делали? Расскажите.

Михась Кукобака: Это да-а! Сегодня даже удивляюсь своему давнему упорству. Во-первых, все эти тюрьмы, карцеры — закрытые помещения. Мало пространства для движений. Я сделал упор на приседаниях для тренировки сердца и общего тонуса. Также отжимания-подтягивания, по возможности. Старался заниматься в любых условиях. Даже в ШИЗО (штрафной изолятор) приседал и на решётке подтягивался, от пола отжимался регулярно. Несмотря на пониженное питание. Помню, просидел 30 суток в ШИЗО, и ни дня без тренировки. Там ведь кормили — хлеба 150 граммов, ложка соли и кружка кипятка. Через день пониженное питание. Не знаю, насколько похудел, но через 30 суток меня пошатывало. Я вышел, и у меня координация была нарушена. Даже лагерный врач вынужден был признать, что у меня белковое голодание, и назначил какое-то снадобье.

Приседал я на одной ноге, редко на двух. Мог присесть 30–40 раз на одной ноге. Бывали перебои с сердцем. Просил в санчасти валидол. Держал наготове таблетки и всё равно не прекращал занятия. Хотя где-то читал, что валидол — бесполезная вещь. Но считалось, что помогает. Наверное, здесь элемент самовнушения. У меня давно какие-то проблемы с сердцем. Сейчас всё чаще напоминают.

Кампания «Никто не забыт»

— Скажите, Вы встречали в советское время в лагерях людей, которые потом были казнены по политическим мотивам?

Михась Кукобака: Летом 1982 года из колонии в Усмани, что в Липецкой области, от меня решили избавиться, после пары бесед с начальником режимно-опе-

ративной части. К слову, это была лучшая колония из всех, в которых я сидел за все годы. Лучшая по всем показателям. Даже не понял, чем я им там не угодил. Нарушений никаких за мной не было. В общем, меня спровадили в лагерь в Орше. Где-то в августе взял газету «Советская Россия» у кого-то. Стал просматривать. Внизу большая статья: «Изменникам нет пощады» — на всю жизнь запомнил её. Подумал, за очередное военное преступление кого-то судят. Пробежал глазами текст и наткнулся на знакомое имя — Лукьянов Ермак Михайлович. Стал читать внимательно, и когда дошёл до заключительной строчки: «Приговор приведён в исполнение», у меня буквально волосы зашевелились на голове, встали дыбом, как говорят в народе. За всю жизнь у меня такое случилось лишь дважды. Этому есть даже медицинское объяснение. Но не об этом сейчас речь.

Судебное решение «привести приговор в исполнение» — мне это показалось абсолютно нелогичным, абсурдным. Почему так?! С человеком, о котором статья, я был лично знаком. Встречался с ним три раза с 1970 по 1981 год на экспертизах в институте Сербского. История длинная, скажу коротко. Лукьянов Ермак Михайлович, калмык, гражданин Бельгии, был завербован КГБ как шпион. А потом отказался сотрудничать. В последний приезд в СССР арестовали, объявили душевнобольным и отправили в Казанскую спецпсихушку. Там продержали 15 лет и в 1982 году расстреляли. Вот это меня и поразило. Максимальный срок по советским был 15 лет. Кроме того, человек был признан невменяемым. После 15 лет в психушке расстрелять?! В очерке: «Какие тайны хранит институт Сербского?» об этом я рассказал подробнее.

— Была кампания «Никто не забыт», может быть, мы знаем о ней как о кампании о героях войны. А её обратная сторона?

Михась Кукобака: Я не был знаком с делами непосредственно, но в так называемых политических лаге-

рях это была достаточно большая группа людей, которые сидели за так называемые военные преступления, за сотрудничество с немцами. Я не помню, чтобы кто-нибудь из них показывал свои приговоры, они скрывали их. Но из разговоров это было так. Когда Брежнев объявил эту кампанию, то, если человек отсидел меньше 15 лет, его опять арестовывали и забирали в лагерь, и была такая формулировка: «по вновь открывшимся обстоятельствам». Ему давали срок догонять до 15. Если он отсидел 5 — ему давали 10, отсидел 10 — пятёрку давали. А что значит сотрудничество? Ну, погнали его на работу, работал он в бригаде — это сотрудничество. Если женщина переспала с немцем — это сотрудничество. А людям же надо было как-то жить. И потом, что значит «полицай»? Это надо в корне пересмотреть. Оккупированная территория. Если немцы не понимают местных, как они могут наводить порядок? А порядок нужен, потому что начнётся анархия, бандитизм, грабежи. Для бандита, преступника какая разница, при советской он власти бандит и при немцах бандит. А при немцах ему будет больше свободы, если нет милиции-полиции. Вот в чём дело. Поэтому полицаи были необходимы. И это нормально, за это, я считаю, нельзя наказывать. То есть можно наказывать только в том случае, если этот полицай злоупотреблял. Нередко немцы сами наказывали полицаев за злоупотребления. Во-первых, это им невыгодно было, им нужен было порядок. И им нужно было, чтобы со стороны населения было какое-то уважение, чтобы их признавали законной властью. А если полицаи будут злоупотреблять, то это подрывает авторитет оккупационных властей. Таких полицаев сами они и расстреливали. Другое дело, полицай мог доносить, и это поощрялось. Вот за это наказывать надо. Но ведь не разбирались. Судили просто за то, что был полицаем; за сам факт, что был работником правопорядка.

Именно поэтому я и приехал к Василю Быкову 4 января 1989 года, чтобы обсудить с ним эту проблему,

побудить его сделать запрос в Министерство внутренних дел. У него же большие возможности: он был депутатом Верховного Совета, лауреат премий, Герой труда. Ему ничего не стоило сделать запрос в Министерство внутренних дел, я ему назвал бы фамилии. А кто меня будет слушать? Я — бомж, без паспорта, со справкой с этой, не прописан. По свежей памяти — пока имена в голове, истории — хотел привлечь его к сотрудничеству. Говорю ему: «Есть белорусы, которые сидят, как я полагаю, по сфабрикованным делам. Но одно дело я так считаю; давайте проверим, сделаем запросы, пересмотрим эти дела». Он от этого уклонился. Его тогда интересовали больше выборы. С тем я и уехал. Об этой встрече с Быковым написал небольшой очерк «Писатель спешит на заседание». Он был опубликован в эмигрантской газете «Беларус» и ещё где-то.

Уверенность в своей правоте

— Что Вам помогло не сломаться, остаться таким, какой Вы сейчас?

Михась Кукобака: Мне помогла уверенность. Никаких сомнений в правоте того дела, чем я занимался. Потому что это даёт определённый психологический настрой. В какой-то мере это сохраняет и нервную систему, душевные и физические силы, если человек уверен, что то, что он делает, — это правильно. Полагаю, в этом главный источник силы для самосохранения как личности. А сомнения подтачивают силы. И ещё что важно. Надо рассчитывать силы. Поражения по субъективным причинам порождают неуверенность, ослабляют организм и приводят к разным болезням.

Лично мне знаком пример, когда человек умер от внутренней паники. Не рассчитал свои силы. С ним был лично знаком, но опущу имя. Это был честный, неравнодушный человек, правозащитник в провинции. Имел хорошую работу, семья, дети. С подачи ФСБ ему стали угрожать из-за его активной антивоенной позиции. И он

не выдержал. Взял с собой десятилетнего сына — и в американское посольство. Там ему без промедления дали визу, и он улетел, оставив жену и второго ребёнка. Семья оформляла выезд уже в обычном порядке. По свидетельству знавших его, на здоровье никогда не жаловался. Через полгода врачи в США обнаружили рак поджелудочной железы. Умер в 56 лет. Жена смогла приехать лишь после его смерти, если не ошибаюсь. Лично я убеждён, что он заболел из-за нервной перегрузки. Если человек ввязывается в драку, то нужно быть готовым держать удар.

Я противоречивое представление о себе создаю

— Мы вчера вечером сидели, разговаривали — и заметили, что стали лучше себя чувствовать после общения с Вами. Стали увереннее в себе!

Михась Кукобака: Дай Бог, я рад.

— Как Вы ощущали в лагере международную поддержку?

Михась Кукобака: Да никак. Была строжайшая цензура. О письмах из-за рубежа и речи не было. Но был уверен, что в мире нам сочувствуют многие. За 16 с половиной лет лишь раз передали открытку из Дании, где-то за месяц до окончания срока. Видимо, КГБ колебался, выпустить меня или нет. Это было в крытой тюрьме, в Ельце.

— Это Вам знакомый человек прислал?

Михась Кукобака: Да нет, конечно. Никогда ни с одним иностранцем не встречался и не был знаком до освобождения. Открытку мне прислали из датской группы «Международной амнистии» (AI). После освобождения узнал, что меня опекала AI в трёх странах — Дании, Австрии и Англии.

— Это единственное, что Вам пропустили, а посланий было, наверное, больше?

Михась Кукобака: Конечно. Как позже узнал, одна девушка из Англии, Caroline Brown писала мне каж-

дую неделю в лагерь. Но первое письмо от неё получил лишь в середине декабря 1988 года в Москве. Не скрою, мне было приятно прочитать в нём такие строчки: «Мы все старались помогать вам. Потому что вы подавали хороший пример». Она хорошо писала на русском, но говорить не могла, к сожалению. А вот поздравление из лагеря Сахарову я посылал... Всё-таки 1988 год шёл и академик уже был в Москве.

Жена Некипелова Нина в воспоминаниях «Вестник мечты», будучи во Франции, пишет: «Он прислал нам копию своего письма в Президиум Верховного Совета, в котором просил предоставить возможность покинуть страну, поскольку он ей не нужен». И это было опубликовано. А я не говорил такого. У меня совсем другая идея была. И далее: «Аргументы у него — нет жилья, в свои 40 лет живёт в общежитии, у него нет права на работу по специальности, так как числится психбольным. Его насильственно помещают в психбольницы, что является нарушением прав человека. Поэтому он не может осуществить элементарного права иметь семью».

Она как бы пытается пересказать моё заявление в Президиум, но очень сильно путается. Всё было не так. А в конце письма, которое нам пишет: «Отправил письмо и вдруг испугался: а что, если мне дадут квартиру, работу? Что тогда делать? Против чего же тогда выступать?» И вот её мнение: «Если есть квартира, работа, жена, дети, то что ещё нужно, от чего отталкиваться в своей борьбе? Испуг его был так искренне наивен, что мы рассмеялись.

А потом всё-таки был арест. И снова была экспертиза в Сербском. И мы страшно переживали за него, Витя писал письма в его защиту. И как радовались, когда он был признан вменяемым и получил на суде три года по 190-й. Мы целовались и обнимались от радости, что человека признали здоровым. За это можно отсидеть три года. На суд, состоявшийся 20 июня 1979 года, ездили Маша Подъяпольская и Виктор. Приехали (вер-

нулись из Бобруйска) в восторге от Миши. Рассказывали, как хорошо, мудро и умно держался на суде. Все подробности потом были написаны и переданы в Хронику текущих событий. Конечно, суд, как всегда, был спектаклем. Адвокат Резникова не смогла приехать и просила отложить, но отклонили просьбу, назначив своего адвоката. Обвиняемый попросил суд предоставить Некипелову право быть защитником, но суд отклонил и эту просьбу. Это несмотря на юридическую доверенность, потому что Некипелов был судим по той же статье, и потому нет уверенности, что защита будет добросовестно исполнена. В общем, Миша, отказавшись от услуг дежурного "адвоката", защищал себя сам. "*Его защитительная речь была яркой, эмоциональной, откровенной, никакой адвокат не защищал бы его так горячо и убедительно. Ему дали высказаться, поскольку в зале были члены суда, два представителя КГБ и двое друзей. Риска открытой пропаганды и агитации не было. Судьи у нас ведь верные и неподкупные, а друзья, так они не сегодня завтра окажутся сами за решёткой. Да, Нинуш, если бы ты его слышала, всё-таки здорово он вырос за два года*". Ну а потом арестовали Виктора, и переписку с Мишей пришлось вести мне». И тут она уже начинает такую ересь про меня нести.

— *Про суд ведь хорошо написала?*

Михась Кукобака: Да. Но, во-первых, исказила смысл моего заявления в Президиум. Я не так вовсе писал. Я о том говорил, что, если всё сказанное мной является преступлением, значит, я обречён на пожизненное заключение. Тогда проявите акт гуманности — давайте разойдёмся. К чему это: три года, три года, три года постоянно. Взгляды — это же не рубашка, которую можно сменить, взгляды человека всей жизнью формируются, их нельзя менять, как перчатки. А она всё исказила. Вот что она про меня пишет, путается: «Миша вырос в детдоме, в 38-м году родился, в 70-м арестован. В 38 лет не познал ни тепла дома, ни счас-

тья, ни семьи. Профессию, что имел, и ту отобрали. Да и что электрик с его-то головой? Познакомился в тюрьме с Любарским, с Володей Борисовым. От них узнал, что есть люди, сидящие в тюрьмах, как и он, отстаивающие права человека. Когда вышел, он узнал, что о многих говорят. Вот это, видимо, его и сломило».

Это такая чушь, ни в какие рамки не входит. «Диссидентов он разделял по званиям: Пётр Григорьевич — генерал, Татьяна Сергеевна Ходорович — полковник, ну, Витя Некипелов, наверное, капитан. Сам же он человек маленький, рядовой. И так захотелось Мише получить чин, захотелось ему кем-то всё-таки стать, — и Миша получил второй срок, опять по 190-й — не повезло. А еще через три года он всё-таки добился, что ему дали третий срок — по 70-й. “*Скоро увижусь с Виктором*”, — написал он в своём письме».

Ну, это же такая глупость, я просто слов не нахожу. Вся моя последующая биография опровергает эти её суждения.

Ещё она описывает, как власть, мол, на меня подействовала: «Отправили в Сычёвку, самую жестокую спецпсихбольницу. Потом во Владимирскую. Какой же должна быть система, чтобы довести человека до состояния, что он своё право на полноценность оценивает статьей 70-й, “престижная”».

У меня просто слов не хватает для комментария этих фантазий. «Да, он добился признания: о нём писали статьи, о нём передавали все голоса зарубежных радиостанций, общественность, западные профсоюзы рабочих требовали освобождения Михаила Кукобаки. Он добился признания себя как личности, но система отбила у него вкус к жизни. Система искорёжила в нём понимание счастья жизни, он, борясь с нею, на самом деле слился с нею в едином революционном лозунге: в борьбе ты обретёшь счастье. А счастье — оно в улыбке, в работе, в отдыхе, в чувствовании красоты мира. И это всё отнято у Михаила Кукобаки. Может, и добился он “офицерских погон”, да только что с ними делать? Я по-

тому так подробно пишу, что Миша был частью нашей с Витей жизни».

— Тут рисуется образ человека скорее озлобленного…

Михась Кукобака: Да, как будто ваххабит я какой-то, который взрывает поезда…

— Когда мы ехали к Вам, то мы тоже ожидали увидеть что-то чудное, ещё почитали ваше письмо про депрессию, в которой Вы якобы находитесь… Мы даже не знали, как нам правильно заходить в дверь, потому что думали, что тут будет старый ворчливый диссидент…

Михась Кукобака: …старый, вредный… Моя подруга так же меня охарактеризовала, когда мы расставались: «Я с тобой поставила несколько личных рекордов. Я знала много мужиков. Из всех них ты оказался самым паршивым, самым старым, самым занудным. И больше всего времени я с тобой провела». Рекорды все перечислила и в заключение: «Я, конечно, с тобой бы составила нормальную семью, если бы у тебя была квартира. Но я же не цыганка, чтобы с тобой по вокзалам шастать».

А вот я прочитаю коротко. Была у меня ещё одна знакомая, которая прочитала эту «характеристику» и рассмеялась. Вот комментарий по поводу моей статьи «О холуйстве московской прессы», там на меня бочки катят, ругают меня, такой я, сякой. И тут за меня вдруг неожиданно вступается один русский националист: «Мишель — старый, занудный, мелочный, но самый настоящий из всех самых настоящих диссидентов-сидельцев…» — и т. д.

Вот такое о себе противоречивое представление создаю!

**Самая главная Конституция —
это которая в голове у человека.**

В тюрьме я сам себя настроил на «бесконечность», образно говоря. И чувствовал себя психологически вполне нормально. Не подсчитывал, сколько мне дней до свободы осталось, не нервничал, не переживал. Вот так. Бывает такой подход в психологии.

— Можно какую-нибудь рекомендацию от Кукобаки, что делать со страхом?

Михась Кукобака: Боюсь, нет тут рекомендаций, это очень индивидуальная вещь. Я думаю, что главное — быть честным перед самим собой. Я где-то в статье сформулировал, что когда человек кончает самоубийством, то немалая причина тому — это потеря самоуважения. То есть когда самоуважение опускается до нуля, то человеку становится безразлична собственная жизнь. Значит, самое важное — быть честным перед самим собой, не фальшивить.

Говорят так: «В Конституции написано…» Самая главная Конституция — это которая в голове у человека есть. Вот ей и надо следовать. Если ты признал, что вот это правильно, — всё, не отступай. Конституция пишется в угоду правителю очередному. Сегодня один у власти, завтра другой. И человек не должен прогибаться под каждого.

Обычно это называют словом «совесть». Я называю это внутренней конституцией человека. Если человек привык быть честным перед самим собой, то легче быть честным и перед окружающими. Критически относиться к своему поведению, к собственным поступкам. Потому что очень важно признавать, если ты не прав. Самому себе сказать: «Да, неправильно поступил». В первую очередь самому себе признаться. Если где-то струсил, говорю себе: «Чёрт побери, струсил». А не искать отговорки, почему я вот так поступил. Другие, может, думают иначе.

Я хотел вам один эпизодик забавный рассказать. Это было, когда я сидел под следствием в Бобруйской тюрьме. Мы вдвоём с напарником в камере: он — за какое-то бытовое преступление. На Новый год зам. начальника тюрьмы майор Золотарёв лишил меня ларька, закупок продуктов. И перед Новым годом, 31-го, приходит в камеру, поздравляет. Я говорю: «Вы что, издеваетесь, что ли, над нами? Лишили продуктов, голодом морите, и тут ещё...» — «Морим тебя, говоришь?!» — и начал обыск делать.

Естественно, ничего не нашёл, кроме положенной пайки.

«Так что, тебя тут голодом морят?» — «Да, морите! А вы подумали, какое место в истории можете занять? Вот представьте себе, пройдёт какое-то количество лет, и на тюрьме появится табличка: “Здесь томился известный белорусский диссидент, узник совести, Михась Кукобака”. А ваш внук будет проходить с приятелем и стыдливо голову отвернёт. Скажет: “А мой дедушка морил этого Кукобаку голодом”».

У майора аж челюсть отвисла от такого пассажа. И он заорал: «Бульба! (Это из зэков, который по хозяйству помогал.) Иди на кухню, скажи от моего имени, чтобы этому Кукобаке булку хлеба выделили, — и ко мне: — А сухари ты как, не против?» Я говорю: «А кто же будет против, дурак я, что ли, отказываться?»

Потом они ушли. И точно — на следующее утро в кормушку булку хлеба протягивают, а потом ещё и бумажный мешок сухарей нам. Вот так мы встречали новый, 1979-й год.

Вот такая была история с майором Золотарёвым. У нас постоянно — обыски, то, другое. А я чуть ли не каждые три дня жалобы писал разные. Наконец, однажды он приходит и говорит надзирателям: «Да ладно, оставьте его в покое! Пусть пишет, что хочет, допишется на свою голову».

Февраль 2013 года, Москва

Братья-то братья, но они разные
(запись сделана в Бобруйской крепости в апреле 2014 г.)

Михась Кукобака: 65 лет назад я тут тоже бегал. Сбегал из детдома, на Минской улице который был. 65 лет. Это целая жизнь.

Да, я помню, валы тут были, мы катались зимой на них. Детдом был на улице Минской, через забор была школа 25-я имени Белинского.

Когда я приехал, там были руины, уже сносили всё. Я залез туда, лазил внутри, блокнотики находил.

Где-то в конце лета 1953 года после окончания училища меня отправили в Сибирь на одну из строек коммунизма, в город Ангарск. Из Беларуси отправили тогда большую группу из различных училищ. И конечно, мы среди сибиряков выделялись акцентом белорусским, говором своим.

Я помню, как нас дразнили: «А-а, бульбаши! Что это вы там говорите на исковерканном русском?» Я говорю: «А может быть, это русский язык — исковерканный белорусский?» Такая вот у меня формула выскочила. Такой как бы шуточный, более дружелюбный, но эмоциональный акцент, что я другой, не такой, как все.

И хотя было это на таком шуточном, бытовом уровне, приходилось защищать себя, своё достоинство. А остальные — чуть-чуть другие, ну и ладно. Это вопрос о так называемом братстве.

Братья-то братья, но они разные, и дерутся между собой, иногда бывает. Вот уже с этого момента, когда я столкнулся после детдома с русскоязычной средой, и началась идентификация того, что мы чуть-чуть другие. Потому что в детдоме... Вот, сталинская политика национальная была всё-таки более осторожной. У нас в школе были учебники на белорусском языке, учили белорусский язык как основной.

И я хорошо помню, что мне в детдоме по-белорусски было легче, нормально читать, а вот на русском языке было лёгкое затруднение. Я любил журнал «Вокруг света», он назывался «Вакол свету», так вот я читал его именно на белорусском языке.

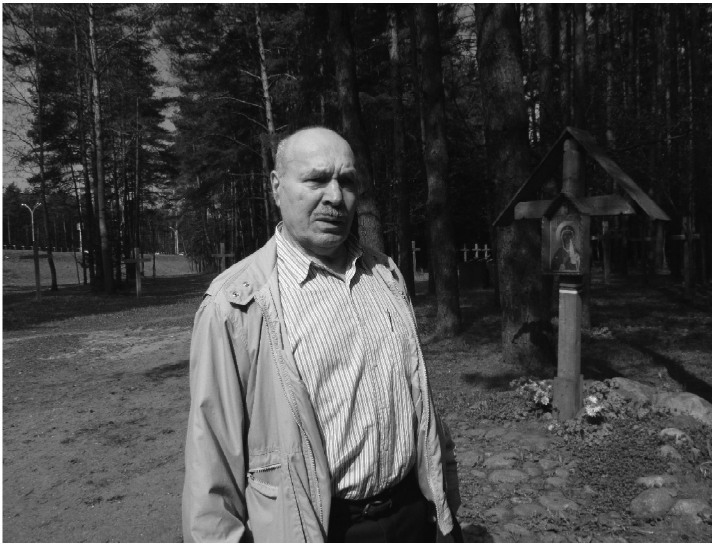
Это потом уже началась трансформация, то, что называется русификация, когда ощущаешь себя белорусом, а уже привычнее было на русском.

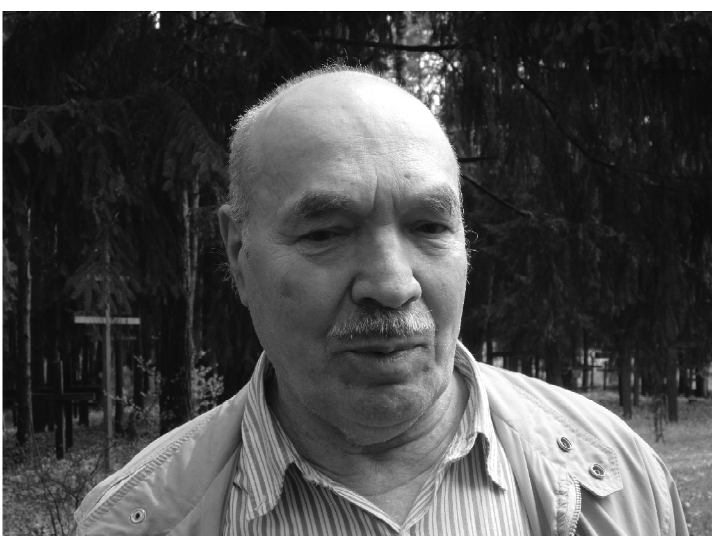
Все кругом на русском говорят. На белорусском очень редко, и такой уже ломаный язык получается. Лишь акцент сохранился. И всегда, где бы я ни был, в армии служил в Забайкалье и на Дальнем Востоке, это всегда выделяло.

Апрель 2014 года, Бобруйск

Міхась Кукабака ў сваёй кватэры падчас запісу інтэрв'ю. Масква, люты 2013 года.

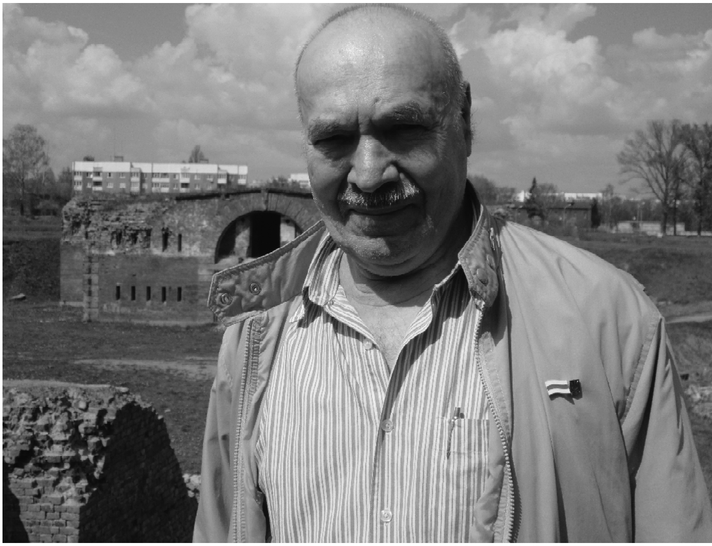
Міхась Кукабака прыехаў у Мінск. 22 красавіка 2014 года.

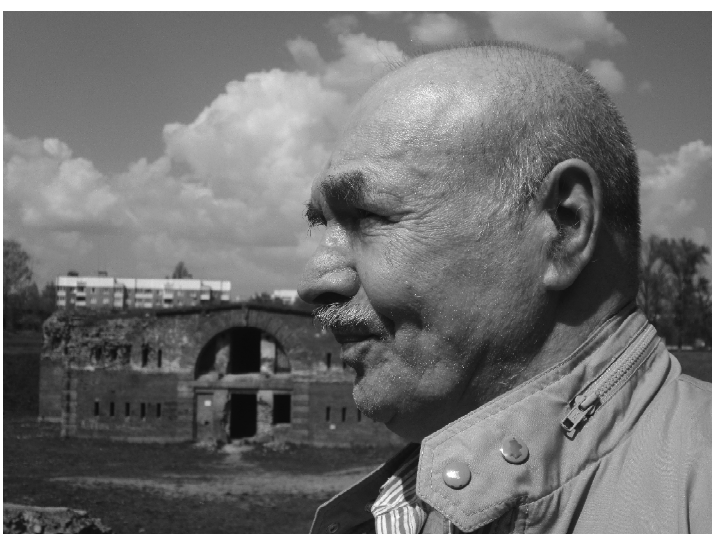




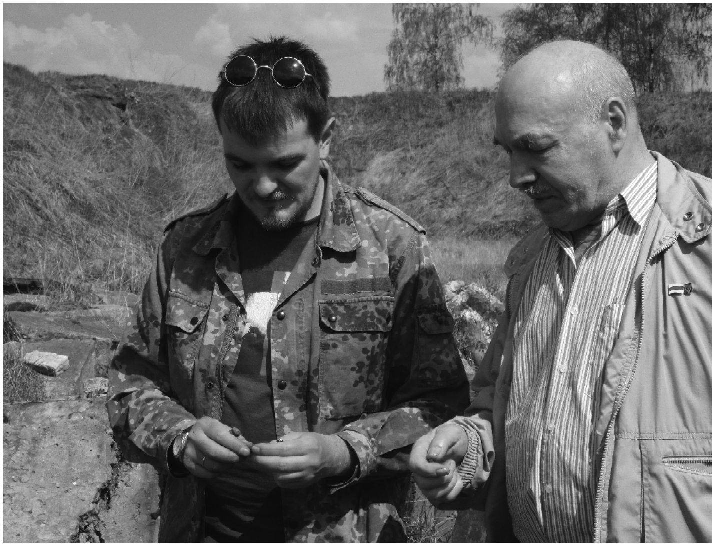
У Курапатах — месцы масавых расстрэлаў. 22 красавіка 2014 года.

У Курапатах — месцы масавых расстрэлаў. 22 красавіка 2014 года.





У Бабруйскай крэпасці. 23 красавіка 2014 года.



У Бабруйскай крэпасці з краязнаўцам Змітром Шапялевічам, 23 красавіка 2014 года.

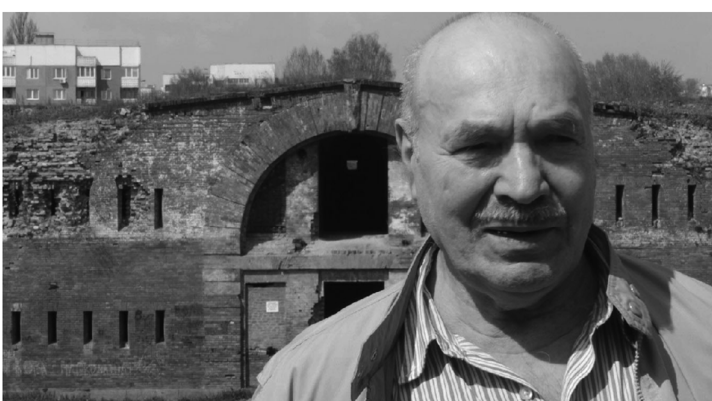
Па мясцінах «Скрадзенай Бацькаўшчыны». Бабруйск, 23 красавіка 2014 года.

Па мясцінах «Скрадзенай Бацькаўшчыны». Бабруйск, 23 красавіка 2014 года. Фота: Сяргей Балай

Сустрэча з Аляксандрам Леаненкам, у абарону якога Міхась Кукабака пісаў ліст у часопіс «Вожык». Бабруйск, 23 красавіка 2014 года. Фота: Сяргей Балай

Па мясцінах «Скрадзенай Бацькаўшчыны». Кінатэатр «Таварыш», Бабруйск, 23 красавіка 2014 года. Кадр з фільма «Дысідэнт», здымкі: Уладзімір Каспяровіч

Па мясцінах «Скрадзенай Бацькаўшчыны». Кінатэатр «Таварыш», Бабруйск, 23 красавіка 2014 года. Кадр з фільма «Дысідэнт», здымкі: Уладзімір Каспяровіч



Па мясцінах «Скрадзенай Бацькаўшчыны». Бабруйская крэпасць, 23 красавіка 2014 года. Кадр з фільма «Дысідэнт», здымкі: Уладзімір Каспяровіч

Па мясцінах «Скрадзенай Бацькаўшчыны». Бабруйская крэпасць, 23 красавіка 2014 года. Кадр з фільма «Дысідэнт», здымкі: Уладзімір Каспяровіч

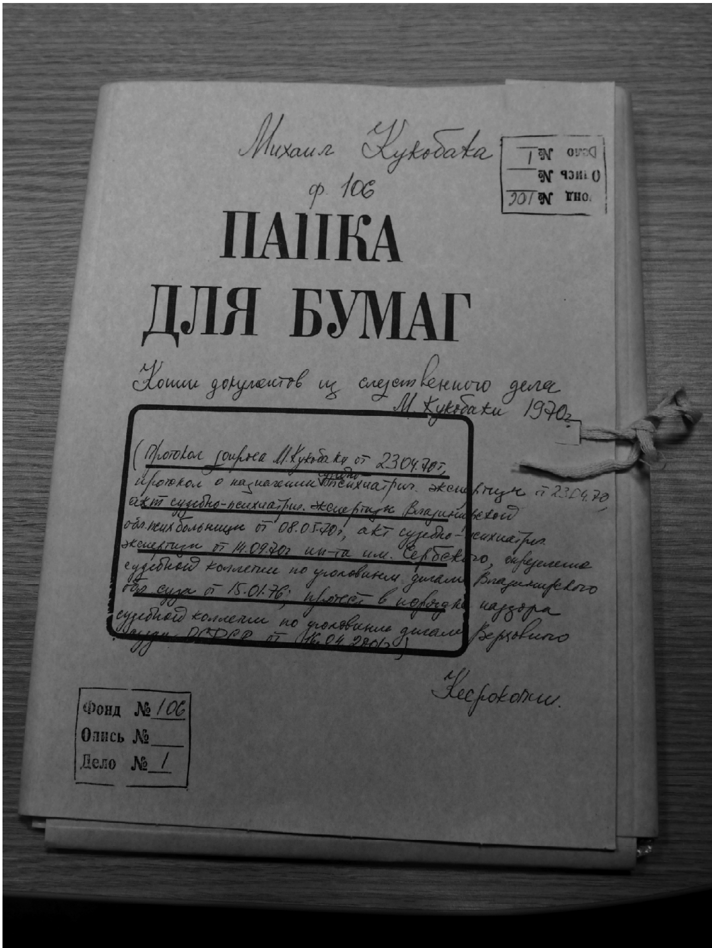
Па дарозе да перасыльнай турмы. Бабруйск, 23 красавіка 2014 года. Кадр з фільма «Дысідэнт», здымкі: Уладзімір Каспяровіч

Па мясцінах «Скрадзенай Бацькаўшчыны». Бабруйская крэпасць, 23 красавіка 2014 года. Кадр з фільма «Дысідэнт», здымкі: Уладзімір Каспяровіч. «Сыходзячы да чыгуначнага пераезду, што на вуліцы Бахарава, заўважыў папераджальны надпіс ля шлагбаума: “Берегись поезда!” І адразу згадалася. А 25 гадоў таму тут было напісана: “Сцеражыся цягніка!” і толькі ўнізе — рускі пераклад. Цяпер беларуская фраза знікла. Да ўласнага здзіўлення, мяне гэта непрыемна закранула. Нечакана я ўсвядоміў сябе беларусам…» — так апісаў гэтае месца Міхась Кукабака ў нарысе «Скрадзеная Бацькаўшчына».

Сустрэча з Міхасём Кукабакам у TUT.BY. Удзел у гэтай публічнай сустрэчы прынялі ўдзел праваабаронцыі Валянцін Стэфановіч і Гары Паганяйла, а таксама Паліна Сцепаненка. Мінск, 24 красавіка 2014 года.

Міхась Кукабака і мастак Аляксей Марачкін.
Мінск, красавік 2014 года.

Міхась Кукабака каля партрэта Алеся Бяляцкага ў Праваабарончым цэтры «Вясна». Мінск, 22 красавіка 2014 года. Фота: ПЦ «Вясна»



Папка з часткай асабістага архіва Міхася Кукабакі ў Маскве — Архіў-музей Мемарыялу, Масква, Карэтны Рад, 5/10.

Міхась Кукабака ў Музеі палітычных рэпрэсій і таталітарызму.

14Х 77 г

Ф. ТГ-12

058 ❊ МИНИСТЕРСТВО СВЯЗИ СССР

ТЕЛЕГРАММА

ПРИЕМ 14 час. 1602 мин. ПЕРЕДАЧА ___ го ___ час. ___ мин.

№ связи

Принял Передал

Адрес: КАМЕ ШКОВО СОВЕТСКАЯ 2Г КВ 14 НЕКИПЕЛОВУ =

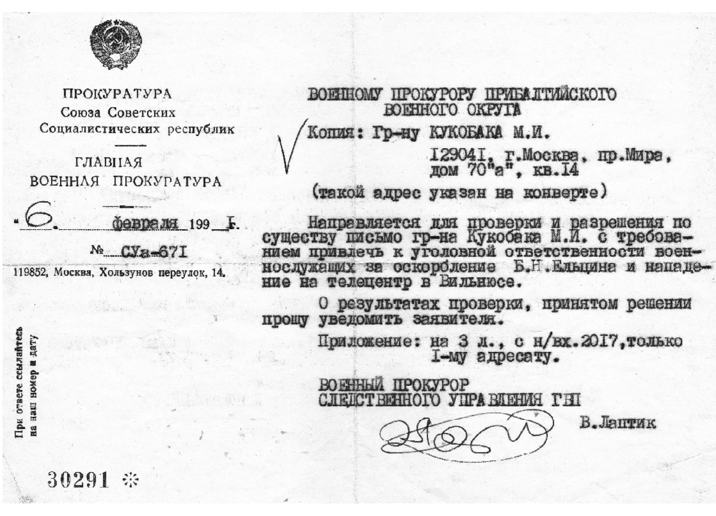
БОБРУЙСК 652/51 11 14 1330=

Служебные отметки:

ВА ША 215 13/10 КУКОБАКЕ НЕ ДОСТАВЛЕНА АДРЕСАТ ВЫБЫЛ =ЭКСПЕДИТОР БОНДАРЕНКО =

1977 г. Обл. тип., г. Кострома, зак 266. тир. 167200×100

Тэлеграма з Бабруйска, якая паведамляе, што «адресат Кукобака выбыл». Тэлеграма адрасаваная дысідэнту Віктару Някіпелаву.



ПРОКУРАТУРА
Союза Советских
Социалистических республик

ГЛАВНАЯ
ВОЕННАЯ ПРОКУРАТУРА

6 февраля 1991 г.

№ СУа-671

119852, Москва, Хользунов переулок, 14.

При ответе ссылайтесь на наш номер и дату

ВОЕННОМУ ПРОКУРОРУ ПРИБАЛТИЙСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

Копия: Гр-ну КУКОБАКА М.И.
129041, г.Москва, пр.Мира, дом 70"а", кв.14
(такой адрес указан на конверте)

Направляется для проверки и разрешения по существу письмо гр-на Кукобака М.И. с требованием привлечь к уголовной ответственности военнослужащих за оскорбление Б.Н.Ельцина и нападение на телецентр в Вильнюсе.

О результатах проверки, принятом решении прошу уведомить заявителя.

Приложение: на 3 л., с н/вх.2017, только 1-му адресату.

ВОЕННЫЙ ПРОКУРОР
СЛЕДСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ГВП
В.Лаптик

30291 ❊

Адказ Міхасю Кукабаку з вайсковай пракуратуры СССР ад 6 лютага 1991 года.

август 1990 г.

Первому заместителю Председателя
Президиума Верховного Совета БССР
Т. ШУШКЕВИЧУ С.С.
от бывшего политзаключённого
Кукобаки Михаила Игнатьевича,
проживающего по адресу: I2904I, Москва,
проспект Мира, 70-а, кв. I4,

З А Я В Л Е Н И Е.

Я обращаюсь к Вам с просьбой по совету людей, Вас уважающих; я прошу помочь мне заставить руководство Прокуратуры и КГБ Белоруссии пересмотреть мои приговоры и реабилитировать.

За критические выступления в самый разгар "застойного периода", выразившиеся в написании ряда открытых писем, статей и пары очерков, я провёл около I7 лет в тюрьмах, психушках, лагерях в период с 1970 по I988 г.г.. Я был судим 4 раза по статьям I86' и 67 УК БССР, аналогичным I90' и 70 УК РСФСР. Последний раз - Витебским обл. судом 7 марта I985 года.

Будучи абсолютно убеждённым в своей правоте, я ни разу и нигде не признал себя виновным и никогда не давал клеветнических показаний против своих друзей и единомышленников, за что КГБ обещал похоронить меня в лагере. Не просил я никогда и "милости" у своих палачей. Однако под давлением общественности и в связи с изменением политического курса в Кремле меня освободили, принудительно помиловав. За мою свободу выступали и земляки-белорусы в Нью-Йорке, Австралии, Англии,Новой Зеландии, а также австрийцы, англичане, датчане и много других людей на самом разном уровне. И вот в декабре I988года меня вытолкали за ворота Пермского лагеря.

Я абсолютно уверен, что придёт время и я буду реабилитирован безо всяких заявлений. Но я не желаю посмертной реабилитации. Я хочу быть восстановлен в своих правах сегодня, пока я живой. Тем более, что каждый день приносит свидетельства моей правоты. В I978 году в очерке "Украденная Родина" я писал о проблеме русификации в Белоруссии, угнетении нашей культуры. Сегодня об этом говорят все, вплоть до членов правительства. В I970 г. я пытался выступить в защиту русского писателя Анатолия Кузнецова, а ещё раньше , в I968 г., протестовал против оккупации Чехословакии. В последнем приго-

вора от 7 марта 1985 г. я обвиняюсь в том, что "...интернациональную помощь советского государства Афганистану называл агрессией, ... порочил советскую избирательную систему, полностью отрицая ее демократический характер". Все это, как и многое другое, сейчас переосмыслено. И то, что когда-то вменялось мне как клевета, сегодня является общим местом передовиц "Правды" и других изданий.

Мою "клевету" сегодня повторяют депутаты Верховного Совета, да и сам М.Горбачев.

Коротко о себе.

...Служил в Армии, был комсомольцем. Стал убежденным антикоммунистом-демократом... Не имею ни жилья, ничего. Сейчас обитаюсь в Москве - либо по частным квартирам, либо у знакомых.

Хочу надеяться, что Вы не оставите без последствий мое заявление. За последние 10 лет я многократно обращался во все инстанции по вопросу реабилитации,. Ответ один: "Виновен".

20.08.1990г. КУКОБАКА.

/последний ответ-отказ: №13/7-85 ПРОКУРАТУРА БЕЛАРУССКОЙ ССР

Ваше заявление, адресовнное в Прокуратуру Союза ССР, поступило в Прокуратуру БССР, где рассмотрено и оставлено без удовлетворения по основаниям, которые Вам ранее сообщались неоднократно.

Начальник отдела И.И.Суховерх

09.08.90г.

ПРОКУРАТУРА СССР

Военная Прокуратура
Вильнюсского Гарнизона

18. 04 1991 г.
№ 246

Гражданину КУКОБАБЕ Михаилу Игнатьевичу

г.Москва, ул.2-я Пугачевская,10,корп.1
кв.122

Военной прокуратурой рассмотрено Ваше заявление направленное прокурору РСФСР, в связи с чем сообщаю следующее.

В связи с известными событиями в г.Вильнюс 12-13 января 1991 года для установления обстоятельств этих событий и ~~[illegible]~~ конкретных лиц мною было возбуждено уголовное дело, предварительное следствие по которому в настоящее время проводит специально созданная следственная группа прокуратуры СССР.

Что же касается поставленного Вами в заявлении вопроса об оскорблении Председателя Верховного Совета РСФСР Б.Н.Ельцина, то в данном случае этот вопрос может быть решен им самим, т.к. ~~уголовные дела такого характера возбуждаются непосредственно~~ судами по заявлению лиц, считающих себя оскорбленными, и рассматриваются этими судами.

Остальные вопросы (о шантаже и судебном преследовании членов ДС во главе с В.Новодворской, вопросы политического характера, гражданства лиц, проживающих в Вильнюсе) в компетенцию военной прокуратуры не входят.

До свидания

Военный прокурор
Вильнюсского гарнизона
Ушенин В.Л.

МИНЗДРАВ РОССИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР СОЦИАЛЬНОЙ
И СУДЕБНОЙ ПСИХИАТРИИ ИМЕНИ В.П. СЕРБСКОГО»
МИНИСТЕРСТВА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

(ФГБУ «ГНЦССП им. В.П. Сербского» Минздрава России)
Кропоткинский пер. 23, Москва, ГСП-1, 119991
Тел: (495) 637-4000 факс: (495) 637-2275
e-mail: info@serbsky.ru

16.10.2014 № 01-24/2520

На № ____________ от ______________

600005 г. Владимир, Октябрьский
пр-т, д. 38

Федеральная служба
безопасности Российской
Федерации
УФСБ России по Владимирской
области

Врио начальника архива
Е.Е. Айвазян

В ответ на Ваш запрос от 30.09.2014 № 86/10/5839 сообщаем следующее.

Истории болезни, упомянутые в Вашем запросе, являются частью экспертного производства, остающегося в государственном судебно-экспертном учреждении по окончании судебной экспертизы вместе с копией экспертного заключения (оригинал экспертного заключения направляется органу, назначившему судебную экспертизу). Правовой режим хранения и выдачи таких материалов установлен законодательством о государственной судебно-экспертной деятельности.

Согласно ст. 25 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» от 31.05.2001 г. № 73-ФЗ, «документы, фиксирующие ход, условия и результаты исследований, хранятся в государственном судебно-экспертном учреждении. По требованию органа или лица, назначивших судебную экспертизу, указанные документы предоставляются для приобщения к делу».

Таким образом, предоставление названных документов возможно только по требованию субъекта, назначавшего экспертизу, а также по требованию следователя (суда), в производстве которого находится дело, если оно касается этой экспертизы или лица, эту экспертизу проходившего. Иным организациям и лицам материалы экспертного производства не предоставляются.

На основании изложенного, запрос о направлении указанных в нем документов в Ваш адрес не может быть удовлетворен.

Заместитель директора Центра
по лечебной и экспертной работе-
главный врач К.Н. Шаклеин

Вх 2024
21.10.14

АДМИНИСТРАЦИЯ ПРЕЗИДЕНТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**УПРАВЛЕНИЕ
ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО РАБОТЕ С ОБРАЩЕНИЯМИ ГРАЖДАН
И ОРГАНИЗАЦИЙ**

ул. Ильинка, д. 23, Москва, Российская Федерация, 103132

КУКОБАКА М.И.
ул. Суздальская, 22-3-252
г. Москва,
111673

301187

« 31 » марта 20 16 г.

№ А26-01-30118771

Ваше обращение в адрес Администрации Президента Российской Федерации, подписанное 29.03.2016 г., получено 31.03.2016 г. в письменной форме и зарегистрировано 31.03.2016 г. за № 301187.

В Министерстве юстиции Российской Федерации запрошены необходимые для объективного и всестороннего рассмотрения Вашего обращения документы и материалы.

В связи с этим срок рассмотрения Вашего обращения продлен на 30 дней (часть 2 статьи 12 Федерального закона от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»).

По результатам рассмотрения в Ваш адрес будет направлен ответ в срок до 29.05.2016 г.

Советник департамента
письменных обращений граждан и
организаций Н.Резник

АДМИНИСТРАЦИЯ ПРЕЗИДЕНТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**УПРАВЛЕНИЕ
ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО РАБОТЕ С ОБРАЩЕНИЯМИ ГРАЖДАН
И ОРГАНИЗАЦИЙ**

ул. Ильинка, д. 23, Москва, Российская Федерация, 103132

«19» апреля 2016 г.

№ А26-01-30118791

КУКОБАКА М.И.
ул. Суздальская, 22-3-252
г. Москва,
111673

301187

Ваше обращение в адрес Администрации Президента Российской Федерации, подписанное 29.03.2016 г., полученное 31.03.2016 г. в письменной форме и зарегистрированное 31.03.2016 г. за № 301187, рассмотрено.

В целях объективного и всестороннего рассмотрения Вашего обращения в Министерстве юстиции Российской Федерации были запрошены необходимые документы и материалы.

О результатах рассмотрения получена информация следующего содержания:

«В соответствии со статьей 11 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» реабилитированные лица, а с их согласия или в случае их смерти - родственники имеют право на ознакомление с материалами прекращенных уголовных и административных дел и получение копий документов. Ознакомление других лиц с указанными материалами производится в порядке, установленном для ознакомления с материалами государственных архивов.

Порядок доступа реабилитированных лиц и лиц, в отношении которых велось производство по фильтрационно-проверочным делам, их родственников и наследников, лиц, представляющих их интересы, а также других пользователей к указанным материалам установлен Положением о порядке доступа к материалам, хранящимся в государственных архивах и архивах государственных органов Российской Федерации, прекращенных уголовных и административных дел в отношении лиц, подвергшихся политическим репрессиям, а также фильтрационно-проверочных дел, утвержденным приказом Минкультуры России № 375, МВД России № 584, ФСБ России № 352 от 25 июля 2006 г. (далее – Положение).

Так, в соответствии с пунктом 6 Положения право доступа к материалам соответствующих прекращенных уголовных и административных дел, а также фильтрационно-проверочных дел имеют, в том числе реабилитированные лица и лица, в отношении которых велось производство по фильтрационно-проверочным делам, на основании соответствующего заявления и при предъявлении документов, удостоверяющих личность.

Пунктом 7 Положения установлено, что право на доступ к материалам прекращенных уголовных и административных дел, а также фильтрационно-

проверочных дел означает предоставление возможности пользователю, с учетом требований пункта 6 Положения, знакомиться с находящимися в делах документами, получать их копии и использовать полученную при ознакомлении информацию с учетом требований пункта 17 Положения, в соответствии с которым пользователь обязан соблюдать режим конфиденциальности в отношении ставшей ему известной информации, использование и распространение которой ограничивается согласно законодательству Российской Федерации.

Сотрудники архивов, осуществляющие хранение прекращенных уголовных и административных дел, фильтрационно-проверочных дел, обязаны обеспечить в порядке, определенном в пункте 6 Положения, ознакомление пользователя с документами дел, содержащими сведения о личной и семейной тайне, фактах, событиях, обстоятельствах частной жизни реабилитированных лиц и лиц, в отношении которых велось производство по фильтрационно-проверочным делам, позволяющими идентифицировать их как личность, за исключением сведений, подлежащих распространению в средствах массовой информации в установленных действующим законодательством Российской Федерации случаях (пункт 8 Положения).

При этом обращаем внимание, что решения, действия (бездействие) органов государственной власти, иных государственных органов, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих могут быть обжалованы в суд в порядке, установленном Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации.».

Консультант департамента
аналитического и правового
обеспечения — И.Иванов

Частка 2

Творчасць Міхася Кукабакі

Свидание с детством

Вавуличи… Небольшая лесная деревенька возле Бобруйска. Сколько раз в годы заключения — за решётками советских тюрем и в спецпсихбольнице — мечтал я навестить этот далёкий уголок своего военного детства!

Начало войны застало меня в Бобруйске. Отец (он служил в танковых войсках) был на фронте, мать — в партизанах. Мы жили вдвоём с бабушкой. И вот — яркий летний день. Толпы любопытных на улице. Улыбающиеся, довольные немцы. Помню, один натянул мне на голову невесть откуда взятую фуражку НКВД. Я прибежал домой похвастаться, но бабушка отобрала фуражку и забросила на чердак…

А потом мы с бабушкой переехали в эти Вавуличи. Может быть, потому, что в деревне легче было прокормиться. До самого конца войны мы тут жили. У нас на постое всегда солдаты немецкие стояли. Запомнился один, по имени Рудольф. Кажется, в звании сержанта.

Он часто помогал нам: то каши какой-нибудь принесёт с кухни, то мяса кусочек. А иногда угощал дешёвыми солдатскими конфетами. По-русски говорил плохо, хотя вполне понятно. Помнится, он всех ругал: Гитлера и Сталина, вообще войну ругал. Бабка старая была, болела часто. Так Рудольф дров принесёт, натопит печку и сидит с нами часами — всё душу отводил в разговорах. Я его как-то и за немца не считал.

Особенно памятен конец войны. Постоянный орудийный гул, частые бомбёжки. Нашу хатёнку накрыло едва ли не прямым попаданием советской авиабомбы. Запомнился миг перед этим: нас в хате трое — бабка, я и девочка соседская. Идёт бомбёжка. Мы сидим на сундуке, прижавшись друг к другу. Девочка зачем-то соскочила, как вдруг — оглушающий грохот. Когда через несколько секунд я оторвал голову от бабкиной спины, то первое, что предстало перед глазами, была девочка посреди избы; искажённый криком рот (звука не было сразу), а вместо руки по локоть — какие-то окровавленные лохмотья. Дальнейшее в сознании пропадает.

Уже много позже я видел эту девочку с перевязанной культёй.

И ещё живёт в памяти сценка. Снова бомбёжка, все мы на этот раз прячемся в погребе. Тут же, в проходе, сидит какой-то немец с котелком. Ему не хватило места. Кажется, он даже ел в эту минуту. Вдруг раздался взрыв. Когда мы подняли головы, немец лежал мёртвый. Рядом валялся опрокинутый котелок.

Вавуличи, далёкое детство моё… Особенно трудными были послевоенные зимы. Отец так и не появился. Бабка говорила — без вести пропал. Мать вернулась калекой. Долго скиталась по госпиталям. Уже будучи в детдоме, в 1947 году, увидел её — приходила на костылях. Умерла она раньше бабушки.

В общем, одни мы с бабкой были, на всём свете одни. Бабка милостыню просить стеснялась, очень гордой была. Что дадут за какую работу — и ладно. Приносила очистки картофельные, около солдатской кухни

собирала. Бывало, если какой солдат догадается, то и пару целых картофелин принесёт. Много тогда голодных было. Помню, зашла к нам переночевать одна нищенка (мы и сами жили у чужих). Как вывалила она на стол полную суму корок хлебных — самым богатым человеком на свете мне показалась. Объелся я тогда, еле отходили. Да, нелёгкие эти зимы были: с 44-го на 45-й и с 45-го на 46-й годы. Всеми, наверное, болезнями я тогда переболел. И золотухой, и «куриной слепотой», и воспалениями разными. Врачей не знал. Бабка от всего сама лечила, как могла. Она неграмотная была, и всё мечтала, как бы я «ученым» стал. Особенно хотелось ей, чтобы «дохтор» из меня вышел...

В 1946 году приготовила мне обувку — лапти, сшила тетрадь из обёрточной бумаги, карандаш достала и отправила в школу. Помню, дня два походил я, а потом бросил. Стеснялся очень. В Вавуличах тогда большая воинская часть стояла, и большинство школьников оттуда ходило — офицерские дети. Девочки в шубках, мальчики в шапках тёплых, в ботинках или сапогах. А у меня — будёновка, одёжка хилая. Что-то перешитое из трофейных тряпок и лапти, с которыми только и делал, что воевал. То верёвки размотаются, то ещё что-нибудь... В общем, никакие бабкины уговоры не помогли. Уж очень я на эти лапти в обиде был.

Вот тогда-то и решила бабушка отвезти меня в Бобруйский детдом, понимая, что здесь, в деревне, с учёбой у меня всё равно ничего не выйдет. К тому же почти у всех ребят хоть какие-то книги, особенно у офицерских детей. А у меня всего одна самодельная тетрадь да карандаш. Ах, если бы не лапти эти да не зима, то можно бы, пожалуй, и без детдома обойтись! А то ведь так и пошло. От детдома до тюрьмы, по чужим, по казённым домам...

С годами я всё чаще возвращался мыслями к этой деревушке. Жажда встречи становилась непереносимой. И вот наконец, спустя 30 долгих лет, соскочив с бобруйского автобуса, иду я просёлком в родные места.

Впрочем, Вавуличей теперь нет, есть деревня Дубовка. Вот она — столб с надписью стоит!

Когда-то, ещё до октябрьского переворота, крупный местный землевладелец, или помещик, как называем по привычке, хотел построить здесь сахарный завод. Возвёл главный корпус и несколько подсобных. Думал даже провести железнодорожную ветку от ближайшей станции Савичи, отсыпал насыпь до самой деревни.

Гражданская война спутала планы. Так и простояло это заложенное неизвестным промышленником сооружение до сих пор без применения. Разве что колхоз использовал его под склады да конюшни. Вот по этому зданию из добротного красного кирпича (теперь такого не делают) и узнал я место своего детства. Рядом находился огромный фруктовый сад (тоже старый, поместный). При немцах он был бесхозным, и мы, мальчишки, кормились в нём вволю в те голодные годы. Теперь сад вырублен и выкорчеван. Говорят, стал «нерентабельным» для колхоза. Но ведь взамен ничего?! Ни луг, ни пашня — просто исковерканная, обезображенная земля...

Дорога от деревни до станции была как большая живописная аллея из столетних елей. Они пережили и гражданскую войну, и бомбёжки последней. Увы, сейчас я насчитал всего четыре дерева. Оказывается, одному из послевоенных председателей колхоза захотелось построить себе новый дом, и он приказал спилить деревья. Председателя давно уж нет, ушёл на пенсию. Только в память о нём полусгнившие пни остались.

Вокруг деревни, помню, шумели необозримые леса: грибов там разных было, ягод — хоть отбавляй. Сейчас почти сразу за околицей — шлагбаумы, запретная зона. Рядом с Вавуличами, тесня деревню, расположился огромный полигон. Автоматный и пулемётный треск днём и ночью. А когда палят из «штатных» орудий, как объяснил мне какой-то школьник, то в деревне иногда стёкла вылетают из окон. Военщина готовит пушечное мясо для новой войны!

Уже в черте полигона моё внимание привлекло озеро, которого не было раньше, и какое-то заброшенное строение рядом с ним. Сочетание показалось странным. По виду — бывший жилой дом, а стены железобетонные, мощные, словно у дота. И такое же перекрытие — не каждый снаряд пробьёт. Оказалось, это бывшая генеральская дача. Для него и озеро было вырыто, и баня рядом построена (тоже железобетонная), с водопроводом. Специальный насос качал воду из озера для дачных нужд. Всё было огорожено колючей проволокой и охранялось. Запретная зона!

Генерал давно съехал: то ли перевели, то ли сам лучшее место нашел. Рассказывают, что когда на время охрану снимали, дачу дважды сжигали. Видимо, из мести. И стоит теперь одиноко этот железобетонный скелет, заброшенный, с пустыми глазницами вместо окон и дверей, — порождение чьего-то бредового ума. А озеро называется Тарасовским — по фамилии начальника полигона, который руководил работами. В озере водится рыба. А так как расположено оно на границе полигона, сюда забредают с удочками колхозники, особенно молодёжь. Охрана, конечно, гоняет их, так как озеро считается собственностью полигона. Иногда приходят солдаты. Эти уже не с удочками, — глушат рыбу взрывчаткой. И тогда поверхность озера белеет от дохлятины.

Километрах в трёх от Вавуличей-Дубовки — село Телуша. Там есть большая церковь, силуэт которой хорошо виден отсюда. Я направился к ней. Вспомнил, как бабушка водила меня туда на какой-то праздник в далёком 1946 году. Народу в церкви была тьма.

Оказалось, что церковь давно закрыта. Всё поржавевшее, полусгнившее. Кладка осыпается, двери проломлены. Пробираюсь через пролом внутрь. Господи! Всё, что можно сломать, сломано. Пол покрыт птичьим помётом и тысячами пробок от винных бутылок. И всё кругом загажено, не только птицами. Церковь используется как неофициальный туалет. Ещё бы, ведь рядом

клуб и продовольственный магазин. В нём я насчитал девять сортов разных винно-водочных изделий. Так что всё вместе: пьют, едят, оправляются...

Я выбрался на свежий воздух. Метрах в двадцати от церкви обелиск со звездой и трафаретной надписью: «Геройски погибшим в 1941–1945 гг.». Но меня привлекло другое. Неподалеку от казённого монумента, в пределах бывшего церковного двора, — скромная мраморная плита, на которой высечена чёткая надпись:

Наталья Александровна
Пушкина
по мужу
Воронцова-Вельяминова
3 декабря 1912 г.
53 года

Какой-то иной волей повеяло от этой, видимо, случайно сохранившейся могилки. Правда, всё это тоже огорожено аляповато сваренным металлическим заборчиком с облупившейся краской... Это что, внучка Пушкина?! Но как оказалась здесь, в белорусской глуши?

Вавуличи, память моя!.. А вот бабушкиной могилки и не сыскать нигде. Где она умерла и даже когда точно, я не знаю. Она ведь после войны вроде как без постоянного места жительства была — где кто приютит, там и поживёт несколько дней. И перебивалась кое-как, чужим куском. До войны она получала пенсию по инвалидности, а во время войны пропали документы, и в пенсии отказали...

Так что бездомность моя, видимо, по наследству перешла ко мне. Точно так же, как другие получают по наследству квартиру, имущество и даже профессию. В общем, что бы там философы ни говорили, а в жизни в большинстве случаев как счастье, так и несчастье по наследству достаются.

Когда уезжал я, дул холодный, порывистый ветер, моросил дождь. С тяжёлым чувством покидал я свою, теперь уже бывшую, родную деревню. Раньше только

одно воспоминание о ней, о тех далёких днях детства, задевало самые чувствительные струны моего сердца. И все эти 30 лет меня тянуло сюда — посмотреть и вспомнить что-то. И жгла боязнь: а вдруг не успею? Теперь всё это умерло. Видимо, для чувства Родины недостаточно одного факта рождения в конкретной географической точке на земле. Нужны ещё какие-то связи, и если они оборваны...

***

Об авторе. Михаил Игнатьевич Кукобака, белорус, родился в г. Бобруйске в 1936 г. Воспитывался в детдоме. В 1970 г., будучи рабочим радиозавода в г. Александрове Владимирской области, был арестован за демонстративное неучастие в выборах, коммунистических субботниках и других общественно-политических мероприятиях, организуемых властью, а также за попытки передать на Запад статьи критического характера. В частности, «Открытое письмо английскому писателю Айвору Монтегю». В этой статье Кукобака пытался выступить в защиту русского писателя Анатолия Кузнецова, автора книги «Бабий Яр». Обвинён по ст. 190-1 «Распространение сведений, порочащих советский строй». В отмщение, за отказ от сотрудничества с КГБ в процессе следствия, был направлен в институт им. Сербского, где признан невменяемым. Длительное время пробыл в Сычёвской СПБ и Владимирской психбольнице. Освобождён в мае 1976 г., проведя в заключении свыше шести лет.

В настоящее время проживает в г. Бобруйске, работает грузчиком.

В самиздате распространялись очерк М. Кукобаки о Сычёвской спецпсихбольнице, статья «Защита прав человека и разрядка — неделимы», ряд его заявлений. В 1976–1977 гг. Кукобака дважды подвергался принудительной госпитализации в психиатрическую больницу за свою правозащитную деятельность. Публикуемый

очерк написан в 1977 г. и основан на автобиографическом материале.

Осень 1977 г.

Позднейшее примечание автора:
Данный очерк впоследствии был включён в материалы обвинения по очередному уголовному делу, возбуждённому осенью 1978 г.

Украденная Родина

Примечание автора
Этот очерк вошёл в материалы обвинения по очередному уголовному делу.
Очерк был опубликован на Западе и передавался по «Немецкой волне» в начале июля 1978 г.
Автор был арестован 19 октября 1978 г.

Поезд подошёл к Бобруйску ранним августовским утром. Среди суетящейся толпы пассажиров этот бородатый выделялся внешней неторопливостью. Сошёл одним из последних, сдал чемодан в камеру хранения, а с оставшимся в руках портфелем снова вышел на перрон, как бы не в силах сразу расстаться с прошлым. На вид ему было около сорока. Редкая, но заметная седина проскальзывала в бороде и на висках. Под внешним спокойствием и медлительностью внимательный наблюдатель мог бы заметить какую-то внутреннюю напряжённость. Это выдавали и глаза: тревожные и как бы что-то ищущие. Осмотревшись, приезжий медленно побрёл от вокзала. Глядя со стороны, можно было подумать, что человек приехал в чужой, незнакомый ему город.

И правда, когда это было? И было ли?..

Мне шёл семнадцатый год, когда в такой же августовский день на этой же бобруйской платформе нас, выпускников ремесленного училища, торопливо грузили в поезд. По распределению мы ехали возводить одну из строек коммунизма в далёкой Сибири. Стройка эта находилась в Ангарске. Работали мы в промзоне вместе с заключёнными, от которых отличались разве что своей молодостью.

Но сейчас думаю об ином. Где-то здесь, на улице Минской, рядом со школой имени Белинского, должен быть деревянный двухэтажный дом с большим двором, огороженным глухим забором. Вдоль забора — ряды деревьев. Где-то среди них — берёзка, посаженная моей рукой. Как говорила нам воспитательница, — чтобы оставить память на земле. Чтобы было о чём вспомнить, когда вернёмся сюда взрослыми...

Вот и нужная мне улица. Но как они не похожи! — эта и та, которую помнил с детства. Словно два разных человека с одинаковой фамилией. Бывшая моя школа на месте, а рядом кирпичное здание с вывеской «школа-интернат». И никаких деревьев. Память стёрта бульдозером. Вдруг позади интерната замечаю знакомый тёмно-коричневый дом. Он-то и нужен мне. Подхожу ближе. Стёкла выбиты, окна заколочены досками. Рядом — длинное одноэтажное строение в таком же состоянии. Раньше это были так называемые рабочие классы. Здесь мы готовили домашние задания. Сюда же, спасаясь от недремлющего ока воспитателей, забирались, пролезая через форточку, в свободное время для игр и обсуждения своих маленьких детских тайн.

Сколько раз в мрачной одиночке Владимирского централа воскрешал я картины своей юности! Вот я сижу у окна в этом рабочем классе, то и дело украдкой поглядывая назад. Уж больно любопытная книжка у Серёжки — «Янки при дворе короля Артура». «Дай глянуть!» — шепчу я. «Кукобака, не вертись, сиди спокойно!» — обрывает строгий голос воспитательницы. Немало ещё в жизни разных окриков предстоит мне услы-

шать. «Не шевелись! Смир-р-но!» Или годами позже: «Руки назад! Не оглядываться!» И лязг автоматов и рычание конвойных овчарок...

А в пещерном сумраке одиночки неспешно прокручиваются кадры далёкого прошлого...

После окрика воспитательницы я на секунду замираю. Но арифметика не идёт на ум. За окном ноябрь. Огромные мягкие снежинки тихо устилают землю, тронутую первым морозцем. Хочется на волю. На душе какое-то необъяснимое бунтарское настроение. Шибка в окне уже проёма, и я сдвигаю её, увеличивая струю прохладного щекочущего воздуха. Впереди меня сидит симпатичная девочка Рая Бойко, ей это неприятно. «Мишка, не жадничай, давай по-честному!» — и она передвигает стекло на середину проёма, раздваивая струйку свежего воздуха. Девочка мне нравится, но я упрямо передвигаю стекло по-своему. Она злится. Повторный окрик воспитательницы прекращает нашу возню. Теперь, в этой мрачной камере, мне жаль давнего упрямства, и я охотно бы уступил той девочке, перенесясь через годы назад...

— Извините, вы по поводу сноса этого дома?

Я вздрагиваю и ошарашенно смотрю на человека средних дет, по виду похожего на мастера-строителя. Не в силах сразу вернуться к действительности, растерянно бормочу: «Нет, нет, я посторонний». Он с недоумением оглядел меня, скользнул взглядом по мятому, изрядно поношенному костюму и запылённой, давно не чищенной обуви. Его лицо, только что выражавшее доброжелательность, стало раздражённым, даже злым. Но ничего не сказав больше, он повернулся и затрусил рысцой, деловито покрикивая что-то стоявшим у грузовика рабочим.

Некоторое время раздумываю, чем я мог привлечь его внимание.

Ах да! Мой портфель да борода под канадского шкипера прошлого века и берет. Видимо, этот, не совсем привычный для провинции, внешний вид и создал ил-

люзию начальства. А преклонение перед начальством на Руси общеизвестно. Это национальная черта. Если вы в шляпе, в очках, да ещё с портфелем — сто процентов гарантии, что в любом учреждении к вам отнесутся предупредительнее и в любом магазине обслужат приличнее, чем гражданина без перечисленных атрибутов. Такова уж психология советского человека, воспитанного в условиях затянувшегося феодализма.

Я подхожу к дому и осторожно раздвигаю доски на заколоченной двери, пролажу внутрь. Поднимаюсь по лестнице. Мимо с испуганным визгом проносятся две собаки и выскакивают наружу. Кругом запустение и кучи мусора. Полы сорваны, а всё, что можно разломать, разломано. Поднимаю с пола пару школьных тетрадей. Даты на них двух-трёхлетней давности. Разочарованно бросаю. Потом замечаю носовой платочек с нарисованным зайчиком. Помедлив секунду, прячу в карман. Помню, что здесь были наши спальни. Справа мальчики, слева девочки. А внизу, под лестницей, стоял большой бачок — параша, общая для всех. Маленькая сцена — здесь наша самодеятельность ставила спектакли. В хоре разучивали бесчисленные песни о Сталине, «Москву–Пекин» и другие. Здесь же устанавливали новогоднюю ёлку. Средних размеров комната тогда казалась мне большим залом.

Я вылез наружу и, отряхнувшись, зашагал к центру. С каждой минутой росло чувство тревоги. Как будто чего-то не хватало в облике города, который я многие годы хранил в своей душе. Ощущение было сродни тому, как если бы из комнаты неожиданно и незаметно убрали какую-то дорогую для вас вещь. К примеру, любимую картину. Раньше этот предмет так долго находился на глазах, что вы просто перестали его замечать.

Но вот вы вошли и почувствовали лёгкое беспокойство. На первый взгляд, всё как будто на месте. Вы осматриваетесь вокруг, не замечая пустоты на стене. В первые секунды мозг как бы дорисовывает отсутствующий предмет с образа, запечатлённого в памяти. Но

беспокойство и тревога нарастают. И вдруг ваш блуждающий взгляд словно магнитом притягивается к зияющей пустоте.

Давно должны были показаться маковки многоглавого собора — главной достопримечательности города. Вот и кинотеатр «Товарищ»... Странно, ведь собор должен быть где-то здесь, со своей чугунной оградой и несколькими яблонями за ней. Передо мной просторный сквер. Я вхожу в него и вдруг сквозь деревья замечаю округлый выступ стены из потемневшего от времени кирпича. В волнении ускоряю шаг, поднимаю голову и... ничего не понимаю! Над остатком фундамента и частью задней стены бывшего собора возвышается несуразная коробка с серой потрескавшейся штукатуркой на фасаде. В изумлении осматриваю это странное сооружение. Вывеска гласит: «Спортивный комплекс. Построен в 1967 году в честь 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции». Вот как отметили юбилей захвата власти местные хозяева-коммунисты! Таким же варварством, как и полвека назад.

В детстве и юности наши воспитатели, насмешками и долгими нудными лекциями, вырабатывали в нас ненависть и презрение ко всему религиозному. В пионерах и в комсомоле я тоже не избежал этой «промывки мозгов». Но были и другие, незапланированные уроки. Монотонность и скука полуказарменной жизни так надоедали, что многие из нас убегали из детдома в самоволку. В эти редкие часы свободы мы жадно впитывали жизнь окружающего города, незнакомую и обычно недоступную для нас.

И тогда мы видели, как много людей было, особенно в праздники, у собора. Но без базарного шума и толкотни. Все были ласковы и приветливы друг к другу, даже незнакомые. У входа с покорной терпеливостью стояли и сидели старики и старушки, больные и калеки.

И мы видели, что люди, которые входили в этот необычный дом или выходили из него, всегда подавали

страждущим. Кто монетку, а кто просто кусок хлеба. Ведь время было голодное. Эти люди, их называли верующими, были гораздо добрее тех, что равнодушно проходили по улице мимо протянутой руки безногого инвалида.

Верующие... Верящие в добро и справедливость люди. И сразу как-то тускнело красноречие платных воспитателей перед наглядной правдой жизни.

И вот собора нет. Остались обломки: часть фундамента и стены, приспособленные для чужого тела и чужой цели. Душу храма умертвили. А ведь сколько поколений жителей города прошло мимо соборных стен! Всесокрушающий ураган последней войны пронёсся, пощадив собор. Ребенком я с благоговением гладил замшелую грань старой кладки, и мне казалось, что я прикасаюсь к седой древности. А если в тихий солнечный день я смотрел на купол главной звонницы, плывущий в небесной синеве, то как будто слышал нежный, мелодичный звон.

Может, и не был этот собор таким древним, чтобы привлекать толпы зарубежных туристов, но он был историей этого города, его памятью и душой. С тяжёлым чувством я уходил от каменного трупа. Позже я узнал, что такая же участь постигла и католический костёл, стоявший неподалёку от стадиона. На его фундаменте теперь воздвигнуто здание строительного треста.

Неожиданно я подумал о Париже. Нет, конечно же, я не был в этом городе. Но я знал Париж по книгам Гюго, Бальзака, Дюма, по беглым заметкам советских журналистов. И я подумал, что если бы воскресить парижанина, умершего двести, даже четыреста лет назад, то он бы вошёл в сегодняшний Париж, как в город своего детства. Он смог бы бродить по знакомым улочкам и площадям. Он узнал бы все древние соборы и дворцы. И сказал бы с полным основанием: «Да, это мой родной город. Его нельзя спутать с другим. Ибо Париж неповторим».

Равнодушным взглядом скользнул я по взгромоздившемуся на бетонный постамент танку — памятнику какому-то генералу. Видимо, он первым ворвался на этом танке в освобождаемый от немцев Бобруйск. Но в памяти всплывают и другие факты. Такие же генералы, на таких же танках врывались в страны Прибалтики, в Бессарабию и Польшу. А уже после войны давили людей на улицах Будапешта и Праги. Да что там Прага, а собственный Новочеркасск?! Позже я узнал, что для разрушения собора вызывали танк из соседней части. Но не смог он осилить старины. Пришлось применять взрывчатку.

И вовсе неожиданная мысль пришла. На этом постаменте бессмысленно ржавеет 32 тонны, видимо, неплохой стали. А в Бобруйске, да и во всём районе в магазинах — ни утюгов, ни ножниц никаких. Да если бы все те средства, что идут на раздувание военного психоза, обратить на пользу людям! Многих можно бы получше одеть и накормить, а бездомные получили бы крышу над головой и не скитались по чужим углам да по казармам-общежитиям...

После раздумий у танка я забрёл на кладбище. Оно заметно разрослось, стало теснее. Помню, здесь была небольшая деревянная церковь. На мой недоуменный вопрос какая-то пожилая женщина, поправлявшая могилку, рассказала, что церковь сгорела несколько лет назад при весьма странных обстоятельствах. Пожар начался ночью, неожиданно и сильно. Когда жители ближайших домов и верующие бросились тушить, то откуда-то появилось оцепление из милиции и никого не подпустили к месту пожара.

Покинув кладбище, я уже не пытался искать что-то памятное в этом городе. Спускаясь к железнодорожному переезду, что на улице Бахарева, заметил предупредительную надпись у шлагбаума: «Берегись поезда!». И сразу вспомнилось: ведь 25 лет назад здесь было написано: «Сцеражыся цягніка!» и только внизу — русский перевод. Теперь белорусская фраза исчезла. К соб-

ственному удивлению, меня это неприятно задело. Неожиданно я осознал себя белорусом. Ведь здесь испокон веку жили мои деды и прадеды. Сама земля эта состоит из праха бесчисленных поколений моих сородичей. И я, их потомок, имею неоспоримое право не только на эту землю, но и на свой родной язык, на право быть белорусом.

Теперь уже сознательно я стал рассматривать надписи на вывесках магазинов, учреждений. Подавляющее большинство их — на русском языке. И лишь заметный белорусский акцент у прохожих напоминает, что ты находишься не в Костроме или Иваново. На базаре иногда можно услышать белорусскую речь. Эти, видно, из деревень приехали. Всё же плановая ассимиляция ещё не завершена, хотя её успехи очевидны.

Позднее я побывал в Минске. Там картина иная. Русских вывесок меньше. Но ведь Бобруйск не столица. Доступ иностранцам сюда закрыт, а потому можно беспрепятственно стирать «чужой земли язык и нравы».

Похожую систему плановой русификации я наблюдал и в Украине. Но, к чести украинцев, они гораздо упорней отстаивают национальную самобытность от посягательств «старшего брата». Но силы слишком неравны. И они часто поминают недобрым словом своего «неразумного сына» Богдана Хмельницкого, который свыше 300 лет назад совершил роковой поступок, граничащий с национальным предательством.

...Через несколько дней я устроился на работу. Прописался и поселился в общежитии. Однако вскоре власти разведали, что я так называемый инакомыслящий: «сую нос, куда не следует», даю людям читать Всеобщую декларацию прав человека и т. д. Начались преследования. Дважды меня сажали в сумасшедший дом. Выгоняли с работы. Среди зимы выселили из общежития. Какой уж раз скамья на вокзале становилась моим прибежищем.

В моём паспорте записано: национальность — белорус; место рождения — г. Бобруйск. Здесь жили мои родители, отсюда они ушли на фронт и не вернулись. Здесь же я, как круглый сирота, воспитывался в детском доме. Но теперь в этом городе для меня не нашлось ни крова над головой, ни достойной работы. Власти предлагают мне уехать отсюда. Куда? «Хоть в Хабаровск, мы охотно выпишем тебе туда билет», — говорил мне Марат Тимофеевич Кузнецов, главный врач областной психиатрической больницы. Но ведь в пределах колючей проволоки, опоясавшей страну на многие тысячи километров, законы (а вернее, беззаконие) везде одинаковы. Будь то в Хабаровске, Владимире или Бобруйске. С каждым днём этот город становится для меня не только всё больше чужим, но и враждебным. Я излечиваюсь от ностальгии. Недавно я подал в Президиум Верховного Совета заявление с просьбой освободить меня от советского подданства и разрешить покинуть страну. Мне, простому рабочему, отказали и в этом праве. В праве, не подлежащем сомнению в цивилизованных странах.

Почему?! Я пытаюсь осмыслить причину такого отказа.

В Советском Союзе право на определение и выбор Родины тоже является монополией государства. По своему усмотрению власти одних лишают Родины, других объявляют её изменниками, третьим отказывают в праве на выезд из страны. Фактически, и тех, и других наказывают за попытку самостоятельно решить вопрос: ***что такое моя Родина?***

В давние времена, когда колючую проволоку ещё предстояло изобрести, людей, не согласных с волей правителя или вождя, охранял конвой с копьями. Иногда, для пущей надёжности, их заковывали в кандалы. Но если человек всё-таки бежал или пытался это сделать, то никому не приходило в голову обвинять его в измене Родине.

Иное дело сейчас. Наше государство определяет человеку Родину Указом Президиума. От сих и до сих.

А чтобы указ был авторитетнее, огораживают эту родину колючей проволокой с сигнализацией и выставляют конвой в зелёных фуражках, с автоматами и овчарками.

Согласно таким указам Президиума молдаванин, к примеру, обязан считать далёкие Курилы или Сахалин более родными местами, чем земли рядом, за Прутом. И не смей, человече, думать иначе, а то и в измене Родине недолго тебя обвинить! Только чьей Родине? Нет, живые люди — не оловянные солдатики. Они осмеливаются думать иначе. И они изменяют указам, не считая, что изменяют Родине. Своей Родине.

Родина... Сколько толкований у этого слова! Для одних это — чистая география, место, где родился. Но ведь человек может родиться и в неволе или во враждебной среде. Тогда он вынужден приспосабливаться ко всему. К чужой культуре, обычаям, языку. Духовная и физическая ассимиляция. Но есть и те, кто, мечтая об ***исторической*** Родине, проносят свою любовь и мечту через годы и поколения. Один мой знакомый, молодой еврей из Минска, как-то сказал: «Если бы в Израиле жизнь была даже хуже, чем здесь, я бы всё равно уехал туда». Но может быть и ещё одно толкование Родины. Не каждый, возможно, его приемлет, но оно есть.

Бог создал людей свободными и равными. И это изначальное стремление к свободе присуще людям всех наций и убеждений. Духовная свобода, родство душ, а не только общность земли и крови — вот что объединяет этих людей, независимо от их национальности. Лишив свободы, их тем самым лишают и Родины. Не только интеллектуалы тип Герцена или Плеханова уезжали на Запад. Тысячи полуграмотных крестьян: русские, украинцы, белорусы, поляки — в поисках Родины заселяли необжитые земли в далёкой Канаде и других странах. Люди десятков разных национальностей и религиозных убеждений, свободно объединившись, создали себе новую Родину — Соединённые Штаты Америки. Тысячами устремляются туда и сейчас. Только из России

немного. Колючая проволока и автоматы на вышках — неодолимая преграда.

Как и много лет назад, Россию покидают те, у кого украли Родину. И большинство её находят. А бывает, и нет. Таков уж человек.

25 марта 1978 г., г. Бобруйск.

История ненаписанного рассказа
(Зарисовки с натуры)

Предисловие

Говорят, в сталинских лагерях были люди, которые умирали, прославляя имя своего палача. Подобные люди были и в нынешних лагерях. В условиях несвободы, отсутствия объективной информации человека можно «воспитать». Можно искусственно навязать ему любые убеждения. Процесс прозрения может быть очень болезненным. Но люди «выздоравливают». Постепенно, шаг за шагом освобождаясь от навязанных стереотипов мышления. Иногда не без комизма.

Столкнувшись с реальностью, грубо противоречащей устоявшимся убеждениям, человек нередко проявляет чудеса изобретательности, чтобы разрешить противоречие, «не поступаясь принципами». То есть без ревизии собственных взглядов. Вот эту «подгонку под заданный ответ» я и намеревался как-то показать в своём наброске.

Здесь, ничего не выдумано. Реальны лица, события и оценки характеров. И любой из упомянутых здесь мог бы себя опознать. Выдуманы лишь клички — псевдонимы. В политлагере они не прижились, не приняты. Мы все были очень разными людьми. На мой взгляд, идеологические, духовные различия у нас были глубже, чем среди заключённых бытовых (уголовных) лагерей. Мы были разными по уровню образования, культуре и многому другому. И находиться вместе в тесном пространстве было нелегко. Ведь мы люди, не ангелы.

Положение усугублялось провокаторской, разлагающей деятельностью КГБ. Они стремились добиться максимального нравственного разрушения личности. Нередко им это удавалось, потому что в средствах не стеснялись: подкуп, шантаж, замаскированные пытки. И даже убийства — если им это было выгодно. А если не выгодно — могли держать пожизненно, дожидаясь «естественной» смерти. Спешить им было некуда. Отцы уходили на «заслуженный» отдых — сыновья принимали эстафету палачества. Потому и архивы от народа скрывают. Я сам испытал это чувство тоскливой безысходности. Арестовав, последний раз в 1978 году и судив три раза подряд, меня хотели судить в четвёртый и продлить срок до 2000 года и больше. Это была бы точка.

30/X1-1990 г.

Если в каждой шутке есть доля истины, то в моём рассказе лишь доля шутки, остальное — истина.

Вернулся я из штаба в крайнем раздражении. И, едва ступив за порог секции, стал изливать душу.

— Да что же это творится?! На прошлой неделе дважды пытался отправить письмо. В первом случае перечислил, что следует прислать в бандероли, — конфисковали. Почему?! Мол, содержит «сведения, не подлежащие разглашению». Снова написал. О бандероли уже ни слова. Ограничился двумя фразами. Вверху листа — «Здравствуйте!», внизу — «До свидания». Дата, подпись; безо всякого текста в промежутке. Опять не угодил: «Условности в тексте». А в чём «условности» и чего «нельзя разглашать» — цензор с опером не объясняют. Сегодня в третий раз конфисковали. На чистом листе поставил лишь дату и подпись — и всё, и в конверт. А они: «Подозрительное по содержанию». Предлагаю: мол, составьте сами текст письма, а я перепишу

и подпишусь. А они? «Еще чего! Мы за тебя не обязаны писать». Это же форменное издевательство над человеком! — гневно закончил я свой монолог.

— Он до сих пор не понял, что живёт в условиях древнеегипетского рабства, — послышался бесстрастный голос. В углу, возле своей кормушки, Кандидат Филологических Наук меланхолично дожёвывал пряник.

«Ну-ну! Болтай больше. Небось, древнеегипетские фараоны не позволили бы тебе пряники в ларьке выписывать», — мысленно возразил я филологу, однако вслух возражения не высказал.

— А что ты ещё хотел от этих коммунистов?! — выкрикнул из другого угла Инженер-Электронщик и с досады уронил толстый справочник по кибернетике.

Шпион оторвал голову от детектива, иронически оглядел меня и, не удостоив ни единой реплики, снова углубился в занимательную историю, в которой успешно разоблачалась вражеская агентура.

Надо заметить, что Шпион этот был взаправдашний. Он работал мастером-строителем и по совместительству шпионом. А может быть, он работал шпионом, а по совместительству мастером-строителем? Но это не имело ровно никакого значения. Именно это и было успешно доказано следствием. Шпион настолько уверовал в свою нераскрываемость, что по небрежности уронил какой-то секретный документ. Документ поднял, конечно же, агент КГБ. И Шпиона отправили в Пермскую область, читать детективы. Ровно на 10 лет.

Вдруг ко мне подошёл Марксист и, оглянувшись презрительно на сокамерников, вполголоса говорит:

— Чего ты этих дураков слушаешь? Пойдём прогуляемся, и я тебе объясню суть дела.

Мы вышли из барака.

— Что это вы всё на коммунистов валите? — досадливо поморщился Марксист. — Неужели враждебная пропаганда вам так задурила мозги, что вы за деревьями леса не видите?

— А на кого же мне валить? Меня что, французы заперли в этот лагерь? А насчёт «враждебной пропаганды» — ты это брось! Её слушать — себе же дороже обойдётся. Её, эту пропаганду, так глушат, что пока поймёшь, что к чему, не один миллиард нервных клеток угробишь. А они, как известно, не восстанавливаются, — блеснул я эрудицией, вспомнив популярную статью.

— Ну, если ты не слишком оболванен чужими радиоголосами, с тобой ещё можно будет поговорить. Вот скажи откровенно: у тебя не возникала случайно мысль, что ко всем твоим бедам как-то причастно ЦРУ?

— Че-во?! — вознегодовал я. — Ты чё, совсем обалдел от своего Маркса?

— А ты не «чевокай» преждевременно. Пошевели сначала мозгами. Ты что, не знаешь, что ЦРУ раскинуло свои щупальца по всему миру? Неужели ты думаешь, что оно обошло вниманием такой важный объект, как наш лагерь? Не уголовный, а по-ли-ти-ческий лагерь, — подчеркнул Марксист. Я призадумался.

Надо сказать, что Марксист этот был очень грамотным человеком.

Он окончил два института. Кроме того, прочёл всего Маркса от корки и до корки. Ходили упорные слухи, что именно за это его и посадили. Всякие крайности, как известно, опасны. Хочу добавить, что в нашей секции жил ещё Второй Марксист. Тот вообще Маркса не читал, потому что был хорошим токарем. Но Второй Марксист аккуратно посещал политзанятия, так как за это не лишали прогрессивки. У него были жена и двое детей. И прогрессивка была весьма желательной в семейном бюджете.

На политзанятиях часто говорили о Марксе и Ленине. Из всего, что там говорилось, Второй Марксист хорошо усвоил три мысли: рабочий класс — гегемон, высшая форма справедливости — диктатура пролетариата и пролетарии всех стран должны объединяться. Когда однажды начальство проявило несправедливость,

он решил на практике реализовать то, что усвоил на политзанятиях. Он остановил свой станок и призвал товарищей последовать его примеру. Однако с «диктатурой» произошла осечка. Видимо, Маркс что-то не доработал в своей теории, и Второй Марксист был переведён на токарный станок в Пермскую область. Сроком на шесть лет.

Здесь он также не читал Маркса, но всех нас называл господами демократами, которые только и думают, как бы усидеть на шее рабочего класса. Второй Марксист хорошо играл в шахматы и как-то предложил мне партию. В шахматы я играть не умел, но хорошо разбирался в фигурах. Поставив в беспорядке все фигуры на доску, я сказал партнёру:

— Смотри! Вот эти фигуры, пешки, — народ, или народ — пешки, что одно и то же. Остальным фигурам сам дай назначение и построй на доске своё Государство диктатуры пролетариата, чтобы в нём была Всеобщая Справедливость.

Второй Марксист с полминуты озадаченно смотрел на доску с беспорядочно стоящими фигурами. Потом раздражённо смахнул их и заявил, что я такой же «господин демократ», а значит, мечтаю залезть на шею рабочему классу. Больше мы с ним в шахматы не играли. Однако вернёмся к нашей беседе.

— Послушай, ты что-либо в логике смыслишь? — спросил Марксист.

— Ну разумеется! Мне эта книжка в тюрьме попалась, так я её целых 45 дней изучал, пока на этап не взяли. Очень умная книга, хотя и непонятная, — похвалил я учебник логики.

— А я этот предмет в двух институтах учил, — внушительно сказал Марксист и предложил: — А теперь давай рассуждать логически.

— Давай! — охотно соглашаюсь.

— Как ты считаешь, для кого выгодно нарушение советских законов: для ЦРУ или для коммунистов? — начал издалека Марксист.

— Для кого выгодно, тот и нарушает, — отвечаю. — А нарушают коммунисты — значит, им это выгодно.

— Экий ты легкодумный. Зачем честный коммунист будет нарушать им же установленный закон? Себе во вред?

— Но ведь нарушают, — упрямо твержу, — и управы на них нет. Тем более здесь. Сам говоришь, политзона, особое внимание. А сотрудники КГБ больше всех и нарушают здесь законы.

— Да ведь повторяю: честный коммунист не будет нарушать им же установленный закон. Это не логично. Это значило бы дискредитировать собственную власть. Нарушает советские законы агентура ЦРУ, — решил открыть свои карты Марксист, убедившись в моей непонятливости.

— Не может этого быть, — уверенно возражаю. — Здесь ведь самые доверенные люди подобраны.

— Эх ты, наивная деревня! — Марксист сочувственно покачал головой. — Доверенные, говоришь? А вспомни: правая рука Сталина, председатель тогдашнего КГБ Л.П.Берия не доверенный был человек? А оказался впоследствии английским шпионом. Разве не так?

— А ведь верно, — вспомнил я, — об этом газеты писали.

— А Пеньковский, — продолжал марксист, — тоже не доверенный человек? Это только в самых верхах, а внизу сколько их? Тьма! По моим скромным подсчётам, две трети нынешнего состава КГБ работает на полставки в ЦРУ.

— Да ну?! — изумился я.

— Вот тебе и «да ну». Я давно наблюдаю, и пришёл к выводу, что более половины здешних сотрудников завербованы. Сам начальник лагеря майор Долматов наверняка является и майором ЦРУ по совместительству. Механика подрывной работы очень проста. По указаниям оттуда здешняя агентура, как и повсюду в стране, устраивает разные провокации, грубо нарушает советские законы. Вы, диссиденты, сообщаете об этом

на Запад. А там уже поднимают крик по поводу нарушения Прав Человека в нашей стране. По существу, и вы, диссиденты, и КГБ делаете одно чёрное дело: объективно сотрудничаете по подрыву Советской Власти. Дискредитируете её в глазах народа. Только КГБ это делает за плату, из корыстных побуждений, а вы — искренне, в силу политической наивности своей.

— Хитро задумано. Неужто в стране так много шпионов, тем более среди самых доверенных лиц? — я всё ещё не мог поверить услышанному.

— Да-а, необразованность — тяжёлый недостаток, хотя и преодолимый. А ты знаешь, что даже сам... — тут Марксист пугливо огляделся по сторонам и, наклонившись к моему уху, еле слышно прошептал: — ...был завербован Германской разведкой.

— Не может этого быть! — возмутился я. — Он же вождь мирового пролетариата. Это клевета!

— Вижу, рановато тебя на этап взяли — не доучил ты логику. Мог бы и с собой прихватить книгу, не велик грех. Всё равно на цигарки порвут, — ехидничал Марксист. — А вот объясни — на чьи деньги, и как это возможно было, проехать через всю Германию под охраной, в запломбированном вагоне в страну, с которой эта самая Германия воевала?

— Вот это да-а! — ошарашенно открыл я рот.

— То-то! — назидательно закончил Марксист, повернулся и отправился по своим делам.

«Вот что значит два высших образования в сравнении с моим неполным средним», — уважительно, хотя и не без зависти, подумал я и тоже отправился по своим делам.

Через некоторое время меня вызвали к начальнику лагеря майору Долматову.

— Что это ты подозрительно много писать стал? Жалобы разные сочиняешь...

Я вспомнил Марксиста и с интересом посмотрел на начальника. Попытался представить его в форме майора ЦРУ, но не знал, как эта форма выглядит. Потом

стал перебирать в уме свои «жалобы». Так: «Заявление Архиепископу Пермскому» с просьбой прислать священника для исполнения христианских обрядов — с точки зрения Конституции вроде бы всё законно. Потом, чиновнику по делам вероисповеданий Харчеву, с просьбой объяснить, как, согласно той же Конституции, но в рамках закона, можно осуществить Право на свободу совести. Дальше: «Надзорная Жалоба в Верховный Суд» — не противоречит Конституции — добиваться справедливого судебного решения. Ах, да, забыл! Я же писал Заявление с просьбой 300 рублей моих денег отправить в фонд Радио «Свобода» — как организации, «борющейся за демократию, мир и дружбу между народами». По этому поводу со мной уже был крупный разговор. Меня предупредили: ещё одно подобное заявление — и я буду серьёзно наказан, а мои деньги конфискуют в Советский Фонд Мира.

В общем, не чувствуя опасности, я с любопытством ждал продолжения разговора. Однако начальник нахмурился и невпопад спросил:

— А что у тебя общего с осуждённым Б.? — он имел в виду Марксиста. Мне вдруг стало холодно и грустно. Не дожидаясь ответа, начальник продолжал: — С полгодика посидишь, образумишься, поразмыслишь над своим поведением, а там решим, что с тобой делать, — и нажал кнопку под столом.

Вошёл надзиратель и повёл в лагерную тюрьму — по-научному ПКТ называется (помещение камерного типа). Меня втолкнули в камеру. Дверь захлопнулась. Ржаво заскрежетал замок. Потом всё стихло.

«А ведь прав был Марксист, — с тоской подумал я, оглядывая мрачные стены. — Нигде от этого ЦРУ не спрячешься. Даже в такой далёкой Пермской области».

Эти сценки лагерной жизни я решил перенести на бумагу отнюдь не для потомков. Взглянуть на себя со стороны всегда полезно. Итак, я полагал, что продолжение следует... Но, «продолжения» не последовало.

Пообещав себе продолжить рассказ, я решил написанное показать некоторым его героям.

Кандидат Филологии оторвался от своих изысканий в области французского фольклора, прочитал, улыбнулся и заметил: — Здесь что-то есть.

Шпион весело расхохотался и с искренним злорадством добавил:

— Так им и надо!

Он ненавидел всех Марксистов всеми фибрами своей души.

Марксист был занят конспектированием очередной работы Маркса. Отодвинув толстый том, он вдумчиво прочёл записи, тонко улыбнулся и без комментариев вернул мне листки.

Второй Марксист вначале улыбался, потом нахмурился и, закончив читать, повторил известную мысль о шее рабочего класса, на которой желают усидеть все господа демократы, не исключая и меня. После него я подошёл к не упомянутым здесь Писателю и Журналисту; которые, в этот момент о чём-то оживлённо беседовали между собой.

Писатель сочинял меланхолические рассказы, которые печатались в толстых сибирских журналах. Несомненно, в рассказах была польза. Кто одолевал их, уже сдавал экзамен на мужество и силу воли и мог этим гордиться. Естественно, Писатель оказался среди нас не за свои рассказы, а за обсуждение «чужих» рассказов в школьном кружке.

Писатель был очень высоконравственным человеком. Он прочёл мои заметки и строго спросил:

— Зачем ты это написал?

— Чтобы отправить в «Крокодил», — чистосердечно признался я, ожидая скромной похвалы.

— Разве ты не понимаешь, что выдаёшь наших товарищей оперслужбе?

Я несколько растерялся от такой оценки и, не отвечая, протянул листки его собеседнику — Журналисту. Журналист был серьёзным человеком и вдобавок эко-

номистом. От этого он был ещё серьёзнее. Как-то в спецхране Центральной библиотеки он наткнулся на кучу разных графиков и бухгалтерских выкладок по сельскому хозяйству. Проявив похвальную усидчивость, Журналист написал скучный очерк о теневой экономике. Но этот очерк понравился Радио «Свобода» и очень не понравился КГБ. Разность вкусов Московский суд оценил в шесть лет, и автора отправили знакомиться с экономикой Пермской области.

Журналист с мрачным видом прочёл текст и изрёк:

— Написано очень смешно, но Боря прав: ты сдаёшь товарищей.

— Но здесь же нет фамилий?!

— А разве трудно догадаться, кто есть кто?

— Но ведь здесь нет тайн. Всё известно, — пробую слабо защищаться.

— А ты уверен, что ИМ всё известно, о чём ты написал? — твёрдо стоял на страже нравственности Журналист. Я вздохнул, молча закатал листки в полиэтиленовый пакетик и засунул в дырку под пол. Журналист и Писатель продолжили свою беседу.

Однако с упорством, достойным лучшего применения, через год я попробовал вспомнить и дописать свой неудачливый рассказ.

Перестройка была в разгаре. Не успел я исписать пару листочков, как пришли с обыском. Записи конфисковали как «антисоветские по содержанию». Я не успокоился и отправился в оперчасть.

— Объясните, пожалуйста, в чём здесь криминал? — очень вежливо спросил я капитана КГБ Яшина из Мордовского управления.

— Да нет вроде здесь ничего особенного.

— Так в чём же дело?!

— Знаете ли, мы пока ещё к этому не привыкли, — ответил «перестроившийся» кагэбист.

— Ну так привыкайте! — дружески посоветовал я ему.

Но это уже была чистая риторика. Я махнул рукой. Я сдался. Я отказался писать свой рассказ. О-кон-ча-тель-но!

Лето 1987 г.

P.S. Очерк передавался по Радио «Свобода» (Мюнхен) 4 октября 1991 г.

Послесловие.

Через 16 лет после описываемых событий.

«История...»

Упомянутые здесь персонажи — реальные люди, с которыми я сидел в тех лагерях. Время, проведённое там, не повод для дружеских встреч и застолий. Поэтому и сведения о бывших солагерниках случайно дошлие до автора.

Вот их имена и сложившаяся жизнь после выхода на свободу.

«Кандидат Филологии» — Михаил Мейлах, питерский учёный. Кандидат наук, специалист по французскому фольклору (возможно, уже доктор). Мейлах — учёный «по наследству». Он сын известного филолога-пушкиниста, умершего несколько лет назад. По наследству же получил и ещё одну квартиру, женился на студентке. В настоящее время весьма активно разрабатывает «золотую жилу» французской и иной литературы: часто посещает разные международные семинары и другие, окололитературные мероприятия.

«Писатель» — литератор Борис Черных. После освобождения одно время был главным редактором областной газеты в Ярославле. Получил трёхкомнатную квартиру, женился на студентке. Ныне член жюри одного из кинофестивалей (кажется, в Сочи).

«Журналист» — Лев Тимофеев, известный московский журналист, член Союза писателей России, член

редколлегий разных изданий. Пишет в основном на экономические и нравоучительные темы.

«Шпион» — Альберт Петров, инженер-строитель и мастер спорта по единоборствам. После освобождения собирался эмигрировать.

«Электронщик» — Владимир Кириченко, эмигрировал в США. Успешно занялся бизнесом; по слухам, уже миллионер.

«Марксист» — Анатолий Бедарьков, инженер-механик. Работает где-то в Могилёве.

«Второй Марксист» — Григорий Исаев, инженер-механик. Профсоюзный деятель в Самаре.

Капитан КГБ Яшин — сотрудник Мордовского управления КГБ (ФСБ). Его дальнейшая карьера в органах мне неизвестна. В описываемое время производил хорошее впечатление.

Начальник лагеря майор Далматов — умер сравнительно молодым человеком, не дожив до пенсионного возраста. Сменивший его в этой должности подполковник Осин скончался на 60-м году жизни.

Автор сего повествования — «наивная деревня», всего лишь «45 дней изучавший логику» на тюремных нарах; ныне обитает в одном из отдалённых районов Москвы. Одинокий и всеми забытый, он пребывает в состоянии хронической депрессии и меланхолии: из-за непонимания окружающих, а также отсутствия возможностей, средств и желания изменить мир в лучшую сторону.

Осень. На улице моросит дождик.

Октябрь 2003 года.

Какие тайны хранит институт имени Сербского? *(Заметки диссидента)*

Доктор действовал во благо,
жалко благо не моё.
В. Высоцкий

В марте 2006 года я пришёл в институт судебной психиатрии им. Сербского, чтобы осуществить своё законное (конституционное) право на ознакомление с экспертным заключением по одному из моих судебных дел за 1970 год. В качестве свидетеля и своего доверенного пригласил представителя от общественной организации «Гражданская Комиссия по правам человека России». Однако нас даже на порог не пустили. Объяснили: ознакомление с экспертными материалами категорически запрещено, независимо от срока давности проведённой экспертизы. Затребовать экспертные материалы имеет право лишь организация и лицо, направившее меня на экспертизу. Выходит, что спустя даже 36 лет моё дело всё ещё является тайной не только для общественности, но и для меня самого. Пришлось обратиться в суд.

Должен пояснить, 15 лет назад я был реабилитирован. А отправлял меня на экспертизу в институт им. Сербского в 1970 году начальник следственного отдела УКГБ по Владимирской области м-р Павел Евсеев. Помню, он как-то разоткровенничался, что работает следователем в органах с 1940 года. Я не удержался и спросил: «Так сколько же вы душ загубили за 30 лет такой “работы”?! Ведь у вас руки по локоть в крови! При Хрущёве многие из ваших жертв были посмертно реабилитированы».

Майор вальяжно откинулся на спинку стула, и добродушно улыбаясь, ответил: «А ты знаешь, Михаил, что сказал товарищ Сталин на банкете в честь победы?» И начал цитировать мне известный тост про долготерпение русского народа. Естественно, уклоняясь от

пояснения, что это «долготерпение» было достигнуто массовыми расстрелами и многомиллионным ГУЛАГом.

На вид следователю КГБ было под 50, значит, сегодня ему где-то 86 лет или больше. Может быть, он давно и торжественно похоронен как ветеран войны. Под звуки военного оркестра за трупом на подушечке несли два-три десятка орденов и медалей, как награду за сотни отправленных под расстрел так называемых «врагов народа». Мне повезло, что родился гораздо позже этого ветерана-орденоносца. Иначе был бы реабилитирован тоже посмертно. Невелико удовольствие.

А может, он ещё и жив?! И как ветеран-маразматик валяется в разных привилегированных ЦКБ и прочих заведениях, где отдыхают и лечатся заслуженные палачи и высшие кремлёвские сановники: от Патрушева, Иванова и повыше рангом. Любуется старый ветеран на фото Сталина в рамочке и вспоминает славные денёчки, когда можно было вообразить себя маленьким божком, распоряжающимся жизнью и смертью людей. Может, мне разыскать его и нижайше испросить резолюцию на ознакомление со своим, им же сфабрикованным, уголовным делом?

Но сначала поговорим о чужих тайнах, которых немало хранится в потайниках института им. Сербского. Ещё при Ельцине меня как-то пригласили на запись в телепрограмму «Национальный интерес». Там седовласые профессора из этого института пытались доказать, что здоровых людей в психушки не отправляли. В крайнем случае, в гуманных целях спасали некоторых от тюрьмы. Мне сразу вспомнились строчки из Высоцкого: «Доктор действовал во благо, жалко, благо не моё!» Через микрофон ведущего задал вопрос: «А как вы оцениваете такой факт: человека признали невменяемым, 15 лет продержали в Казанской спецпсихбольнице, а потом расстреляли? Могу пояснить подробней». Профессора не ответили, сделав вид, что вопроса не было. Ведущий настаивать не стал. Просматривая дома эту телепередачу, обнаружил, что вопрос

вырезан, а моя физиономия промелькнула лишь в качестве статиста.

Теперь о факте. С человеком, которого расстреляли, я был лично знаком. Три раза в среднем по 40 дней проводил с ним в одной камере-палате в Сербском. Вот коротко его история. В начале войны Лукьянов Ермак Михайлович, калмык по национальности, попал в плен, потом лагерь. Не допытывался, не знаю, может и сотрудничал он каким-то образом с немцами. После войны Лукьянов остался в Бельгии. Работал на рудниках, получил гражданство, женился. Был членом общества Советско-Бельгийской дружбы (с его слов). Когда началась Хрущёвская «оттепель», пришёл в советское посольство, рассказал о себе и попросил разрешение вернуться на родину. Ему ответили: вы, мол, совершили преступление в своё время, поэтому возвращение надо заслужить, надо поработать для родины. И Лукьянов несколько лет разъезжал по Европе; фотографировал базы НАТО. Выполнял задания успешно, так как в совершенстве владел немецким и французским языками. Шпионил бесплатно. Лубянское начальство компенсировало лишь дорожные расходы. Наконец разрешение на поездку в СССР было получено. Весь путь до Элисты он проделал на личной автомашине. Разыскал сына от довоенного брака, навестил тех, кого знал раньше или был в родстве.

Благополучно вернулся домой, в Бельгию. Но после всего увиденного собственными глазами, услышанного от родственников и знакомых о жизни и порядках в СССР всякое желание возвращаться на родину испарилось. Да и жена-бельгийка против. Куда, мол, поедем, говорит, у нас семья — пятеро детей. Кто-то устроился, другие учатся. В общем, стал г-н Лукьянов уклоняться под разными предлогами от поручений товарищей в штатском из советского посольства.

Тем бы всё и закончилось. Но после поездки в Калмыкию начал регулярно переписываться с родственниками и новыми знакомыми. Через некоторое время сно-

ва захотелось приехать в гости. Ему охотно дали визу. На этот раз взял с собой сына-подростка, чтобы познакомить с «исторической родиной». Позднее признавался, что с самого начала почувствовал за собой слежку. После завершения своего визита в Бресте был арестован. Дальше как обычно: Лефортово и Сербский. Признание больным шизофренией и помещение в Казанскую спецпсихбольницу. Это происходило где-то в 1967 году.

Впервые встретился с ним летом 1970 года. Моё назойливое любопытство, видимо, его настораживало, и я мог довольствоваться лишь фантазиями санитарок об этом человеке. Когда в 1979 году мы снова увиделись, он встретил меня как родного брата. Точнее, как собрата по несчастью. Много чего рассказывал о своей жизни, о Бельгии. Третий раз я увидел его зимой 1982 года. Но это был уже другой человек. Измождённый, дряхлый старик с полностью потерянными зубами. От «лекарств», по его словам. В Казани его нещадно закармливали нейролептиками и Бог знает чем ещё. А главное, угнетённое состояние. Постоянно повторял: «Мишель, меня хотят расстрелять, я это чувствую». Напрасно я пытался его успокоить. Мол, по советским законам потолок — 15 лет, которые он уже отсидел. Кроме того, он официально невменяем, и это противоречило бы нашим законам. Всё было напрасно. И у меня появились сомнения в его здоровье. Уж не заболел ли?! Всё-таки 15 лет в психушке...

Летом 1982 года в лагере как-то просматривал газету «Советская Россия». Равнодушно скользнул по названию статьи «Изменникам нет пощады». В те годы проходила очередная кампания «никто не забыт» и пропагандистских писаний хватало. Но взгляд наткнулся на знакомое имя. Внимательно прочел «...приговорён к высшей мере... приговор приведён...» и т. д. У меня буквально волосы зашевелились, настолько неправдоподобной, фантастической показалась мне эта ситуация.

Можно лишь догадываться, как это происходило. Лубянка потребовала от профессоров Сербского объявить Лукьянова сумасшедшим, чтобы упрятать в спецпсихушку. Те под козырёк. А годы спустя Лубянка посчитала, что отпускать Лукьянова опасно — слишком много узнал. Значит, надо уничтожить. И приказали «врачам» объявить его здоровым, чтобы казнить «по закону». Те снова под козырёк. Если у кого сомнения в этой истории, то не трудно проверить. Младшему сыну Лукьянова в Бельгии сегодня примерно 50 лет. После ареста отца оперативники КГБ переправили его вместе с машиной через границу. Наверное, живы и другие родственники там же, в Бельгии.

Когда профессора из Сербского утверждают, что посылали обвиняемых в психушки ради спасения от тюрьмы или казни — это правда. Только чья правда? Институт им. Сербского в советский период (как, наверное, и сейчас) являлся главным инструментом по «отмыванию» преступлений. По аналогии: как «отмывают» преступные деньги всякие грабители и мошенники.

В советское время Кремлёвская власть была страшно озабочена своим имиджем в глазах не только Запада, но и собственных граждан. Существовала доктрина, что наш государственный строй — идеал для человечества и потому у нас, при социализме, не могут происходить такие преступления, как на «загнивающем» Западе. А наши чиновники — это просто ангелы в сравнении с хапугами и мошенниками в странах, где «человек человеку — волк» и «правит чистоган».

Кстати сегодня, к имиджу страны отношение наплевательское. Сын министра обороны Иванова нагло задавил машиной пенсионерку. Об этом знает вся Москва, но преступник даже не арестован. Если бы подобное случилось четверть века назад и этот факт получил бы такую же огласку, то Иванова-младшего на пару месяцев отправили бы в психушку, чтобы «отмыть» его преступление. Извините, мол, граждане, никакого преступления нет. Просто кратковременное расстройство

здоровья, с кем не бывает. И это «расстройство здоровья» услужливо бы удостоверили в Сербском эскулапы с докторскими степенями.

Со мной сидел сын крупного московского чиновника в банковской сфере. Отец был орденоносцем за какие-то тыловые подвиги в период войны. Сын повздорил с женой, облил её бензином и сжёг. Другого бы расстреляли, а этот отделался пятью годами спецпсихушки. Причём содержался привилегированно, как в доме отдыха.

Ещё случай. Сын начальника милиции, приятный во всех отношениях человек. Нас убеждал, что попал за браконьерство. Позже узнали его историю. Заманил в лес девятилетнюю девочку, изнасиловал и закопал. «Подлечили» и освободили.

Третий случай. Был один хороший работник-шабашник, много зарабатывал. Но слишком часто и подолгу бывал в командировках. Жена поставила ультиматум: мне нужен муж дома, а не в виде паспортной отметки. Не сменишь работу — уйду к матери. Но мужик предупредил: «Уйдёшь, не застану дома — приду и отрублю голову». Приехал — не застал. Взял топор, пришёл в дом тёщи и отрубил жене голову. Но у этого мужика брат — полковник, служил не последней пешкой в каком-то штабе. И он помог устроить братца в психушку «подлечиться». Причём даже не в спец, а в обыкновенную городскую. Там он пробыл чуть больше четырёх лет в весьма вольготных условиях. Человек он был абсолютно здравый и пользовался полным доверием со стороны врача.

Четвёртый случай: какой-то родственник секретаря райкома партии был задержан за хулиганство. Во время беседы врезал начальнику ОВД по физиономии. Вместо тюрьмы отделался двумя месяцами пребывания в городской психушке. В ней он почти не ночевал, лишь отмечался. Ещё пример. Племянник зав. отделением во Владимирской психушке (где я содержался) в период службы в армии пытался изнасиловать медсестру. Или

изнасиловал, уже точно не помню. Возбудили уголовное дело. Но дядя-психиатр добился экспертизы и перевёл его под своё крылышко.

Подобных случаев немало. За крупные взятки с помощью института Сербского уклонялись от тюрьмы или расстрела. Со мной сидел некий Роман из Оренбурга. Его родичи были кем-то на фабрике пуховых платков. Рома собирался жениться, но родственники невесты возражали. Тогда он убил мать и бабушку своей невесты. Этот «поступок» обошёлся ему в пять лет спецпсихушки. Ходили упорные слухи, что были выплачены большие деньги экспертам из института Сербского. Содержался он в очень свободных условиях. По характеру спокойный, уравновешенный; типичный сангвиник. Совершенно разумный человек, плюс деловой и не без таланта. Романа часто навещали родственники. Сведущие люди утверждали, что приезжали они с богатыми подарками для психврачей.

Какой-то скептик возразит: откуда, мол, такая уверенность, что все эти люди абсолютно здоровы? Уверенность оттого, что наблюдал их месяцами и годами. И потом, вы же почему-то не сомневаетесь в здоровье спецназовца Эдуарда Ульмана, Чикатило или Буданова? Ульман хладнокровно убил и сжёг шестерых совершенно невинных людей. Если бы он убил своих жену, отца, мать и т. д. или же прикончил кого-то с целью ограбления, то такие поступки можно объяснить «эмоциями», чрезмерной жадностью. А он убил незнакомых ему людей с такой же лёгкостью, как иной прихлопывает комара, не отвлекаясь от беседы с приятелем.

Среди психврачей Сычёвки были наркоманы, гомосексуалисты, садисты — на любой вкус, как говорится. Можно ли представить, чтобы кто-то пришёл устраиваться на работу по поддельным документам на должность пилота пассажирского самолёта или врача-нейрохирурга? А вот психиатром — запросто! Потому что психиатр — самая спекулятивная и «мутная» профессия. Все их докторские степени и профессорские звания гроша ломаного не стоят.

Мне рассказывали, как в Сычёвской спецпсихушке около трёх лет работал психврачом мошенник. Но один случай даже меня удивил. В 1970 году, кажется в «Известиях», появилась большая статья о некоем психиатре Горелике, осуждённом к 10 годам заключения. Этот человек около 10 лет проработал главным психиатром Владимирской области, не имея даже среднего образования. Он добился звания заслуженного врача, получил какой-то орден и подготовил кандидатскую диссертацию (в смысле, нанял человека, который ему написал). Попался на «мякине» — при попытке украсть аттестат зрелости. Кроме того, обнаружилась растрата в 10 тысяч рублей. Талант? Бесспорно, но какой? Однажды я прочёл историю про человека, который ухитрился продать крупным бизнесменам Франции за большие деньги Эйфелеву башню на металлолом. Но башня-то, слава Богу, стоит пока. А с психврачами всё сложнее и гораздо хуже. Потому что касается судеб, здоровья и жизни многих людей.

В мае 2006 года меня пригласили на одну из передач в прямом эфире кабельного телевидения. Проводился диспут с профессором Михаилом Виноградовым. На самом деле диспута не получилось. Скорее, монолог, так как этот профессор занял почти две трети эфирного времени. Виноградов преподавал в школе НКВД-ФСБ, консультировал этих «рыцарей» плаща и кинжала. Сотрудничает с ними и сегодня. Естественно, продолжает защищать родное ведомство. Я ему напомнил о спецлабораториях НКВД-ФСБ, где в массовом порядке умерщвляли людей, испытывая на них химическое и бактериологическое оружие, различные яды. Разрабатывали методы бездоказательного убийства. «И чем же тогда ваши хозяева-работодатели отличались от гитлеровских палачей, типа Менгеле, объявленного военным преступником?» — задал я риторический вопрос.

«Все разведки мира этим занимаются», — спокойно ответил сей «врач». Только г-н Виноградов сознательно «не хочет знать», что в СССР к смертной казни мас-

сово приговаривали самых обычных людей, граждан своей страны — не злобных преступников. А Менгеле проводил свои опыты над пленными, а не над собственными гражданами.

Я не удивлюсь, если вдруг обнаружится, что в подобных изуверских опытах участвовал и сам Виноградов, коль так уверенно оправдывает эти преступления. В процессе своего монолога он заявил, что четверть населения психически больны. «А где гарантия, что вы сами не попадаете в эту четверть?» — спросил я Виноградова. Он лишь самодовольно рассмеялся. Такие люди хорошо осознают свою неприкасаемость. Закон не для них. Какие бы преступления ни совершали служители палачества, Власть их всегда защитит. Лишь смена власти способна изредка восстанавливать справедливость.

В одной палате со мной находился пациент, по возрасту около 40 лет. Не помню, за какие грехи попал. Но что меня поразило: с уверенностью, в которую трудно не поверить, он утверждал, что, не моргнув глазом, может расчленить живого человека. Может вскрыть ему грудь или брюшину и вырезать там что угодно, не обращая никакого внимания на стоны, мольбы или крики жертвы. По всем внешним признакам этот пациент был психически абсолютно здоровым человеком.

И я подумал, что к этому классу людей относятся и такие на первый взгляд разные персоны, как Чикатило, Ульман, профессора, подобные Михаилу Виноградову. Их всех объединяет отсутствие человечности, в просторечии — совести. Это и есть истинное «эмоциональное оскудение личности». У них главный жизненный принцип — служба Хозяину. Меня давно коробит выражение «Собака — друг человека». На самом деле собака — «друг» хозяина, который её дрессирует и кормит. И собака — враг всем остальным, на кого хозяин укажет пальцем. То же самое и с некоторыми людьми.

А вот примеры иного плана из того же института Сербского. В период войны русский мужик Бреславс-

кий Николай Иванович бежал в Турцию. В 1945 году был выдан. Осудили на 10 лет лагерей. В лагере ни от кого не скрывал, что будет добиваться выезда. Освободившись, приехал в Москву и с вокзала пошёл искать турецкое посольство. Едва прошёл пару кварталов, его задержали товарищи в штатском. Дальше как обычно: Лефортово, Сербский и Сычёвская спецпсихушка. При мне он уже содержался лет 18–19. Думаю, там и умер.

Ещё пример. Виталий Бублик, украинец. В период оккупации, подростком, подрабатывал на дорожном строительстве. После войны «за сотрудничество» получил 10 лет. Отсидел полностью. Во время приезда президента США Никсона в 1959 году Бублик приехал в Москву, пошёл на американскую выставку и разоткровенничался с гидом. Рассказал, за что сидел и как сидел. На выходе с выставки был задержан. Дальше по шаблону — Лефортово, Сербский, Сычёвская спецпсихушка. При мне отсидел уже 15 лет. Могу утверждать, что психически был здоров. Вероятно, там и умер. Примеров можно приводить много, «хороших и разных».

Но, видимо, пора рассказать и о собственных «тайнах». Всё-таки, в отличие от ранее упомянутых товарищей — рядовых отрубателей голов и заживосжигателей, я представлял собой «особую общественную опасность для общества» — цитирую по тексту определения суда. Ну, а в окончательном варианте получил статус ООГП (особо опасный государственный преступник). Итак, за что же удостоился такой «чести»?

Моя гулаговская одиссея уникальна. Сначала продержали пять лет по психушкам, включая тюремного типа. А потом ещё около 12 лет по лагерям и тюрьмам. В процессе всех четырёх судимостей проводились соответственно и четыре экспертизы. Все последующие автоматически дублировали первоначальный диагноз. Его сформулировал в институте Сербского некий Фокин Альберт Александрович, называвший себя врачом-психиатром. Я уверен, был он услужливой пешкой в руках профессора Лунца Даниила Романовича (чтоб ему в гробу

лишний раз перевернуться). Так называемый доктор Лунц выполнял прямые указания Лубянки.

Коротко расскажу, как вообще психушка вошла в мою диссидентскую биографию.

Я работал электромонтёром на радиозаводе, жил в общежитии. Арестовали 14 апреля 1970 года в кабинете городского прокурора, куда вызвали по повестке. Произошёл краткий диалог. Меня спросили: «Кукобака, почему вы систематически выступаете против советской власти?»

— Я, товарищ прокурор, принципиально не могу выступать против советской власти. Потому что являюсь простым рабочим, а советская власть — идеальная для рабочего человека. «Советская» — производное от слова совет, советоваться. Но за свою жизнь пришёл к убеждению, что с нами власть никогда не советовалась. Иными словами, советской власти у нас нет и никогда не было. За неё только предстоит бороться.

Сзади легонько хлопнули по плечу. Обернулся — милиционер протягивает наручники.

После ареста провели обыск. Были изъяты и приобщены к уголовному делу по ст. 190-1 УК РСФСР следующие вещи: две работы первого курса по немецкому языку, четыре или пять спортивных грамот, конспект работы Вильгельма Либкнехта «Никаких компромиссов», выписка из местной библиотеки о прочитанных книгах по марксизму, комсомольский билет. Кроме того, заявление на имя Брежнева, статья «Открытое письмо английскому писателю Айвору Монтегю». В ней я выступал в защиту русского писателя Анатолия Кузнецова. Ещё были географические карты нескольких западных стран и хороший ножик (не совсем перочинный).

Так как я не скрывал своих антикоммунистических убеждений, следствие продвигалось быстро. Кроме «антисоветчины» мне приписали ещё сбор оружия с целью подготовки к переходу границы. Сделали всестороннюю экспертизу ножа и убедительно доказали, что убить

человека им можно. «А можно ли убить человека утюгом, скалкой или пустой бутылкой из-под шампанского?» — иронизировал я над следователем.

Заминка получилась, когда я твёрдо заявил следователю Федосову, что категорически отказываюсь от адвоката и намерен защищать себя в суде сам. После этого следователь направил меня на амбулаторную психэкспертизу, где я был признан здоровым. Потом моё дело было передано в следственный отдел УКГБ по Владимирской области. Перевозили из Александровской тюрьмы не по этапу (видимо, опасались утечки информации). За мной лично приехал на служебной «Волге» начальник следотдела УКГБ по Владимирской области майор Павел Евсеев. Никаких наручников, посадили рядом с оперативником. И так, с комфортом, проделал путь от Александрова до Владимира. Во Владимире пару раз вызвали на допрос. Бред следователя Федосова о якобы готовившемся мной побеге за кордон из дела исчез, вместе с ножом и наручными часами.

Однажды следователь Евсеев пришёл несколько озабоченным.

— Послушай Михаил, я вот внимательно ознакомился со всеми твоими материалами и вижу, дела-то у тебя, в сущности, никакого нет. Ты вот что: подпиши-ка вот эту бумажку. Ты и себе, и нам услугу окажешь. Отправишься на свой завод и работай там на здоровье. Только языком особо не болтай лишнего.

Я прочитал поданный мне листок. В нём некий человек в форме донесения писал, мол, гражданин Кукобака в таком-то месте встречался со статс-секретарем посольства Западной Германии Мюллером и имел с ним беседу.

— Что за чушь?! — удивился я, даже не дочитав толком до конца бумажку. — Если я правильно догадываюсь, этот Мюллер чем-то вам насолил, но я то здесь при чём?

— Да ты не ломай себе голову, остальное — не твоя забота. Подпишешь и пойдёшь себе работать на старое

место. Никто об этом не узнает, только сам язык не распускай, — продолжал убеждать следователь.

— Согласен, никто об этом не узнает. Но сам-то я всю жизнь буду помнить, что сделал пакость человеку, которого не знал и не видел. Нет уж! Если этот Мюллер чем-то вам не угодил, сами на него управу ищите. Я здесь вам не помощник.

Евсеев недовольно поморщился:

— Значит, не хочешь подписывать?! Ну хорошо, Кукобака. Тогда мы тебе такое устроим, что всю жизнь будешь раскаиваться.

— Да чихать я хотел на ваши угрозы! — тут уж я отбросил всякую дипломатию.

Через несколько дней снова вызвали к следователю.

— Вот, Кукобака, поедешь в Москву. На психэкспертизу направляешься, — благодушно улыбаясь, сообщил майор Евсеев.

— Я не нуждаюсь в вашей экспертизе!

— А тебя и спрашивать никто не будет, — в тоне следователя послышались нотки злорадства. Так я оказался в институте им. Сербского.

После экспертизы меня целый год продержали в тюрьме на режиме строгой изоляции, в полном неведении относительно моей участи. Однако я не сидел в пассивном ожидании. Постоянно писал протесты. Искал контакты с целью пробить «стену молчания». Наконец сумел достичь цели. Кто-то из политзаключённых сделал запрос в Генпрокуратуру в отношении меня (и возможно, ещё куда-то). Наконец, 6 сентября 1971 года начальник спецчасти тюрьмы скороговоркой зачитал мне акт экспертизы из института Сербского.

Я не всё расслышал и не всё услышанное запомнил буквально. Но отдельные фрагменты запомнились на всю жизнь, настолько они меня поразили. В акте утверждалось, что «...занятие спортом, увлечение иностранным языком, а также интерес к философии — результат болезненных изменений личности...». Ещё там говорилось, что «...Кукобака страдает эмоциональным

оскудением личности...». Потом начальник спецчасти добавил, что суд надо мной состоялся 4 ноября 1970 года, о чём мне якобы сообщалось. Это была наглая ложь.

Со своим заочным приговором по делу № 2-3с от 4 ноября 1970 года впервые смог ознакомиться лишь через 20 с лишним лет, когда добился реабилитации. И кое-какие тайны приоткрылись, но далеко не все.

Процитирую из приговора описания некоторые своих преступлений. Они вполне заслуживают того, чтобы их внимательно прочесть и осмыслить. Чтобы осознать, в каком направлении мы движемся сегодня и какое будущее нас может ожидать.

«В июле 1969 года в общежитии Киевского завода химикатов в присутствии Тупицина и др. Кукобака клеветал на положения Конституции СССР и на сообщения советской печати и радио».

«В сентябре 1969 года в цехе № 8 радиозавода в городе Александрове в присутствии Лобанова, Румянцева и др. Кукобака клеветал на Советское правительство».

«В ноябре 1969 года в цехе радиозавода в присутствии Лебедева, Лобанова, Куванова, Коляжнова, Королина и других рабочих Кукобака возводил клевету на социалистическую демократию, восхвалял при этом так называемые буржуазные свободы слова и печати».

«В декабре 1969 года на территории Московского Кремля в присутствии экскурсантов Кукобака клеветал на советскую действительность и советский государственный строй».

«На вечере под Новый год в женском общежитии в присутствии Романенковой, Барановой, Федосеевой, Чурсанова и др. Кукобака восхвалял жизнь народа за границей и клеветал на положение рабочего класса в СССР».

«В феврале 1970 года во время уборки территории радиозавода в присутствии Ионова, Безымянного и других Кукобака враждебно отзывался о лозунге: “Жить и работать по-ленински”».

Хорошо запомнил этот эпизод. Потому как совершил маленькое «открытие». Глядя на лозунг, я сказал соседу: «Смотри! В немецком языке работа — арбайт, а раб — шклаве. В английском рабочий — вокер, а раб — слейв. И лишь в русском языке: рабочий, работать и раб — слова одного корня». Не думал тогда, что мой скромный экскурс в лингвистику войдет в материалы дела, как состав преступления.

Цитирую дальше из определения суда.

«В разное время марта 1970 года в общежитии радиозавода в присутствии Мазура и Грунина Кукобака клеветал на внешнюю политику Советского правительства и сообщения печати, на КПСС и советскую действительность».

Надеюсь, привёл достаточно примеров упорной работы следователей КГБ. Все остальные мои «преступления» по этому делу примерно такие же.

По совокупности совершённых деяний, а также учитывая, что занятия спортом, изучение иностранного языка, интерес к философии (чтение марксистской литературы) — «результат болезненных изменений личности» согласно заключению виноградовых–фокиных из Сербского, в итоге я и был признан представляющим «особую общественную опасность для общества». Это, уважаемые читатели, оказалось едва ли не серьёзнее, чем заживо сжечь или отрубить голову своей жене или соседу.

О людях и об отношении к «врагу народа».

Если бы на моём тюремно-лагерном пути (и не только на этом) встречались одни плохие люди — вряд ли удалось бы выжить. Давно пришёл к убеждению, и не только по образцам из хорошей литературы, но и по личному опыту, что порядочных и относительно честных людей — подавляющее большинство. Но эти качества проявляются в условиях свободы воли, свободы

выбора. На практике у каждого человека свой предел прочности. И если на личность оказывать постоянное физическое и психологическое давление, то не каждый проходит испытания с минимальной потерей человечности, своих нравственных качеств.

И тем не менее даже в среде палачества иногда прорывается инстинктивное, присущее человеку от природы сопереживание ближнему. Ведь человек — животное коллективное, с соответствующими инстинктами самосохранения вида. Однажды поздней осенью была холодная, слякотная погода. Я выходил на прогулку налегке. Прапорщик Лефортовской тюрьмы вполголоса заметил: «Вы бы оделись потеплее, очень уж неприятно сегодня на улице». Я обернулся и глянул на конвоира. По выражению лица, по интонации этого 40-летнего надзирателя чувствовалось, что сказано было искренне, не по «инструкции».

После Сербского, во Владимирской тюрьме меня держали на режиме изоляции, в особой камере. Железная дверь, вполовину меньшее окно, да и то изнутри закрыто железной решёткой с мелкой ячейкой. Лежак представлял из себя деревянный гробик из толстых досок, обтянутых двумя железными полосами. У изголовья наклонно закреплена толстая доска. Всё это сооружение вцементировано в пол. Даже в телогрейке в камере было зябко. Поняв, что сидеть придётся долго, а может и до конца, я создал себе ещё более жёсткий режим. По цементному полу ходил босиком. Несмотря на холод, раздевался и с утра до вечера делал разные стойки, отжимания, приседания, бегал. Иногда не мог быстро вставать. Начиналось головокружение, впадал в полуобморочное состояние.

Однажды заскрежетал замок, и в камеру вошла группа офицеров администрации во главе с начальником санчасти Буть. Я только что закончил очередную разминку и стоял раздетый до пояса, успокаивая дыхание. Буть окинула взглядом камеру. Из зарешёченного углубления над дверью тускло светила лампочка. В этом

свете иногда искрился иней, заносимый ветром сквозь разбитое стекло. Камера скорее напоминала некий средневековый каземат.

Начальник санчасти — толстая, грузная женщина лет пятидесяти. Заслуженный врач РСФСР. За её жестокость заключенные давали ей разные нехорошие клички. Однажды чуть не погиб молодой учёный-орнитолог, диссидент из Прибалтики Гунар Роде. Ему срочно требовалась операция, но Буть упорно не давала санкцию. И лишь когда несколько камер политзаключенных объявили забастовку (или голодовку?), Гунара прооперировали. Он выжил. После отбытия 15-летнего заключения был освобождён, женился и ему удалось эмигрировать в Швецию.

Осмотрев камеру, Буть повернулась ко мне и спросила: «Как настроение, самочувствие?» — «Нормально». — «Есть ли жалобы, претензии к администрации, к режиму содержания?» — «Нет». — «Есть ли какие просьбы, пожелания?» — «Нет».

Буть подошла поближе, почти вплотную, едва не касаясь меня животом. Несколько секунд внимательно всматривалась в мою небритую физиономию. И без улыбки, как бы с ноткой лёгкого удивления пробормотала: «М-да-а, Кукобака... А ты выглядишь, как истинный узник». Повернулась и вышла, за ней все остальные.

Буквально через пару часов меня пересадили в другую камеру: светлую, тёплую с обыкновенным окном и даже без жалюзи. В камере обычная деревянная дверь и кровать с сеткой, постель с белой простынёй. Кроме того, перевели на больничное питание. Настроение сразу заметно улучшилось.

А тут пришла библиотекарша с книгами, молодая симпатичная девушка с хорошо развитыми бедрами. Ещё я заметил, что почти напротив меня камера, где также интересуются книгами. Едва захлопнулась кормушка, я схватил ложку и стал дырявить дверь на уровне колен. Несколько часов я сверлил алюминиевой ложкой, до кровавых мозолей на пальцах, тюремную дверь

в пять сантиметров толщиной. Самое трудное было — это пройти последний слой так, чтобы щепки не выпали наружу в коридор. Иначе надзиратель заметил бы и вся работа насмарку. Но я успешно справился с задачей.

Должен отметить, за весь период содержания во Владимирской тюрьме ни один надзиратель не сказал мне дурного слова. Хотя до меня доносились откуда-то крики избиваемых, ругань заключенных и надзирателей. Лишь в прогулочном дворике моё поведение раздражало конвойных. В любую погоду я разувался и ходил босиком по бетонному полу. Только с 12 ноября перестал выходить из камеры, потому что не успевал растирать коченеющие ноги.

Спецпсихушка, иначе именуемая бессрочной койкой, — самое трудное испытание — и физически, и морально. Естественно, за исключением контингента, «отмывающего» там свои преступления за взятки либо по номенклатурным связям. По прибытии меня поместили в самую большую камеру, где содержались наиболее тяжёлые пациенты. Санитары-уголовники часто заходили туда тренироваться в избиении. Физически и душевно сломленных пациентов нередко среди ночи вытаскивали в туалет для сексуальных развлечений. И это не было секретом для врачей и медсестёр.

Была проблема — избежать возможных провокаций. Туалет был один в конце коридора. И камеры выводили по очереди. Все выстраивались перед дверью, нервно переминаясь. Санитар открывал камеру, и первые двое получали подзатыльник, середина проскакивала, одного-двух последних били пинком под зад. Рассудил: если ответить ударом на удар в первые дни — равносильно самоубийству. Не ответить — унижение и потеря достоинства, которое трудно пережить.

Пришлось хитрить. «Случайно» попадал в середину очереди, чтобы избежать соприкосновения с санитарами. Так я выдержал без конфликта несколько дней, до вызова на беседу с врачом. Заведующий отделением Сазонков Валерий Андреевич был сравнительно моло-

дым человеком. Рослый, самоуверенный (мастер спорта по боксу), всегда беседовал наедине, без присутствия санитаров. В МВД работал недавно и ещё не был особо испорчен системой. Во время первой беседы мне удалось так преподнести свою историю, выдав себя за наивного простачка, что у врача невольно вырвалось: «Да, Михаил, так, как ты влип, никто из нас не застрахован». Меня сразу перевели в камеру-палату к самым здравым пациентам и без назначения какого-либо «лечения».

За короткий срок я освоился и своим поведением добился уважения со стороны санитаров-уголовников. Но вскоре случилась неприятность. Один пациент, сидевший за убийство, повёл себя оскорбительно и попытался меня шантажировать. Вразумить его мирными средствами не удалось. И как только мы оказались в одной камере, я сразу дал ему в пятак. Он пожаловался, прибежали санитары, медсёстры, и меня повели на экзекуцию. Не знаю, что подействовало. Может быть, я ещё не оклемался после тюрьмы. Но после укола аминазина, едва выйдя из процедурки, свалился в обморок. Потом ещё и ещё. Доложили врачу. Я сижу на полу, не решаясь подняться, чтобы залезть на кровать. Заходит зав. отделением: «В чём проблема?»

— Вы что же, Валерий Андреевич, решили меня убить?! Это у вас запланировано? — решительно пошёл я в наступление.

— Как это убить? — удивлённо поднял брови врач.

— А так! Медицинскими средствами. Вы же отлично знаете, что у меня больное сердце, — нахально приписал я врачу осведомлённость в моих «сердечных» делах, — и тем не менее назначаете мне лошадиную дозу какой-то гадости.

Врач на секунду задумался:

— Ну, если у тебя больное сердце, мы его поддержим кордиаминчиком, а лечить тебя будем. Чтобы ты хорошо понял, куда попал, и больше руки не распускал.

Тем не менее уколы заменили таблетками. Я сразу подкупил нужных санитаров и до конца так называемого курса лечения никакой гадости не принимал. Довольно скоро разными хитростями мне удалось устроиться на самую престижную и хорошо оплачиваемую работу — наладчиком швейных машинок. Раньше я видел швейные машинки лишь издали, да и то в фуляре. Работа эта сделала меня в некотором смысле неприкасаемым, неуязвимым для всяких мелких неприятностей.

Сычёвская спецпсихушка в то время имела довольно большое производство. Кроме швейного были и другие цеха: по производству гвоздей, цепей — всего не упомню. Вдвоём с напарником мы имели в своём распоряжении мастерскую, в которой были токарный, сверлильный и наждачный станки, куча разного колющего и режущего инструмента. Кроме того, мы обслуживали электрооборудование всего производства.

Формально за всё отвечал штатный электромонтёр из лагеря. Но он физически был не в состоянии со всем справиться. Поэтому почти всю работу выполняли мы сами, хотя это было вопреки правилам. Но имей я глупость заявить: мол, не знаю, не могу или не имею права — сразу бы отстранили от работы. Да ещё и «лечение» назначили бы в связи с «ухудшением психического состояния». Такая вот специфика советского производства. Эта работа позволяла мне без ограничения перемещаться по всей производственной зоне, встречаться с людьми из других отделений, которые меня чем-то интересовали.

Но через некоторое время со мной произошла очередная неприятность. Однажды при обыске на рабочем месте охранники изъяли листок с какой-то информацией. По мнению оперативников, источником приведённых там фактов могла быть одна из западных радиостанций. Меня тут же отвели в штаб. Допрашивали сам начальник психушки майор Лямиц Леонид Иванович и двое оперативников. Когда-то майор Лямиц был зав.

одним из отделений. Старожилы рассказывали, что если к Лямицу пациент обращался с жалобой на что-либо, он сочувственно выслушивал. А потом вызывал санитара и давал распоряжение, чтобы жалобщику прописали «кулазин» (от слова кулак).

Я объяснил «дознавателям»: мол, нашел скомканный листок, из любопытства переписал себе текст и хотел показать врачу, но не успел. Такое объяснение было отвергнуто с ходу. Мне стали угрожать. «Бить, наверное, будут», — подумал я неуверенно. И стал решать мучительную задачу. Если начнут избивать то, что делать — пассивно защищаться, закрывая уязвимые места, или же дать бой и до последнего, а там будь что будет? Значит, забьют до смерти, пришёл я к неутешительному выводу. Трусость взяла верх, и я решил, что в случае чего займу пассивную оборону. На душе сразу стало легче. Моё внимание снова переключилось на дознавателей, и я услышал заключительную часть добрых советов и пожеланий в свой адрес от начальника психушки:

— Кукобака! Последний раз советую тебе чистосердечно всё рассказать. В противном случае мы вынуждены будем начать тебя лечить. Мы будем тебя лечить десять лет. И так будем лечить, что если даже ты останешься жив — никакая свобода тебе уже больше не понадобится.

— Но Леонид Иванович, я же вам всё рассказал, что знал, а сочинять не умею, — с откровенностью ребёнка признался я начальнику в своём недостатке.

— Ты хоть осознаёшь, что тебя ожидает?! — продолжал наседать майор Лямиц.

— Да-да, конечно, — печально закивал я головой.

Мне была назначена «растормозка», или «пьяный укол», как ещё называют. Некая смесь барбитуратов с прочей гадостью, с целью развязывания языка. Но я уже был наслышан об этом «орудии» любителей чужих тайн. Поэтому максимально сконцентрировался и регулярно озвучивая собственную «мантру», не отвлекался

на ненужные мне дискуссии. Таким образом, до конца «эксперимента» сохранил самоконтроль. Убедившись, что в моей черепной коробке ничего стоящего не прослушивается, меня отвели в палату. Я упал на кровать и уснул мёртвым сном.

Через пару часов вызвал врач. Пошатываясь, но с абсолютно светлыми мозгами я вошёл в кабинет.

— Послушай Михаил! Я не знаю, что за проблемы у тебя с оперативниками, но ведёшь ты себя крайне неразумно. Если возникнет какая проблема, лучше приди и посоветуйся со мной. Тогда можно ещё как-то избежать неприятных последствий. Иначе, при таком безответственном поведении, ты никогда отсюда не выберешься.

На каждой комиссии из Сербского зав. отделением Сазонков Валерий Андреевич представлял меня к выписке. Седовласые вершители чужих судеб из этого Института Дураков (по определению моего покойного друга, известного диссидента В. Некипелова) регулярно мне отказывали. После очередной комиссии я упрекнул зав. отделением:

— Что же это получается, Валерий Андреевич?! Вы убийцу через полтора года выписали, а я за что сижу?

— Послушай, Кукобака! Лучше бы ты убил когонибудь, мне было бы легче тебя отсюда вытолкнуть, — раздражённо ответил врач.

Похоже, главной целью профессоров из Сербского было убедить меня, что я тяжело болен и признаю это сам. А ещё лучше, если бы действительно заболел. Это будет означать, что их диагноз верен. И задание Лубянки выполнено, и совесть «чиста». Поэтому всегда был главным вопрос: «Кукобака, вы признаёте, что страдаете тяжёлым психическим заболеванием и нуждаетесь в лечении?» Ответить, что не признаю, — обвинят «в некритическом мышлении». Значит, нуждается в дальнейшем лечении. И так плохо, и так ещё хуже. Приходилось прибегать к витиеватым формулировкам.

Наконец наступил мой день. Врач вызвал к себе; вид был усталый и хмурый.

— Всё, Михаил! Наконец-то я от тебя избавлюсь. Поедешь в областную психбольницу. Но запомни: выписка твоя на волоске. Малейшее где-то что-то вякнешь или потянет на писанину — опять окажешься здесь. И тогда конец, больше не выберешься.

Я согласно кивал головой, но мысли были совсем иные.

4 августа 1974 года обычным поездом, в сопровождении медсестры я прибыл во Владимирскую областную психушку. Зав. отделением Артемьев Дмитрий Дмитриевич после беседы отпустил меня в рабочую бригаду. В сопровождении молодой доброжелательной медсестры мы обследовали окрестности психушки. Потом я уговорил её пройтись к тюрьме и попробовал определить камеру, где сидел. Убедился, что снаружи она не отличалась от других, но изнутри окно было наполовину забетонировано.

Врач Артемьев был убеждённым сталинистом, и это определило наши дальнейшие взаимоотношения. Я не скрывал, что придерживаюсь абсолютно противоположного мнения не только о Сталине, но и обо всех его последователях. Поначалу Артемьев вёл себя сдержанно. Однако хрупкий баланс был вскоре нарушен по моей невольной инициативе.

На отделение выписывали пару газет. Но их присваивал один из любимчиков Артемьева. Я вежливо сделал ему замечание. Стоя на своей кровати, он пренебрежительно ответил: мол, дуракам там нечего читать, и легонько ударил меня сложенной газетой по лицу. Я тут же врезал ему в челюсть так, что он кувыркнулся в одну сторону, а очки улетели в другую и, к несчастью, разбились. Скандал! Меня пригрозили «отправить туда, откуда прибыл» и перевели в палату для самых «неблагонадёжных», откуда запрещалось выходить. Несколько дней прошли в тревоге. Потом неожиданно меня восстановили в прежнем статусе.

Артемьев решил заняться моим перевоспитанием. Как я заподозрил, по совету куратора от КГБ. Меня

назначили ззам. председателя совета больных и предложили редактировать стенную газету. Я вежливо уклонился, сославшись на свою малограмотность и абсолютное отсутствие организаторских способностей.

— Вы, Михаил Игнатьевич, не скромничайте, всё получится. Я о вас знаю достаточно, — обнадёжил меня врач. Для начала Артемьев решил стимулировать «пряником».

Мне дали «свободный выход». То есть с мелкими поручениями я выходил за пределы психушки: типа, отнести документы в бухгалтерию или помочь привезти продукты и т. д. С медсестрой выезжал в город по разным хозяйственным делам. Я тут же воспользовался ситуацией и стал усиленно «патрулировать» женское отделение. Стремился познакомиться с какой-нибудь молодой женщиной, чтобы та уговорила свою мать оформить на меня опекунство. Наконец мне это удалось, и одна женщина официально обратилась к врачу с такой просьбой.

Однако моё освобождение не входило в планы КГБ. Меня немедленно закрыли. Провели тщательный обыск. Запретили иметь при себе конверты, чистую бумагу и прочее. Врач вызвал на беседу и со злорадной ухмылкой изрёк: «Все твои усилия абсолютно напрасны. Наше гуманное советское законодательство не может позволить, чтобы женщина, имеющая больную дочь, взяла опекунство над таким тяжело больным человеком, как Кукобака».

Но я не унывал и не терял зря времени. Через одну сотрудницу больницы наладил бесперебойную нелегальную связь со свободой. Валентина (так её звали) имела необычный характер. Её терпение и доброжелательность в отношениях с пациентами были удивительными. Сам я ни за какие деньги так бы не смог. Врача она боготворила, я же терпеть не мог и не скрывал этого. Тем не менее она помогала мне во всём, что бы ни попросил.

Таким образом я смог выполнить некоторые поручения одного политзэка, из Сычёвки. Кроме того, по-

знакомился с московскими диссидентами: Подрабинеком, Борисовым и другими. Один из них, врач-фармацевт Некипелов, ставший моим другом, договорился со своей знакомой, тоже врачом. И она попыталась начать процесс опекунства. Однако её вызвали в местный КГБ и так запугали, что она уволилась с работы и вообще выехала за пределы Владимирской области. Но процесс уже нельзя было остановить. Моя история получила достаточную огласку. Ситуация сложилась таким образом, что моё пребывание в психушке стало для КГБ обременительным. И от меня решили избавиться, хотя бы временно. Через шесть с лишним лет я получил наконец свободу. 10 мая 1976 года начался очередной этап моей жизни.

Во Владимирской психушке я провел 21 месяц. Это сверх всякого разумного срока. Притом, что формально подвергся репрессиям даже большим, чем в Сычёвке. Почему «формально»? Потому что счастливым образом мне удавалось их минимизировать. После первого конфликта (из-за драки), когда врач пригрозил отправить меня обратно в спецпсихушку, я навёл о нём справки. Зав. отделением Артемьев оказался человеком жестоким и неуравновешенным. Старожилы рассказали, как он безнаказанно заколол насмерть двоих относительно здоровых пациентов. На психике Артемьева, вероятно, сказались и проблемы в личной жизни, сложные отношения с женой.

Его самодурство и на мне проявилось. Однажды во время обхода подошёл и стал допрашивать:

— Как дела, Михаил Игнатьевич? Как настроение, почему вы сегодня такой мрачный?

— Да нет, доктор, всё нормально, спасибо.

— Неужели вас ничего не волнует, не беспокоит?

— А что, собственно, должно меня волновать?

— Ну, например, решётки на окнах.

— В принципе, я к ним привык. С другой стороны, кому же тюрьма понравится? — вырвалось у меня.

— Ага! Так это тюрьма, по-твоему, не больница?! Так я действительно отправлю тебя туда, где настоящая тюрьма! — возмутился вдруг Артемьев.

Сразу после обхода меня перевели в надзорную палату, связали по рукам и ногам и назначили курс «лечения» уколами аминазина. Это формально. Что же касается неформальной стороны дела… В надзорной палате дежурил санитаром старый пенсионер, ветеран НКВД, служивший ещё при Ежове. По необъяснимой причине я вызывал у него симпатию. Личные обыски здесь проводились редко. Но при переводе в поднадзорку переодевали полностью, до трусов. В одежде я обычно прятал разные запрещённые вещи: булавочки, лезвие, стерженьки и т. д.

И вот дилемма: с одной стороны фельдшер — двухметровый, молодой детина. А с другой стороны старичок-энкаведист, наблюдает за моим переодеванием. Интуиция подсказала, и, повернувшись боком к бывшему оперативнику, я стал без стеснения перепрятывать свои «сокровища». Он лишь молча наблюдал за моими манипуляциями. Едва поднадзорку покинули посторонние, я ужом стал извиваться на кровати. В минуту развязавшись, стал ходить, как ни в чем не бывало. Санитар не реагировал, лишь предупредил, чтобы я не попадался на глаза врачу или старшей медсестре. В обед всегда приносил мне добавки. Из дома снабжал газетами. И всё пытался убедить меня, как хорошо стало жить, пока я пребываю в заключении.

До меня в этом же отделении находился на принудительном лечении «истинно православный» Котов. Он также не раз проходил через Сербский. В общей сложности провёл в заключении около 40 лет за свою религиозную деятельность. Любопытно, что ещё в 30-х годах этот санитар-энкаведист гонялся за ним и не раз арестовывал. Как они ладили между собой в 70-х, мне неизвестно.

С Котовым я перебросился лишь парой фраз в Сычёвке, так как он работал на кухне, а не на производ-

стве. Судьба его трагична. Во Владимире он сошёлся с одной санитаркой, очень хорошей женщиной. После освобождения они поженились. Она уволилась с работы, и оба перешли на нелегальное положение. КГБ их выследил, арестовали. И обоих отправили по спецпсихушкам — её в Казань, а его снова в Сычёвку, где он, по слухам, умер. После освобождения в мае 1976 года я разыскал во Владимире дочь этой санитарки. Хотел получить сведения о матери, чтобы как-то помочь. Однако КГБ так запугал обоих — её и мужа, что они категорически отказались со мной разговаривать, едва узнав, что я тоже репрессированный.

Что же касается «лечения», то я успел наладить хорошие отношения с большинством медсестёр. Они отмечали в журнале повышенную температуру и заменяли мне уколы таблетками. Даже не прячась от санитара, я благополучно отправлял их мышам, в дырку под пол. Похожая ситуация повторилась и при повторном помещении меня в эту палату. На этот раз наказали по подозрению в нелегальной переписке, что было абсолютно несправедливо. так как на нелегальщине я ни разу не попадался. А наказали за легальное письмо, в котором надзирающая медсестра по небрежности «криминал» не заметила и отправила его.

Но неожиданно все ограничения были сняты. То есть мне разрешили иметь при себе конверты, бумагу, ручку и т. д. Ничего не отбирали, даже когда до врача дошли слухи, что я сочиняю «вредные» стишки. А произошло вот что. Мне пришёл небольшой денежный перевод из Швейцарии от религиозного писателя Левитина-Краснова (ныне покойного). Поначалу от меня скрыли этот факт. Но потом косвенно, через медперсонал довели до моего сведения. Видимо, надеялись, что я стану проявлять инициативу. Но я не подал виду и пропускал мимо ушей всякие разговоры о переводе.

Наконец Артемьев не выдержал и устроил мне допрос: есть ли знакомые за кордоном? Если есть, то ка-

ким образом вступил с ними в контакт? Ну и так далее, явно по заданию КГБ.

Я всё отрицал. Тогда он открыл мне «тайну» о денежном переводе и потребовал объяснения: кто мне прислал, откуда обо мне узнали и т. д. Я прикинулся «сельским мужичком». Высказал «предположение»: мол, всем людям, на всех этапах рассказывал о своей судьбе. Возможно, кто-то запомнил; выехав за кордон, из сочувствия решил прислать мне деньги на конверты, зубную пасту и прочие бытовые расходы. Врач был взбешён. Мой ответ явно не устраивал его, как и его хозяев. Но все они, видимо, поняли, что ограничивать меня мало толку. По сути, я не врал. Везде и всем действительно давал информацию о своём деле. С Левитиным-Красновым вступил в контакт ещё в Сычёвке, через санитаров-уголовников.

Вот так я боролся за свою свободу, помня, что под лежачий камень вода не течёт. У людей появляется больше желания помогать, если видят, что человек сам изо всех сил карабкается. И я карабкался, как мог.

Михась Кукобака, диссидент. Москва, июль 2006 г.

О ликвидации музея «Пермь-36»

Михаил Кукобака рассуждает о ситуации вокруг уничтожения единственного музея памяти жертвам ГУЛАГа «Пермь-36», созданного в 1990-е на месте советского лагеря строгого режима. Очерк Михась Кукобака прислал в Правозащитный центр «Весна».

В этом вопросе есть две противоположные точки зрения. С позиции демократической общественности, которая составляет мизерную часть общества, закрытие музея жертвам тоталитарного режима — это преступление перед исторической памятью народа. А вот с позиции Путина, успешно возродившего и укрепляющего фашистскую форму режима в Азиопии (РФ), закрытие музея — очень своевременная и необходимая

акция. И можно не сомневаться, что если провести общественный опрос, аккуратно подготовленный под руководством политолога Никонова (внука наркома Молотова), то подавляющая часть населения одобрит это решение Путина. Так что всё пройдёт «по законам» Евросоюза, то есть демократично. Предчувствую возмущение читателя. Что же получается: народ, положивший миллионы жизней в борьбе с фашизмом, будет голосовать за фашизм? Не всё так однозначно, но по факту — да. Будет голосовать! Начнём с того, что жители Азиопии и её бывших колоний (за исключением Прибалтики) понятия не имеют о фашизме. Почитайте реплики на форумах, заметки в русских СМИ. Там вы обнаружите: Обама — фашист, Порошенко — фашист, «бандеровцы» — фашисты. А Михась Кукобака, который не считает бандеровцев фашистами, именуется русскими «патриотами» бандеровцем, то есть — фашистом. Термин этот стал универсальным ярлыком для каждого несогласного с политикой Кремля.

Если отбросить словесную эквилибристику с «измами», то фашизм — государственная система, основанная на ЕДИНОначалии конкретного «вождя», которое поддерживается постоянным контролем и насилием над подданными, с помощью спецслужб и армии. Жители Азиопии (в отличие от Европы) на протяжении тысячи лет иной формы правления не имели. За исключением короткого периода послереволюционной анархии 1917 года и столь же короткого периода перестройки и Гласности по воле Горбачёва. Расстрелом Парламента из танковых пушек осенью 1993 года эксперимент Горбачёва прервали, и началось возрождение фашизма в России. И вот чёрная неблагодарность. Горбачёва, который освободил страну от рабства, позволил двадцати народам обрести либо восстановить государственность, освободиться от колониальной зависимости, — его до сих пор проклинает половина (если не больше) населения. А перед Путиным — человеком, успешно насадившим в стране фашизм, — азиопы преклоняются,

как перед египетским фараоном. Почему так получилось?

Как известно, в Италии фашизм победил под руководством Муссолини, а в Германии — во главе с Гитлером, и с обоими у Сталина были дружеские отношения. Потому как системы идентичные, хотя терминология разная: фашизм — коммунизм (или социализм). Но на практике (в довоенный период) сталинский «социализм» был на порядок жёстче гитлеровского фашизма («социал-национализма»). Вот как характеризует фашизм в Германии сионистский публицист Обадьях Шохер (Obadiah Shoher): «...Впрочем, не была диктатурой и нацистская Германия. Взгляды рядовых немцев могли расходиться с позицией правящего режима по многим вопросам, включая такие основополагающие, как эвтаназия и атеизм. Нацисты никогда не обладали полным контролем над прессой. Немецкая полиция соблюдала права уголовников и мелких диссидентов, а судебные инстанции справедливо рассматривали дела уголовников и мелких диссидентов. В СССР не было свободной прессы, но там проводились выборы, а в некоторых странах социалистического лагеря даже существовала многопартийная система. Тоталитаризм имеет разный привкус, общий знаменатель — отсутствие разумного политического выбора».

Даже после Сталина (вплоть до Горбачёва) в Азиопии не было таких свобод, как в довоенной Германии Гитлера. При всей массовости литературы, осуждающей гитлеровский режим, надо очень и очень постараться, чтобы найти литературу, описывающую детально структуру власти при Гитлере. Уж очень они похожи — в СССР и Германии, и потому могут порождать нежелательные ассоциации. А чтобы этого не происходило, ограничивались ругательными ярлыками. Население зомбировалось пропагандистским клише: «мы победили фашизм!». В условиях тотального «железного занавеса» люди не понимали, что фашист Сталин просто сохранил свою власть перед угрозой фашиста Гит-

лера. Фашизм ликвидировала англо-американская коалиция на занятых ею территориях. А Сталин, на оккупированных им территориях, продлил фашизм ещё на полсотни лет после Гитлера. Но первоначально созданный миф о «победе над фашизмом» успешно работает до сих пор.

Но вернёмся к музею — чем он опасен для Путина. На протяжении ряда лет проводится негласная реабилитация сталинского фашизма. Ужесточена секретность военных и довоенных архивов. Переписывается история под диктовку очередного «вождя» Путина. Сталин преподносится молодому поколению как «эффективный менеджер», с которого, видимо, следует брать пример. Но вот на белоснежных пропагандистских одеждах неприятно темнеет пятно музея сталинско-брежневского ГУЛАГа. Люди посещают музей, задают вопросы — не всегда приятные. И тем мешают укреплению вертикали власти и патриотическому воспитанию (оболваниванию) молодёжи. Подобное нельзя терпеть. Вполне можно предсказать, что недолго ждать, когда под предлогом постройки какого-то офиса или кафе уберут и знаменитый Лубянский камень, поставленный в память о миллионных жертвах ГУЛАГа. Разумеется, уберут его исключительно с целью заботы о досуге москвичей. А потом предложат президенту Беларуси Александру Лукашенко поступить у себя подобным же образом. И если Александр Григорьевич поддастся на шантаж, «прогнётся», что называется, перед повелителем Азиопии, то и на территории Беларуси исчезнут всякие следы преступлений сталинского фашизма. А вот за президента Назарбаева можно ручаться — «гипноз» Путина на него не подействует. Уж слишком долго Казахстан использовался как всероссийский лагерь для заключения целых народов. Кроме того, десятки тысяч казахов умерли или были искалечены испытанием на их территории всех видов оружия для кремлёвской военщины: атомного, химического, бактериологического. Такое не забывается и не прощается.

Напоследок ещё раз вернемся к тандему Сталин–Гитлер. В качестве главного плюса Сталину, в отличие от Гитлера, приписывают отсутствие печей Освенцима. Но сравним по школьной карте Германию и Советскую империю. Зачем прагматику Сталину тратиться на строительство каких-то «печек»? На бескрайних просторах того же Казахстана, Средней Азии, Сибири и Дальнего Востока гиблых мест — более чем достаточно. Целые народы вывозились в теплушках. Прежде чем умереть от голода, холода и непосильного труда, они создавали какой-то продукт для Сталина. А голодомор в Украине? Территории, на которых людей обрекали на голодную смерть, окружали патрулями ФСБ (НКВД). И они просто расстреливали людей, пытавшихся вырваться, спастись от голодной смерти. Есть у некоторых историков мнение, что и евреев Сталин планировал всех выслать на Восток, да не успел. Вспоминается, что после училища моего детдомовского приятеля, бобруйчанина Кушнера Володю отправили на целину в Амурскую область. Я тоже из солидарности, за компанию, хотел с ним туда же. Но почему-то в другую сторону послали. Видимо, случайно так получилось…

Да о музее ли сейчас речь, если фашист Путин развязал против Украины войну? Уничтожает население и разрушает экономику страны на глазах всего мира. А то, что его почти открыто сравнивают с Гитлером… Может быть, ему это даже приятно?!

Михась Кукобака, убеждённый антифашист.
г. Москва.

Житейская история

Два дня я болел и ничего не делал. А если интересно, могу рассказать, что произошло. Примерно в полдень 12 августа с чувством исполненного долга я возвращался домой. А «долг» мой состоит в том, чтобы снабжать бумажной работой секретарш Лубянки и про-

куратуры. То есть сочинением с их стороны тупых ответов на мои умные запросы, чем я упорно и занимаюсь последние восемь лет. Забывчивому читателю напомню: в 1970 году Лубянка засекретило моё дело, по которому я был реабилитирован ещё в 1991 году. В дурном сне им не привиделось, что спустя десятилетия я всё ещё буду жив и настоятельно потребую дать возможность ознакомиться с этим делом. Но Лубянка не желает капитулировать вопреки здравому смыслу.

Итак, я шёл к ближайшей станции метро «Фрунзенская». Но переходя в задумчивости какой-то скверик, споткнулся о бордюр и шлёпнулся на голый асфальт. Такого приземления не было лет 15. Первые секунды не хотелось даже вставать. С трудом приняв вертикальное положение, я вцепился в ближайшее деревце и минуты три стоял в ожидании, пока организм придёт в себя, проанализирует случившееся и доложит мне о возможных повреждениях. Ждать пришлось недолго. Почти сразу сильно заболело правое колено и кисть той же руки. Из ободранного локтя капала кровь. С кровью частично справился листком подорожника, сорванного у обочины. Кроме того, у меня хорошая свёртываемость. Даже слишком хорошая, что способствует успешному тромбообразованию. Пока хромал до метро, заметил, что колено и рука начали опухать. Зашёл в вагон. Какая-то женщина по запачканной штанине и кровавому локтю поняла, что я нахожусь в аварийном состоянии, и тут же оказала мне гуманитарную помощь. Порывшись в сумочке, разорвала пакетик и протянула две влажные бумажные салфетки. Это было кстати. Мой подорожник успел потеряться. Я поблагодарил и позавидовал её предусмотрительности. Про себя решил, что обязательно обзаведусь таким же пакетиком, бутылочкой йода и лейкопластырем.

Через пару остановок стал свидетелем одной сценки. Из переднего вагона вышла пожилая худощавая женщина. И тут же, у стеночки на перроне, покорно свернулась в калачик, собираясь тихо умереть. Но бук-

вально через секунду из того же вагона выскочили две женщины и ещё кто-то третий и бросились к ней. Вероятно, ещё в поездке заметили её состояние. Из чего сделал вывод: не перевелись ещё гуманисты на Руси!..

Подъезжая к дому, стал планировать, как приготовлю обед и начну мучить телевизор. Однако, проковыляв 10 минут от метро до квартиры, понял, что на готовку обеда сил уже не осталось. Открыв холодильник, достал морковку, здоровый помидор, кружку кефира и с пультом улёгся напротив телевизора. В Москве выздоровлению содействуют всего два канала: ТНТ и канал «Пятница» с украинской программой «Орёл и решка» про путешествия. Но, к сожалению, везде было пусто. Дожевав морковку, я улёгся и, прикрыв глаза, стал не спеша размышлять о релятивизме всего сущего на земле, не забывая при этом периодически менять мокрое полотенце на опухшем колене и макать руку в тазик с водой. Так прошёл этот далеко не лучший день. В итоге печальный вывод: в десантники уже не гожусь, а прыжки с парашютом мне категорически противопоказаны.

Михась Кукобака, умеренный пессимист.
г. Москва, 13.08.2014

BAY AREA COUNCIL FOR SOVIET JEWS

106 BADEN ST. • San Francisco, Calif. 94131 • (415) 585-1400

Member, Union of Councils for Soviet Jews

The Bay Area Council For Soviet Jews is honored to join in this tribute to Andrei Sakharov, a great advocate for human rights, and the premier symbol of peace in the world today.

We will not rest, nor will we be silenced, until Sakharov and his wife, Elena Bonner, are free from the violence and abuse that has been aimed at them by the Soviet government.

We call on all peace-loving people to join us in supporting Sakharov. No government that imprisons Sakharov can be serious about peace.

We also remember, and continue to fight for freedom, for many other prisoners of conscience in the USSR, including: Anatoly Shcharansky, Joseph Begun, Alexander Paritsky, Yuri Orlov, Yuri Tarnopolsky, Felix Kochubievsky, Yuri Fedorov, Alexei Murzhenko, Moshe Abramov, and others.

At this difficult time for the Sakharovs we pledge to continue our support for Sakharov, for Soviet prisoners of conscience, and for all oppressed Jews in the USSR.

COMMITTEE FOR THE DEFENSE OF PRISONERS OF CONSCIENCE IN BYELORUSSIA

187-06 Hillside Avenue, Jamaica, N.Y. 11432

Mikhail Kukobaka

The Committee for the Defense of Prisoners of Conscience in Byelorussia pays its tribute to Andrei Sakharov and Elena Bonner, defenders of Mikhail Kukobaka.

Mikhail Kukobaka, 48, political prisoner, who has spent 11 years in prison for his convictions and for writing critical essays in defense of human freedom and the Byelorussian language.

"I categorically reject the charges imputed to me. My convictions and my articles are a result of my life experience and deep reflections on events in our country... My convictions have resulted from my suffering and are firm... A man who spends his entire life in prison for his convictions cannot be a criminal ... Long ago, I arrived at the conclusion that communism of the Soviet brand is a system of coercion and general destruction... Soviet socialism is a vast concentration camp protected by special units of border guards. I have arrived at a complete break with the system. Yes, I want to emigrate from the Soviet Union...."

Mikhail Kukobaka's statement at his trial on June 20-21, 1979, in Babruysk, Byelorussia.

Улётка ў абарону М. Кукабакі. Захоўваецца ў БДАМЛМ.

HELP FREE

MICHAL KUKABAKA
Byelorussian political
prisoner in the Soviet Union

PLEASE MENTION HIS NAME!

Michal Kukabaka (b. 1936), a laborer. Spent six years in psychiatric prisons (1969-76) for refusing to participate in Soviet elections, acquainting his co-workers with the Universal Declaration of Human Rights, and for writing open letters. Sentenced again in 1979 to three years of prison for his essays, "Human Rights and Detente are Indivisible," "The Stolen Fatherland," and others. Renounced Soviet citizenship and wants to emigrate to any free country. His parents died in WW II and he has no relatives whatsoever.

His address (in prison): 211440, Vitebskaya oblast, g. Novopolotsk — 35, Uchrezhdeniye UZh 15/10 — "D", USSR.

Send this card to your government, a newspaper, Soviet ambassador, the United Nations, governments of the Byelorussian SSR and the USSR, and anyone who can help. Michal Kukabaka's life is at stake!

To continue this action we need your donation: **Committee for Defense of Prisoners of Conscience in Byelorussia** (use abbreviation: Committee for DPCB), 187-06 Hillside Ave., Jamaica, N. Y. 11432, U.S.A.

Message:

Michal Kukabaka: *"I have the undeniable right not only to this land (Biełaruś), but to my native language as well, the right to be a Byelorussian."*

Published by Bielarus, P.O.Box 178, Jamaica,N.Y. 11431

To: ....

....

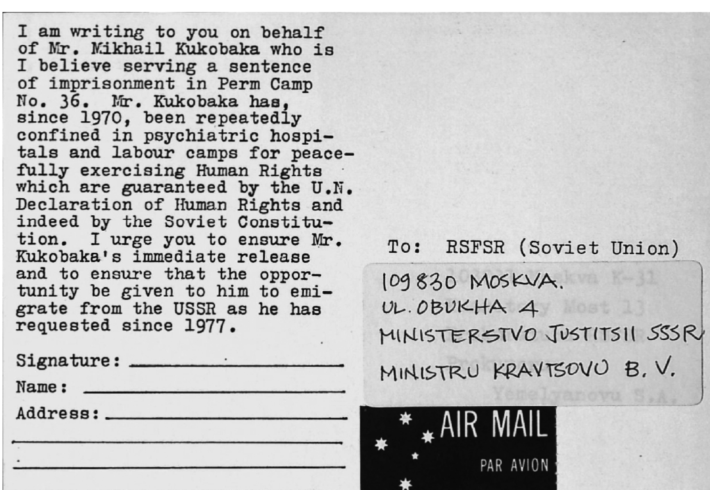
....

From: ....

....

....

Паштоўка, прысвечаная М. Кукабаку, выдадзеная газетай «Беларус». Захоўваецца ў БДАМЛМ.



I am writing to you on behalf of Mr. Mikhail Kukobaka who is I believe serving a sentence of imprisonment in Perm Camp No. 36. Mr. Kukobaka has, since 1970, been repeatedly confined in psychiatric hospitals and labour camps for peacefully exercising Human Rights which are guaranteed by the U.N. Declaration of Human Rights and indeed by the Soviet Constitution. I urge you to ensure Mr. Kukobaka's immediate release and to ensure that the opportunity be given to him to emigrate from the USSR as he has requested since 1977.

Signature: ______________________

Name: ______________________

Address: ______________________

____

____

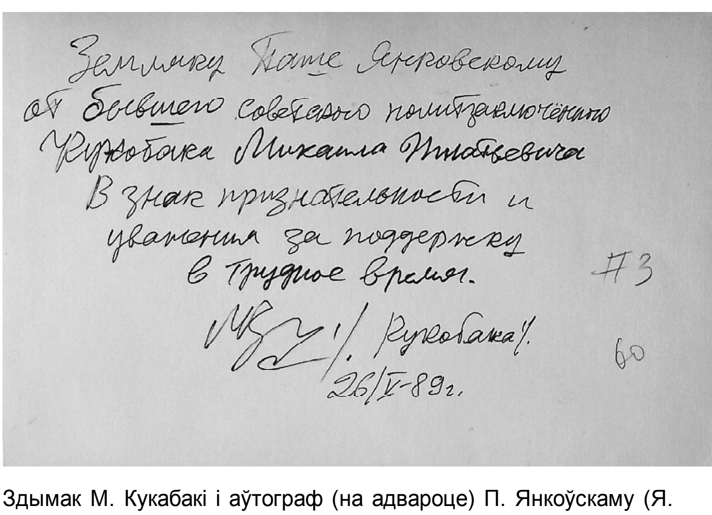
____

To: RSFSR (Soviet Union)

109830 MOSKVA.
UL. OBUKHA 4
MINISTERSTVO JUSTITSII SSSR
MINISTRU KRAVTSOVU B. V.

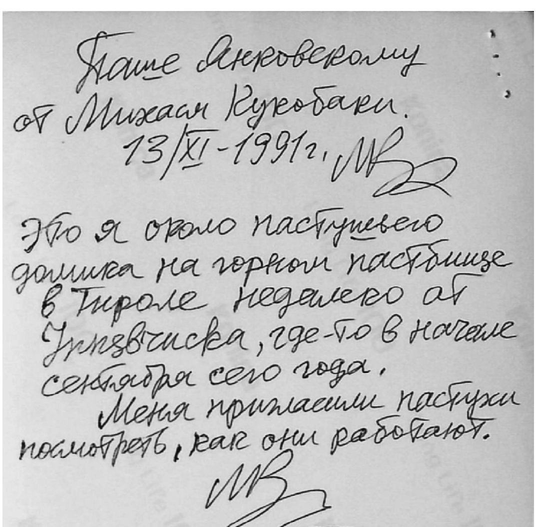
AIR MAIL
PAR AVION

Паштоўка ў абарону М. Кукабакі, выдадзеная ў Аўстраліі. Захоўваецца ў БДАМЛМ.



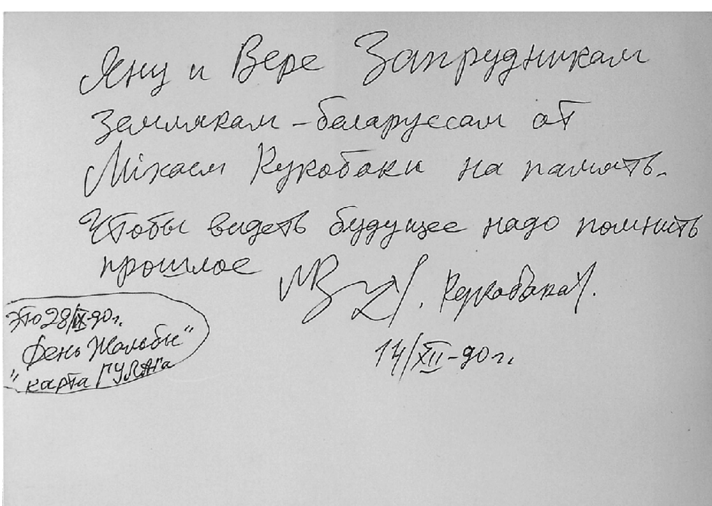
Земляку Пате Янковскому
от бывшего советского политзаключённого
Кукобака Михаила Игнатьевича
В знак признательности и
уважения за поддержку
в трудное время. #3
/М. Кукобака/.
26/V-89г.
60

Здымак М. Кукабакі і аўтограф (на адвароце) П. Янкоўскаму (Я. Запрудніку). 26.05.1989. Захоўваецца ў БДАМЛМ.

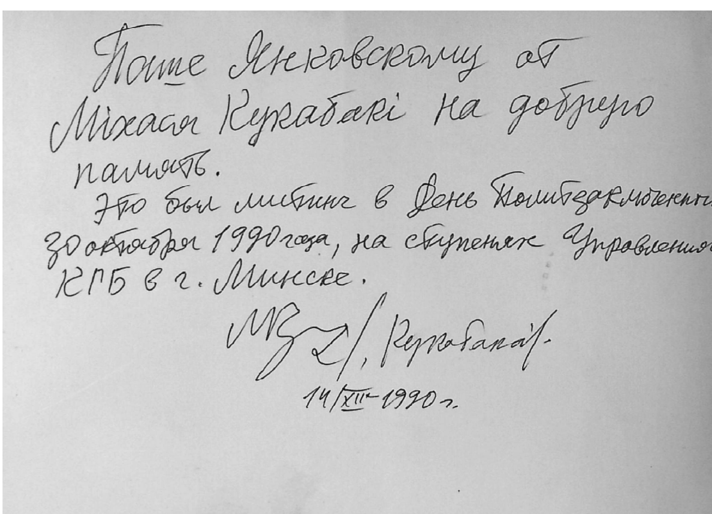

Паше Анковскому
от Михаила Кукобаки.
13/XI-1991г.

Это я около пастушевого домика на горном пастбище в Тироле недалеко от Иннзбрука, где-то в начале сентября сего года.
Меня пригласили пастухи посмотреть, как они работают.

Здымак М. Кукабакі ў Тыролі. 13.11.1991. Захоўваецца ў БДАМЛМ.



М. Кукабака. 28.09.1990. Захоўваецца ў БДАМЛМ.


Паше Янковскому от
Міхася Кукабакі на добрую
память.
Это был митинг в День Политзаключенных
30 октября 1990 года, на ступенях Управления
КГБ в г. Минске.
/ Кукабака/.
14/XII-1990 г.

М. Кукабака на мітынгу ў дзень палітзняволеных у Мінску (на прыступках КДБ). 30.10.1990. Захоўваецца ў БДАМЛМ.

MIKHAIL KUKOBAKA

I WANT TO LIVE BY MY CONVICTIONS

Mikhail Kukobaka has spent 5 years in Soviet psychiatric hospitals and 11 years in prisons and labour camps for his defence of freedom of speech.

ORPHAN

Mikhail Ignatyevich Kukobaka, an Orthodox christian, was born on 3rd December 1936 in Byelorussia. His father was killed in 1939. His mother was injured in 1944 while fighting as a partisan and died in 1946. Mikhail was brought up in an orphanage and trained as an electrician. He has no relatives.

ARREST

In April 1970 he was arrested and charged with anti-Soviet slander for speaking of the lack of freedom of speech in Soviet society. In 1968 he had visited the Czech consulate in Kiev to offer his sympathy and express his outrage over the Soviet invasion.

At the Serbsky Institute for Forensic Psychiatry in Moscow he was diagnosed schizophrenic, despite being considered normal at the psychiatric clinic at the city of Vladimir where he had first been held.

He spent a year in Vladimir prison, three years in the grim Sychyovka Special Psychiatric Hospital and two years at the ordinary psychiatric hospital at Vladimir.

BRIEF FREEDOM

Released in May 1976, his brief freedom was broken twice. In November 1976, while working as an electrician at a power station, he was forcibly hospitalised for showing "delusions that he could reform society". In fact, he had circulated the Universal Declaration of Human Rights amongst colleagues at work and had defended a woman who had been driven to suicide by difficulties with the local authorities. Alexander Podrabinek, a notable activist for the reform of Soviet psychiatry visited the hospital. He asked the doctor about Kukobaka's committal.

Doctor: "It was because of his incorrect, anti-Soviet behaviour. Some sort of discussions or complaints—I don't know exactly."
Podrabinek: "I can tell you. He was accused of disseminating the Universal Declaration of Human Rights."
Doctor: "Well, you see, I told you so— he's a sick man!"

Podrabinek made it clear that Kukobaka's case would get a lot of publicity in the West. He was released forthwith.

AN ICON ABOVE HIS BED

In October 1977 he refused to remove an icon which he had hung above his bed in the workers' hostel, and a portrait of Academician Sakharov.

The doctor told him,"To hang up icons and portraits of people like Academician Sakharov is going against the usually accepted norms of behaviour in our society and is therefore a mental abnormality." He was forced to take neuroleptic drugs but was released after another intervention by Podrabinek.

Улётка ў абарону Міхася Кукабакі. Захоўваецца ў БДАМЛМ.

THREE YEARS IN LABOUR CAMP

He was arrested again on 19th October 1978. This time the Serbsky Institute concluded, "as a result of the treatment the development of the schizophrenic process has been arrested." He was ruled legally responsible.

He was tried in June 1979 on a charge of Anti-Soviet Slander for publishing the article "Detente and Human Rights are indivisible" and an open letter to the Minister of Health exposing the abuses of psychiatry.

He explained,"I am frightened of prison, of camps , of lunatic asylums... but I am more frightened of lies, base behaviour and my own participation in either of these, than of any prison. I am not ashamed to be called a prisoner.... I want to live according to my convictions."

He was sentenced to three years ordinary regime camp. He served six months in a punishment cell for turning away from the screen and blocking his ears with cotton wool in the camp cinema during the compulsory showing of a film. At the end of the six months he had to be transferred to hospital with swollen legs. He was soon back in the punishment cell again for another six months and was then sent to a prison where his criminal cell-mates beat him up until he signed an "apology".

THREE MORE YEARS

On the basis of this "apology" he was arrested in the prison, thirteen days before his release was due in October 1981 and was sentenced to a further 3 years, this time in a strict regime camp, on a further charge of anti- Soviet slander.

TWELVE MORE YEARS

In 1984, just before the end of his second consecutive sentence, he was arrested yet again and sentenced to seven more years strict regime camp and five years exile for Anti-Soviet Agitation and Propaganda.

In early 1987 he was offered release if he would sign a statement that he had been "led astray by Sakharov and other dissidents." He refused.

Russian Orthodox Deacon Vladimir Rusak and Lithuanian Catholic Priest Alfonsas Svarinskas were with Kukobaka in labour camp until their recent release. Father Alfonsas describes Kukobaka as "a real believer." His health is poor but his morale is good. He wants to recieve invitations to emigrate.

Please

1. Pray for his release.
2. Write to him:
   618810 Permskaya oblast
   Chusovskoi raion
   st. Vsevyatskaya
   uchr. VS-389/35
   Kukobaka Mikhail
   U.S.S.R. (23p stamp)
3. Write to this Soviet official about him:
   121000 Moscow
   Prospekt Kalinina 9
   Ministry of Foreign Affairs
   Humanitarian Affairs Department
   Director Yuri B. Kashlev
   U.S.S.R. (23p stamp)
4. Write to:
   H.E. Leonid Zamyatin.
   Soviet Embassy,
   13 Kensington Palace Gardens,
   London W8 4QX.
5. Write to your MP at:
   House of Commons,
   London SW1A 0AA.
6. Write to your Member of the European Parliament.The EP office can provide the address:
   8 Storey's Gate,
   London SW1P 3AT.
   01 222 8122

Thank you for your concern.

Issued by Rev. Dr Dick Rodgers, Chairman,
"The Vigil",
63 Meadow Brook Road,
Birmingham B31 1ND.
England

021 476 0789.

Much of the information comes from Keston College, Heathfield Road, Keston, Kent BR2 6BA 0689 50116.

Улётка ў абарону Міхася Кукабакі. Захоўваецца ў БДАМЛМ.

A M N E S T Y I N T E R N A T I O N A L C A M P A I G N

BELSIZE PARK GROUP

Flat 2, 28 Chesterford Gardens, London NW3 7DE, U.K.

Telephone no. 01-794 2266/223 2115

"I AM NOT ASHAMED TO BE CALLED A PRISONER"

MIKHAIL KUKOBAKA

Byelorussian Worker

Imprisoned in the Soviet Union for Defending Human Rights

"The first and most important human right, or rather, obligation to oneself, is to stand by one's convictions. I am frightened of prison, of camps, of lunatic asylums ... but I am more frightened of lies, base behaviour and my own participation in either of these, than of any prison. I am not ashamed to be called a prisoner. But I am bitter at having been born in this country and I am ashamed that, until I was nearly 30, I myself was an obedient cog in the system. But my convictions changed a long while ago. I want to live according to my convictions, to read what I want, to look at what I want. And you are trying me for this desire!"

Mikhail Kukobaka at his trial in 1979

Улётка ў падтрымку М. Кукабакі. Захоўваецца ў БДАМЛМ.

MIKHAIL KUKOBAKA
Prisoner of Conscience

In August 1968, Warsaw Pact forces crossed into Czechoslovak territory. At that time, Mikhail Kukobaka was an electrician working in Kiev, capital of the Ukraine in the Soviet Union, and he went along the following month to the Czech Consulate where he expressed to the Consul his sympathy for the Czechs and his outrage at what he saw as an invasion. He subsequently refused to take part in official trade union activities and political elections. He was arrested in April 1970 by the KGB who put pressure on him to help them discredit a West German diplomat. Mikhail would not comply and spent the next 6 years in various special psychiatric hospitals where dissenters and genuine madmen are confined together.

During a brief period of freedom in 1977, he was examined by a Russian psychiatrist (Dr Voloshanovich - now in the West) who found no trace of mental illness. However, he was twice forcibly committed to psychiatric hospitals during this period for refusing to take down an ikon (he is an Orthodox Christian) and pictures of Sakharov and Grigorenko he had hung above his bed in a workers' hostel; for passing round among his fellow workers copies of the UN Declaration of Human Rights (to which the Soviet Union is a signatory); and for defending a woman who had been driven to the point of suicide by problems with the local administration. In the first instance, he was freed only after the unofficial Working Commission to Investigate the Use of Psychiatry for Political Purposes threatened to publicise his case widely inside and outside the Soviet Union. Mikhail also wrote essays on his childhood and experiences in psychiatric hospitals which circulated in samizdat (unofficially-published literature).

He was re-arrested in October 1978, pronounced sane this time by the KGB and given a 3-year sentence in labour camps for disseminating "fabrications known to be false which defame the Soviet state and social system" (Article 190-1 of the RSFSR Criminal Code). Mikhail should have been released on 19th October 1981 but was re-arrested in Elets Prison 13 days before that date and charged with the same offence as before "based on conversations with other prisoners".

In April 1982, he was transferred to the Serbsky Institute for Forensic Psychiatry in Moscow but the KGB again ruled him sane and he stood trial in Elets on 13th August 1982. He was sentenced to 3 years' strict regime labour camp. Just before his time was up in October 1984, he was re-arrested in camp and charged his time under Article 70 ("anti-Soviet agitation and propaganda") which puts Mikhail into the category of "especially dangerous State criminals".

We don't yet know what his sentence is but Article 70 can carry a penalty of up to 7 years' imprisonment followed by 5 years' internal exile. Mikhail is currently in Perm Camp No. 36. He will be 50 on 3rd December 1986, is in poor health, and has no family since he is an orphan without brothers or sisters and has never married.

London, England
October 1986

WHAT YOU CAN DO TO HELP KUKOBAKA

Ex-prisoners of conscience from the Soviet Union, Shcharansky among them, repeatedly testify to the value of letters from abroad. They ensure that the authorities treat a prisoner with special care and they improve by 50% his chances of surviving imprisonment in reasonable shape. Please write a brief, courteous letter to the Russian Procurator, asking him to recommend Mikhail's immediate release from camp and mentioning his desire to emigrate. A sample letter is given below with the Procurator's address:-

"I am writing to you on behalf of Mikhail Kukobaka who is serving a sentence of imprisonment in Perm Camp No. 36 after being charged under Article 70 of the RSFSR Criminal Code in October 1984. I believe that he was imprisoned for exercising his right to freedom of expression, a right guaranteed in the Soviet Constitution and proclaimed in International Covenants, such as the Helsinki Agreement, which your government has signed. Please recommend his immediate and unconditional release. I understand he has applied for permission to emigrate from the Soviet Union. I look forward to your reply."

RSFSR,
103031 Moskva,
Kuznetsky Most 13,
Prokuratura RSFSR,
Prokuroru,
Soviet Union.

PLEASE TURN OVER FOR UPDATE!

An A1 size black and white poster, telling Mikhail's story in pictures, is available for £1 + p. & p. from the Belsize Park Group at the address on the front of this leaflet.

AMNESTY INTERNATIONAL, founded in Britain in 1961, works for the release of imprisoned individuals when it believes that they are genuine Prisoners of Conscience. These are men and women detained for their political, religious or other conscientiously-held beliefs, or because of their colour, language or ethnic origin, provided that they have neither used nor advocated violence. Since such a prisoner is held in violation of the United Nations' Declaration of Human Rights, Amnesty works for the prisoner's unconditional release. Amnesty is now a worldwide human rights movement, independent of any government, political group, ideology, or religious creed. It won the Nobel Peace Prize in 1977. Contact the British Section on 01-251 8371.

UPDATE

Mikhail Kukobaka is now in a camp in the Mordovian complex. He was very nearly released in February 1987. The Presidium of the Supreme Soviet of the USSR issued 2 unpublished decrees, authorising the premature release of 240 political prisoners. Kukobaka was on the list. However, the application for release contained an admission of guilt which Kukobaka felt he could not sign. Instead, he asked for a review of his case, rehabilitation and permission to emigrate. The authorities transferred him to an investigation-isolation prison in Vitebsk, Byelorussia during March and tried to pressurise him into signing the application. Kukobaka never did and was eventually returned to Perm No. 36 and thence in September to the Mordovian complex.

October 1987

Улётка ў падтрымку М. Кукабакі. Захоўваецца ў БДАМЛМ.

JEREMY NICHOLL – MATRIX FOR USN&WR

Painful past. *Mikhail Kukobaka, labeled schizophrenic for his anti-Soviet activities, at a memorial to the KGB's victims*

Mad Russians

Victims of Soviet 'punitive psychiatry' continue to pay a heavy price

Pyotr Starchik can't drive a car, buy a house, travel abroad or get married.

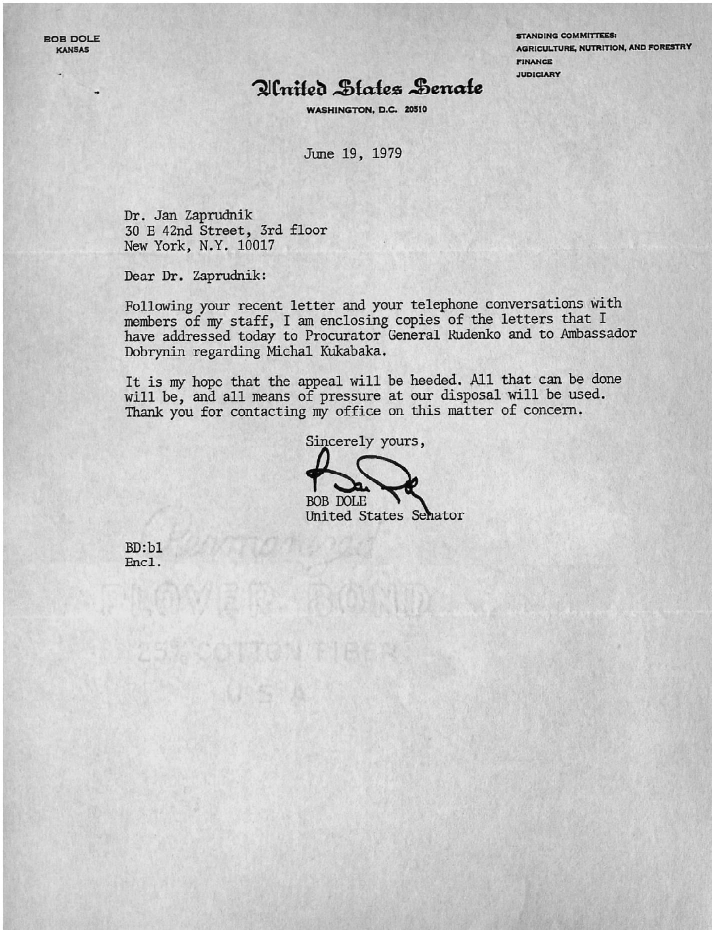
Like thousands of former anti-Soviet dissidents, Starchik was stripped of those rights when he was declared insane by a state psychiatric panel. And like all whose political dissent was dealt with in this Kafkaesque fashion, Starchik found that the end of the Soviet state has not brought an end to his legal nightmare. Russia has yet to come clean on its history of punitive psychiatry, and many of the doctors who carried out the campaign, though now elderly, retain lofty positions. And so Starchik remains in the limbo he entered after his arrest for anti-Soviet activities in 1972. "I can do anything I want – kill a person and not be responsible," he says in a fleeting stab at humor. "At the same time, I can't get a job that requires certification."

Starchik could try to overturn his diagnosis through a cumbersome process that would begin with a request to the security services – his old KGB tormentors – to "declassify" his case. "Why should I?" he asks. "[The authorities] put the wrong diagnosis. It is their guilt. It is up to them to apologize." The 58-year-old former dissident and onetime psychology student works as a night watchman and contents himself with writing music, drawing colorful visions of God in the style of William Blake and caring for his triplet babies.

Closed files. Over seven decades of Soviet communism, an estimated 40 million people were sent to the gulag, the vast network of labor camps, prisons and special psychiatric hospitals. During the *glasnost* of the late 1980s, former camp inmates gave vent to memories of their repression. Their pressure led to a government decree offering material compensation to victims, but the state stopped short of opening period files.

Today, Russia's state center for forensic psychiatry is still the Serbsky Institute, where psychiatrists once examined thousands of political dissidents whom they deemed mentally unfit. One favorite diagnosis: *vyalotekushchaya,* or "sluggish schizophrenia," a clinical term coined at Serbsky to explain why someone with such a disorder might appear normal most of the time. One manifestation of this novel ailment was "stubbornness and inflexibility of convictions"; the usual treatment consisted of megadoses of

Публікацыя, прысвечаная М. Кукабаку, у амерыканскім часопісе U.S. News and World Report. 1996. Захоўваецца ў БДАМЛМ.



BOB DOLE
KANSAS

STANDING COMMITTEES:
AGRICULTURE, NUTRITION, AND FORESTRY
FINANCE
JUDICIARY

United States Senate
WASHINGTON, D.C. 20510

June 19, 1979

Dr. Jan Zaprudnik
30 E 42nd Street, 3rd floor
New York, N.Y. 10017

Dear Dr. Zaprudnik:

Following your recent letter and your telephone conversations with members of my staff, I am enclosing copies of the letters that I have addressed today to Procurator General Rudenko and to Ambassador Dobrynin regarding Michal Kukabaka.

It is my hope that the appeal will be heeded. All that can be done will be, and all means of pressure at our disposal will be used. Thank you for contacting my office on this matter of concern.

Sincerely yours,

BOB DOLE
United States Senator

BD:bl
Encl.

Ліст сенатара Боба Доўла да Я. Запрудніка ў справе М. Кукабакі. 19.06.1979. Захоўваецца ў БДАМЛМ.

ESTABLISHED IN 1946

ASSOCIATION OF BYELORUSSIANS IN GREAT BRITAIN, LTD.

LIMITED BY GUARANTEE

52, PENN ROAD, LONDON, N7 9RE

Telephones:

Please reply to:

Jan Michaluk.
11,Ridgeview Road
London.N.20. OHH.

Our Ref : JM/82.

Frank Chapple, Esq.
Secretary,
Electric Trade Union.

2nd April,1982.

Dear Mr Chapple,

We are very grateful to you for your interest and support in our afforts to assist the Soviet Byelorussian dissident Michal Kukabaka.

We confirm that should Mr.Michal Kukabaka. be able to come to the United Kingdom, we would be prepared to guarantee accommodation and maintenance for him during his stay so long as this may be necessary.

Please feel free to make such use of this letter as you may think fit to obtain whatever administrative help and relief Mr.Michal Kukabaka may require.

Once again with our sincerest thanks for what you are prepared to do for this courageous man,

We remain,

ЗББВ · THE ASSOCIATION OF BYELORUSSIANS IN GREAT BRITAIN LIMITED

Jan Michaluk,
Chairman.

Ліст старшыні Згуртавання беларусаў у Вялікабрытаніі Янкі Міхалюка да сакратара брытанскага прафсаюза электрыкаў Фрэнка Чапі ў справе абароны М. Кукабакі. 02.04.1982. Захоўваецца ў БДАМЛМ.

AMNESTY INTERNATIONAL

Amnesty International British Section, 5 Roberts Place
off Bowling Green Lane London EC1R 0EJ Tel:01-251 8371
Nobel Peace Prize 1977 UN Human Rights Prize 1978

NEWS RELEASE 23RD OCTOBER 1987

TOM CONTI JOINS LONDONERS' FAST IN SOLIDARITY WITH MIKHAIL KUKOBAKA, THE SOVIET POLITICAL PRISONER

This year, Tom Conti will be joining Amnesty International's Belsize Park Group in its 4th dawn-to-dusk hunger strike and vigil on Friday 30th October 1987 outside the Soviet Embassy.

The event is to commemorate "Political Prisoners' Day" in the USSR and was first held in 1982 when the Group learnt from a letter smuggled out to the West that its adopted prisoner of conscience, Mikhail Kukobaka, goes on hunger strike every year on 30th October to protest against human rights' violations in the USSR. Ever since, the Group has fasted in sympathy with Mikhail on this date.

The Belsize Park Group has been working ceaselessly for Mikhail's release since his first arrest in 1970 and throughout his subsequent confinement in prisons, labour camps and special psychiatric hospitals.

Caroline Pecover, a spokeswoman for the Group, said today, "Mikhail came very close to freedom in February when the Presidium of the USSR's Supreme Soviet selected him for premature release. However, Mikhail refused to sign the application necessary as it required him to confess a guilt which he did not feel. His original offence was to protest against what he saw as the invasion of Czechoslovakia by Warsaw Pact forces in August 1968."

DATE : Friday 30th October 1987 (dawn to dusk, i.e. 7 am - 4 pm)

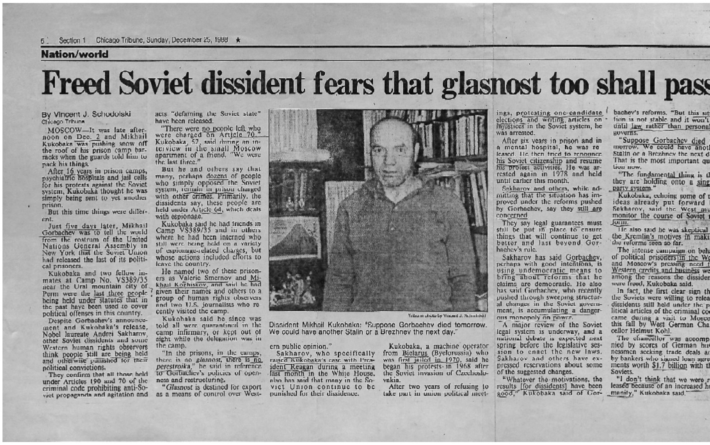
PLACE : Soviet Embassy, London W.8
(opposite the entrance to Kensington Palace Gardens on the north side of Bayswater Road, 2 minutes' walk from Notting Hill Gate tube)

PHOTO CALL : Tom Conti will be present at the vigil at 11.30 a.m.

For further information, please contact: Caroline Pecover - 01 630 0776 (ansafone)
Mrs Reeve Berman - 01 794 2266

Amnesty International is a worldwide movement working impartially for the release of all Prisoners of Conscience, fair and prompt trials for all political prisoners and an end to torture and executions. It is independent of any government, political opinion or religious creed and is voluntarily financed. Amnesty International has formal relations with the United Nations, Unesco, the Council of Europe, the Organisation of African Unity and the Organisation of American States.

Прэс-рэліз арганізацыі «Міжнародная амністыя», прысвечаны падтрымцы М. Кукабакі. 23.10.1987. Захоўваецца ў БДАМЛМ.



6 Section 1 Chicago Tribune, Sunday, December 25, 1988 ★

Nation/world

Freed Soviet dissident fears that glasnost too shall pass

By Vincent J. Schodolski
Chicago Tribune

MOSCOW—It was late afternoon on Dec. 2 and Mikhail Kukobaka was pushing snow off the roof of his prison camp barracks when the guards told him to pack his things.

After 16 years in prison camps, psychiatric hospitals and jail cells for his protests against the Soviet system, Kukobaka thought he was simply being sent to yet another prison.

But this time things were different.

Just five days later, Mikhail Gorbachev was to tell the world from the rostrum of the United Nations General Assembly in New York that the Soviet Union had released the last of its political prisoners.

Kukobaka and two fellow inmates at Camp No. VS389/35 near the Ural mountain city of Perm were the last three people being held under statutes that in the past have been used to cover political offenses in this country.

Despite Gorbachev's announcement and Kukobaka's release, Nobel laureate Andrei Sakharov, other Soviet dissidents and some Western human rights observers think people still are being held and otherwise punished for their political convictions.

They confirm that all those held under Articles 190 and 70 of the criminal code prohibiting anti-Soviet propaganda and agitation and acts "defaming the Soviet state" have been released.

"There were no people left who were charged on Article 70," Kukobaka, 52, said during an interview in the small Moscow apartment of a friend. "We were the last three."

But he and others say that many, perhaps dozens of people who simply opposed the Soviet system, remain in prison charged with other crimes. Primarily, the dissidents say, these people are held under Article 64, which deals with espionage.

Kukobaka said he had friends in Camp VS389/35 and in others where he had been interned who still were being held on a variety of espionage-related charges, but whose actions included efforts to leave the country.

He named two of these prisoners as Valerie Smernov and Mikhail Kozhiskov, and said he had given their names and others to a group of human rights observers and two U.S. journalists who recently visited the camp.

Kukobaka said he since was told all were quarantined in the camp infirmary, or kept out of sight while the delegation was in the camp.

"In the prisons, in the camps, there is no *glasnost*, there is no *perestroika*," he said in reference to Gorbachev's policies of openness and restructuring.

"*Glasnost* is destined for export as a means of control over Western public opinion."

Sakharov, who specifically raised Kukobaka's case with President Reagan during a meeting last month in the White House, also has said that many in the Soviet Union continue to be punished for their dissidence.

Kukobaka, a machine operator from Bielarus (Byelorussia) who was first jailed in 1970, said he began his protests in 1968 after the Soviet invasion of Czechoslovakia.

After two years of refusing to take part in union political meetings, protesting one-candidate elections and writing articles on injustices in the Soviet system, he was arrested.

After six years in prison and in a mental hospital, he was released. He then tried to renounce his Soviet citizenship and resume his protest activities. He was arrested again in 1978 and held until earlier this month.

Sakharov and others, while admitting that the situation has improved under the reforms pushed by Gorbachev, say they still are concerned.

They say legal guarantees must still be put in place to ensure things that will continue to get better and last beyond Gorbachev's rule.

Sakharov has said Gorbachev, perhaps with good intentions, is using undemocratic means to bring about reforms that he claims are democratic. He also has said Gorbachev, who recently pushed through sweeping structural changes in the Soviet government, is accumulating a dangerous monopoly on power.

A major review of the Soviet legal system is underway, and a national debate is expected next spring before the legislative session to enact the new laws. Sakharov and others have expressed reservations about some of the suggested changes.

"Whatever the motivations, the results [for dissidents] have been good," Kukobaka said of Gorbachev's reforms. "But this situation is not stable and it won't be until law rather than personality governs.

"Suppose Gorbachev died tomorrow. We could have another Stalin or a Brezhnev the next day. That is the most important question now.

"The fundamental thing is that they are holding onto a single-party system."

Kukobaka, echoing some of the ideas already put forward by Sakharov, said the West must monitor the course of Soviet reform.

He also said he was skeptical of the Kremlin's motives in making the reforms seen so far.

The intense campaign on behalf of political prisoners in the West and Moscow's pressing need for Western credits and business were among the reasons the dissidents were freed, Kukobaka said.

In fact, the first clear sign that the Soviets were willing to release dissidents still held under the political articles of the criminal code came during a visit to Moscow this fall by West German Chancellor Helmut Kohl.

The chancellor was accompanied by scores of German businessmen seeking trade deals and by bankers who signed loan agreements worth $1.7 billion with the Soviets.

"I don't think that we were released because of an increased humanity," Kukobaka said.

Tribune photo by Vincent J. Schodolski

Dissident Mikhail Kukobaka: "Suppose Gorbachev died tomorrow. We could have another Stalin or a Brezhnev the next day."

Копія артыкула, прысвечанага М. Кукабаку, у газеце «Chicago Tribune». 25.12.1988. Захоўваецца ў БДАМЛМ.

74 The Sunday Sun, September 25, 1988

Lifeline Letters

Prisoner sees his family

By GENYA INTRATOR
Inter Religious Task Force

In an unprecedented move, the Soviet authorities have allowed political prisoner Viktoras Petkus a family visit in Vilnius, the Lithuanian capital, the Lithuanian Information Centre says.

Petkus, 59, a founder of the Lithuanian Helsinki Monitoring Group, is serving a third term of imprisonment for human rights activities. He is due to be released in 1992.

It is essential that *Sun* readers urge their MPs to send letters to Secretary General Mikhail Gorbachev, the Kremlin, Moscow, to allow Petkus to stay with his family and terminate his exile.

Petkus' exile address is USSR, 671510 Buryatskaya ASSR, Bauntovski r-n, pos. Bagarin, Bagdarinskaya ekspeditsiya.

His wife's address: Natalija Petkuviene, B. Dauguviecio 1-10. Vilnius, Lithuania, USSR.

August 13 we reported that a Lithuanian priest, Rev. Sigitas Tamkevicius, had to share a room with two drunks and perform unpleasant work in his place of exile. The Lithiuanian Information Centre now reports his living conditions have improved.

Tamkevicius' present address is USSR, 636310 Tomskaya obl. Krivoskeinsky r-n, g. Kriovoshcino, ul Pionerskya 3.

Tamkevicius asked that help be extended to Mikhail Kukobaka, a Byelorussian prisoner of conscience, with whom he was incarcerated in labor camp Perm 35.

Kukobaka, 52, a laborer, spent six years in psychiatric prisons for refusing to participate in Soviet elections and for distributing the United Nations Declaration of Human Rights. In 1979 he was sentenced to three years imprisonment for writing essays on human rights.

Kukobaka's address is USSR, 618810 Permskaya oblast, Chusovskoy r-n, Stantsiya Vsesvyatskaya, Ucherezhdenie VS-389/35.

MIKHAIL KUKOBAKA
Rights essays

Evansville
Nashville
Paducah
Tri-City
Greensboro
Knoxville
Asheville
Memphis
Huntsville
Chattanooga
Little Rock
Tupelo
Atlanta
Birmingham
Columbus
Tuscaloosa
Montgomery
Dallas/Ft. Worth
Jackson
Meridian
Mobile
Baton Rouge
New Orleans
Orlando

American gives you 31 cities in the south.

Starting October 1st, American Airlines covers even more of the American south with our new nonstop service from Toronto to Nashville. And from there, we take you to major southern business centres like Atlanta, Memphis and Little Rock and favourite vacation destinations like New Orleans, Fort Lauderdale, Miami and Orlando.

Копія артыкула, прысвечанага М. Кукабаку, у газеце «The Sunday Sun». 25.09.1988. Захоўваецца ў БДАМЛМ.

June 19, 1979 FOREIGN AFFAIRS/HUMAN RIGHTS

Mr. Roman Andreievich Rudenko
Procurator General of the U.S.S.R.
The Procuracy of the U.S.S.R.
Pushkinskaya Street
Moscow, U.S.S.R.

Dear Mr. Rudenko:

I should like to submit to you an appeal of behalf of Michal Kukabaka, who is about to stand trial on charges of anti-Soviet activities.

Michal Kukabaka has spent most of his life in psychiatric institutes, yet he is considered by those who have been in contact with him, or who have read his writings, to be mentally sane, as confirmed by the recent findings of experts of the Serbsky Institute of Forensic Psychiatry in Moscow.

In asking you to free Michal Kukabaka and allow him to emigrate, I am invoking the humanitarian concerns of the Helsinki Agreement, of which your government was a signatory, as well as the spirit of detente that made the signing of the SALT treaty between our two nations possible.

Your urgent attention to this case would be most appreciated. I shall anticipate a reply to this letter. Thank you for your cooperation.

Sincerely yours,

BOB DOLE
United States Senator

BD:bl
cc: the Honorable Anatoly Dobrynin

Копія ліста сенатара Боба Доўла да Генеральнага пракурора СССР Р. А. Рудэнкі. 19.06.1979. Захоўваецца ў БДАМЛМ.

BILL GREEN
18TH DISTRICT, NEW YORK

COMMITTEE ON APPROPRIATIONS

SUBCOMMITTEES:
HUD-INDEPENDENT AGENCIES
DISTRICT OF COLUMBIA

Congress of the United States
House of Representatives
Washington, D.C. 20515

WASHINGTON OFFICE:
1417 LONGWORTH HOUSE OFFICE BUILDING
WASHINGTON, D.C. 20515
(202) 225-2436

NEW YORK OFFICE:
GRAND CENTRAL POST OFFICE BUILDING
110 EAST 45TH STREET
NEW YORK, NEW YORK 10017
(212) 826-4466

June 18, 1981

Raisa Stankievic
Byelorussian-American Association, Inc.
166-34 Gothic Drive
Jamaica, New York 11432

Dear Ms. Stankievic:

Yesterday I inserted your organization's press release on the rally for Michal Kukabaka in the Congressional Record. A copy of the Record is enclosed, and you will find my remarks and your release on Page E3019.

Again, I regret that I am unable to attend the rally. I wish you and the Association every success in this event.

With kind regards,

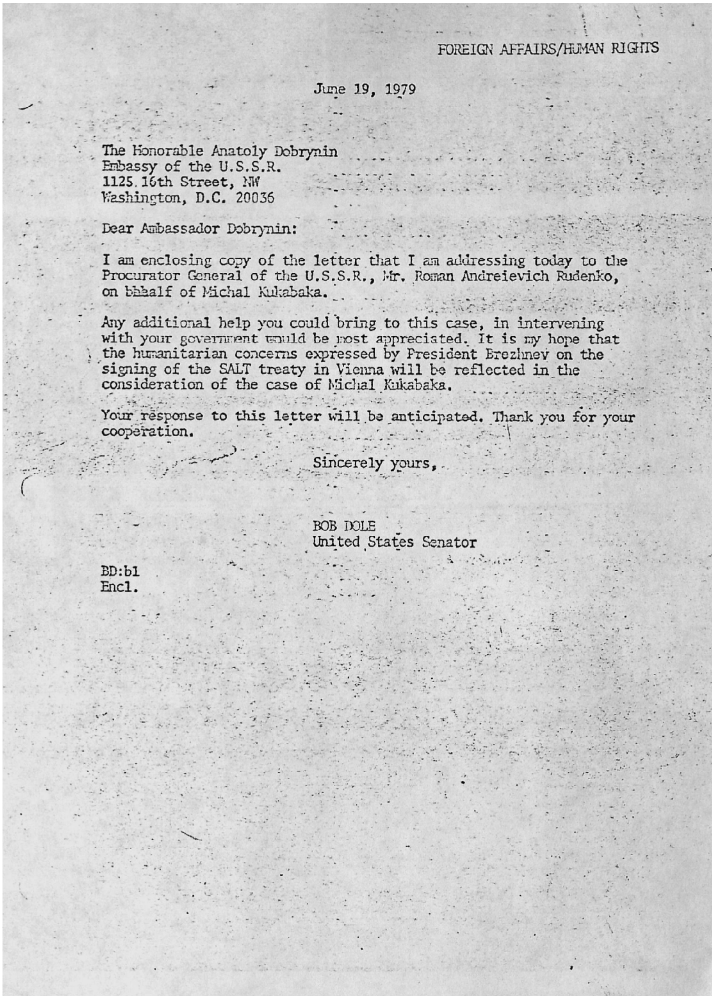
Sincerely,

Bill Green
Member of Congress

BG:lk
encl.

THIS STATIONERY PRINTED ON PAPER MADE WITH RECYCLED FIBERS

Ліст кангрэсмэна Біла Грына да Раісы Станкевіч у справе выступу ў абарону М. Кукабакі. Захоўваецца ў БДАМЛМ.



FOREIGN AFFAIRS/HUMAN RIGHTS

June 19, 1979

The Honorable Anatoly Dobrynin
Embassy of the U.S.S.R.
1125 16th Street, NW
Washington, D.C. 20036

Dear Ambassador Dobrynin:

I am enclosing copy of the letter that I am addressing today to the Procurator General of the U.S.S.R., Mr. Roman Andreievich Rudenko, on bhhalf of Michal Kukabaka.

Any additional help you could bring to this case, in intervening with your government would be most appreciated. It is my hope that the humanitarian concerns expressed by President Brezhnev on the signing of the SALT treaty in Vienna will be reflected in the consideration of the case of Michal Kukabaka.

Your response to this letter will be anticipated. Thank you for your cooperation.

Sincerely yours,

BOB DOLE
United States Senator

BD:bl
Encl.

Копія ліста сенатара Б. Доўла да амбасадара СССР у ЗША А. Дабрыніна. 19.06.1979. Захоўваецца ў БДАМЛМ.

BOB DOLE
KANSAS

STANDING COMMITTEES:
AGRICULTURE, NUTRITION, AND FORESTRY
FINANCE
JUDICIARY

United States Senate

WASHINGTON, D.C. 20510

December 13, 1979

Mr. Mikhail Kukobaka
211440 Vitehskaya Oblast
G. Novopolotsk
35, Uchrezhdeniye 15/10-D
U.S.S.R.

Dear Mr. Kukobaka:

I have just received a letter on your behalf, written to me by Mr. Viktor Nekipelov, whom I understand is now also under arrest.

Your trial last June brought great consternation to those of us who have involved themselves in the struggle for human rights across the world. The courage that you have shown through your years of imprisonment, in holding on to your beliefs and convictions, has elicited admiration among those of us who consider the freedoms that you have been denied as man's natural rights.

I understand that you are suffering of poor health and, along with my personal concern, I wish to convey to you assurances that I plan to continue my efforts towards your release and freedom, as do your many friends in the West.

Sincerely yours,

BOB DOLE
United States Senator

BD:bl
cc: His Excellency Anatoly Dobrynin
C.S.C.E.

Копія ліста сенатара Б. Доўла да М. Кукабакі. 13.06.1979.
Захоўваецца ў БДАМЛМ.

JOSEPH P. ADDABBO
7TH DIST., NEW YORK

REPLY TO:
2440 RAYBURN HOUSE OFFICE BUILDING
WASHINGTON, D.C. 20515
(202) 225-3461

DISTRICT OFFICE:
96-11 101ST AVENUE
OZONE PARK, NEW YORK 11416

Congress of the United States
House of Representatives
Washington, D.C. 20515

ADMINISTRATIVE ASSISTANT
DICK SEELMEYER

COMMITTEE ON
APPROPRIATIONS

SUBCOMMITTEES:
DEFENSE
TREASURY-POST OFFICE

COMMITTEE ON
SMALL BUSINESS

January 25, 1980

Ms. Raisa Stankievic
82-21 164 Place
Jamaica, New York 11432

Dear Ms. Stankievic:

Thank you for your recent letter concerning Michal Kukabaka and his desire to emigrate from the Soviet Union.

Please be assured that I will be closely monitoring any developments in this matter. I have sent a letter to Secretary Brezhnev urging him to intervene on behalf of Mr. Kukabaka and grant him an exit visa. The Soviet Union has both a moral and legal responsibility to uphold the human rights of Michal as stated by the Helsinki Accords, the International Covenant on Civil and Political Rights, and the United Nations Declaration of Human Rights. As long as I serve in the House of Representatives the political and legal rights of the people in the Soviet Union will be highest on my list of priorities.

Again, thank you for taking the time to inform me about Michal Kukabaka and his goal of leaving the Soviet Union. Please do not hesitate to contact me concerning this matter in the future.

With kind regards, I am

Sincerely yours,

JOSEPH P. ADDABBO, M. C.

JPA:hg

Копія ліста кангрэсмена Джозэфа Адабо да Раісы Станкевіч у справе М. Кукабакі. 25.01.1980. Захоўваецца ў БДАМЛМ.

DEPARTMENT OF STATE

Washington, D.C. 20520

March 7, 1980

Dear Mr. Green:

Thank you for your communication of February 7 enclosing a copy of a note from Raisa Stankievic of New York on behalf of Mikhail Kukobaka, a human rights activist imprisoned in the Soviet Union. We are familiar with his tragic plight and his activities in defense of fundamental human rights.

We have sought in all appropriate contacts with Soviet authorities to encourage them to adopt a less repressive policy towards those who have been imprisoned for their human rights beliefs. However, in the current worsened state of our relations, the Soviets have shown themselves to be even less mindful than usual of foreign opinion about Soviet activities against their dissidents. Thus, as much as we regret the circumstances of Mikhail Kukodaka's arrest and imprisonment, the moment does not seem propitious for an approach to the Soviets by the U.S. Government on his behalf.

I can assure you, however, that we will continue to monitor the plight of those imprisoned for their human rights activities, including Mr. Kukobaka.

Sincerely,

J. Brian Atwood
Assistant Secretary for
Congressional Relations

Enclosure:
Correspondence Returned.

The Honorable
Bill Green,
House of Representatives.

Копія ліста супрацоўніка Дзяржэпартамента ЗША Браяна Этвуда да кангрэсмена Біла Грына ў справе захадаў у абарону М. Кукабакі. 07.03.1980. Захоўваецца ў БДАМЛМ.

MARIO BIAGGI
10TH DISTRICT, NEW YORK

WASHINGTON OFFICE:
2428 RAYBURN HOUSE OFFICE BUILDING
WASHINGTON, D.C. 20515
(202) 225-2464

DISTRICT OFFICES:
BRONX
2004 WILLIAMSBRIDGE ROAD
BRONX, NEW YORK 10461
(212) 931-0100

QUEENS
SECOND FLOOR
22-02 STEINWAY STREET
QUEENS, NEW YORK 11105
(212) 932-4448

Congress of the United States
House of Representatives
Washington, D.C. 20515

COMMITTEES:
EDUCATION AND LABOR
SUBCOMMITTEES:
LABOR MANAGEMENT RELATIONS
POST SECONDARY EDUCATION
SELECT EDUCATION

MERCHANT MARINE AND FISHERIES
SUBCOMMITTEES:
CHAIRMAN,
COAST GUARD AND NAVIGATION
MERCHANT MARINE
PANAMA CANAL

SELECT COMMITTEE ON AGING
SUBCOMMITTEE:
CHAIRMAN, HUMAN SERVICES

DEMOCRATIC STEERING AND POLICY COMMITTEE

SELECT COMMITTEE ON NARCOTICS ABUSE AND CONTROL
(EX-OFFICIO)

CHAIRMAN, AD HOC CONGRESSIONAL COMMITTEE FOR IRISH AFFAIRS

February 21, 1980

His Excellency Leonid Brezhnev
General Secretary
Central Committee of the Communist
Party of the Soviet Union
Moscow, U.S.S.R.

Dear Secretary Brezhnev:

It has been brought to my attention that Michal Kukabaka is in prison because of his writings and his activities in labor organization.

It is my opinion that Michal Kukabaka has been imprisoned unjustly and I am asking that he be released and that he be allowed to emigrate to another country if he so wishes. If release is not possible, I ask that he be treated humanely while in prison: that he be fed adequately; that his medical needs be attended to; and, that he be given work that is commensurate with his ability.

I appreciate any efforts you can take on Michal Kukabaka's behalf.

Sincerely,

MARIO BIAGGI, M.C.

MB/dmm

THIS STATIONERY PRINTED ON PAPER MADE WITH RECYCLED FIBERS

Копія ліста кангрэсмена Марыё Б’яджы да Леаніда Брэжнева ў справе М. Кукабакі. 21.02.1980. Захоўваецца ў БДАМЛМ.

DEPARTMENT OF STATE

Washington, D.C. 20520

June 17, 1982

Mr. W. Melianovich
Byelorussian Institute of
Arts and Sciences
17531 Falls Road
Upperco, Maryland 21155

Dear Mr. Melianovich:

Thank you very much for sending Mr. Abrams and me information concerning Mr. Michal Kukabaka, a Byelorussian dissident persecuted for exercising his human rights. He has been subject to particularly harsh human rights abuse. We will seek to use opportunities such as CSCE to call it to international attention.

Sincerely yours,

Melvyn Levitsky
Deputy Assistant Secretary
for Human Rights and
Humanitarian Affairs

Копія ліста супрацоўніка Дзярждэпартамента ЗША Мэлвіна Лявіцкага да Васіля Мельяновіча ў справе М. Кукабакі. 17.06.1982. Захоўваецца ў БДАМЛМ.

Federal programs of the last 15 years could not do as much for America's minorities as could a drop in black unemployment during the next 4 years from 14 to 8 percent, together with a corresponding rise in minority business ownership.

So I appeal to my colleagues of all political persuasions to look anew at how we integrate minorities into an expanding U.S. economic structure. I recently assigned a full-time staff member in Georgia to work on this. Her name is Toni O'Neal, and she would like to hear from those of my colleagues and their staff members who seek new approaches to minority enterprise issues.

Today I include in the RECORD Toni's first article, which was published last month in the Douglas County Sentinel of Douglasville, Ga. She points out that the Reagan administration is cutting programs that are supposed to help minority enterprise development, and asked the question that all of us must start trying to answer: What ideas for self-help, what tax incentives, what strategy do we replace the old programs with?

The article follows:

[From the Douglas County Sentinel, May 28, 1981]

NEW STRATEGY NEEDED FOR MINORITY BUSINESS

[By Toni O'Neal]

During the 1968 presidential campaign, Richard Nixon said that the business of America must include black business. Less that two months after taking office, President Nixon signed Executive Order No. 11458, which directed the Secretary of Commerce to establish within his department an Office of Minority Business Enterprise (OMBE). This was the first time a president had recognized by executive order that the federal government has a responsibility to promote black and other minority-owned businesses.

Once again, the country is under the leadership of a Republican administration. Will President Reagan continue the government's role in the development of black business, or will his administration turn its back on the minority business community? Let's look at the first few months of the new administration as it concerns minority business enterprise.

The Reagan administration has proposed eliminating or sharply cutting all the programs in the Small Business Administration (SBA) that aid minority business owners. Many of these programs have been criticized over the past few years for being mismanaged and benefiting only a few of the many businesses that need help. A prime example is the Small Business Development Center Program, in which about half-a-dozen universities across the county were supposed to provide technical and managerial assistance to small and disadvantaged businesses. This is to be eliminated.

Other programs will be held to their fiscal 1980 funding levels. In addition, the administration has proposed a 25 percent reduction in all SBA lending and loan guarantees and an increase in SBA loan interest rates from 9¼ percent to market levels. There are also proposals to reduce technical assistance, cut funding for business development, and reduce equal opportunity loans to economically and socially disadvantaged businesses. A cut in surety bond guarantees has been added to the package of budget reductions.

Another Reagan intervention is a change in rules for the Dept. of Transportation's (DOT) minority business contracting procedures. Previously, DOT was required to award a certain amount of contracts to bidders who could list a specific set of minority subcontractors they planned to use. Many times these contracts would go, not to the lowest bidder, but to the bidder who could prove he had met his minority participation quota. This caused a lot of bidders to become angry and resulted in quite a few lawsuits against DOT.

The Reagan administration stepped in and agreed to review the minority participation requirements. In the meantime, officals quickly revised the old rules becasue of pending lawsuits. The new rules maintain that a certain amount of contracts have to go to bidders with some minority participation, but the firm that wins the bid only has to show that it made a good attempt to meet the minority participation goal.

It cannot be disputed that many of the federal initiatives to help develop minority businesses have failed. Due to a lack of continuing monitoring, a lack that goes back to the Nixon years, many of the programs have outlived their usefulness. lost sight of their original aim, or become ensnarled in bureaucratic red tape. But if it's the intention of the new president to "clean house," is it not also necessary to replace the old with some new, fresh ideas and strategies for promoting minority business?●

BILL GREEN APPEALS FOR THE FREEDOM OF MICHAL KUKABAKA

HON. BILL GREEN

OF NEW YORK

IN THE HOUSE OF REPRESENTATIVES

Wednesday, June 17, 1981

● Mr. GREEN. Mr. Speaker, I rise in defense of Michal Kukabaka, an ailing man who is now serving a 3-year prison sentence in the Byelorussian Soviet Republic.

Mr. Kukabaka is imprisoned for "slandering" the Soviet state by disseminating human rights treatises and protesting the Soviet practice of confining dissidents in psychiatric hospitals. A rally appealing for his freedom and celebrating his honesty and courage will be held on June 21, 1981, at Hammarskjold Plaza in my district.

My "adopted" Soviet prisoner of conscience is Dr. Semyon Gluzman, who has been in prison and is now in exile for refusing to cooperate in the Soviet psychiatric abuses that Mr. Kukabaka has opposed. One of Dr. Gluzman's actions which most angered the Soviet authorities was his refutation of the official diagnosis of Gen. Pyotr Grigorenko as insane. I was pleased to hear that the general's wife, Mrs. Zinaida Grigorenko, will be attending this rally, for it points out the intertwined fates of all Soviet dissidents, and that an effort on behalf of one Soviet dissident is ultimately an effort on behalf of all.

For the benefit of my colleagues, I am pleased to insert in the RECORD a release from the Committee for the Defense of Prisoners of Conscience in Byelorussia. The release further describes Michal Kukabaka's harsh and unjust treatment, as well as the rally that will be held this Sunday. The efforts of the committee and many others on his behalf are a meaningful step forward in bringing about Mr. Kukabaka's freedom and gaining permission for him to emigrate, and I am pleased to participate in this worthy cause.

COMMITTEE FOR DEFENSE OF PRISONERS OF CONSCIENCE IN BYELORUSSIA

"Michael Kukabaka needs help!"—This was the basic message in a larger document of the Moscow Helsinki group signed by Dr. Sakharov's wife, Yelena Bonner, dated December 28, 1980.

Byelorussian-Americans are responding to this appeal on Sunday June 21, 1981 (2 p.m.) in front of the United Nations (Hammarskjold Plaza) by holding a rally to mark the second anniversary of Michal Kukabaka's sentencing. Mrs. Zinaida Grigorenko, wife of General Grigorenko, Kukabaka's personal friend and benefactrice, will be one of the speakers. Also, signatures will be collected petitioning the U.S. Government to secure Kukabaka's release from prison. The 44-year-old Byelorussian dissident worker has renounced his Soviet citizenship and wants to emigrate to the West.

M. Kukabaka was sentenced on June 21, 1979, in Babruisk in Soviet Byelorussia. Before that, he had been detained for seven years in Soviet psychiatric prisons for such "crimes" as disseminating the text of the Universal Declaration of Human Rights.

The three-year sentence in 1979 was imposed on Kukabaka for the following offenses, according to a transcript of the Prosecutor's summation of the charges (the transcript was made by Viktor Nekipelov who attended the trial and who is now serving a prison term for his dissident activities):

"It has been established by the materials of the trial that Kukabaka, from July 1977 to October 1978, has been orally slandering the Soviet state and its social order. Besides, he wrote and transmitted to the West the articles, 'Detente and Human Rights are Indivisible' and 'Stolen Fatherland.' These articles viciously slander our political order and they have both been used by foreign anti-Soviet propaganda. And the last point of the indictment is: handing to Nikitina the so-called 'Open Letter to Health Minister Petrovsky,' alleging the persecution of people in our land for their beliefs and their confinement in psychiatric hospitals."

In one of the rare available photographs of Michal Kukabaka we see him participating in a wreath-laying ceremony at a monument in Minsk, capital of Byelorussia, erected in memory of victims of the Minsk ghetto. This event took place on May 9, 1977.

Mr. Ilya Goldin, now residing in Israel, who sent us this photo, wrote in his accompanying letter:

"Michal was not the only Byelorussian who came to the monument that day. Also, it must be considered that the act of laying the wreaths was viewed by the authorities as sedition and for a person with Kukabaka's past such an act was very dangerous."

Michal Kukabaka is still in danger. He is also suffering from poor health and the inhuman conditions of his detention.

Fight for life of Michal Kukabaka!●

Тэкст прамовы кангрэсмена Біла Грына ў абарону М. Кукабакі, апублікаваны ў «Congressional Record». 17.06.1981. Захоўваецца ў БДАМЛМ.

Акцыя ў абарону беларускага дысідэнта Міхася Кукабакі перад будынкам ААН у Нью-Ёрку. 21.06.1981.

Частка 3

Міхась Кукабака і праваабарончая дзейнасць беларускай эміграцыі

Беларуская эміграцыя ў абароне Міхася Кукабакі

Для антыкамуністычна скіраванай паваеннай беларускай эміграцыі, зрэшты як і для расейскай ці ўкраінскай, вялікае значэнне мела падтрымка антысавецкага супраціву ў СССР. Эмігрантам было важна ведаць, што іх знешняе змаганне з савецкай імперыяй калі не падтрымоўваецца наўпрост, дык хоць супадае з жаданнямі, меркаваннямі, спадзяваннямі пэўнай часткі паняволенага беларускага народу на бацькаўшчыне. Менавіта таму суродзічы на Захадзе гэтак пільна сачылі за любымі праявамі антысавецкага супраціву ў БССР, распавядалі пра іх на старонках эміграцыйных пэрыёдыкаў, у перадачах Радыё «Свабода», падчас адмысловых публічных акцыяў і г. д. Сёння эміграцыйныя архівы ўтрымліваюць багата інфармацыі што да беларускага іншадумства ў розных яго праявах.

Ад канца 1970-х гадоў своеасаблівая праваабарончая дзейнасць беларускай эміграцыі, да сёння, на жаль,

амаль не даследаваная, набыла сістэматычны характар. Апошняе было шмат у чым звязанае са з'яўленнем у полі зроку эміграцыйных праваабаронцаў беларускага іншадумцы Міхася Кукабакі. Ягоны артыкул «Украдзеная радзіма» зрабіў моцнае ўражанне на замежных суродзічаў. Адзін з найбольш актыўных эміграцыйных праваабаронцаў, у 1980-х гг. рэдактар газеты «Беларус» (Нью-Ёрк) Янка Запруднік згадваў:

«Ён [Кукабака] быў іншадумцам у шырокім пляне. Ён ня быў беларускім іншадумцам выключна, ён быў іншадумцам шырокага размаху, які бачыў несправядлівасьць у гэтай савецкай імпэрыі і які па дарозе адчуваў сувязь зь Беларусьсю. Сувязь зь Беларусьсю ў яго зьявілася не тады, калі ён сядзеў у лягерох, а тады, калі адтуль трапіў у родны Бабруйск і ў яго ўзбудзіліся ўспаміны. І гэтыя ўспаміны ягоныя, яны для нас прагучэлі, як настальгія па тым, што было. А беларускасьці ў тыя часы ягонага дзяцінства там было болей, чым калі ён вярнуўся. І ў кантэксце гэтага ў яго быў вельмі прыгожы нарыс "Украдзеная Радзіма", і ён як бы абагульняў сытуацыю ня толькі з гледзішча ягонай біяграфіі, але і з гледзішча агульнанацыянальнага. Ягоны патрыятычныя пачуцьці для нас у нашай настальгіі па Беларусі прагучэлі вельмі моцна. Мы пераклалі нарыс на беларускую і ён моцна прагучэў.

Кукабака для нас быў сымбалем, ня толькі іншадумцам, канкрэтным чалавекам, а сымбалем беларускага нацыянальнага іншадумства. Мы жылі там [у ЗША] у кантэксьце шматнацыянальным, іншадумства ў Расеі, якое ў значнай ступені было габрэйскім, гучэла на поўную моц, украінскае іншадумства таксама, і нам хацелася бачыць у Беларусі таксама супраціў, абарону нацыянальных інтарэсаў, супраціў камуністычнаму гвалту, каб выглядаць ня горшымі, чым суседзі. Для нас гэта было вельмі важна для самаадчуваньня. Пры ўсёй рабоце, якую мы рабілі, нам не ставала часамі аргумэнтаў, што мы паўнавартасная нацыя, якая бароніць сваё.

[…] Ня ведаю, ці ён карыстаўся калі-небудзь беларускай мовай, але мы зьвярталі ўвагу найперш на тое, што ў ім было беларускае, і гэтае беларускае выцягвалі наверх.

[…] Кампанія ў падтрымку Кукабакі была вельмі гучная. Але яна была засяроджана на ім, бо ён быў бадай адзіным. Былі яшчэ рэлігійныя іншадумцы, а ён быў найбольш палітычным і нацыянальным"[1].

Так, Міхась Кукабака быў асобай «агульнасавецкага» дысідэнцтва. У ягоную абарону з уласнай ініцыятывы выступалі і расейскія, і ўкраінскія іншадумцы. У «Материалах самиздата» рэгулярна публікаваліся новыя звесткі пра зняволенага, звароты вядомых расейскіх праваабаронцаў у ягоную падтрымку. Амерыканскія беларусы стварылі ўласную кампанію ў абарону Міхася Кукабакі. Быў заснаваны адмысловы Камітэт абароны вязняў сумлення ў Беларусі, які пісаў звароты да амерыканскіх палітыкаў, выдаваў інфармацыйныя матэрыялы, праводзіў мітынгі, семінары, дэманстрацыі. Дзейнасць у абарону Міхася Кукабакі шырока асвятлялася на старонках беларускага эміграцыйнага друку, а таксама з падачы нашых суайчыннікаў — і на старонках рускіх, украінскіх ды ўласна амерыканскіх перыёдыкаў.

Кампанія, да якой былі прыцягнуты і амерыканскія кангрэсмены і сенатары, трывала да самага вызвалення Міхася Кукабакі. Асобныя звесткі пра яго з'яўляліся на старонках газеты «Беларус» яшчэ на пачатку 1990-х гг. Пазней беларускі іншадумец зусім выпаў з поля зроку сваіх былых абаронцаў: змяніліся часы, актыўна развіваліся падзеі ў незалежнай Беларусі, у кантэкст якой Міхась Кукабака не надта ўпісаўся. Янка Запруднік тлумачыў гэта тым, што *«Беларускае поле*

---

[1] З інтэрв'ю з Я. Запруднікам, запісанага адмыслова для гэтай кнігі 29.07.2016 у Мінску. Захоўваецца ў прыватным архіве Н. Гардзіенкі.

для яго [Кукабакі] ніколі не было выключным, яно было часткай агульнай панарамы, агульнай тэрыторыі, у якой ён хацеў бачыць змены на лепшае. Ён не вылучаў Беларусь як асобную праблему, ён гэтую праблему бачыў у Беларусі, уяўляючы гвалт, які робіцца на шырэйшай тэрыторыі і ў шырэйшым гістарычным кантэксьце»[2].

Разам з тым дзейнасць у абарону Міхася Кукабакі стала важнай вяхой у вонкавай дзейнасці беларускай эміграцыі канца 1970-х — 1980-х гг. Сведчанні гэтай актыўнай праваабарончай працы суродзічаў на Захадзе захаваліся ў асабістым архіве Янкі Запрудніка, частка якога захоўваецца ў ягонай хаце ў ньюджэрсійскім Сомерсэце, а другая — у адмысловым фондзе дзеяча ў Беларускім дзяржаўным архіве-музеі літаратуры і мастацтва ў Мінску. Менавіта па матэрыялах архіва гэтага дзеяча падрыхтаваная змешчаная ніжэй публікацыя дакументаў, сярод якіх як уласныя тэксты Міхася Кукабакі, гэтак і звароты, лісты, інфармацыя пра яго і ў ягоную падтрымку, што распаўсюджваліся на Захадзе, а таксама лісты іншадумцы да Янкі Запрудніка ўжо пасля вызвалення. Частка з прадстаўленых ніжэй дакументаў публікавалася ў нядаўна выдадзенай кнізе «Кантакты: Сіла прыцягнення Бацькаўшчыны (да 90-годдзя Янкі Запрудніка)». Змешчаныя ніжэй тэксты не толькі сведчаць пра актыўную дзейнасць у падтрымку Міхася Кукабакі, што ажыццяўлялася на Захадзе, але і дадаюць шмат дэталяў да ўяўленняў пра абставіны яго зняволення, а таксама да разумення самога іншадумцы.

Наталля Гардзіенка

[2] З інтэрв'ю з Я. Запруднікам...

МІХАСЬ КУКАБАКА: ТЭКСТЫ

У гэтым раздзеле змяшчаюцца тэксты (артыкулы, лісты, інтэрв'ю) самога Міхася Кукабакі, апублікаваныя ў беларускай эміграцыйнай перыёдыцы або захаваныя ў Архіве самвыдата Радыё «Свабода».

Украдзеная Радзіма[3]

Цягнік падыйшоў да Бабруйску раненька жнівеньскаю ранічкаю. Сярод мітусьлівага натоўпу пасажыраў гэты, барадаты, вылучаўся вонкавай несьпяшлівасьцяй. Зьлез адным з апошніх, здаў валізку ў камару перахоўваньня, а з пакінутым у руках партфэлем ізноў выйшаў на пэрон, як-бы ня ў змозе адразу разьвітацца зь мінуўшчынай. На выгляд яму было каля сараку. Рэдкая, але значная ўжо сівізна пракідалася ў барадзе й на скронях. Пад вонкавым спакоем і павольнасьцяй уважлівы назіральнік мог-бы спасьцерагчы нейкую нутраную напружанасьць. Гэта ўдавалі й вочы: трывожныя і як-бы нечага шукаючы. Разгледзеўшыся, прыехаджы памалу падаўся ўбок ад станцыі.

Гледзячы збоку, можна было падумаць, што чалавек прыехаў у чужы, незнаёмы горад.

А запраўды, калі гэта было? І ці было?

Мне йшоў сямнаццаты год, калі гэткім жнівеньскім дзяньком, на гэтай-жа бабруйскай плятформе нас, выпускнікоў рамесьніцкага вучылішча, пасьпешліва грузілі на цягнік. Паводля разьмеркаваньня мы ехалі ўзводзіць адну з будоўляў камунізму ў далёкім Сібіры. Будоўлю гэтую мы ўзводзілі ў г. Ангарску[4], працуючы ў ваднэй зоне із зьняволенымі, ад якіх розьніліся хіба што сваёй маладосьцяй.

---

[3] Беларус. 1978. Ліпень–жнівень (№ 255–256). С. 2–3; Кантакты: Сіла прыцягнення Бацькаўшчыны (Да 90-годдзя Янкі Запрудніка) / укл. Н. Гардзіенкі і Л. Юрэвіча. Мінск: Кнігазбор, 2016. С. 40–49.

[4] Ангарск — горад у Іркуцкай вобласці Расіі.

Але цяпер я думаю пра іншае. Недзе тут, на вуліцы Менскай, побач із школаю ймя Бялінскага, павінен быць драўляны двухпаверхавы дом зь вялікім панадворкам, агароджаным суцэльным плотам. Уздоўж плоту — рады дрэваў. Недзе сярод іх — бярэзінка, пасаджаная маёй рукой. Як казала нам узгадавальніца — каб пакінуць памяць на зямлі, каб было пра што ўспомніць, калі вернемся сюды дарослымі... Вось і патрэбная мне вуліца. Але як яны не падобныя! — гэтая й тая, якую памятаў я ад маленства. Быццам дзьве розныя асобы з аднолькавым прозьвішчам.

Былая мая школа на месцы, а побач — цагляны будынак з шыльдаю «Школа-інтэрнат». І ніякіх дрэваў. Памяць сьцёртая бульдозэрам. Раптам, адзаду за інтэрнатам, спасьцерагаю знаёмы цёмна-брунатны дом. Ён гэта й патрэбен мне. Падыходжу бліжэй. Шыбы павыбіваныя, вокны забітыя дошкамі. Побач — даўгая аднапаверхавая будыніна ў гэткім-жа стане. Раней гэта былі г. зв. рабочыя клясы. Тут мы рыхтавалі хатнія заданьні. Сюды-ж, ратуючыся ад нядрэмнага вока ўзгадавальніка, зьбіраліся, пралазячы праз хвортачку, вольным часам для гульняў і абмяркоўваньня сваіх маленькіх дзіцячых таямніцаў.

Колькі разоў у панурай адзіночцы Ўладзімірскага цэнтралу ўваскрашаў я абразы свайго юнацтва. Вось я сяджу ля вакна ў гэтай рабочай клясе, абярняся, крадком пазіраючы назад. Вельмі-ж ужо цікавая кніжка ў Сярожкі — «Янкі пры двары караля Артура»[5]. «Дай зірнуць!» — шапчу я. «Кукабака, ня круціся, сядзі ціха!» — абразае строгі голас узгадавальніцы.

Колькі яшчэ розных вокрычаў давядзецца пачуць у жыцьці! «Не шевелись! Смир-р-но!» Або гадамі пасьля: «Руки назад! Не оглядываться!» І лясканьне аўтаматаў, і рык канвойных аўчарак...

...А ў пячорным мораку адзіночкі не сьпяшаючыся пракручваюцца кадры далёкай мінуўшчыны... Пасьля

---

[5] Твор Марка Твэна.

вокрычу ўзгадавальніцы я на сэкунду заміраю. Але арытмэтыка ня лезе ў галаву. За вакном лістапад. Вялізныя, мяккія сьняжынкі ціха ўсьцілаюць зямлю, кранутую першым марозікам. Хочацца на волю. На душы нейкі нязьясьнёны бунтарны настрой.

Шыбка ў вакне вузейшая як пройма, і я ссоўваю яе, збольшваючы струмень халаднаватага, казытлівага паветра. Паперадзе мяне сядзіць сымпатычная дзяўчынка Рая Бойка, ёй гэта няпрыемна. «Мішка, ня сквапніся, давай па-праўдзе!» — і яна перасоўвае шкло на сярэдзіну проймы, раздвойваючы стрыменьчык сьвежага паветра. Дзяўчынка мне падабаецца, але я наравіста перасоўваю шкло па-свойму.

Яна злуе. Паўторны вокрыч узгадавальніцы супыняе нашую мітусьню. Цяпер, у гэтай задушнай, панурай камары, мне шкада даўнейшае наравістасьці, і ахвоча папусьціў-бы тэй дзяўчынцы, перанёсшыся праз гады назад...

— Выбачайце, вы ў справе зносу гэтага будынку?

Я здрыгваюся ды апалошана гляджу на чалавека сярэдняга веку, з выгляду падобнага да майстра-будаўніка. Ня ў змозе адразу вярнуцца да рэчаіснасьці, зьбянтэжана мармычу: «Не, не, я так, збоку...»

Ён нездаўменна агледзеў мяне, каўзануўшыся позіркам па згнечаным, добра запыленым ужо касьцюме ды запыленым, даўно ня чышчаным абутку. Твар ягоны, які толькі вось выказваў зычлівасьць, зрабіўся ўцьвелены й нат злосны. Але нічога не сказаўшы, ён завярнуўся й забарзьдзіў трушком, дзелавіта пакрыкваючы нешта начальнічае работнікам, што стаялі ля грузавіка.

Нейкі час раздумляюся, чым я мог прыцягнуць ягоную ўвагу. Ну, але-ж! Мой партфэль ды барада, як у канадзкага шкіпера мінулага стагодзьдзя, ды бэрэт. Відаць, гэты, не зусім звычайны для правінцыі вонкавы выгляд і стварыў ілюзію начальства. А ўпадваньне перад начальствам на Русі — агульнаведамае. Гэта нацыянальная рыса. Калі вы ў капялюшы, у вакулярах

ды яшчэ з партфэлем — сто працэнтаў гарантыі, што ў якой-хаця ўстанове да вас паставяцца спапярэдліва ды ў якім-хаця магазыне абслужаць больш па-людзку як грамадзяніна безь пералічаных атрыбутаў. Гэткая ўжо псыхалёгія савецкага чалавека!

Я падыходжу да дому і асьцярожна, рассунуўшы дошкі на забітых дзьверах, пралажу ў сярэдзіну. Узьбіраюся па сходах. Паўзь мяне із спуджаным сковытам прагойсваюць два сабакі ды выскокваюць надвор. Навокала запусьценьне й кучы сьмецьця. Памосты зьдзертыя, а ўсё, што можна паламаць, — паламанае. Падбіраю з падлогі пару школьных сшыткаў. Даты на іх двух-трохгадовае даўнасьці. Тут-жа ляжыць маленькая насатка з намаляваным зайчыкам. Ці-ткі не мае гэта Раі? Памятаю, што тутака былі нашыя спальні. З правага боку хлапцы, зь левага — дзяўчаты. А ўнізе, пад сходамі, стаяў вялікі бачок — параша, агульная для ўсіх. Маленькая сцэна — тут нашая самадзейнасьць ладзіла паказы. У хоры завучвалася бязь ліку песьняў пра Сталіна, «Маскву–Пэкін»[6].

Тут-жа ставілі наваготнюю ялінку. Сярэдніх памераў пакой, тады ён здаваўся мне вялікай заляй.

Я вылез надвор і, абтрусіўшыся, падаўся да цэнтру. Штачасіны ўзрастала пачуцьцё трывогі. Як быццам нечага не ставала ў вобразе роднага гораду, які я праз шмат гадоў захоўваў у сваёй душы. Адчуваньне было падобнае да таго, як быццам-бы з пакою неспадзеўкі й няўзнак забралі нейкую дарагую для вас рэч. Да прыкладу, улюбёны малюнак. Раней гэтая рэч так гэтак доўга была ў вас навачч у, што вы проста пакінулі яе заўважаць. Але вось вы ўвайшлі ды адчулі лёгкую ўзьнепакоенасьць. На першы погляд усё, як быццам, на месцы. Вы азіраецеся навокала, не дабачаючы пустога на сьцяне. У першых сэкундах мозг як-бы дамалёўвае рэч,

---

[6] «Масква–Пекін» — савецкая песня, напісаная ў 1949 г. Вядомая паводле радкоў: «Русский с китайцем — братья навек...» або «Сталин и Мао слушают нас».

якое няма, з замацаванага ў памяці вобразу. Але ўзьнепакоенасьць і трывога нарастаюць. І раптам ваш пагляд блукаючы няйначай магнітам прыцягваецца да зяхлівай пусьціні.

Даўно павінны былі паказацца макаўкі шматгаловага сабору — галоўнае ўвагі годнасьці гораду. Вось і кінатэатр «Таварыш»... Дзіва, то-ж сабор павінен быць недзе тут, із сваёй чыгуннай агароджай і колькімі яблынамі за ёю. Перада мной прасторны сквэр. Я ўваходжу ў яго і раптам, праз дрэвы, бачу круглы выступ сьцяны з пацямнелае ад часу цэглы. У хваляваньні прысьпяшаю хаду, уздымаю галаву і... нічога не разумею! Над рэшткаю фундамэнту й часткаю задняе сьцяны былога сабору высіцца недарэчная скрынка з шэрым парэпаным тынкам на фасадзе. У зьдзіваваньні аглядаю гэтую дзівосную канструкцыю. Шыльда вяшчае: «Спортивный комплекс. Построен в 1967 году в честь 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции».

Вось як адзначылі юбілей захопу ўлады мясцовыя гаспадары-камуністыя! Гэткім-жа барбарствам, як і паўвека таму.

У маленстве і юнацтве нашыя ўзгадавальнікі насьмешкамі й даўгімі нудоснымі лекцыямі выраблялі ў нас ненавісьць і пагарду да ўсяго рэлігійнага. У піянерах і камсамоле я таксама не ўсьцярогся ад гэтага «прамываньня мазгоў». Але былі і іншыя, незапланаваныя лекцыі. Манатоннасьць і нудота напоўказарменнага жыцьця часамі гэтак абрыдвалі, што шмат хто з нас уцякаў зь дзіцячага дому ў «самаволку». Гэнымі рэдкімі гадзінамі свабоды мы прагна ўбіралі ў сябе жыцьцё навакольнага гораду, незнаёмае й звычайна недаступнае для нас.

І тады мы бачылі, як шмат людзей было, асабліва сьвятамі, ля сабору. Але бязь кірмашовага гармідару й таўпеханьня, усе былі ласкавыя й ветлівыя адзін да аднаго. Ля ўваходу з пакорнай цярплівасьцяй стаялі й сядзелі старыя дзяды й бабулі, хворыя й калекія. І мы

бачылі, што людзі, якія ўваходзілі ў гэты нязвычайны дом ці выходзілі зь яго, заўсёды падавалі гарацешным. Хто манэтку, а хто проста кавалак хлеба. Бо-ж час быў галодны. Гэтыя людзі, іх звалі веруючымі, былі куды дабрэйшыя за тых, што абыякава праходзілі вуліцаю паўз працягнутую руку бязногага інваліда.

Веруючыя. Людзі, што вераць у дабро й справядлівасьць.

І адразу неяк выцьмявала красамоўства платных узгадавальнікаў перад навочнай праўдай жыцьця.

І вось сабору няма. Засталіся адломкі: частка фундамэнту й сьцяны, падагнаныя да чужога цела й чужое мэты. Душу сьвятыні ўсьмерцілі. А гэта-ж колькі пакаленьняў жыхароў гораду прайшло праз саборныя сьцены. Усяздругатальны гураган апошняе вайны праймчаўся, зьлітаваўшыся над саборам. Дзіцём я з глыбокай пашанай гладзіў займшэлую граніну старога мураваньня, і мне здавалася, што я кранаюся сівое старавеччыны. А калі ціхім сонечным днём я глядзеў на купал галоўнае званіцы, што плыў у нябёснай сіні, дык як быццам чуў далікатны, мэлядычны звон.

Можа й ня быў гэты сабор гэткі старавечны, каб прынаджваць натоўпы замежных турыстых, але ён быў гісторыяй гэтага гораду, ягонай памяцяй і душой. Зь цяжкім пачуцьцём я адыходзіў ад каменнага трупа. Пасьля я даведаўся, што гэткая-ж доля спаткала й каталіцкі касьцёл, што стаяў нездалёк ад стадыёну. На ягоным фундамэньце цяпер пастаўлены дом будаўнічага трэсту.

Неўспадзеў я падумаў пра Парыж. Не, пэўне-ж я ня быў у гэтым горадзе. Але я ведаў Парыж з кнігаў Гюго, Бальзака, Д'юма[7], з абеглых нататак савецкіх журналістых. І я падумаў, што калі-б уваскросіць Парыжаніна, што памёр дзьвесьце, нат чатырыста гадоў таму,

---

[7] Маюцца на ўвазе французскія пісьменнікі Віктор Гюго (1802–1885), Анарэ дэ Бальзак (1799–1850), Аляксандр Дзюма (бацька, 1802–1870).

дык ён увайшоў-бы ў сяньняшні Парыж як у горад свайго маленства. Ён пазнаў-бы ўсе старавечныя саборы й палацы. І сказаў-бы з поўнаю асновай: «Але, гэта мой родны горад. Яго нельга зьмяшаць зь іншым, бо Парыж непаўторны».

Абыякавым позіркам я каўзануўся па танку, што ўзгрувазьдзіўся на бэтонны пастамэнт — помніку нейкаму генэралу-танкістаму, які, відавочна, першы ўварваўся на гэтым танку ў вызваляны ад Немцаў Бабруйск. Але памяць падказвае і іншае. Гэткія-ж генэралы ды на гэткіх-жа танках урываліся ў краі Прыбалтыкі, у Бэсарабію й Польшчу. А па вайне ўжо трушчылі людзей на вуліцах Будапэшту й Прагі[8]. Ды што там Прага, а собскі Новачаркаск[9]?

Пасьля я даведаўся, што для збурэньня сабору выклікалі такі-ж танк з суседняе вайсковае часьці. Але ня здолеў ён адужыць старавіны. Давялося ўжыць выбухоўку.

І зусім неспадзявана думка прыйшла. На гэтым пастамэньце бяссэнсава йржавее 32 тоны, відаць, неблагое сталі, а ў Бабруйску, дый ва ўсім раёне ў магазынах — ані прасаў, ані нажніцаў ніякіх. Але-ж, каліб усе тыя сродкі, што йдуць на разьдзьмуханьне ваеннага псыхозу, абярнуць на карысьць людзям! Шмат каго можна было-б лепш апрануць і накарміць, а бесхацімныя дасталі-б страху над галавою ды ня туляліся-б па чужых кутох ды па казармах-інтэрнатах.

Пасьля роздумаў ля танку я заблукаў на могілкі. Яны значна разрасьліся, зрабіліся цясьнейшыя. Памятаю, тут была невялікая драўляная царква. На маё нездаўменнае пытаньне нейкая паджылая жанчынка, што папраўляла магілку, расказала, што царква зга-

---

[8] Маюцца на ўвазе падзеі 1956 г. у Венгрыі і 1968 г. у Чэхаславакіі, што суправаджаліся ўвядзеннем савецкіх войск у гэтыя краіны.

[9] Маецца на ўвазе расстрэл працоўных, што выйшлі на забастоўку ў Новачаркаску 1–2 чэрвеня 1962 г.

рэўшы колькі год таму пры вельмі дзіўных акалічнасьцях. Пажар пачаўся ўначы, неспадзявана й моцна. Калі жыхары бліжэйшых дамоў і веруючыя кінуліся гасіць, дык зьнекуль зьявілася ачапленьне зь міліцыі, і нікога не падпусьцілі да месца пажару.

Пакінуўшы могілкі, я ўжо не спрабаваў шукаць чаго-небудзь памятнага ў гэтым горадзе.

Сходзячы да чыгуначнага пераезду, што на вуліцы Бахарава, згледзеў перасьцерагальны напіс ля шлягбаўму: «Берегись поезда!». І адразу ўспомніў: а гэта-ж 25 год таму тутака было напісана: «Сьцеражыся цягніка!» і толькі пад ім — расейскі пераклад.

Цяперака беларуская фраза зьнікла. На сваё зьдзіваваньне мяне гэта прыкра зачапіла. Неспадзявана я ўсьвядоміў сябе Беларусам. То-ж бо гэттака, спрэку веку, жылі дзяды й прадзеды. Самая зямля гэтая складаецца з прыску безьлічы пакаленьняў маіх суродзічаў. І я, іхны нашчадак, маю неаспрачальнае права ня толькі на гэтую зямлю, але й на сваю родную мову, на права быць Беларусам.

Цяпер, ужо сьведама, я пачаў разглядаць напісы на шыльдах магазынаў, установаў. Пераважная бальшыня іх — расейскаю моваю. І адно нязначны беларускі акцэнт у прахаджанаў нагадвае, што сам знаходзішся не ў Кастраме ці Іванаве. На рынку часам можна пачуць беларускую гаворку. Гэтыя, відаць, зь сёлаў прыехаўшы. Усё-ж плянаваная асыміляцыя яшчэ не завершаная, хоць ейныя ўдачы відавочныя.

Пасьля я пабываў у Менску. Там абраз іншы, расейскіх шыльдаў мала. Але-ж Бабруйск не сталіца. Доступ чужаземцам сюды зачынены, а затым можна бесьперашкодна й няўхільна сьціраць «чужой земли язык и нравы»[10].

Падобную сыстэму плянавае русыфікацыі я назіраў і на Ўкраіне. Але да гонару Ўкраінцаў яны куды ўпо-

---

[10] Змененая цытата з верша Міхаіла Лермантава «Смерць паэта» («земли чужой язык и нравы»).

рысьцей абараняюць нацыянальную самабытнасьць ад пасяганьняў «старэйшага брата». Хоць сілы занадта няроўныя. І яны часта ўспамінаюць нядобрым словам свайго «неразумнага сына» Багдана Хмяльніцкага[11], які больш за трыста гадоў таму зрабіў фатальны ўчынак, што межаваў з нацыянальнаю здрадаю.

За колькі дзён я ўладкаваўся на працу, прапісаўся ды асяліўся ў інтэрнаце. Аднак неўзабаве ўлады разьведаліся, што г. зв. іншадумец, «тыцкаю носа, куды ня сьлед», даю чытаць Усеагульную Дэкларацыю правоў чалавека й г. д. Пачаліся перасьледы. Двойчы мяне садзілі ў вар'яцкі дом. Выганялі з працы. Сярод зімы выкідалі на вуліцу зь інтэрнату. Каторы ўжо раз лава на станцыі рабілася маім прытулкам.

У маім пашпарце запісана: нацыянальнасьць — Беларус, месца нараджэньня — г. Бабруйск. Тутака жылі мае бацькі, адсюль яны пайшлі на фронт і не зьвярнуліся. Тутака-ж я як поўны сірата гадаваўся ў дзіцячым доме. Але цяпер у гэтым горадзе для мяне не знайшлося ні страхі над галавою, ні годнае працы. Улады прапануюць мне выехаць адсюль. Куды? — Хоць у Хабараўск[12], мы ахвоча выпішам табе туды білет, — казаў мне Марат Цімахвеевіч Кузьняцоў, галоўны лекар абласное псыхіятрычнае больніцы. Але-ж у межах калючага дроту, што аперазаў край на шмат тысячаў кілямэтраў, законы (а праўдзівей беззаконьне) усюды аднолькавыя. Ці будзе гэта ў Хабараўску, Уладзіміры ці Бабруйску. Што ні дзень, гэты горад робіцца для

[11] Багдан Хмяльніцкі (укр. Богдан Хмельницький, 1596–1657), украінскі вайсковы ды палітычны дзеяч, гетман Запарожскага войска, які ў часе вайны з Рэччу Паспалітай у 1654 г. падпісаў дамову з Маскоўскай дзяржавай аб далучэнні да яе тэрыторый Запарожскага войска.

[12] Хабараўск — горад на Далёкім Усходзе Расіі, цэнтр Хабараўскага края.

мяне ня толькі ўсё больш чужы, але й варожы. Я вылячаюся ад настальгіі.

Нядаўна я падаў у Прэзыдыюм Вярхоўнага Савету заяву з просьбаю вызваліць мяне ад савецкага падданства ды дазволіць мне пакінуць край. Мне, простаму работніку, адмовілі і ў гэтым. У праве, што не падлягае няпэўнасьці ў цывілізаваных краёх.

Чаму?

Я спрабую асэнсаваць прычыну гэткае адмовы.

У Савецкім Саюзе права на азначэньне й выбар Радзімы таксама манаполія дзяржавы. На сваё меркаваньне ўлады адных пазбаўляюць Радзімы, другіх абвяшчаюць ейнымі зраднікамі, трэйцім адмаўляюць у праве на выезд з краю.

Фактычна і тых, і другіх караюць за спробу самастойна разьвязаць пытаньне: **што гэта мая Радзіма**?

За даўнымі часамі, калі калючы дрот яшчэ чакаў на вынахад, людзей, нязгодных з воляю кіраўніка або правадыра, ахоўваў канвой зь дзідамі. Часам, дзеля большае надзейнасьці, іх закоўвалі ў кайданы.

Але калі чалавек усё-ткі ўцякаў ці спрабаваў гэта зрабіць, дык нікому ня прыходзіла надум вінаваціць яго ў зрадзе Радзімы.

Інакш цяпер. Нашая дзяржава вызначае чалавеку Радзіму Ўказам Прэзыдыюму. «От сих и до сих». А каб Указ быў аўтарытэтнейшы — агароджвае гэтую радзіму калючым дротам з сыгналізацыяй ды выстаўляе канвой у зялёных шапках з аўтаматамі і аўчаркамі.

Згодна з гэтымі ўказамі прэзыдыюму Малдаванін, да прыкладу, забавязаны ўважаць далёкія Курылы або Сахалін за больш родныя мясьціны, як землі побач за Прутам. І ня важся, чалавеча, думаць інакш, а то і ў здрадзе Радзімы ня доўга цябе зьвінаваціць!

Толькі **чые** Радзімы?

Не — жывыя людзі — не алавяныя салдацікі, яны адважваюцца думаць інакш. І зраджаюць Указы, не ўважаючы, што зраджаюць Радзіму.

Радзіма... Колькі тлумачэньняў у гэтага слова. Для адных — гэта геаграфія, месца, дзе нарадзіўся. Але-ж чалавек можа нарадзіцца ў няволі ці ў варожым асяродзьдзі. Тады прыстасаваньне да ўсяго. Да чужое культуры, звычаяў, мовы. Духовая й фізычная асыміляцыя.

Але ёсьць і тыя, хто ў лятуценьні пра **гістарычную** Радзіму праносіць сваю любасьць і лятунак праз гады й пакаленьні. Адзін мой знаёмы, малады Габрэй зь Менску, неяк сказаў: “Калі-б у Ізраілі жыцьцё было нат горшае, як тут, я-б усяроўна паехаў туды”.

Але можа быць і яшчэ адно тлумачэньне Радзімы. Ня кажны, магчыма, яго прыйме, але яно ёсьць.

Бог стварыў людзей вольнымі й роўнымі. І гэтае спачатнае імкненьне да свабоды прыроднае ўсім людзям усіх нацыяў і перакананьняў.

Духовая свабода, роднасьць душаў, а ня толькі супольнасьць зямлі й крыві — вось, што адзіночыць гэтых людзей, незалежна ад іхнае нацыянальнасьці. Пазбавіўшы свабоды, іх тым самым пазбаўляюць і Радзімы.

Ня толькі інтэлектуалы тыпу Герцэна[13] або Пляханава[14] ад’яжджалі на Захад. Тысяча напаўпісьменных сялянаў: Расейцы, Украінцы, Беларусы, Палякі ў шуканьні Радзімы засялялі неабжытыя землі ў далёкай Канадзе ды іншых краёх.

Людзі дзясяткаў розных нацыянальнасьцяў і рэлігійных перакананьняў, свабодна задзіноўчыўшыся, стварылі сабе новую Радзіму — Задзіночаныя Штаты Амэрыкі. Тысячамі ймкнуць туды й цяпер. Толькі з Расеі няшмат. Калючы дрот і аўтаматы на вышках — непераможная перашкода. Як і шмат гадоў таму, Ра-

---

[13] Аляксандр Герцэн (рус. Александр Герцен, 1812–1870), рускі публіцыст, пісьменнік, філосаф.

[14] Георгі Пляханаў (рус. Георгий Плеханов, 1856–1912), рускі філосаф, тэарэтык і прапагандыст марксізму, дзеяч расійскага і міжнароднага сацыялістычнага руху.

сею пакідаюць або хочуць пакінуць тыя, у каго ўкралі Радзіму...

25 сакавіка 1978 г.

213802 г. Бабруйск
вул. Крылова, д. 11, пак. 100.
Міхась Кукабака.

***

АС № 3333[15]. Михаил Кукобака, «Председательствующему на зарубежном параллельном слушании по делу Александра Подрабинека. Заявление» с просьбой приобщить свои заметки о Сычевской СПБ как свидетельские показания.

Г. Бобруйск, 15.7.78.[16]

Председательствующему[17] на зарубежном
параллельном слушании по делу
Александра ПОДРАБИНЕКА[18]

От КУКОБАКИ Михаила Игнатьевича
213802, Могилевская область, г.
Бобруйск, ул. Крылова, д. 11, ком. 100

---

[15] Тут і далей такім чынам падаецца шыфт дакумента з Архіва самвыдата Радыё «Свабода». Копія дакумента захоўваецца ў фондзе Янкі Запрудніка ў Беларускім дзяржаўным архіве-музеі літаратуры і мастацтва (далей БДАМЛМ).

[16] *Перепечатка с фотокопии оригинала из АС.* — Тут і далей рускамоўныя каментары належаць арыгіналам дакументаў і падаюцца курсівам, каб адрозніць ад рэдактарскіх каментароў гэтага выдання. — *Н.Г.*

[17] *Гарри Лоубер.*

[18] Аляксандр Падрабінак (рус. Александр Подрабинек, нар. 1953), савецкі і расійскі дысідэнт, праваабаронца, журналіст і грамадскі дзеяч. Адзін з заснавальнікаў Рабочай камісіі па расследаванні выкарыстання псіхіятрыі з палітычнымі мэтамі пры Маскоўскай Хельсінкскай групе. Аўтар кнігі «Карательная медицина», напісанай у 1977 г.,

Заявление

Узнав об аресте А. ПОДРАБИНЕКА, я послал прокурору Московской области[19] заявление, в котором просил: *«В случае судебного преследования А. ПОДРАБИНЕКА[20] прошу Вас вызвать меня для дачи показаний в качестве свидетеля защиты. Мои показания касаются положения в психиатрических больницах»*.

Ответа на свое заявление я не получил, и практически нет надежды, что такой вызов состоится.

Я провел в заключении свыше шести лет по обвинению по ст. 190-1 УК РСФСР. Был арестован 14 апреля 1970 г. 19 месяцев провел в тюрьмах, 32 месяца в Сычевской спецпсихбольнице[21] и 22 — в психбольнице общего типа в г. Владимире.

10 мая 1976 г. я вышел на свободу. 1 ноября 1976 г. был принудительно госпитализирован в психбольницу г. Могилева за распространение Всеобщей декларации прав человека. Находился там месяц. За отказ снять со стены над своей кроватью в общежитии портреты академика САХАРОВА[22] и генерала Петра ГРИГОРЕН-

---

за распаўсюд якой у самвыдаце быў асуджаны на 5 гадоў высылкі. У 1981 г. асуджаны паўторна на 3,5 года пазбаўлення волі. Пазней у 1987–2000 гг. быў галоўным рэдактарам штотыднёвай газеты «Экспресс-хроника».

[19] *Владимир Васильевич Кузнецов.*

[20] *А. Подрабинек был осужден 15.8.78 на 5 лет ссылки.*

[21] Сычоўская спецпсіхбальніца — установа ў г. Сычоўка Смаленскай вобл., якая мае афіцыйную назву «Смоленская психиатрическая больница специального типа с интенсивным наблюдением». Тут утрымліваліся асобы, абвінавачаныя ў злачынствах і прызнаныя псіхічна хворымі. Актыўна выкарыстоўвалася ў карнай псіхіятрыі, скіраванай супраць дысідэнтаў.

[22] Андрэй Сахараў (рус. Андрей Сахаров, 1921–1989), савецкі фізік, праваабаронца, грамадскі дзеяч. Лаўрэат Нобелеўскай прэміі міру 1975 г. У 1980–1986 гг. знаходзіўся ў высылцы ў г. Горкім.

КО[23], а также Всеобщую декларацию и небольшую иконку был снова помещен в ту же психбольницу, где находился около 2 месяцев, с октября по ноябрь 1977 г.

Как мне стало известно, за рубежом состоится параллельное слушание по делу А. ПОДРАБИНЕКА. Ввиду того, что советские власти не дают разрешения на выезд для участия в подобных процессах, прошу Вас приобщить мои заметки о Сычевской спецпсихбольнице в качестве свидетельских показаний. Заметки озаглавлены «Два слова о САХАРОВЕ, советском гуманизме и Сычевской спецпсихбольнице».

Эти заметки были написаны в июне 1976 г. вскоре после моего освобождения. Фрагменты из них распространялись в Самиздате в отдельном виде, а также включены в коллективный сборник «Их желтого безмолвия» (Москва, Самиздат, 1977 г.)[24] Считаю также возможным использовать сохранившиеся материалы из личной переписки[25].

15 июля 1978 г. *М. Кукобака*[26]

---

[23] Пётра Грыгарэнка (укр. Петро Григоренко, 1907–1987), генерал-маёр Узброеных Сілаў СССР, праваабаронца, удзельнік дысідэнцкага руху ад пачатку 1960-х гг., заснавальнік Украінскай Хельсінкскай групы. За актыўную праваабарончую дзейнасць неаднаразова ў СССР змяшчаўся ў псіхіятрычныя клінікі і прызнаваўся психічна хворым. У 1977 г. выехаў у ЗША і быў пазбаўлены савецкага грамадзянства. Экспертыза, праведзеная Амерыканскай псіхіятрычнай асацыяцыяй, пацвердзіла ягонае псіхічнае здароўе, гэта ж прызнала і пасмяротная экспертыза ў Санкт-Пецярбургу ў 1991–1992 гг.

[24] *Подзаголовок «Сб. воспоминаний и статей п/з психиатр. больниц», сост. А. Подрабинек и В. Некипелов, вып. 1. М., 1977 (о сб. см. Хр. Защ. 29:74).*

[25] *См. АС № 3334:3–6.*

[26] *От руки.*

***

АС № 3334[27]. Виктор Некипелов[28] «Председательствующему на зарубежном параллельном слушании по делу Александра подрабинека. Заявление» с просьбой использовать свою кн. «Институт дураков» как свидетельские показания и с приложенными выдержками из писем М. Кукобаки из Владимирской и Могилевской ПБ.

Г. Камешково, 20.7.78»[29]

Председательствующему на зарубежном
параллельном слушании по делу
Александра ПОДРАБИНЕКА

от НЕКИПЕЛОВА Виктора
Александровича
СССР, 601330, г. Камешково
Владимирской области, ул. Советская,
2-г, кв. 14

ЗАЯВЛЕНИЕ

Как мне стало известно, один из бывших узников советских психиатрических больниц, Михаил КУКОБАКА, предложил использовать в качестве аргументов защиты на предстоящем параллельном слушании по делу Александра ПОДРАБИНЕКА фрагменты из своих воспоминаний и переписки[30].

---

[27] Копія дакумента захоўваецца ў фондзе Янкі Запрудніка ў БДАМЛМ.

[28] Віктар Некіпелаў (1928–1989), паэт, праваабаронца, удзельнік дысідэнцкага руху. Сябра Маскоўскай Хельсінкскай групы. У 1979 г. быў другі раз арыштаваны і асуджаны да 7 гадоў пазбаўлення волі і 5 гадоў высылкі. У 1987 г. быў памілаваны і выехаў у Францыю, дзе і памёр.

[29] *Перепечатка с фотокопии оригинала из АС.*

[30] *См. АС № 3333.*

Располагая такой перепиской, направляю Вам выдержки из 4-х писем М. КУКОБАКИ ко мне, касающиеся условий содержания и режима в двух психиатрических больниц общего типа, Владимирской и Могилевской.

Со своей стороны я так же выражаю желание быть свидетелем защиты по делу А. ПОДРАБИНЕКА. В 1974 г., находясь под следствием по обвинению в тех же «преступлениях», в которых сейчас обвиняется А. ПОДРАБИНЕК (ст. 190-1 УК РСФСР), я был подвергнут двухмесячной психиатрической экспертизе в Институте им. Сербского[31], хотя и признан здоровым. Я мог бы свидетельствовать о том, как проводятся эти «экспертизы», а также дать характеристику врачей Института им. Сербского и методов их работы.

Сознавая невозможность личного присутствия на слушании, прошу использовать в качестве свидетельских показаний мою книгу «Институт дураков. Заметки об Институте им. Сербского», распространявшиеся в Самиздате[32] и опубликованные в сокращенном виде в журнале «Время и мы»[33].

20 июля 1978 г. *Виктор НЕКИПЕЛОВ*

---

[31] Маецца на ўвазе Навукова-даследчы інстытут судовай псіхіятрыі імя У. П. Сербскага, дзе дысідэнты праходзілі псіхіятрычную экспертызу.

[32] *Аннот. см. в Хр. 42:102.*

[33] *№ 23 и 24. О тексте см. также кн. Сиднея Блоха и Питера Реддавея «Политические больницы России», Лондон, 1977.*

Приложение: М. Кукобака. Письма из психиатрических больниц. На 3-х листах

Михаил КУКОБАКА

ПИСЬМА ИЗ ПСИХИАТРИЧЕСКИХ БОЛЬНИЦ (Выдержки, касающиеся режима и условий содержания. Подборка, подготовлена В. А. НЕКИПЕЛОВЫМ)

1. В. А. НЕКИПЕЛОВУ, 22 февраля 1976 г., из Владимирской областной психиатрической больницы.

«О библиотеке. В классических тюрьмах, хотя и с известными затруднениями, книги получать можно. В этой же тюрьме больничной библиотекой запрещено пользоваться... В отделении есть “библиотека” — несколько десятков книг, принесенных медперсоналом из дому. Можете представить, что это за книги: 15–20-летней давности выпуска, без начала и конца зачастую, с вырванными листами...

Теперь о прогулке. К сожалению, еще раз вынужден обратиться к сравнению порядков в “классических” тюрьмах и в тюрьмах, замаскированных “белым халатом и Красным Крестом”. Я побывал в семи обычных тюрьмах: Александровской, в обеих Владимирских, на Красной Пресне, в Лефортовской, Горьковской и в Вязниках... в них право на часовую или получасовую прогулку практически гарантировано. Т. е. идти или не выходить на прогулку — это воля заключенного. Внекоторых тюрьмах на прогулку “выводят” принудительно (пинками), к примеру, в Александровской тюрьме.

Побывал я также в 3 дурдомах: институте Сербского, Сычевской спецпсихбольнице и во Владимирской областной психбольнице, где сижу по сей день. Так вот, в этих тюрьмах прогулка целиком зависит от произвола медперсонала, желание больных никого не инте-

ресует. К примеру, в 5 отделении я провожу вторую зиму, и за это время не было ни одной прогулки (зимой, имею в виду)...

В апреле я попросил зав. отделением[34] *вернуть мне ранее изъятые книги (англо-русский словарь, журналы). Это явилось достаточным поводом, чтобы подвергнуть меня физическим истязаниям. Меня продержали на связках*[35] *пять суток, беспощадно кололи...*

Бывали случаи, что он без нужды держал по полмесяца на связках больных... Немало искалеченных на его совести. Года 3—3,5 назад он заколол одного насмерть... Этот человек, уголовник, некий КУДРЯВЦЕВ Петр из Гуся-Хрустального, сидел за убийство, он прибыл сюда из Ленинградской спецбольницы, кажется, в 1972 г. По рассказам очевидцев — человек здравый, без видимых нарушений психики... Однажды получился конфликт: какая-то медсестра не захотела принять что-то из продуктов в передаче, он ее обругал... За это его стали беспощадно колоть. А у него оказался то ли скрытый диабет, то ли еще что... произошли какие-то необратимые изменения в организме, и он умер в считанные дни, на 53 году жизни».

2. В. А. НЕКИПЕЛОВУ. 24 ноября 1976 г., из Могилевской областной психиатрической больницы.

«В бумажке, по которой меня забрали, беглым плохо разборчивым почерком описываются кратко все мои перемещения по психтюрьмам, диагноз. Далее говорится, что я страдаю "манией переустройства общества", по сведениям госбезопасности распространяю антисоветскую литературу. Социально опасен, а поэтому нуждаюсь в госпитализации...

---

[34] *Д. Д. Артемов (В. Н.) О нем смотри также в ИБ № 4 (АС № 3319:10)*

[35] *Т. е. туго привязанным к кровати полотенцами (В. Н.).*

Зав. отделением Мыльников... Был разговор о назначении мне лекарств. Я не стал дипломатничать и высказался: “Это очень плохо, что вы собираетесь пичкать меня разными медикаментами. Я никогда не страдал психическими расстройствами. Вы отлично знаете, почему я здесь”. Его аргумент: “Нас спросят: к вам направили больного, так почему вы его не лечите?”...

Сейчас мой хозяин — СИВЦОВ Николай Петрович, молодой врач, чуть больше 30 лет... 18 ноября он провел со мной беседу... “Раз вы здесь находитесь, необходимо назначить какое-то лечение”. Отвечаю не очень вежливо: “Назначение нейролептиков буду рассматривать как сознательное нанесение вреда моему здоровью”. Врач: “Но ведь у вас тяжелый диагноз — шизофрения. Мы обязаны лечить вас”. Возражаю: “А вы абсолютно убеждены в соответствии диагноза с моим фактическим состоянием?” Врач: “Но ведь диагноз вам устанавливал не я, а в Институте им. Сербского”.

В этой психушке за религиозные убеждения сидит целая семья: мать, отец и две дочери... Всех разместили по четырем отделениям. К сожалению, пока не было возможности самому поговорить с кем-либо из них.

Питание здесь отвратительное, как в спецбольнице, Сычевской имею в виду. Режим чем-то помягче, чем во Владимире. Но медперсонал (средний) в целом заметно хуже... За собственные деньги с трудом только через полмесяца купил зубную пасту и щеточку, и то через больного».

3. В. А. НЕКИПЕЛОВУ, 25 октября 1977 г., из Могилевской областной психиатрической больницы (повторная госпитализация).

«Меня привезли в Могилев прямо с работы, 6 октября. Все произошло по старому “сценарию”. Здесь я узнал, что поводом к принудительной госпитализации послужил мой отказ добровольно убрать эту зло-

получную иконку... Лечащий врач ДРАБКИНА Надежда Матвеевна, она же и зав. 3-м отделением, заявила мне: "Вывешивание иконки и портретов таких людей, как академик САХАРОВ и генерал ГРИГОРЕНКО, противоречит общепринятому у нас образу жизни, а потому является ***ненормальностью***".

Безо всякого повода через день мне уже назначили нейролептики в таблетках... Для меня здесь создан настоящий тюремный режим. Из отделения никуда не выпускают. Запрещено давать читать мне книги, даже из тех, что есть в шкафу в отделении...»

4. В. А. НЕКИПЕЛОВУ. 10 ноября 1977 г., из той же больницы.

«*Сегодня пишу Вам в четвертый раз, со слабой надеждой, что врачи хоть на этот раз отошлют. На Ваши вопросы не могу ответить, т. к. мне запрещено писать о режиме содержания, об отношении к себе и т.п.*

Вы напомнили мне о Владимирской психушке. В сравнении с ней здесь есть свои плюсы, но есть и негативное, видимо, присущее всем заведениям такого рода в этой стране.

Так, недавно здесь умер некий ЯКУШЕНКО, после проведения ему спинномозговой пункции. Смерть не совсем обычная. По моему личному мнению, это скорее медицинское убийство — убийство, где трудно провести четкую грань между сознательным актом и преступной небрежностью персонала. Однако вдаваться в подробности этого случая не буду, иначе и это письмо врачи не пропустят[36]*. Замечу только, что сей печальный факт произвел на местный медперсонал меньшее впечатление, чем разбитая чашка на свадьбе...*»

---

[36] *Письмо не было пропущено. Дошла его копия, с большими трудностями отправленная на волю окольным путем. (В. Н.)*

***

Абаронная прамова М. Кукабакі[37]

Грамадзянін пракурор выказаў тут цікавае цьверджаньне: «Думай, але ня дзей». Вось у залі сядзіць грамадзянін Новікаў, ён сталяр. Як ён можа выявіць сябе, давесьці сваю кваліфікацыю? Відавочна, што ён павінен што-небудзь зрабіць: стол ці крэсла. Як-жа можна паказаць, што я думаю, выкаваць сваю думку? Відавочна, што дакладна гэтак-жа — дзеяньнем.

Я цьверджу, што сьветчаньні супраць мяне схвабрыкаваныя. Вось Барысаў Алег Іванавіч. Але ёсьць у яго слабасьць — ён лячыўся ад алкагалізму. На гэтую слабасьць і націснула КДБ. Кажуць, што ён дабраахвотна выдаў захоўваныя ў яго матар'ялы. Чаму-ж, калі чытаў «Архіпэляг ГУЛаг» (ён казаў тут), гэтую кнігу не аддаў у КДБ, а панёс бандэроль, нат нераспакованы, ня ведаючы, што ў ім ляжыць? Мой аналіз: працаўнікі КДБ узялі дый націснулі на яго: не дасі сьветчаньняў — зноў запраторым цябе ў лячыльна-працоўны прафілакторы. І ён даў. Зразумела, я не асуджаю Барысава сурова, бо ў кажнага ёсьць свая мяжа трываласьці.

Вось Новікаў Сяргей. Гэта вельмі добры чалавек, я мог-бы ўважаць яго за брата. Ён, калі я выйшаў у лістападзе 1977 году з псыхбальніцы ды апынуўся бязь месца ў інтэрнаце, бяз рэчаў, даў мне сваё паліто!.. Я думаю, як-жа магла здарыцца гэтак званая дабраахвотная выдача? Ды гэтак-жа, як і ў Барысава, — ня было яе. Я памятаю, як прыйшоў да яго, а ён сядзіць, трымае галаву ў руках: Ой, Міхась, усё прапала, усё! — Ды што прапала? Узялі, ці што? — Але. І я ня мог нічога зрабіць... — Ну вось, кажу, вось табе аркуш паперы, сядай — пішы, як усё было. — Ой, Міхась, — кажа, — я не магу. Гэта-ж значыць, мне трэба йсьці ў турму.

Але: я не ўважаю сябе за вінаватага. І катэгарычна пярэчу супраць выстаўленых мне абвінавачаньняў. Мае

---

[37] Беларус. 1980. Красавік (№ 296). С. 2.

перакананьні, мае артыкулы — вынік жыцьцёвага дазнаньня й глыбокіх роздумаў над тым, што адбываецца ў краіне. Яшчэ ў 1970 годзе я быў паддадзены рэпрэсіям за свае перакананьні ды правёў у зьняволеньні сем гадоў. За адмову ад супрацоўніцтва ў КДБ я быў прызнаны за ненармальнага ды пасаджаны ў спэцпсыхбольніцу. Але, гэты было ў Уладзіміры, старэйшы сьледчы Уладзімерскага КДБ маёр Яўсееў запрапанаваў мне даць сьветчаньні аб крымінальных сустрэчах із штатссакратаром пасольства Нямецкае Фэдэральнае Рэспублікі Мюлерам. За гэтае ён абяцаў мне свабоду. Гэта значыла схлусіць. Я падумаў: навошта? Дастану свае тры гады, як-небудзь пеpакідаюся, але не загублю душы, не заплямлю сумленьня. Я адмовіўся. Тады маёр Яўсееў і ськіраваў мяне на экспэртызу ў інстытут Сербскага. Дзяржава выявілася хітрэйшай! Мяне прызналі за ненармальнага, суд быў зачынены...

Разуменьне сваіх учынкаў — гэта й ёсьць перакананасьць. Мае перакананьні выпакутаваныя й цьвярдыя. І вы самі разумееце, што чалавек, які ўсё сваё жыцьцё праводзіць у турмах за перакананьні, ня можа быць злачынцам. Хачу зьвярнуць вашую ўвагу на тое, што суд нада мною супярэчыць Усеагульнай дэкларацыі правоў чалавека. Хачу зьвярнуць вашую ўвагу на тое, што йшчэ 16 красавіка 1977 году я прыняў цяжкую пастанову — выехаць з СССР. Я даўно прыйшоў да перакананьня, што камунізм савецкага ўзору становіць сыстэму прымусу й агульнага разбурэньня. Усе камуністычныя правадыры, пачынаючы ад Уладзімера Ульянава, праводзяць палітыку ўмешваньня ў справы іншых краінаў з мэтай пакінуць ім дыктатуру, падобную да свае.

Маскоўскія кіраўнікі могуць ня супыняцца й перад разгортваньнем новае вайны. Пра сталае рыхтаваньне да вайны кажа мілітарызацыя краіны, узгадаваньне жыхарства ў ваенна-патрыятычным духу, усеагульны вайсковы абавязак, розныя дзіцячыя гульні ды да гэтага падобнае. Пры гэтым улада імкнецца

зьнішчыць найменшую апазыцыю да ейных плянаў унутры краіны.

Што да падпісанае гэтымі днямі ўмовы СОЛТ із Злучанымі Штатамі Амэрыкі (суд над Кукабакай адбываецца 20–21 чэрвеня 1979 году), дык я ўважаю, што савецкі ўрад ніколі ня будзе трымацца гэтае ўмовы. Кантроль над абмежаваньнем зброі магчымы толькі шляхом спраўджваньня другім бокам на месцах. Гэта значыцца, нашыя спэцыялістыя паедуць у Амэрыку, а амэрыканскія — да нас: калі ласка, глядзеце.

Якая-ж можа быць умова, калі камень за ўлоньнем трымаць? Вось, скажам, некага вінавацяць, што ў яго крадзеныя рэчы ў валізцы; што гэты чалавек зробіць, калі ў яго нічога няма? Ён адчыніць валізку ды скажа: глядзеце! А наш урад якраз гэтага й ня хоча, ніяк ня хоча паказваць сваю валізку.

Я за распружаньне, за абмежаваньне зброі — усіх відаў зброі з абодвых бакоў. Мае бацькі загінулі ў мінулай вайне, мне, як нікому, патрэбнае распружаньне.

У выніку парваньня з камуністычнай ідэалёгіяй прыйшоў я да пастановы пакінуць СССР. Я ўважаю, што нат пражываньне ў гэтым краі — амаральнае. Бо, што я ні рабіў-бы, я — суўдзельнік ягонае палітыкі, ягонае мілітарызацыі, бо кажны рубель, які зараблю сваёй працай, ідзе на гэтую мілітарызацыю, якую я адкідаю.

***

АС № 4723[38]. Михаил Кукобака, п/з. Письмо неизвестному адресату об условиях его содержания в тюрьме г. Ельца Липецкой обл. (г. Елец, Липецкая обл., до 17.04.82)[39] — Материалы самиздата. Вып. 32/82. 20.09.82

---

[38] Копія дакумента захоўваецца ў фондзе Янкі Запрудніка ў БДАМЛМ.

[39] *Перепечатан с фотокопии оригинала (от руки) из АС.*

Следствие продлено до 17 апреля. Никто никуда не вызывает, ни на какие допросы. Фактически «дело» по обвинению по ст. 190-1 УК РСФСР сфабриковано еще в сентябре 1981 г. Об этом мне признались сами сокамерники, которых вызывали работники ГБ и шантажом склоняли к лжесвидетельству против меня. При том брали с них слово, чтобы те не проболтались мне об этих «беседах». Если верить этим уголовникам, то их шантажировали возбуждением нового дела по старым «грехам» в случае отказа дать показания против меня. Показания давались едва ли не под диктовку. С их слов, один из ГБ приезжал из Москвы. У него какая-то легкая травма носа. Ну, это все мелочь.

С первого дня по прибытии в Елец[40] я попросил работника местной оперчасти содержать меня в одиночке во избежание возможности провокаций. Однако у них все было запланировано иначе. Меня поместили в камеру со специально подобранными людьми, в т. н. «пресс-хату». Вел я себя крайне сдержано, всячески избегая всяких споров, конфликтов.

Короче, избивая меня с угрозой искалечить или даже убить, уголовники КИСЕЛЕВ Владимир (около 30 лет), ГУКОВ Юрий и ЛОМАКИН Сергей (оба моложе 25 лет) стали требовать, чтобы я под их диктовку (образец у них уже был) написал т. н. «извинительное письмо», т. е. обращение к заключенным лагеря, из которого я прибыл. Я переписал текст, однако, пользуясь их неосведомленностью, написал в письме вымышленную фамилию нач. лагеря и исказил адрес.

Как только они передали это письмо нач. отряда ст. лейтенанту МАЛЫНУ Валерию Николаевичу, я тут же вызвался на беседу с ним. Подробно рассказал, как «выбивалось» это письмо, в доказательство указал на «ошибки» в письме и потребовал его уничтожить. Да-

---

[40] В тюрьму г. Ельца был переведен из лагеря в г. Новополоцке в мае 1981 («Вести из СССР», 1981, № 13/14:7).

лее, несмотря на уговоры, его и работника оперчасти л-та ЛАПТЕНКОВА, категорически отказался возвращаться в эту камеру. Довольно неохотно, но все же меня перевели в другую камеру. На следующий день написал протест на имя прокурора Липецкой области[41] (17 июня 1981 г.), однако за пределы тюрьмы заявление не вышло, попросту уничтожили, чтобы не фигурировало официально в моем деле. Все же, как я убедился позже, горпрокурор по надзору ГОМЕНЮК был осведомлен о моем заявлении.

Позже, уже когда был в санчасти в июле, я подробно рассказал эту историю приехавшему по своим делам сюда работнику обл. УИТУ[42] полковнику (кажется, ЯНОВ по фамилии). Никаких результатов это не дало. Нач. тюрьмы подполковник ТАРАСОВ на беседе в июле лишь заверил, что ко мне не будут больше применяться подобные меры. Как я убедился, все, что творилось и творится в этой тюрьме, давно известно областному и наверняка республиканскому УИТУ. Мало того, наверняка инспирировано неофициально ими. Проводится некий «Вологодский метод», когда самым отъявленным бандитам дают полную свободу рук в камерах с целью перевоспитания остальных и выполнения плана по работе. Здесь с благословения начальства творились страшные вещи.

Унижения человеческого достоинства без предела. Случаи мужеложества насилием — обычное явление. Немало из этой тюрьмы ушло физическими и психическими калеками, были случаи и прямого убийства, однако все «списывалось», и никто не понес ответственности! Кстати, Кирилл ПОДРАБИНЕК хотел поднять этот вопрос, но его упрятали снова[43].

---

[41] М. б. Б. Майоров, в 1975 — в должности («Изв.», 13.5.75).

[42] В тексте «облупр. УИТУ».

[43] О «пресс-камере» в связи с делом А. Подрабинека см. А.С. № 4212:2, 4230:5, 4268:2–3.

Как обычно, 30 октября и 10 декабря я проводил голодовки протеста: это было всегда, будет и впредь.

Спасибо за посылки и передачи. Следственным разрешается передавать и колбасы. А вот некоторые сорта конфет мне не передают. Говорят, что это витамины. А витамины относятся к лекарствам, которые запрещено получать заключенному.

Привет всем друзьям и знакомым. Кстати, еще в сентябре 1981 г. я получил краткое письмо-открытку из Дании, из Копенгагена.

М. КУКОБАКА[44]

***

[Гутарка В. Крупскага[45] з Міхасём Кукабакам][46]

М. Кукабака: Я зь вялікай павагай стаўлюся да супрацоўнікаў Вашай рэдакцыі.

В. Крупскі: Як Вы адчуваеце сябе на свабодзе? Колькі гадоў Вы правялі ў зьняволеньні, здаецца, гадоў васямнаццаць?..

М. Кукабака: Не, крышку менш. Усяго разам я правёў шаснаццаць з палавінаю гадоў. У 1970 мяне пасадзілі, а два гады ў мяне перапынак быў. Значыцца, шаснаццаць з палавінаю гадоў усяго разам. Апошні раз я бесьперапынна сядзеў больш за дзесяць гадоў, гэта значыцца ад 18 кастрычніка 1978 г. і да другога сьнежня гэтага году.

---

[44] *Подпись. 16.4.82 переведен в Ин-т им. Сербского в Москве для судебно-психиатрич. экспертизы (Рейтер, 21.5.82, ст. П. Реддавея в газ. «Гардиан», 7.6.82).*

[45] Васіль Крупскі (сапр. Васіль Фрэйдкін), журналіст, быў карэспандэнтам беларускай, а потым рускай рэдакцыі Радыё «Свабода» ў Мюнхене, Нью-Ёрку.

[46] Гл: Кантакты: сіла прыцягнення Бацькаўшчыны... С. 73–77. Машынапіс захоўваецца ў фондзе Янкі Запрудніка ў БДМЛМ.

В. Крупскі: Якія месцы зьняволеньня былі для Вас найцяжэйшыя?

М. Кукабака: Трэба сказаць, самаму моцнаму ціску, можна сказаць, фізычнаму, мяне паддалі, калі я сядзеў у Наваполацкім канцлягеры Віцебскай вобласьці, гэта значыць у Беларусі. Тады ўсімі спосабамі хацелі вымусіць ад мяне пакаяльнага ліста з тым, каб я ўзьвёў паклёп на сваіх блізкіх сяброў і сам раскаяўся, «усьведаміў», як гэта яны ўважалі. Мне прапанавалі выклікаць карэспандэнта «Советской Белоруссии», каб ён памог ускласьці ліст, гэта значыць каб я публічна адмовіўся ад сваіх поглядаў. Дзеля гэтага яны мяне ўва ўсе штрафныя ізалятары цягалі, у ПКТ садзілі, надсылалі ў накрытую зачыненую турму, арганізоўвалі пабоі мяне крымінальнікамі (у Клецкай турме; там быў такі апэратыўнік капітан Маранчак) на заданьне мясцовага КДБ. Словам, ужывалі вельмі шмат мэтадаў.

Вельмі цяжкім таксама было зьняволеньне ў Пермскіх лягерах у 36-й зоне, гэта значыць ВС 389/36, які быў расфарміраваны летась. Там быў больш псыхалягічны ціск. Дзевятнаццаць месяцаў мне не давалі ліставацца, наагул, хоць я і ня быў пазбаўлены права ліставацца, але з розных выдуманых прычынаў мне не давалі пісаць лісты. Таксама саджалі ў карцары, саджалі ў ПКТ, гэта значыць у лягерную турму, за тое, што дамагаўся перагляду мае справы, хацеў дамагацца рэгабілітацыі. Вось такая была сытуацыя.

Апошнімі часамі ў сувязі зь вялікай падтрымкай міжнароднай грамадзкасьці стаўленьне да мяне стала больш спакойным, гэта значыць у карцары мяне не саджалі, апошнім часам перад вызваленьнем.

В. Крупскі: Міхал, ці сустракалі Вы яшчэ якіх-небудзь палітзьняволеных зь Беларусі?

М. Кукабака: Я на этапе выпадкова сустрэў Зайцава Вячаслава Кандратавіча зь Беларусі. Але ягонага лёсу я ня ведаю. Магчыма, яго дзе-небудзь у больніцу засадзілі. Вярталіся мы зь ім зь Інстытуту Сербскага. Далей я сказаў-бы, што ў Пермскіх лягерох ёсьць людзі

проста трагічнае долі. Я хацеў-бы сказаць пра людзей, засуджаных за гэтак званыя «ваенныя злачынствы». Гэта значыцца, што на самой рэчы — я глыбака перакананы — што бальшыня гэтых людзей не рабіла злачынстваў, хоць, магчыма, некаторыя й былі замешаныя.

Брэжнеў сваім часам падняў гэткую кампанію, што «ніхто не забыты, нічога не забыта». І некаторыя людзі, якія ўжо пры Сталіне адбылі зьняволеньне, гэта значыць, адразу-ж па вайне ўсё было расьсьледавана і ясна было, у якой ступені ён там мог супрацоўнічаць зь немцамі, іх зноў арыштоўвалі ў 70-х гадох і давалі па 15, па 10 гадоў дадаткова. У дачыненьні да гэтых людзей гэта трагічная сытуацыя. Некаторыя зь іх памерлі ў лягеры, так і ня выйшаўшы на свабоду. Гэта зусім безабаронныя былі людзі, зусім бездапаможныя. Іх бязупынку шантажавалі. «Калі Вы будзеце апратэстоўваць, будзеце змагацца, мы проста Вам новую справу складзём у моц нававыяўленых абставінаў»... Ёсьць такі мэтад шантажу, што «мы новую сфабрыкуем справу і прысудзім Вам расстрэл». І гэткіх беларусаў вельмі шмат у лягеры было. Гісторыя, бадай, яшчэ чакае на расьсьледаваньне вось гэтага злачынства камуністаў у дачыненьні да гэных людзей.

В. Крупскі: Міхал, мы чыталі Вашыя працы, якія зьяўляліся ў самвыдавецтве. У аднэй зь іх Вы асуджалі палітыку моўнае русыфікацыі ў Беларусі. Відаць, гэтая палітыка спрычынілася таксама да таго, што Вы цяпер гаворыце з намі па-руску. Што-б Вы маглі сказаць на гэтую тэму?

М. Кукабака: Зусім слушна. Я — ахвяра савецкае палітыкі русыфікацыі. Я яшчэ памятаю, калі быў у дзіцячым доме ў Беларусі, дык у нас некаторыя часапісы выходзілі ў беларускай мове, вывучалі крыху беларускую мову. Пасьля ў сямнаццаць гадоў павезьлі мяне ў Сібір на гэтак званую будоўлю камунізму, і я вярнуўся толькі ў 1976 г. пасьля зьняволеньня. Я заўважыў, што шмат што зьмянілася ня ў лепшы бок.

Русыфікацыя запраўды ў Беларусі ў самым шырокім маштабе праяўляецца. Дарэчы, у 1987 г., калі мяне вывозілі «ўгаворваць», каб я напісаў пакаяльны ліст і выйшаў на свабоду, я быў у Віцебскай турме і спэцыяльна кожны дзень слухаў радыё, сачыў [за навінамі]. І разумееце, на мой жаль, бачыў, што па-беларуску амаль ніхто не гаворыць. Нават дыктар радыё, і такое адчуваньне, што ён ня часта гаворыць па-беларуску. Беларускую мову ў існасьці знаюць можа толькі філёлягі ды дыктары, і, магчыма, некаторыя пісьменьнікі, якія спрабуюць, так сказаўшы, узьняць, ажывіць беларускую культуру. Я стаўся ахвярай гэтай русыфікацыі, на жаль.

В. Крупскі: Міхал, у свой час Вы адмовіліся ад савецкага грамадзянства. Ці Вы й далей застаяцеся на гэткай-жа пазыцыі?

М. Кукабака: Так, я застаюся на гэткай-жа пазыцыі. У 1977 г. я адмовіўся ад савецкага грамадзянства дзеля палітычных матываў, заявіў, што ня хачу нічога мець агульнага з камунізмам, не хачу быць саўдзельнікам ва ўсіх гэтых злачынствах. Я застаюся на гэтай пазыцыі, я буду дамагацца адкліканьня неабгрунтаванае пастановы ад 1977 г., у якой мне было адмоўлена ў маім дамаганьні пазбавіць мяне савецкага грамадзянства. Пакуль існуе камуністычны рэжым, пакуль існуе таталітарная сыстэма, я не хачу быць грамадзянінам гэтай дзяржавы. Таму што грамадзянства ў гэтым дачыненьні, прымусовае грамадзянства — гэта рабства. І грамадзянства дзяржавы, учынкі якое нельга прадказаць, якое робіць шкоду людзям, наўсуперак волі народу, гэта як-бы ўскосны ўдзел ува ўсім гэтым. Вось такая праблема.

В. Крупскі: Міхал, у выніку новае палітыкі савецкага кіраўніцтва Вы выйшлі на свабоду. Што Вы думаеце аб палітыцы перабудовы і, у прыватнасьці, што Вы думаеце аб курсе Міхаіла Гарбачова, аб ім самім?

М. Кукабака: Аб запраўдных намерах Гарбачова меркаваць, разумееце, даволі цяжка. Так, пачнем ад таго,

што я выйшаў на свабоду. Я ня думаю, што я выйшаў на свабоду выключна дзеля нейкіх новых гуманістычных тэндэнцыяў у савецкім грамадзстве. Не. Я думаю, я выйшаў на свабоду выключна ў моц вялізарнага ціску з боку заходняй міжнароднай грамадзкасьці, розных арганізацыяў, дзяржаўных палітыкаў, і сп. Рэйгана, і сп. Мітэрана[47], і Гэльмута Коля[48], шмат каго, вельмі многія людзі змагаліся за тое, каб нас выпусьцілі на свабоду. І Гарбачоў, і ягоны ўрад зацікаўленыя ў падняцьці эканомікі, бязумоўна, ва ўмацаваньні ня толькі эканамічнага патэнцыялу, але і абароннага патэнцыялу. І Захад у нейкай меры ставіў даваньне эканамічнай дапамогі, фінансавай у залежнасьці ад гуманітарных праблемаў. Я думаю, вось гэта й спрычынілася да таго, што Гарбачоў выпусьціў нас на свабоду. У падтрымку гэтага аргумэнту гаворыць і тое, што на працягу ўсіх гадоў я дамагаўся перагляду справы. Мне гэтак і ня было дазволена перагледзець маю справу.

Цяпер што да галоснасьці. У мяне такое адчуваньне, што галоснасьць праяўляецца толькі там, дзе й бяз гэтага ўжо ўсё ведама, як на Захадзе, гэтак і тут. Тамжа, дзе можна схаваць, там хаваюць. Там галоснасьці няма. Там пануе безгалоснасьць. А дзе проста немагчыма схаваць, там яны вымушаныя… прыкладам, друкаваць творы, выступаць, таму што з узмацненьнем абмену можна пераслаць на Захад, можна апублікаваць на Захадзе творы, як заўсёды гэта рабілі адважныя людзі. У гэтым выпадку яны дапушчаюць галоснасьць. Але я паўтараю: там, дзе можна прыхаваць, яны прыхоўваюць.

[1989 (?)]

---

[47] Франсуа Мітэран (фр. François Maurice Adrien Marie Mitterrand, 1916–1996), французскі палітычны і дзяржаўны дзеяч, адзін з лідараў сацыялістычнага руху, прэзідэнт Францыі ў 1981–1995 гг.

[48] Гельмут Коль (ням. Helmut Josef Michael Kohl, нар. 1930), нямецкі палітычны і дзяржаўны дзеяч, федэральны канцлер ФРГ у 1982–1998 гг.

ХРОНІКА АБАРОНЫ МІХАСЯ КУКАБАКІ

У гэтым раздзеле змяшчаюцца тэксты (артыкулы, звароты, зацемкі і інш.), звязаныя з дзейнасцю праваабарончых арганізацый і канкрэтных асобаў па вызваленні Міхася Кукабакі.

Беларускі іншадумец Міхась Кукабака[49]

Весткі пра Міхася (Міхала) Кукабаку, аўтара зьмешчанага ў гэтым нумары нашае газэты аўтабіяграфічнага нарысу «Ўкрадзеная Радзіма», узятыя з выдаванае ў Нью Ёрку выдавецтвам «Хроника» «Хроники текущих событий»[50] ды з выдаваных Радыём «Свабода» «Материалов Самиздата»[51].

Міхась Кукабака, Беларус, нарадзіўся ў 1936 годзе ў Бабруйску. Бацькі ягоныя загінулі ў часе вайны, баронячы савецкую ўладу. Міхась узгадоўваўся ў бабруйскім дзіцячым доме. Зь Беларусі выехаў у 17-гадовым веку. Прайшоў службу ў савецкай арміі.

За крытычныя выказваньні аб злаўжываньнях мясцовых уладаў і дэманстрацыйную адмову ад галасаваньня ўвесну 1969 году[52] быў пасаджаны ў Уладзімерскую

---

[49] Беларус. 1978. Ліпень–жнівень (№ 255–256). С. 1; Кантакты: сіла прыцягнення Бацькаўшчыны... С. 36–39.

[50] «Хроника текущих событий» — першы непадцэнзурны праваабарончы інфармацыйны бюлетэнь у СССР. Выходзіў у 1968–1983 гг. і распаўсюджваўся праз самвыдат.

[51] «Материалы самиздата» — бюлетэнь, які выдаваўся на Радыё «Свабода» на падставе збірання непадцэнзурных тэкстаў з СССР ад пачатку 1970-х гг. да 1992 г.

[52] У сакавіку 1969 г. у СССР адбываліся выбары дэпутатаў Саветаў розных узроўняў.

турму[53], а тады — у спэцыяльную псыхіятрычную бальніцу, г. зв. псыхушку. У зьняволеньні, у розных месцах Савецкага Саюзу (але не на Беларусі), прабыў больш за шэсьць гадоў. З псыхушкі выпусьцілі Міхася Кукабаку (быў звольнены як «пляменьнік» ген. Пётры Грыгарэнкі) у травені 1976 году.

У жнівені 1976 году, як можна меркаваць з нарысу «Ўкрадзеная Радзіма», Міхась Кукабака вярнуўся на Радзіму ў Бабруйск ды пачаў там працаваць грузчыкам. Але ў кастрычніку таго-ж году ўзноў быў арыштаваны за пашырэньне Ўсеагульнае Дэклярацыі Правоў Чалавека ды пасаджаны ў Магілёўскую псыхіятрычную бальніцу.

Беспасярэдняй прычынай арышту й зьняволеньня Кукабакі гэтым разам паслужыла ягоная адмова зьняць павешаную над ложкам у сваім пакоі ў заводзкім інтэрнаце невялікую іконку, Усеагульную Дэклярацыю Правоў Чалавека ды партрэты акадэміка Андрэя Сахарава й гэнэрала Пятра Грыгарэнкі.

Міхася Кукабаку трымалі ў 3-м аддзеле Магілёўскае псыхіятрычнае бальніцы ў строгай ізаляцыі й бяз права выхаду з памешканьня. Лекарка, што лячыла яго, яна-ж і загадчыца аддзелу, Надзея Драбкіна, заявіла яму: *«Вывешваньне іконкі й партрэта гэткіх людзей, як акадэмік Сахараў і генэрал Грыгарэнка, пярэчыць агульнапрынятым нормам трыманьня й дзеля гэтага становіць ненармальнасьць»*. Драбкіна залічыла таксама да псыхічнае анамаліі жаданьне Кукабакі набыць партрэт Прэзыдэнта ЗША Картэра[54].

---

[53] Уладзімірская турма (або «Уладзімірскі цэнтрал») — расійская і савецкая турма, што была створана яшчэ ў XVIII ст. у горадзе Уладзіміры. Пасля Другой сусветнай вайны выкарыстоўвалася для ўтрымання асобаў, асабліва небяспечных паводле сваіх антысавецкіх сувязяў і варожай дзейнасці і мела назву «Владимирская тюрьма особого назначения МГБ СССР».

[54] Джымі Картэр (анг. James Earl “Jimmy“ Carter Jr., нар. 1924), амерыканскі палітык, 39-ы прэзідэнт ЗША (1977–1981).

У вабарону М. Кукабакі выступілі два іншадумцы (дысыдэнты) Віктар Някіпелаў і Аляксандар Падрабінак. Някіпелаў выслаў 15 кастрычніка 1976 году пракурору Магілеўскае вобласьці ліст з дамаганьнем *«зрабіць захады дзеля безадкладнага звальненьня М. Кукабакі»* як асобы, арыштаванае беспадстаўна. Падрабінак з гораду Электрасталь Маскоўскае вобласьці ад імя іншадумскае Работніцкае Камісіі зьвярнуўся 16 кастрычніка 1976 году зь лістом да галоўнага лекара Магілёўскае абласное бальніцы з копіяй ліста ў міністэрства аховы здароўя СССР. «Работніцкая камісія, — пісаў Падрабінак, — уважае прымусовую шпіталізацыю Кукабакі за прыклад выкарыстоўваньня псыхіятрыі ў рэпрэсыўных палітычных мэтах і падае да Вашага ведама, што калі ў бліжэйшым часе Кукабака ня будзе звольнены, дык Камісія будзе вымушаная зьвярнуцца ў спэцыяльны Камітэт пры Міжнароднай Асацыяцыі Псыхіятараў, створаны нядаўна на VI зьезьдзе Міжнароднае Асацыяцыі ў Ганалюлю».

20 кастрычніка 1976 году Някіпелаў і Падрабінак выступілі супольна зь лістом «У вабарону Міхала Кукабакі», у якім пісалі:

«...Кукабака быў небясьпечны для ўладаў сваім уплывам на іншых рабочых, якім ён даваў навочны прыклад, як трэба змагацца за свае правы. Жывучы ў інтэрнаце, абарачаючыся ў заводзкім калектыве, Кукабака быў непажаданым брадзільным пачаткам, сваясаблівым цэнтрам крышталізацыі незалежнае грамадзкае думкі. Гэтага рэжым ня мог ні зразумець, ні даравашь. [...]

Стан ускладніўся тым, што Кукабака — адзін, у яго няма родных, а калі гэтак — паводля савецкіх законаў няма каму нат бараніць ягоныя правы. [...]

Мы зварачаемся да замежнае грамадзкае думкі, да асацыяцыі замежных псыхіятараў, да ўдзельнікаў нядаўняга зьезду на гавайскіх абтоках з заклікам заступіцца.

Свабоду Міхалу Кукабаку!»

5 лістапада Аляксандар Падрабінак зьвярнуўся ў Камітэт да разгляду жальбы на ўжываньне псыхіятрыі ў палітычных мэтах з просьбай разгледзець справу аб прымусовай псыхіятрычнай шпіталізацыі Кукабакі.

25 лістапада 1976 году М. Кукабаку выпусьцілі з бальніцы.

У красавіку 1977 году М. Кукабака падаў у Прэзыдыюм Вярхоўнага Савету СССР заяву з просьбай, каб ад яго забралі савецкае грамадзянства ды дазволілі выэміграваць.

Міхась Кукабака — аўтар пашыраных самвыдавецтвам адкрытага ліста да ангельскага пісьменьніка Айвара Мантагю[55], нататак пра злаўжываньні ў Сычаўскай спэцпсыхбальніцы, адкрытага ліста да міністра аховы здароўя СССР Пятроўскага[56], артыкулу «Абарона правоў чалавека і адпружаньне — непадзельныя» ды зьмешчанага ў гэтым нумары нашае газэты аўтабіяграфічнага нарысу «Ўкрадзеная Радзіма»[57].

---

[55] Айвар Мантэгю (анг. The Honorable Ivor Goldsmid Samuel Montagu, 1904–1984), англійскі рэжысёр, сцэнарыст, кінакрытык, пісьменнік, актывіст камуністычнага руху 1930-х гг. У 1959 г. атрымаў Ленінскую прэмію міру.

[56] Барыс Пятроўскі (рус. Борис Петровский, 1908–2004), савецкі і расійскі хірург, грамадскі дзеяч, доктар медыцынскіх навук, прафесар. У 1965–1980 гг. быў міністрам аховы здароўя СССР.

[57] Тэкст публікуецца ў іншым раздзеле гэтае кнігі.

***

Остановить готовящуюся расправу!
(к аресту Михаила КУКОБАКИ)[58]

В конце октября 1978[59] года в г. Бобруйске, в обстановке полной секретности, арестован Михаил КУКОБАКА, рабочий-грузчик Бобруйского завода «Вторсырье», диссидент и бывший политзаключенный, автор разоблачительных заметок о Сычевской спецпсихбольнице[60] и многочисленных публицистических статей.

По противоправному обвинению в распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, М. КУКОБАКА, будучи здоровым человеком, был подвергнут психиатрической репрессии и уже провел свыше 6 лет (1970–1976 гг.) за решетками Владимирской тюрьмы, Сычевской спецпсихбольницы и Владимирской психбольницы.

Вскоре после освобождения[61] (ноябрь 1976 г.) он был подвергнут насильственной госпитализации в Могилевскую психбольницу[62]. Поводом для госпитализации стало... распространение Всеобщей декларации прав человека.

Третий арест и насильственное помещение в Могилевскую психбольницу произошли 6 октября 1977 г. Повод — отказ снять со стены над кроватью в общежитии небольшую иконку Божьей Матери, а также портреты А. Сахарова и П. Григоренко.

---

[58] Паводле: Свободное Межпрофессиональное Объединение Трудящихся (СМОТ). Информационный бюллетень. Москва, 1978. № 1, декабрь. С. 9–10. Тое самае: Вольное слово. Самиздат. Избранное. Вып. 34. Посев, 1979. С. 18–21. Копіі захоўваюцца ў фондзе Янкі Запрудніка ў БДАМЛМ.

[59] *19.10.78 (см. АС № 3487:11).*

[60] *См. о них АС № 3333:2.*

[61] *10.5.1976 (см. АС № 3333:1).*

[62] *Госпитализирован 1.11.76 (см. АС № 3491), выписан 28.11.76 (см. Хр. 43:58).*

В результате широкой огласки и многочисленных протестов госпитализации 1976 и 1977 гг. были непродолжительными.

Обстоятельства четвертого ареста М. КУКОБАКИ пока неизвестны. Можно предполагать, что поводом к нему были: его заявление о желании выступить на процессе А. ПОДРАБИНЕКА в качестве свидетеля защиты[63]; выступление в защиту «Независимого профсоюза в СССР»; опубликование за рубежом очерков «На свидание с детством», «Украденная родина»[64]; выступление в защиту арестованного в мае 1978 г. рабочего Е. БУЗИННИКОВА, знакомого М. КУКОБАКИ. По делу БУЗИННИКОВА на переписку КУКОБАКИ в мае–октябре с. г. был наложен арест, 30–31 августа Бобруйским отд. КГБ были произведены обыски у знакомых КУКОБАКИ, после чего за ним была установлена тотальная слежка.

Открытое письмо на имя председателя КГБ Ю. Андропова (посланное в «Правду»)[65] по поводу незаконных, не оформленных процессуально обысков, видимо, стало последним толчком к его аресту.

Выльется ли настоящий арест в новую психиатрическую госпитализацию, или М. КУКОБАКА может быть подвергнут следствию и суду? Есть опасение, что М. КУКОБАКА может быть подвергнут самой страшной репрессии — помещению в психиатрическую больницу тюремного типа.

В любом случае арест М. КУКОБАКИ есть действие, противоречащее духу и букве Всеобщей декларации прав человека. Все заявления, вся правозащитная деятельность М. КУКОБАКИ были открытыми, гласными, а следовательно, не противоправными. Ни одна из его статей не содержала клеветы, заведомо ложных измышлений, а выражала его мнения, точку зрения и оценки. Михаил КУКОБАКА никогда не страдал психическими заболеваниями, о чем свидетельствует акт психиатрической экс-

---

[63] *Более подробно об этом заявлении см. АС № 3333.*

[64] *АС № 3594 и 3278 соотв.*

[65] *АС № 3491.*

пертизы, проведенной психиатром Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях. Арест М. КУКОБАКИ — нарушение права человека на свободу высказывания своих взглядов.

Мы обращаемся к общественному мнению в СССР, за рубежом, к рабочим и их профсоюзам, и в первую очередь к профсоюзам рабочих-грузчиков, с призывом выступить вместе с нами в защиту Михаила КУКОБАКИ, чтобы остановить готовящуюся расправу[66].

В. НЕКИПЕЛОВ
Э. КУЛЕШОВ
Ю. ГРИММ
Ю. БЕЛОВ
Н. КОМАРОВ
М. ЗОТОВ
Ф. СЕРЕБРОВ
В. ГЕРШУНИ[67]
О. СОЛОВЬЕВ

Присоединяемся из СП СМОТ:
Л. АГАПОВА
В. БАРАНОВ
В. БОРИСОВ
Л. ВОЛОХОНСКИЙ
А. ИВАНЧЕНКО
Е. НИКОЛАЕВ
Н. НИКИТИН
Н. РОЗАНОВ
В. САМОЙЛОВ
В. СКВИРСКИЙ (арестован)
В. НОВОДВОРСКАЯ (арестована)
Ю. НАУМОВ
В. ФАЙНБЕРГ
А. ЯКОРЕВА

---

[66] *21.6.79 М. Кукобака осужден на 3 г. лишения свободы (АФП, 21.6.79).*

[67] *Виктор, Эдуард, Юрий (Гримм арестован 11.8.79, см. АФН, 12.8.79), Юрий, Николай, Михаил, Феликс, Владимир соотв.*

***

Дело Михаила Кукобаки[68]

Как уже сообщалось в Информационном бюллетене № 13, вновь арестован Михаил Игнатьевич КУКОБАКА, проведший ранее более шести лет в тюрьме и в специальной психиатрической больнице (см. ИБ. № 3, 4, 5, 7).

Михаил КУКОБАКА последнее время работал грузчиком Бобруйского комбината «Вторсырье» и проживал в общежитии (адрес: 213802, Бобруйск, ул. Крылова, 11, комн. 100). В сентябре 1978 г. он направил в газету «Правда» Открытое письмо председателю КГБ Ю. Андропову[69]. В письме КУКОБАКА описывает обстановку, в которой ему приходилось жить в течение последних двух лет.

За два года жизни в Бобруйске у Михаила КУКОБАКИ было проведено несколько обысков сотрудниками местного КГБ, исчезала или грубо контролировалась направленная ему корреспонденция, вещи в общежитии негласно просматривались, а протесты оставались без ответа. *«Неудивительно,* — пишет КУКОБАКА, — *что я был вынужден пытаться вести переписку через адреса своих знакомых. Некоторые вещи тоже приходилось держать по чужим квартирам. Однако и это не всегда спасает от назойливого любопытства высокооплачиваемых сотрудников в штатском... В конце августа сего года грузчик БОРИСОВ Олег имел неосторожность сообщить в раздевалке при всех, что, мол, у меня есть бандероль из Минска. По дороге с*

---

[68] Материалы Самиздата. Вып. № 7/79. 26 февраля 1979 г. С. 10–12. Копія захоўваецца ў фондзе Янкі Запрудніка ў БДАМЛМ.

[69] Юры Андропаў (рус. Юрий Андропов, 1914–1984), савецкі дзяржаўны і партыйны дзеяч. У 1967–1982 гг. быў старшынёй Камітэта дзяржаўнай бяспекі СССР, у 1982–1984 гг. — Генеральны сакратар ЦК КПСС.

работы его встретили двое в штатском и один в форме милиционера и потребовали отдать им бандероль (с книгой). На всякий случай припугнули, что за излишнее употребление вина он может быть отправлен на два года в лечебно-трудовой профилакторий. Забрав бандероль, даже не вскрывая ее, они посадили БОРИСОВА в поджидавшую их машину… В местном отделе КГБ его тщательно допросили о моих взаимоотношениях с другими рабочими. Во время “беседы” один из сотрудников сказал: “Вы должны знать, что КУКОБАКА — сумасшедший, и поэтому следует избегать всяких контактов с ним”. Через день, 31 августа, в доме молодого рабочего НОВИКОВА Сергея был проведен подобный же “обыск”. В конце дня, предварительно убедившись, что меня нет в доме, к нему зашли трое в штатском. Один из них показал удостоверение сотрудника КГБ и заявил, что в доме хранится незаконная литература, принадлежащая КУКОБАКЕ, и ее необходимо изъять. При этом сотрудник как бы вскользь заметил, мол, у них есть сведения, что при ремонте дома НОВИКОВ доставал некоторые материалы “в обход закона”.

У НОВИКОВА были изъяты, в частности, тексты Всеобщей декларации прав человека, “Ведомости Верховного Совета СССР” за август 1975 г. (с текстом Заключительного Акта совещания в Хельсинки), “Журнал Московской Патриархии”, фотографии друзей КУКОБАКИ. “Всего не перечислишь, — пишет КУКОБАКА в письме. — Даже 4 неподписанные новогодние открытки с изображением Снегурочки изъяли. Да нет, ради Бога! Открытки не заграничные, а отпечатанные в Ленинграде в издательстве “Аврора” в 1977 г. Заграничные, само собой, изъяли».

19 октября 1978 г. Михаил КУКОБАКА был арестован. На работе составили акт о том, что он занимается агитацией. По-видимому, КУКОБАКУ обвиняют в распространении *«заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный*

строй» (ст. 186-1 УК БССР). Следствие ведет следователь Могилевской областной прокуратуры ПИЧУГОВ. В разговоре со знакомой Михаила он заявил, что не сомневается в психической неполноценности КУКОБАКИ. В настоящее время КУКОБАКА направлен на судебно-психиатрическую экспертизу, которая, видимо, будет проводиться в Институте им. Сербского.

В связи с арестом Михаила КУКОБАКИ Рабочая комиссия и Московская группа «Хельсинки» выступили с заявлением, в котором выразили свои опасения за его судьбу (см. приложение 3).

Приложение 3

ЗАЯВЛЕНИЕ ДЛЯ ПРЕССЫ

Михаил КУКОБАКА, отбывший более шести лет (1970–1976 гг.) заключения во Владимирской тюрьме и Сычевской спецпсихбольнице по обвинению в антисоветской деятельности, вновь арестован.

19 октября 1978 г. КУКОБАКА был увезен сотрудниками Бобруйского КГБ прямо с работы.

Михаил КУКОБАКА, дипломированный бульдозерист-скрепист, в связи с клеймом душевнобольного, наложенным на него репрессивной психиатрией, был лишен возможности трудиться по специальности и работал грузчиком на заводе «Вторсырье».

КУКОБАКА является автором очерка об ужасах Сычевской СПБ и рассказов, опубликованных на Западе.

Михаил КУКОБАКА неоднократно обращался с открытыми письмами о правонарушениях в советские высшие инстанции. В Президиум Верховного Совета СССР им было отправлено мотивированное заявление с требованием разрешить ему выезд из СССР.

Правозащитная деятельность КУКОБАКИ, выражавшаяся, в частности, в распространении Декларации прав человека, неизменно вызывала сочувствие и понимание в среде рабочих, а у властей — недовольство.

В период с конца 1976 г. по октябрь 1978 г. КУКОБАКА дважды подвергался насильственной госпитализации в Могилевскую психбольницу. По заключению врача-психиатра консультанта Рабочей комиссии он является психически нормальным.

Рабочая комиссия выражает свои опасения за судьбу Михаила КУКОБАКИ и протестует против новых попыток подвергнуть его насильственному лечению в условиях спецпсихбольницы.

Члены Рабочей комиссии:

В. БАХМИН

Ф. СЕРЕБРОВ

Л. ТЕРНОВСКИЙ

Члены Московской группы «Хельсинки»

Е. БОННЭР

С. КАЛЛИСТРАТОВА[70]

М. ЛАНДА

Н. МЕЙМАН

Т. ОСИПОВА

***

Нью-Ёрк, 22.I.1979 г.[71]

В. пав. Пётр Грыгоравіч

Копію ліста Някіпелава да Хаменкі (правільна: Ханенка[72], і не Алесь, а Янка — але гэта малаважная дэталь) я дастаў на мінулым тыдні. Ліст не патрабуе выясьненьня, ён самазразумелы.

---

[70] В получ. копии «Калистратова».

[71] Ліст і дакумент у дадатку захоўваюцца ў фондзе Янкі Запрудніка ў БДАМЛМ.

[72] Янка Ханенка (нар. 1951), грамадскі дзеяч. У 1974 г. уцёк з савецкага карабля-сухагруза «Шура Кобер» у г. Іры. Атрымаў прытулак у ЗША, пасяліўся ў Кліўлендзе. Сябра Беларуска-амерыканскага задзіночання, у 1988–2000 гг. кіраваў Кліўлендскім аддзелам арганізацыі. Быў старшынёй Камітэта абароны вязняў сумлення.

У Нью-Ёрку будзе створаны Камітэт абароны М. Кукабакі. Беларуская грамада тут зробіць усё, што можна, каб яму дапамагчы.

Калі-б у Вас былі магчымасьці із свайго боку памагчы Кукабаку, мы будзем Вам за гэта вельмі ўдзячныя. Калі ласка, у сваіх выступленьнях-прамовах згадвайце й ягонае ймя. Гэта таксама будзе дапамогаю ў абароне яго.

Калі-б Вы мелі да мяне якія-небудзь запытаньні ці парады, мой нумар тэлефону на працы ў Радыё «Свабода»: 867-5200, апарат 250.

З падзякаю за Вашу прыхільнасьць да Беларусаў і глыбокай пашанай

Янка Запруднік

***

Адкрыты ліст В. Някіпелава да Я. Ханенкі[73]

Ад Рэдакцыі: У газэце «Беларус» за верасень 1978 г. (№ 257) быў зьмешчаны адкрыты ліст Янкі Ханенкі, які жыве ў Амэрыцы, да Міхася Кукабакі, беларускага іншадумца ў Бабруйску. Нядаўна мы дасталі тэкст адкрытага ліста Віктара Някіпелава з Савецкага Саюзу да Янкі Ханенкі ў вадказ на ягоны ліст да Кукабакі, якога ў міжчасе савецкая ўлада арыштавала паўторна. Падаём ніжэй у перакладзе з расейскай мове поўны тэкст гэтага ліста. Віктар Някіпелаў памылкова называе Янку Алесем — магчыма ў выніку таго, што недачуў ягонага імя ў беларускіх праграмах радыя «Свабода», у якіх Ханенкаў ліст да Кукабакі быў перададзены 25 верасьня 1978 г. Памылкова таксама прозьвішча Ханенкі напісанае "Хаменка". Тэкст лісту В. Някіпелава мы падаём з выпраўленьнем памылак.

[73] Беларус. 1979. Люты (№ 262). С. 3.

Адкрыты ліст Янку Ханенку ў сувязі з арыштам у СССР ягонага суродзіча рабочага М. Кукабакі

Дарагі Алесь (Янка. — ***Рэд. «Б.»***)!

Праз эфірны гул і злавесную какафонію савецкіх глушыльнікаў мне давялося пачуць аднойчы перададаваны беларускай студыяй радыя «Свабода» Ваш зварот да суродзіча бабруйскага рабочага Міхала Кукабакі з нагоды ягонага нарысу «Украдзеная Радзіма», апублікаванага ў газэце «Беларусь» («Беларус». — ***Рэд.***).

Міхал Кукабака — і мой блізкі сябра, аднадумец і сувязень. Калі ён даведаўся пра Ваш зварот, ён быў вельмі ўсьцешаны, распытваўся пра падрабязнасьці, зьбіраўся Вам напісаць.

На жаль, ён не пасьпеў гэтага зрабіць...

Я ня ведаю, дарагі Алесь (Янка), ці ведама Вам, што 19 кастрычніка 1978 г. Міхал Кукабака, наш Міхась, як звалі Вы яго ў сваім лісьце, быў арыштаваны.

Цяпер яго трымаюць у сьледчай турме таго-ж гораду, які ён гэтак прачула апісаў у нарысе «Украдзеная Радзіма», у горадзе свайго маленства й сваіх беларускіх продкаў — Бабруйску[74].

Запраўды гэтая зямля сталася яму мачыхай, і радзіма была ўкрадзеная ў яго...

Я ня ведаю, якія канкрэтна абвінавачаньні выстаўленыя Міхалу Кукабаку. Ужо блізу месяц намагаюся высьсніць гэта ў бабруйскага й магілёўскага пракурораў, але яны маўчаць. Маўчаць, не зважаючы на тое, што ў Міхала няма сваякоў, і я — той чалавек, якому ён даверыў афіцыйна, праз натарыуса, абарону ягоных юрыдычных інтарэсаў. Я думаю, што будуць маўчаць і надалей або адпішуцца крывадушным радком, які нічо-

[74] Адрыс сьледчае турмы: 212827, г. Бобруйск, учреждение УЖ/15 – ИЗ-5.

га ня выясьняе. І гэтае маўчаньне — толькі пацьверджаньне таго, што ў Міхала Кукабакі няма ніякае віны перад людзьмі.

Арышт Міхала Кукабакі — выразная палітычная рэпрэсія, дзяржаўная помста за спробу рэалізаваць прыроднае права думаць, гаварыць і выкладаць свае думкі на паперы.

М. Кукабака ўжо адбыў за сваё «іншадумства» 6 даўгіх гадоў (12.IV.1970–10.V.1976) у самых страшных савецкіх турмах — псыхіятрычных. Уся ягоная «правіна» была ў тым, што ён выйшаў з прафсаюзу, які не бараніў рабочых, адмовіўся браць удзел у выбарах, камуністычных сыботніках ды іншых прапагандысцкіх дэкорумах.

Пасьля вызваленьня ўжо, жывучы ў Бабруйску, ён двойчы прымусова зьмяшчаўся ў псыхіятрычныя больніцы. Першы раз (лістапад 19-76) — за тое, што даваў чытаць сябром на працы... Усеагульную дэклярацыю правоў чалавека, другі (кастрычнік 1977) — за вывешаныя над ложкам у заводзкім інтэрнаце невялікую ікону й партрэты А. Д. Сахарава й П. Г. Грыгарэнкі.

Акалічнасьці цяперашняга, чацьвертага, арышту М. Кукабакі тымчасам няведамыя. Відаць, яму ставяць у віну напісаньне выкрывальніцкіх нататак пра Сычаўскую спэцпсыхбольніцу, артыкулы «Абарона правоў чалавека і распружаньне — непадзельныя», адкрытых лістоў міністру аховы здароўя СССР Пятроўскаму (1977), старшыні КДБ Андропаву (верасень 1978) ды іншым, публіцыстычную й праваабарончую дзейнасьць.

Калі ўлады інкрымінуюць Кукабаку ягоныя аўтабіяграфічныя нарысы «На спатканьне з маленствам» і «Украдзеная радзіма», яны, паводле шаблёну свайго мысьленьня, напэўна, абвінавацяць яго ў «паклёпах на беларускі народ». Як ужо зрабілі нядаўна зь іншым беларускім рабочым з гор. Сьветлагорску Гомельскай

вобласьці Аўгенам Бузіньнікавым[75], дарэчы, таксама знаёмым М. Кукабакі...

Я, як чалавек, што блізка знаў Міхала Кукабаку, сьцьвярджаю: у ніводным артыкуле, у тым ліку ў цудоўных беларускіх нарысах, няма паклёпу ні на беларускі, ні на расейскі народы. Як і ніякага іншага паклёпу. Хіба што боль за сваю паруганую, патаптаную ідэалягічнымі панявольнікамі Радзіму можна назваць «паклёпам».

Арышт М. Кукабакі — грубае парушэньне правоў і свабодаў, дэкляраваных міжнароднымі пактамі. Гэта сьляпая помста таталітарнага рэжыму за выказаную яму ў вочы праўду, на спробу маральнага супраціву гвалту таталітарнае ідэялёгіі. Я баюся, што гэтая помста можа быць суровай, абярнуўшыся гэтым разам новым зьняволеньнем Міхала Кукабакі ў турэмнай спэцпсыхбольніцы.

Я зварачаюся да вас, дарагі Алесь (Янка), з заклікам аб'яднаць нашыя намаганьні. Я буду імкнуцца памагчы Міхалу тут, у СССР, Вы — у сябе, за мяжой. Я думаю, дзейснай дапамогай з Вашага боку можа стацца зварот да грамадзтва, у тым ліку да беларускага замежжа і субратоў Міхала ў працы — да нацыянальных, а калі ёсьць гэткі, да міжнароднага саюзу рабочых-грузчыкаў. Магчыма, Вам удасца стварыць грамадзкі камітэт у ягоную абарону, арганізаваць пратэсты, запрасіць замежнага адваката... Дапамогаю будзе публікацыя ўсіх твораў М. Кукабакі, а таксама лісты да яго ў зьняволеньне.

---

[75] Аўген Бузіннікаў (1938–2010), жыхар Светлагорска, які быў у 1978 г. арыштаваны за антысавецкую дзейнасць, якая выяўлялася ў кантактах з іншадумцамі, слуханні замежных радыёстанцый, распаўсюджанні звестак, што хлусліва праказваюць савецкі лад. Дагэтуль ён быў двойчы асуджаны, меў кантакты з Андрэем Сахаравым, Аляксандрам Гінзбургам, Віктарам Некіпелавым.

З пашанаю. Загадзя дзякую Вам за ўсе захады ў вабарону Міхала Кукабакі.

Віктар Някіпелаў

Г. Камешково, Владимирской области. Ул. Советская, д. 2-г, кв. 14.

3 сьнежня 1978 г. Сяньня Міхалу Кукабаку споўнілася 42 гады. Сёмы раз ён сустракае дзень свайго нараджэньня ў турме.

***

«Бяз права ліставаньня...»
(Зварот у вабарону Міхала Кукабакі)[76]

У Наваполацкі крымінальны лягер (211440, Віцебская вобласьць, г. Наваполацк-35, установа УЖ 15/10 «Д») 13 жніўня 1979 году прыбыў дзеля адбываньня тэрміну зьняволеньня засуджаны 21.VI.79 г. на тры гады лягераў агульнага рэжыму Міхал Кукабака. Ад першых дзён перабываньня ў лягеры ён паддадзены асабліваму нагляду й ізаляцыі. Ведама, што ў турэмную «асабовую справу» Кукабакі, яшчэ ў часе сьледзтва, органамі КДБ была ўкладзеная, з выразнай мэтай — усуровіць рэжым зьняволеньня, дыскрымінацыйная, неадпаведная запраўднасьці характарыстыка: *«Мае нахіл да ўцёкаў і самагубства»*.

Міхал Кукабака выбраў натуральную для вязьня сумленьня лінію трыманьня ў лягеры: не хаваць перакананьняў, не паддаваць свае лісты «самацэнзуры», весьці далей абарону правоў чалавека — правоў зьняволеных унутры лягеру. Ён адкрыта заявіў, што ня будзе браць удзелу ў г. зв. «грамадзкім жыцьці» калёніі (г. зн. у «ўзгадавальных мерапрыемствах») і наведваць палітзаняткі. Усё гэта паставіла Міхала Кукабаку перад абліччам рэпрэсіяў, якія ў умовах правінцыйнага крымінальнага лягеру, дзе апрача таго няма ды напэўна й

[76] Беларус. 1980. Сакавік (№ 275). С. 1.

ня было інакшых палітвязьняў, могуць выявіцца асабліва цяжкімі.

Выклікае трывогу дэманстрацыйнае парушэньне адміністрацыяй права М. Кукабакі на ліставаньне. Не зважаючы на тое, што зьняволеным лягеру агульнага (рэжыму — у машынапіснай копіі слова прапушчана. — ***Я. З.***) законам дазволенае ліставаньне без абмежаваньня ліку лістоў, Кукабака пастаўлены ў гэткія ўмовы, што фактычна пазбаўлены гэтага права. Начальнік апэрчасткі лягеру маёр Ганчароў забараняе Кукабаку пісаць аб чым бы там ні было, апрача надвор'я. Ён забараняе выказваць у лістох собскую думку ў якім-хаця пытаньні, а ўжываныя скароты, прыкладам ініцыялы заміж імя-войчаства, уважае за... шыфр. Шмат якія лісты Кукабакі да сяброў канфіскаваныя: відаць, яму не перадаюцца лісты з волі. За парушэньне сваіх забаронаў Ганчароў ужо пагражаў Кукабаку карцарам і ПКТ (лягерная турма, куды садзяць зьняволеных на даўжэйшы тэрмін).

Груба парушаюцца і арт. 36 папраўна-працоўнага кодэксу — аб правох зьняволеных на зварот да пракурора. Кукабаку не дазволена пасылаць заявы пракурору ў запячатваным канвэрце; начальнік атраду адпячатвае ды цэнзуруе іх на вачох у Кукабакі; пры гэтым жальбы, у якіх ёсьць «крытычныя выказваньні» на адрыс адміністрацыі — не адсылаюцца.

Мы абаўляемся, што ў выніку самавольства адміністрацыі лягеру УЖ 15/10, відаць, патуранага КДБ, Міхал Кукабака ня толькі будзе паддадзены цяжкім нутралягерным рэпрэсіям, але й будзе пазбаўлены элементарнага — магчымасьці мець спатканьні й весьці ліставаньне.

Адмысловыя сталінскія лягеры «бяз права ліставаньня» былі фармальна асуджаныя гадамі XX зьезду. Мяркуючы з усяго, яны вярнуліся цяпер назад для Міхала Кукабакі.

Лістапад 1979 г.

Падпісалі: Віктар Някіпелаў, Ніна Камарова, Марыя Пятрэнка-Пад'япольская, Софія Калістратава, Фэлікс Скраброў, Ася Ланская, Юры Кісялёў, Арбаташ, Уладзімер Гершуні, Юры Рассамахін, Аляксандар Шустэр, Леанард Тарноўскі, Вячаслаў Бахмін, В. Каралёў, Міхал Берднікаў, Валянцін Буйдан, В. Цьвяткоў, Л. Батаева, Аўгуста Раманава, Юры Ярыш-Агаеў, Алена Бонэр, Іван Каралёў, Тацьцяна Осіпава.

***

Г-ну Бобу Доллу[77]
сенатору США

Редакция газеты «Беларус»
г. Нью-Ёрк

Американскому отделению
Эмнисти Интернейшэнл[78]

Когда репрессия бессмысленна…[79]
Открытое письмо в защиту Михаила Кукобаки

Мне стало известно, господин сенатор, что Вы решили принять личное участие в судьбе советского узника совести, рабочего Михаила Кукобаки.

Я знаю также о том, что судьба этого мужественного человека небезразлична многим из его собратьев по нации — белорусов, живущих за рубежом.

---

[77] Боб Доўл (анг. Robert Joseph "Bob" Dole, нар. 1923), амерыканскі палітык-рэспубліканец, дэпутат Палаты прадстаўнікоў Кангрэсу ЗША ў 1961–1969 гг., сенатар ад штата Канзас у 1969–1996 гг.

[78] «Міжнародная амністыя» (анг. Amnesty International) — міжнародная арганізацыя, створаная ў 1961 г. у мэтах барацьбы за абарону правоў чалавека ў свеце. Сёньня арганізацыя мае больш за 2,2 мільёна сябраў у 150 краінах свету.

[79] Машынапіс захоўваецца ў фондзе Янкі Запрудніка ў БДАМЛМ.

Я хотел бы рассказать здесь о суде над М. Кукобакой и его нынешнем положении, которое вызывает у меня серьезную тревогу.

Суд состоялся 20—21 июня 1979 г. в г. Бобруйске, и мне посчастливилось, что редко случается на советских политических процессах, быть на этом суде. Этот суд был жалок и бессмысленнен. Я подчеркиваю это слово — бессмысленнен, ибо на нем некого было судить, кроме самой системы, организующей такие суды.

Всё преступление Михаила Кукобаки — написание статьи «Международная разрядка и права человека — неделимы» (разрядка! Призыв к разрядке и соблюдению прав человека, вдумайтесь в само название работы!) и очерка «Украденная родина», переданных им за рубеж, а также ознакомление одного из сослуживцев с открытым (!) письмом министру здравоохранения СССР.

Михаил Кукобака защищал себя сам. Он говорил уверенно и открыто и не скрывал своих взглядов. Он не отводил обвинение, а наоборот, судил его преступную порочность. Он сказал:

«Да, я не считаю себя виновным... Еще в 1970 году я подвергся репрессиям за убеждения и провел в заключении 7 лет... Мои убеждения выстраданны и тверды. И вы сами понимаете, что человек, который всю свою жизнь проводит в тюрьме за убеждения, не может быть преступником...

Мои убеждения абсолютно противоположны коммунистической идеологии. Эти убеждения никакому исправлению трудом не подлежат. Как это можно — исправить трудом убеждения?!»

Известно, что еще в апреле 1977 г. ввиду полного разрыва с государственной идеологией М. Кукобака подал заявление о выезде из СССР. Ответом стал его арест. Теперь, на суде, Кукобака вновь поставил вопрос о высылке его из страны:

«Я отказался от гражданства, а принудительное навязывание гражданства есть беспримерный садизм... Я не хочу менять свои убеждения, я не могу их менять.

Если они не устраивают вас, — отправьте меня из страны».

Ответом был приговор: 3 года лагерей.

Мною сделана подробная запись бобруйского процесса, и я просил бы Вас, господин сенатор, а также всех зарубежных друзей М. Кукобаки ознакомиться с этим документом.

В настоящее время Михаил Кукобака прибыл в уголовный лагерь. Его адрес: 211440, Витебская область, г. Новополоцк-31, Учреждение УЖ 15/10-«Д».

Уже из лагеря, в своем заявлении, направленном Пленуму Верховного Суда СССР, М. Кукобака вновь подчеркнул, что расправа над ним — это суд над его убеждениями. Он просил вместо этой бессмысленной репрессии выслать его из СССР в любую из стран свободного мира (на советском официальном языке это называется «в любую капиталистическую страну»). В случае же отказа он настаивает на переводе его на строгий режим — в политический лагерь, даже в тюрьму, поскольку он как политический заключенный отказывается от принудительного труда в условиях уголовного лагеря.

Я предвижу, что такая бескомпромиссная позиция, занятая М. Кукобакой, поставит его под угрозу постоянных внутрилагерных репрессий, а значит, обречет на пытку голодом, ледяными карцерами.

Всё это побуждает к серьезной тревоге о здоровье 43-летнего узника, страдающего болезнями сердца, печени, хроническим гайморитом и воспалением среднего уха.

В довершение ко всему Михаил Кукобака — полный сирота, у него нет ни близких, ни дальних родственников, нет семьи, а следовательно, на весь срок заключения он обречен и на пытку одиночеством. Я являюсь его доверенным лицом, но даже несмотря на это, мне было отказано в свидании с М. Кукобакой после суда и, боюсь, будет отказываться дальше.

Михаил Кукобака осужден за убеждения и идеологический нон-конформизм.

КПД (коэффициент полезного действия) этой репрессии равен нулю. Любое наказание всегда имеет целью исправление наказываемого, изменение его наклонностей, привычек, формы поведения. Наказание человека, утверждающего «на том стою», то есть лишение свободы за убеждения, — есть абсурд, сознательное мучительство и медленное убивство.

Я прошу Вас выступить в защиту белорусского узника, добиваясь от советских властей даже не акта гуманности — акта элементарной разумности — освобождения Михаила Кукобаки и высылки его из СССР. Пусть даже в наручниках, как это уже бывало несколько раз.

Я прошу также поддержать Михаила Кукобаку своим вниманием, письмами к нему из-за рубежа.

Да поможет Вам Бог в Вашей деятельности!

С признательностью и надеждой

Виктор Некипелов

14 сентября 1979 года

601330, Владимирская область, г. Камешково, ул. Советская, д. 2, кв. 14.

***

Сэнатар Б. Доўл у вабарону М. Кукабакі[80]

Выступіўшы ў Сэнаце ЗША 27 сакавіка 1979 г. з нагоды 61-х угодкаў абвешчаньня незалежнасьці БНР, сэнатар Боб Доўл (сябра амэрыканскае дэлегацыі на Мадрыдзкую канфэрэнцыю 1980 году[81], на якой будзе разглядацца пытаньне ўжыцьцяўленьня Гэльсынкаўс-

[80] Беларус. 1979. Красавік (№ 264). С. 2; Кантакты: Сіла прыцягнення Бацькаўшчыны... С. 50.

[81] Маецца на ўвазе Мадрыдская канферэнцыя Арганізацыі па бяспецы і супрацоўніцтве ў Еўропе (АБСЕ), што праходзіла ў 1980–1983 гг.

кага пагадненьня[82]) падаў пра свае захады ў вабароне беларускага іншадумца Міхала Кукабакі. «*Я, — сказаў сп. Доўл, — напісаў савецкаму паслу Дабрыніну[83] ды начальніку турмы, дзе Кукабаку трымаюць цяпер (г. зн. у Бабруйску. —* ***Рэд. «Б».****), настойліва просячы іх выпусьціць Кукабаку безадкладна на волю*» («Конгрэшэнал Рэкорд»[84], 27.III.79, б. С 3542).

Сэнатар Доўл дадаў:

«З мужнымі змагарамі, гэткімі, як М. Кукабака і А. Бузіньнікаў, ідэя свабоды — як мітычны кліч сырэны, супраць якога не ўстаяць. Цяга да свабоды можа быць прыпыненая, але яе нельга задушыць».

***

Новыя матарыялы да справы М. Кукабакі[85]

У выдаваных радыям «Свабода» «Материалах самиздата» ў выпуску № 8/79 за 9 сакавіка сёлета зьмешчаныя пяць матарыялаў да справы арыштаванага беларускага іншадумца Міхала Кукабакі. Гэта: Кукабакава «Скарга» старшыні КДБ Ю. Андропаву з дамаганьнем змусіць бабруйскіх працаўнікоў КДБ «трымаць сябе ў рамках прыстойнасьці» й вярнуць забраную маёмасьць

---

[82] Хельсінкскае пагадненне — Заключны акт Нарады па бяспецы і супрацоўніцтве ў Еўропе, падпісаны прадстаўнікамі 35 дзяржаў (у тым ліку і СССР ды ЗША) у Хельсінкі (Фінляндыя) 30 ліпеня — 1 жніўня 1975 г. Дакумент прадугледжваў сярод іншага ўзгадненне абавязацельстваў па пытаннях правоў чалавека і асноўных свабод.

[83] Анатоль Дабрынін (рус. Анатолий Добрынин, 1919–2010), савецкі дыпламат, пасол у ЗША ў 1962–1986 гг.

[84] «Congressional Record» («Кангрэсавыя запісы») — афіцыйнае выданне абмеркаванняў і дэбатаў, што адбываюцца на сесіях у Кангрэсе ЗША.

[85] Беларус. 1979. Красавік (№ 264). С. 2; Кантакты: Сіла прыцягнення Бацькаўшчыны... С. 50–51.

(напісаная ў Бабруйску 2.XII.76); «Заява» М. Кукабакі Старшыні Прэзыдыюму Вярхоўнага Савету СССР М. Падгорнаму[86] з просьбай вызваліць яго ад савецкага падданства й дазволіць выехаць з СССР (напісаная ў Бабруйску 16.IV.77); «Заява» Кукабакі пракурору Магілёўскае вобласьці аб працягваньні псыхіятрычных перасьледаў яго (напісана ў Бабруйску 21.VI.77); «Адкрыты ліст Міністру аховы здароўя СССР» Б. Пятроўскаму аб практыцы псыхіятрычных перасьледаў (напісаны ў Бабруйску 27.VI.77) ды артыкул «На сустрэчу з маленствам», улучна з ананімнай даведкай пра аўтара (бязь месца напісаньня, 1977).

У Архіве Самвыдавецтва радыя «Свабода» дакумэнты гэтыя знаходзяцца пад нумарамі: 3491–3495.

У Камітэце Абароны Вязьняў Сумленьня на Беларусі, створаным нядаўна ў Нью Ёрку, робіцца цяпер пераклад гэтых дакумэнтаў у ангельскую мову з мэтай іхнага пашырэньня на Захадзе, каб змабілізаваць грамадзкую думку ў вабарону Міхала Кукабакі.

***

Ліст сэнатара Робэрта Доўла ў справе Міхала Кукабакі[87]

19-га чырвеня сёлета сэнатар-рэспубліканец Боб Доўл выслаў ліст генэральнаму пракурору СССР Раману Рудэнку[88] ў справе беларускага іншадумца Міхала Кукабакі.

У лісьце сэн. Доўл зьвярнуў увагу Рудэнкі на тое, што М. Кукабаку даўгі час трымалі ў псыхіятрычных

---

[86] Мікалай Падгорны (рус. Николай Подгорный, 1903–1983), савецкі палітычны дзеяч. У 1965–1977 гг. быў старшынёй Прэзідыума Вярхоўнага Савета СССР.

[87] Беларус. 1979. Ліпень (№ 267). С. 1; Кантакты: Сіла прыцягнення Бацькаўшчыны... С. 51–52.

[88] Раман Рудэнка (рус. Роман Руденко, 1907–1981), савецкі дзяржаўны дзеяч. У 1953–1981 гг. — Генеральны пракурор СССР.

бальніцах, хоць тыя, хто сустракаў Кукабаку, як і тыя, што чыталі ягоныя артыкулы й нарысы, ведалі яго як чалавека здаровага. За здаровага ён быў нядаўна прызнаны і экспэртамі Інстытуту крымінальнае псыхіятрыі ў Маскве.

Спасылаючыся на гуманітарныя пункты Гэльсынкаўскага пагадненьня, а таксама на дух міжнароднага адпружаньня[89], у выніку чаго сталася магчымым падпісаньне ў Вене ўмовы аб абмежаваньні стратэгічнае зброі[90], сэнатар Доўл зьвярнуўся да генэральнага пракурора Рудэнкі з просьбай звольніць М. Кукабаку ды даць яму магчымасьць выэміграваць.

Таго-ж самага дня сэнатар Доўл выслаў таксама ліст савецкаму паслу ў Вашынгтоне Анатолю Дабрыніну, далучыўшы тэкст свайго ліста да Рудэнкі. Сэн. Доўл папрасіў Дабрыніна дапамагчы абладзіць справу Кукабакі. «Я спадзяюся, — напісаў ён, — што гуманітарныя думкі, выказаныя прэзыдэнтам Брэжневам[91] у часе падпісаньня ў Вене ўмовы аб абмежаваньні стратэгічнае зброі, знойдуць сваё адлюстраваньне пры разглядзе справы Міхала Кукабакі».

У вабодвых лістах сэнатар Боб Доўл выказаў спадзяваньне на пісьмовы адказ на свае лісты. Адказу тымчасам няма.

Я. З.

---

[89] Маецца на ўвазе палітыка «разрадкі» (фр. detente), што запанавала ў міжнародных дачыненнях у 1970-х гг. і складалася са спробаў наладжваць супрацоўніцтва паміж краінамі Захаду і СССР.

[90] Маецца на ўвазе падпісанае 18 чэрвеня 1979 г. у Вене пагадненне паміж СССР і ЗША аб абмежаванні стратэгічных узбраенняў (гэтак званае АСВ-II).

[91] Леанід Брэжнеў (рус. Леонид Брежнев, 1906(07)–1982), савецкі партыйны і дзяржаўны дзеяч. У 1966–1982 гг. займаў пасаду Генеральнага сакратара ЦК КПСС, г. зн. быў фактычным кіраўніком СССР.

***

Міхал Кукабака засуджаны ўзноў[92]

Як падалі з Масквы 22 чырвеня сёлета заходнія карэспандэнты, беларускі іншадумец Міхаіл Кукабака засуджаны йзноў на тры гады зьняволеньня за «антысавецкія паклёпы». Пра гэта паведаміў заходнім карэспандэнтам савецкі акадэмік-іншадумец Андрэй Сахараў. Ён сказаў, што суд над Кукабакам адбыўся ў Магілёве ды што Кукабаку засудзілі за ягоны нарыс «Жыцьцё ў Бабруйску» (у Бабруйску М. Кукабака жыў да ягонага арышту ў кастрычніку летась).

У нарысе «Жыцьцё ў Бабруйску», паводля словаў Сахарава, аўтар крытычна апісвае жыцьцё работнікаў. Нарыс перадаваўся ў Савецкі Саюз заходня-нямецкай радыястанцыяй «Дойчэ Вэльле»[93].

***

У вабарону Міхала Кукабакі[94]

Газэта «Беларус», да якое зьвярнуўся ў вадкрытым лісьце Віктар Някіпелаў (гл. «Беларус», № 271–272) з просьбай «падтрымаць Міхала Кукабаку сваёй увагай, лістамі да яго з-за мяжы», выдала паштоўку, прысьвечаную М. Кукабаку. Мэта паштоўкі — спрыяць вызваленьню М. Кукабакі з турмы ды ягонаму выезду з Савецкага Саюзу, дзе яго перасьледуюць за палітычныя й рэлігійныя перакананьні. Дзеля гэтага вельмі важна пашыраць у заходнім грамадзтве ймя М. Кукабакі, інфармаваць пра зьдзек над ім, пра патаптаньне ягоных прыродных людзкіх правоў.

---

[92] Беларус. 1979. Ліпень (№ 267). С. 1; Кантакты: Сіла прыцягнення Бацькаўшчыны... С. 52–53.

[93] «Нямецкая хваля» (ням. «Deutsche Welle») — заснаваная ў 1953 г. заходненямецкая радыёстанцыя, пазней таксама і тэлекампанія.

[94] Беларус. 1980. Студзень (№ 273). С. 1; Кантакты: Сіла прыцягнення Бацькаўшчыны... С. 53–54.

Паштоўкі гэтыя трэба пасылаць перш-наперш да афіцыйных асобаў кажнага ўраду на сьвеце, улучна з урадамі БССР і СССР, а таксама ў арганізацыі, урадавыя ўстановы (асабліва тыя, што маюць міжнародныя сувязі або сувязі з Савецкім Саюзам), дыпляматычныя місіі й прадстаўніцтвы. Зразумела, можна паштоўкамі карыстацца і ў прыватным ліставаньні — паслаць сваякам, скажам, прывітаньне каму-небудзь (у дарозе паштоўка будзе рабіць таксама інфармацыйную работу).

Пісаць на паштоўцы шмат ня трэба (ды на ёй шмат і не напішаш). Важна ня гэтулькі тое, што Вы напішаце, колькі сам факт пасланьня паштоўкі, факт **Вашага** звароту з просьбай аб дапамозе. Хопіць нат напісаць адзін сказ: “Памажэце М. Кукабаку выехаць з Савецкага Саюзу” (ці нешта ў гэтым духу). Калі хто-небудзь з адрысатаў захоча больш інфармацыі пра М. Кукабаку, ён будзе ведаць, куды зварачацца: на паштоўцы пададзеныя два адрасы — Камітэту Дапамогі Вязьням Сумленьня на Беларусі й газэты «Беларус» (на адвароце паштоўкі).

Цана паштоўкі — 25 цэнтаў. Прыбытак зь ейнага продажу (як і ахвяры, на які Камітэт Дапамогі чакае ад Вас) пойдзе на справу дапамогі вязьням сумленьня на Беларусі.

***

Ліст сэнатара Доўла да Кукабакі[95]

Сэнатар Боб Доўл напісаў 13 сьнежня 1979 г. ліст да беларускага іншадумца Міхала Кукабакі ў новапалацкую турму (з копіяй савецкаму паслу ў Вашынгтоне А. Дабрыніну). Ліст сэн. Доўл напісаў у вадказ на адкрыты ліст да яго ад Віктара Някіпелава, расейскага паэты і іншадумца, у міжчасе таксама арыштаванага савецкай уладай. Віктар Някіпелаў — блізкі прыяцель

[95] Беларус. 1980. Студзень (№ 273). С. 1; Кантакты: Сіла прыцягнення Бацькаўшчыны... С. 54–55.

М. Кукабакі ды мае ад яго афіцыйнае ўпаўнаважаньне выступаць у ягоную абарону.

Ніжэй падаём тэкст сэнатара Доўла да Кукабакі ў перакладзе з ангельскае мовы:

«Паважаны Містэр Кукабака:

Я толькі што дастаў ліста, напісанага ад Вашага ймя Містэрам Віктарам Някіпелавам, які, як я разумею, знаходзіцца цяпер таксама пад арыштам.

Суд над Вамі ў чырвені сёлета выклікае вялікае зьдзіваваньне сярод нас, што займаюцца справай змаганьня за правы чалавека па цэлым сьвеце. Адвага, якую Вы выявілі праз гады зьняволеньня, трымаючыся сваіх паглядаў і перакананьняў, выклікала захапленьне сярод нас, што ўважаюць свабоды, у якіх адмоўлена Вам, за натуральныя правы чалавека.

Я разумею, што Вы церпіце ад благога здароўя і, перадаючы Вам пра сваю асабістую ўстурбаванасьць гэтым, я хачу выказаць Вам запэўненьні, што пляную вясьці далей мае намаганьні ў кірунку Вашага вызваленьня й свабоды, як гэта робяць і шмат Вашых прыяцеляў на Захадзе.

Шчыра Ваш — Боб Доўл, сэнатар Задзіночаных Штатаў».

***

Кангрэсмэн Біяджы[96] ў справе Кукабакі[97]

Дастаўшы ад сп-чны Раісы Станкевіч[98] паштоўку М. Кукабакі з просьбай аб дапамозе яму, кангрэсмэн

---

[96] Марыё Біяджы (анг. Mario Biaggi, 1917–2015), амерыканскі палітык-дэмакрат. Быў дэпутатам ад Нью-Ёрка ў Палаце прадстаўнікоў Кангрэса ЗША ў 1969–1988 гг.

[97] Беларус. 1980. Сакавік (№ 275). С. 1; Кантакты: Сіла прыцягнення Бацькаўшчыны... С. 55–56.

[98] Раіса Станкевіч (нар. 1941), грамадская дзяячка, дачка Станіслава і Зінаіды Станкевічаў. Выехала з Беларусі разам з бацькамі ў 1944 г. Жыла ў Мюнхене, дзе вучылася

Марыё Біяджы зь Нью Ёрку напісаў 21 лютага сёлета два лісты — адзін генэральнаму сакратару КПСС Л. Брэжневу, а другі савецкаму паслу ў Вашынгтоне А. Дабрыніну.

У лісьце да Брэжнева кангрэсмэн Біяджы напісаў: *«На маю думку, Міхал Кукабака зьняволены несправядліва, і я прашу Вас, каб яго звольнілі ды дазволілі яму выэміграваць у іншую краіну, калі ён гэтага жадае. Калі-ж звальненьне немагчымае, я прашу Вас, каб зь ім абыходзіліся гуманна, пакуль ён будзе ў турме: каб яго адпаведна харчавалі; каб ягоныя мэдычныя патрэбы былі дагледжаныя, ды каб яму давалася праца, адпаведная да ягоных здольнасьцяў».*

«Я буду ўдзячны, — канчае свой ліст кангрэсмэн Біяджы, — *за ўсе Вашыя стараньні на карысьць Кукабакі»*.

Копію свайго ліста сп. Біяджы паслаў у Вашынгтон савецкаму паслу Дабрыніну, папрасіўшы яго таксама дапамагчы Міхалу Кукабаку выйсьці з турмы ды эміграваць за межы, а калі гэта немагчыма, дык каб яму было забясьпечанае гуманнае абыходжаньне.

ў нямецкай школе. У 1958 г. пераехала ў ЗША. Была выхавальніцай у беларускім дзіцячым садку. У 1973 г. закончыла Універсітэт св. Яна ў Нью-Ёрку са ступенню магістра біяхіміі. Шмат гадоў працавала ў даследчай лабараторыі Слоўн-Катэрынскага цэнтра вывучэння раку ў Нью-Ёрку. Ад 1970 г. належала да Беларуска-амерыканскага рэспубліканскага клуба. Была сябрам Беларуска-Амерыканскага задзіночання, уваходзіла ў Галоўную ўправу ды кіраўніцтва Нью-ёркскага аддзела арганізацыі, у рэдкалегію газеты «Беларус». Была старшынёй Задзіночання беларуска-амерыканскай моладзі, старшынёй рэдкалегіі часопіса «Беларуская моладзь». У 1987 г. закончыла факультэт русістыкі Гантэрскага каледжа Гарадскога ўніверсітэта Нью-Ёрка, абараніўшы магістарскую працу на тэму, прысвечаную гісторыі Беларусі пачатку XX ст. Сябра Адміністрацыйнага камітэта Фундацыі імя І. Любачкі. Жыве ў Нью-Ёрку.

***

BYELORUSSIAN-AMERICAN ASSOCIATION, INC.[99]
NATIONAL HEADQUARTERS

166-34 Gothic drive
Jamaica, N.Y. 11432

13 чырвеня 1980 году

ПАВЕДАМЛЕНЬНЕ[100]

У чацьвер 19 чырвеня 1980 г. а 7-ай гадз. у вечары ў КЎІНСКАЎСКІМ КАЛЕДЖЫ, у Доме Студэнцкага Саюзу, адбудзецца ВЕЧАР, ПРЫСЬВЕЧАНЫ БЕЛАРУСКАМУ ІНШАДУМЦУ М. КУКАБАКУ (з нагоды першых угодкаў ад ягонага засуджэньня) ды пытаньню пра стан людзкіх і нацыянальных правоў на Беларусі.

Па кароткіх рэфэратах праф. Томаса Бэрда[101] й др. Янкі Запрудніка адбудзецца дыскусія.

Вечар закончыцца пачастункам.

УСЕ ВЕТЛІВА ЗАПРОШАНЫЯ.

Даезд да Кўінсаўскага Каледжу (65-30 Кісэна Бульвар) аўтобусам 25/34, які можна ўзяць на Мэйн Стрыт у Фляншынгу або на Парсанс Бульвар і Гілсайд Авэню ў Джамэйцы.

Управа БАЗА

---

[99] Беларуска-Амерыканскае задзіночанне (БАЗА) — беларуская грамадская арганізацыя, заснаваная ў 1949 г. у ЗША прадстаўнікамі паваеннай эміграцыі.

[100] Дакумент захоўваецца ў фондзе Янкі Запрудніка ў БДАМЛМ.

[101] Томас Бэрд (анг. Thomas Bird, нар. 1935), амерыканскі славіст, беларусіст, сябра БІНіМа.

***

Чатырнаццатая сустрэча Беларусаў Паўночнай Амэрыкі[102]

Пагвалчаньне людзкіх правоў у Беларусі.

З дакладам на гэтую тэму выступіў д-р Янка Запруднік. Прааналізаваўшы пашырэньне дамаганьняў людзкіх правоў, ён адзначыў, што гэты працэс не абмінуў і Беларусі. Толькі за апошнія гады назіраем там дзейнасьць беларускіх іншадумцаў, як Міхал Кукабака, Бузіньнікаў, Зайцаў[103], арышты вернікаў, арышты тых беларусаў, што дамагаюцца выязных візаў із Савецкага Саюзу. Гэткі працэс назіраецца на Ўсходзе Эўропы ўсюды. Сяньня ў Польшчы справа дамаганьня людзкіх правоў прыняла асабліва войстры паварот. Салідарызуемся з дамаганьнямі польскіх работнікаў і мы, Беларусы. Сярод бастуючых польскіх работнікаў напэўна ёсьць нямала Беларусаў з Беласточчыны.

---

[102] Беларус. 1980. Кастрычнік (№ 282). С. 1; Кантакты: Сіла прыцягнення Бацькаўшчыны… С. 56–57.

[103] Маецца на ўвазе Вячаслаў Зайцаў (1917–1992), літаратуразнаўца, перакладчык, касмолаг. Ад 1964 г. жыў у Мінску, быў супрацоўнікам Інстытута літаратуры імя Я. Купалы АН БССР, вывучаў харвацкую і сербскую літаратуры, беларускую культуру эпохі Адраджэння, даследаваў касмічныя рэмінісцэнцыі ў помніках старажытных літаратур, займаўся тэмай «Космас і Біблія». Быў абвешчаны «саюзнікам заходніх багасловаў». У 1974 г. выйшаў з КПСС, быў звольнены з інстытута, займаўся лектарскай дзейнасцю ў гарадах СССР. У 1978 г. арыштаваны і пасля псіхіятрычнай экспертызы змешчаны на прымусовае лячэнне ў Казанскую спецыяльную псіхіятрычную бальніцу, адкуль быў вызвалены ў 1982 г.

***

Міхал Кукабака ў шпіталі[104]

Як падаў апошні нумар самвыдавецкага расейскага часапісу «Хроніка бягучых падзеяў» («Хроника текущих событий» № 56 за 30 красавіка 1980 г.), што кагадзе трапіў на Захад, Міхал Кукабака 23 красавіка сёлета быў перавезены ў менскі шпіталь для зьняволеных з ацёкам нагі ды болямі ў гаймаравай паражніне (хвароба вуха).

М. Кукабака быў асуджаны ў чырвені 1979 г. у Бабруйску за свае палітычныя, рэлігійныя й нацыянальныя перакананьні на тры гады турмы і тэрмін зьняволеньня адбываў у новаполацкім канцлягеры.

М. Кукабака даўно ўжо адмовіўся ад савецкага грамадзянства ды дамагаецца права на выезд замежы, у якую хаця дэмакратычную краіну.

Паводля вышэй згаданага нумару «Хронікі», Кукабаку ня пусьцілі на курс токараў, не дазвалялі ўзяць зь лягернае бібліятэкі нямецка-расейскага слоўніка, не давалі магчымасьці купляць у кніжнай краме. Ад яго забралі ўсе адрысы (у тым ліку і адрысы афіцыйных асобаў і пракуратуры), копіі жальбаў, заяваў і лістоў, запісы пра атрыманыя й высланыя лісты, сьпіс асабістых рэчаў, кнігі ў ангельскай мове.

Кукабаку перавялі былі на новую працу — вязаць сеткі. За нявыкананьне нормы яго каралі штрафным ізалятарам.

У лістападзе ці сьнежні 1979 году — падае «Хроніка бягучых падзеяў» — Кукабаку далі 6 месяцаў «памешканьня камэрнага тыпу» за тое, што ў кіно (наведваньне кіно — прымусовае) ён адварочваўся ад экрану й затыкаў вушы ватай.

Кукабака — падае «Хроніка» — дамагаўся пераводу яго ў іншую калёнію.

---

[104] Беларус. 1980. Кастрычнік (№ 282). С. 2; Кантакты: Сіла прыцягнення Бацькаўшчыны... С. 57–58.

23 красавіка 1980 г. яго прывезьлі ў Менск у шпіталь, куды прывозяць цяжка хворых зьняволеных з усіх канцоў Беларусі.

***

АС № 4209[105]. Елена Боннэр. «Информация Московской группы "Хельсинки" о Михаиле Кукобаке (Москва), 23.12.80»[106]

В советских лагерях на особом положении находятся политзаключенные из рабочих. Режим по отношению к ним, как правило, ужесточен, произвол начальства особенно изощрен. Михаил КУКОБАКА — белорус, рабочий, родился в Бобруйске в 1936 году. Рано вследствие войны потерял родителей. Воспитывался в детском доме. Конфронтация с режимом у него началась с того, что он не только не одобрил, но пережил как личный позор вторжение советских войск в Чехословакию в 1968 году. С этого момента он стал критически относиться к событиям, свидетелем и участником которых он оказывался. В 1970 году был арестован в городе Александрове Владимирской области (где был рабочим радиозавода) за демонстративное неучастие в выборах и коммунистическом субботнике. Обвинен по ст. 190-1. После окончания следжствия ему предложили сотрудничество с КГБ. Он отказался, и был направлен в Институт судебной психиатрии имени Сербского, где его признали невменяемым. Более 6 лет он содержался в психбольницах, в том числе — страшной Сычевской СПБ. Уже будучи на свободе, 16 апреля 1977 года он подал в Президиум Верховного Совета СССР заявление об отказе от советского подданства[107]. Позже подавал заявления с просьбой дать ему возможность

---

[105] *Копія дакумента захоўваецца ў фондзе Янкі Запрудніка ў БДАМЛМ.*

[106] *Перепечатка с фотокопии оригинала из АС.*

[107] *АС № 3492.*

уехать из СССР. Ответа ни на одно заявление он не получил. 19 октября 1978 года КУКОБАКА был вторично арестован в городе Бобруйске, где он работал рабочим на фабрике вторсырья. 21 июня 1979 года Могилевский областной суд осудил Михаила КУКОБАКУ «за распространение сведений, порочащих советский строй», а вернее, за попытки осмыслить свою жизнь в ряде автобиографических очерков: «Украденная родина»[108], «Свидание с детством»[109], «Открытое письмо академику ПЕТРОВСКОМУ»[110] и других, в которых содержались размышления по поводу советской действительности. Он был приговорен к 3 годам лагерей общего режима[111]. В учреждение УЖ-15/10 «Е»[112] в городе Новополоцке БССР КУКОБАКА прибыл 13 августа 1979 года. Позже стало известно, что на его деле есть пометка «склонен к побегу»[113], сделанная без всяких на то оснований. Таким образом, ему был назначен не общий, а фактически особый режим. Вот, что пишут о нем в двух письмах, которые не прошли цензуру. Его берут на измор, его заставляют вязать сети, заведомо зная, что по возрасту и состоянию здоровья он никогда не сможет выполнить норму выработки. За невыполнение этой нормы его перевели на пониженное питание, что может продолжаться неограниченное время. Его всячески притесняют в переписке. Так, оперчасть изъяла у него все адреса, копии жалоб, заявлений, собственных писем, опись личных вещей; официальные адреса и фамилии работников прокуратуры, куда он писал разные заявления, были вырваны из записной книжки.

---

[108] *АС № 3278.*

[109] *Точнее, «На свидание с детством» (АС № 3495).*

[110] *АС № 3494.*

[111] *Запись суда см. АС № 3784.*

[112] *Ср. «Д» в АС №№ 3787:2, 3789:1, Хр. 54:70.*

[113] *Подробнее об этом см. письмо В. Некипелова «Склонен к побегу и самоубийству» от 27.9.79 в газете «Дейли телеграф» (АС № 3788).*

Миша добивался перевода в другую колонию. Он писал заявления в Президиум Верховного Совета[114], напоминая об отказе от гражданства, с повторными просьбами о выезде из СССР. В ответ администрация колонии ужесточала его режим. Первый срок внутрилагерной тюрьмы — ПКТ — он получил формально за то, что во время сеанса кино (для заключенных обязательного и потому являвшегося повинностью) отвернулся от экрана и заткнул ватой уши. Тогда он пробыл в ПКТ с 6 ноября 1979 года до 6 июня 1980 года. Он очень болел и часть времени пролежал в больнице. В последнем письме Михаил сообщил, что с 11 ноября 1980 года он снова в ПКТ, сроком на 6 месяцев. Причина: *«во время обыска при мне нашли письмо, адресованное Нине (жене Виктора НЕКИПЕЛОВА). В нем я просил, если возможно, обжаловать действия цензуры (начальник оперчасти капитан БЕЛОУСОВ) или дать им огласку. В качестве образца я прилагал текст письма к СОЛОВЬЕВУ[115], который забракован перед этим цензурой, а также текст заявления местному прокурору. Мне здесь запрещено высказывать свои суждения в переписке почти по любому вопросу (политика, литература, экономика и т. д.). О порядках в колонии и речи быть не может; да и не пишу о них. Что интересно, опер отказывается делать вымарки в моих письмах, а заставляет переписывать до тех пор, пока его не устроит содержание. Сейчас мне придумали новые ограничения: запретили пользоваться своими книгами, купленными в лагерной лавке либо полученными почтой. Даже словари отобрали, хотя выписываю “Москоу Ньюс”, чистые тетради также отобрали. Практически изъяли у меня все: адреса всех моих друзей (уже пятый раз), старые конверты, письма, любые записи и т. д. Написал протест на имя прокурора*

[114] *М. б. след. читать «Пленум Верх. Суда СССР» (см. АС №3787:2, 3789:1, Хр. 51:70).*

[115] *М. б. имеется в виду бывш. п/з Олег Соловьев.*

БССР (уверен, что бесполезно, как и раньше). Снова требую перевода в другую колонию либо в закрытую тюрьму. Ведь условия здесь нечеловеческие. Камеры сырые, совершенно нет вентиляции (нет даже форточек или щели какой); на прогулку не выводят, но если и водили в том году, то все равно не проветривали камеры. Вот такая жизнь».

Михаил КУКОБАКА нуждается в помощи. Он — сирота, семью потерял во время второй мировой войны. Он — рабочий человек.

Хочется надеяться, что к его судьбе люди в разных странах мира не останутся равнодушными и постараются помочь ему. Он не преступник и поэтому должен жить на свободе. Он хочет уехать из СССР, и это его право должно быть осуществлено.

Елена БОННЭР[116]
23/XII-80[117]

***

КАМІТЭТ АБАРОНЫ ВЯЗЬНЯЎ СУМЛЕНЬНЯ НА БЕЛАРУСІ[118]
COMMITTEE FOR DEFENSE OF PRISONERS OF CONSCIENCE IN BYELORUSSIA
187-06 Hillside Avenue
Jamaica, N.Y. 11432
Нью-Ёрк, 5.VI.1981 г.

---

[116] Алена Бонэр (рус. Елена Боннэр, 1923–2011), савецкая і расійская грамадская дзеячка, праваабаронца, дысідэнтка, жонка Андрэя Сахарава.

[117] Інфармацыя была передрукавана ў перакладзе на беларускую мову пад назвай «Міхал Кукабака: “Тут умовы нялюдзкія”» ў газеце «Беларус» (1981. Травень (№ 289)).

[118] Дакумент захоўваецца ў фондзе Янкі Запрудніка ў БДАМЛМ.

Да: ЎСІХ СУРОДЗІЧАЎ-БЕЛАРУСАЎ
У справе: ДЭМАНСТРАЦЫІ Ў ВАБАРОНУ МІХАСЯ КУКАБАКІ

У нядзелю 21-га чырвеня 1981 г. (а 2-й гадз. п/п)
Ля будынку Аб'еднаных Нацыяў (Гамаршыльд Пляза[119])

В. Пав. Спадар(ы)!

21-га чырвеня сёлета споўніцца роўна два гады часу, калі ў Бабруйску быў засуджаны на тры гады турмы беларускі іншадумец і патрыёт Міхал Кукабака. Камітэт Абароны Вязьняў Сумленьня на Беларусі ўзяў на сябе заданьне правесьці з нагоды другіх угодкаў ад засуджэньня Кукабакі дэманстрацыю ў ягоную абарону.

На Пляцы імя Гамаршыльда перад будынкам ААН у Нью-Ёрку адбудзецца ў нядзелю 21-га чырвеня (пачатак а 2-й гадз. папаўдні) мітынг, у праграму якога ўвойдуць: выступленьні сп-ні Зінаіды Грыгарэнка, прыяцелькі й апякункі М. Кукабакі з часоў ягонага перабываньня ў псіхіятрычнай турме; юрыста зь Беларусі А. Насовіча пра незаконнасьць суду над Кукабакам; магчыма кангрэсмэна(ў); прачытаньне часткі апошняга паведамленьня з Масквы жонкі акадэміка Сахарава пра стан М. Кукабакі з заклікам дапамагчы яму (Кукабака цяпер хворы); супольнае адсьпяваньне малітвы «Магутны Божа»; ды іншае.

Камітэт Абароны вельмі просіць Вас і ўсіх Вашых знаёмых узяць асабісты ўдзел у дэманстрацыі (пажадана, каб як мага больш людзей было ў нацыянальнай вопратцы; будзем старацца забясьпечыць карэспандэнтаў з тэлебачаньня й друку).

---

[119] Dag Hammarskjold Plaza (анг.) — грамадскі парк на Манхэтэне ў Нью-Ёрку каля штаб-кватэры Арганізацыі Аб'яднаных Нацый. Названы ў гонар шведскага палітыка Дага Хамаршэльда (1905–1961), Генеральнага сакратара ААН у 1953–1961 гг.

Камітэт Абароны адначасна зварачаецца з просьбай да ўсіх гіерархаў, парахвіяў і сьвятароў, да царкоўных радаў і прыхаджанаў, адслужыць малебны ў нядзелю 21-га за здароўе хворага й паняволенага брата ў Хрысьце Міхала Кукабакі ды ўсіх, хто церпіць ад перасьледу савецкай «турмы народаў».

Камітэт Абароны Вязьняў Сумленьня на Беларусі будзе таксама ўдзячны Вам за прысланьне грашовае ахвяры (на вышэй пададзены адрыс; на чэку стаўце толькі першыя літары назову арганізацыі: CDPCB), паколькі справа абароны вязьняў сумленьня вымагае грошай на пакрыцьцё паштовых, друкарскіх ды іншых канцылярскіх выдаткаў.

Ад імя Камітэту Абароны

Янка Запруднік[120]

***

Міхал Кукабака[121]

Дэманстрацыя на абарону Міхала Кукабакі 21-га чырвеня 1981 г. (нядзеля 2 гадз. п/п) у Мангатэне на Гамаршыльд Пляза (47 вул. Іст паміж 1-й і 2-й Авэню). Сабвэйны[122] супынак: Гранд Сэнтрал Стэйшэн[123].

21 чырвеня спаўняюцца 2-я ўгодкі ад асуджэньня ў Бабруйску беларускага іншадумца й патрыёта Міхася Кукабакі на тры гады турмы за пашырэньне тэксту Ўнівэрсальнае Дэкларацыі Правоў Чалавека, за абарону беларускае мовы, за веру ў Бога, за адмову ад савецкага грамадзянства й жаданьне выэміграваць з СССР.

---

[120] Паведамленні з заклікам прыйсці на дэманстрацыю былі апублікаваныя ў газетах: «Беларус» (1981. Травень (№ 289)), «Новое русское слово» (19.06.1981), «Новый Американец» (1981. 21–27 июня (№ 71)).

[121] Беларус. 1981. Травень (№ 289). С. 1; Кантакты: Сіла прыцягнення Бацькаўшчыны... С. 58–59.

[122] Ад анг. subway — метро, падземка.

[123] Анг. Grand Central Station.

Жонка акадэміка Андрэя Сахарава Елена Бонэр[124] у вапошнім дакумэньце пра Кукабаку (Масква, 23.XII.1980) піша: «Міхал Кукабака патрабуе дапамогі. Ён — сірата, сям'ю страціў у часе вайны. Ён — працоўны чалавек. Ён — жывы, разумны й добры чалавек. Хочацца верыць, што людзі ў розных краёх сьвету таксама не застануцца абыякавымі да ягонае долі ды пастараюцца дапамагчы яму».

Ня будзьце абыякавымі, падтрымайце справу абароны Міхася Кукабакі!

Камітэт Абароны Вязьняў Сумленьня на Беларусі.

***

У вабарону Міхала Кукабакі[125]

Дэманстрацыя

У нядзелю 21-га чырвеня, роўна на другія ўгодкі ад незаконнага засуджэньня ў гор. Бабруйску на Беларусі іншадумца Міхала Кукабакі на тры гады зьняволеньня, у Нью Ёрку ля будынку ААН адбылася дэманстрацыя за вызваленьне Кукабакі. Ладзіў дэманстрацыю Камітэт Абароны Вязьняў Сумленьня на Беларусі.

Напярэдадні дэманстрацыі пра яе паведамілі газэты «Беларус», «Новое Русское Слово»[126] (у колькіх нумарох, зь няведамай дасюль фатаграфіяй Кукабакі), украінская «Свабода»[127] (у англамоўным вы-

---

[124] Алена Бонэр (руск. Елена Боннэр, 1923–2011), савецкая і расійская грамадская дзяячка, праваабаронца, дысідэнтка, жонка Андрэя Сахарава.

[125] Беларус. 1981. Чырвень–ліпень (№ 290–291). С. 1; Кантакты: Сіла прыцягнення Бацькаўшчыны... С. 59–62.

[126] «Новое Русское Слово» — рускамоўная газета, што выходзіла ў Нью-Ёрку ў 1910–2010 гг.

[127] «Свабода» — украінская газета ў ЗША. Выходзіць ад 1893 г.

даньні), «Новый Американец»[128], «Новая газета»[129], польская радыяпраграма «Два Эдварды». Былі парассыланыя прэсавыя камунікаты ў галоўныя амэрыканскія газэты.

Мітынг на Пляцы ймя Гамаршэльда ля будынку Аб'еднаных Нацыяў, у якім узяло ўдзел каля 150 асобаў, пачаўся а 2:30 папаўдні. Вёў яго др. В. Кіпель[130].

---

[128] «Новый Американец» — штотыднёвая руская газета, што выходзіла ў Нью-Ёрку ў 1980–1982 гг. Сярод яе стваральнікаў былі эмігранты Сяргей Даўлатаў, Пётр Вайль і іншыя.

[129] «Новая газета» («New Gazette») — руская эміграцыйная газета, што выдавалася ў Нью-Ёрку ў 1980–1983 гг.

[130] Вітаўт Кіпель (нар. 1928), грамадскі дзеяч, навуковец, доктар мінералогіі, даследчык беларускай эміграцыі. Ад 1955 г. жыве ў ЗША. Працаваў у навукова-вытворчых фірмах, у Балтымарскім універсітэце (штат Мэрыленд). У 1959–1985 гг. — у Даследчым цэнтры навукі і тэхналогіі Нью-Ёркскай публічнай бібліятэкі (у т. л. на пасадзе выканаўчага дырэктара). У 1962–1963 гг. вучыўся ў Ратгерскім універсітэце (Нью-Джэрсі) па спецыяльнасці «Бібліятэказнаўства». Лідар беларускага рэспубліканскага руху. У 1972–1982 гг. — старшыня Федэрацыі беларускіх рэспубліканскіх клубаў. У 1974 г. абраны на старшыню Рэспубліканскай федэрацыі штата Нью-Джэрсі. Рэдактар газеты нью-джэрсійскіх рэспубліканцаў Heritage Review. Заснавальнік і дырэктар беларускіх фестываляў у Нью-Джэрсі (1976–1979). У 1972 г. у Вашынгтоне абраны на заступніка старшыні Нацыянальнай канфедэрацыі амерыканскіх этнічных груп. У 1975 г. узнагароджаны медалём Паняволеных народаў Эйзенхаўэра. У 1978–1982 гг. — старшыня Этнічнай рады штата Нью-Джэрсі. Ад 1982 г. — старшыня БІНіМа. Аўтар працы «Беларусы ў ЗША» (1993 г.; англамоўнае выданне 1999 г.), шэрагу грунтоўных бібліяграфічных даведнікаў, а таксама дзясяткаў публікацый, у т. л. артыкулаў беларусазнаўчай тэматыкі ў амерыканскіх энцыклапедыях.

Архіепіскап БАПЦ Мікалай[131] у прысутнасьці а. Архімандрыта Язэпа Строка[132] і а. Аляксандра Яноўскага[133] адправіў малебен за здароўе і вызваленьне хворага паняволенага Міхала Кукабакі. Усюды па беларускіх цэрквах на эміграцыі ў гэты дзень адбыліся падобныя службы.

Прамаўлялі на мітынгу: др. В. Кіпель, сп. Янка Ханенка, старшыня Камітэту Абароны, сп. Рыгор Хес, актывісты гэбрайскага руху ў Менску, які колькі дзён перад тым прыбыў у Амэрыку і асабіста ведае Кукаба-

---

[131] Мікалай (свецк. Міхась Мацукевіч, 1917–2002), рэлігійны дзеяч, мітрапаліт БАПЦ. Пасля Другой сусветнай вайны апынуўся ў Вялікабрытаніі. Быў сябрам Згуртавання беларусаў у Вялікабрытаніі. У жніўні 1951 г. пераехаў у Таронта (Канада), а пазней — у Вініпег, дзе вучыўся ва Украінскай багаслоўскай акадэміі (калегіі). 06.05.1952 рукапакладзены на святара. Быў настаяцелем прыхода Св. Кірылы Тураўскага ў Таронта, наведваў беларускія асяродкі ў Садбуры, Манрэалі, Лондане, Кітчэнеры, Гвэлфе, Бэры, Брантфардзе, Атаве, Алістане ды інш. У 1968 у Адэлаідзе (Паўднёвая Аўстралія) хіратанісаваны галавой БАПЦ Сяргеем у епіскапа Турава-Пінскага і Таронцкага з імем Мікалай. У 1973 г. на Саборы БАПЦ узначаліў Канадска-еўрапейскую епархію БАПЦ. Удзельнік расколу БАПЦ у 1980-я гг., калі на Надзвычайным саборы БАПЦ у Кліўлендзе (Агаё, ЗША) у 1983 г. быў абраны першым іерархам БАПЦ (паўторна абраны таксама ў 1984 г. на III Саборы БАПЦ). Спрычыніўся да пераводу багаслужбаў і перакладу літургічных кніг на беларускую мову.

[132] Язэп Строк (1904–1990), праваслаўны дзеяч, святар, архімандрыт. Ад канца 1960-х гг. жыў у ЗША, быў настаяцелем царквы Св. Юрыя ў Чыкага. Ад 1980-х жыў у Свята-Ціханаўскім манастыры ў Пенсільваніі.

[133] Аляксандр Яноўскі (? — ?), рэлігійны дзеяч. Пасля Другой сусветнай вайны апынуўся ў ЗША. Быў святаром парафіі Жыровіцкай Божай Маці ў Гайленд-Парку. Яго пазнейшы перавод у Кліўленд спрычыніўся да паглыблення крызісу ў БАПЦ.

ку; сп-ня др. В. Калынык ад Амэрыканцаў за вызваленьне паняволеных народаў і ад Украінскага Кангрэсавага Камітэту; сп. А. Насовіч[134], юрыст.

Юрка Кіпель[135] і Вера Запруднік[136] прачыталі, па-беларуску й па-ангельску, урывак з абароннае прамовы Міхала Кукабакі, сказанае ім на судзе ў Бабруйску 21-га чырвеня 1979 году.

Удзельнікі дэманстрацыі падпісалі пэтыцыю да дзяржаўнага сакратара Злучаных Штатаў Аляксандра Гэйга[137] з просьбай зрабіць усё магчымае перад урадамі Савецкага Саюзу й Беларускае ССР, каб Міхалу Кукабаку была дадзеная магчымасьць выехаць на Захад. Подпісы пад пэтыцыяй зьбіралі Таня Заморская[138] й Павал ды Коля Рамана[139].

---

[134] Маецца на ўвазе Аркадзь Рутман (псеўд. Насовіч), юрыст. Здолеў выехаць з СССР у ЗША, у беларускай рэдакцыі Радыё «Свабода» на пачатку 1980-х гг. вёў праграму «Ты і закон».

[135] Юрка Кіпель (нар. 1958), грамадскі дзеяч, доктар медыцыны, сын В. і З. Кіпеляў. У 1982 г. скончыў медыцынскі факультэт Ратгерскага ўніверсітэта. Працуе як педыятр-кардыёлаг, сябра Амерыканскай акадэміі педыятрыі, Амерыканскай калегіі кардыялогіі. Удзельнічаў у выданні часопіса «Беларуская моладзь», танцаваў у гурце «Васілёк». Разам з Натай Русак кіраваў дзіцячай танцавальнай групай «Матылькі». Быў актыўным у амерыканскім скаўтынгу. Сябра Беларуска-амерыканскага задзіночання. У 1991 г. прывозіў у Беларусь гуманітарную дапамогу ад беларусаў ЗША. Жыве ў Нью-Джэрсі.

[136] Вера Запруднік (нар. 1957), дачка Янкі Запрудніка.

[137] Аляксандр Хэйг (анг. Alexander Meigs Haig, Jr., 1924–2010), амерыканскі ваенны і дзяржаўны дзеяч, дыпламат. У 1981–1982 гг. быў Дзяржаўным сакратаром ЗША.

[138] Таня Заморская (нар. 1968?), дачка беларускіх эмігрантаў у ЗША Веры і Міколы Заморскіх.

[139] Маюцца на ўвазе сыны Алы Орса-Рамана.

Кангрэсмэн Ўільям Грын[140] з Мангатэну зьмясьціў прэсавы камунікат Камітэту Абароны Вязьняў Сумленьня на Беларусі пра дэманстрацыю й Міхала Кукабаку ў «Конгрэшэнал Рэкорд», афіцыйным выданьні Кангрэсу ЗША.

Сп. Вітаўт Тумаш малодшы[141] забясьпечыў на мітынг гукаўзмацняльную сыстэму. Галоўны плякат для дэманстрацыі выканала сп-ня Ірэна Дутко[142]. Сп. М. Заморскі[143] запісаў дэманстрацыю на відэаістужку.

***

У вабарону Міхала Кукабакі[144]

17-га верасьня ў Лёндане (Ангельшчына) перад будынкам савецкага пасольства была праведзеная дэманстрацыя за вызваленьне з савецкае турмы Міхала Кукабакі, Беларуса-іншадумца. Ладзіла дэманстрацыю Амнэсты Інтэрнэшэнал і трывала яна ад гадзіны 8-й ураньні аж да гадзіны 8-й вечара. Сябры гэтай міжнароднай арганізацыі стаялі перад пасольствам, трымаючы партрэты М. Кукабакі й плякаты з напісамі па-ангельску «Звольніце Міхала Кукабаку» (быў плякат з гэткім-жа напісам і ў расейскай мове).

На падтрыманьне Амнэсты Інтэрнэшэнал прыбылі й мы, Беларусы, каб выканаць свой маральны абавя-

---

[140] Уільям Грын (анг. Sedgwick William “Bill” Green, 1929–2002), амерыканскі палітычны дзеяч-рэспубліканец. Дэпутат Палаты прадстаўнікоў Кангрэса ЗША ў 1979–1993 гг.

[141] Вітаўт Джордж Тумаш (1946–2006), сын эміграцыйнага грамадскага дзеяча, скарыназнаўцы Вітаўта Тумаша.

[142] Ірэна Рагалевіч-Дутко (нар. 1942), грамадская дзяячка, мастачка. Жыве ў ЗША.

[143] Відаць, маецца на ўвазе Мікола Заморскі (1924–1989), грамадскі дзеяч, актыўны ўдзельнік амерыканскага Камітэта абароны вязняў сумлення ў Беларусі.

[144] Беларус. 1981. Кастрычнік (№ 293). С. 1; Кантакты: Сіла прыцягнення Бацькаўшчыны... С. 62–64.

зак перад сваім дарагім суродзічам, далучыўшы вялізарнага памеру плякат у ангельскай мове — «Звольніце Міхала Кукабаку, беларускага іншадумца».

Было прыгатавана колькі тысячаў лістовак з заклікам памагчы вызваліць Кукабаку ды зь ягонай фатаграфіяй, якія былі раздаваныя праходжым лёнданцам. Шмат хто зь іх, пабачыўшы вялікі плякат з назовам «Byelorussian», затрымваўся, іх цікавіла нацыянальнасьць, краіна паходжаньня іншадумца М. Кукабакі. Людзі падпісвалі пэтыцыі: адну савецкаму паслу, другую мясцоваму савецкаму пракурору з копіямі Брэжневу й генэральнаму пракурору СССР Ракункову[145].

Падобныя дэманстрацыі плянаваліся на той-жа дзень у Даніі і Аўстрыі. Колькасьць удзельнікаў дэманстрацыі мянялася, але сягала часамі да больш як 25 асобаў. Дзень быў працоўны, і шмат удзельнікаў прыбыло ўжо пад вечар.

Сярод удзельнікаў дэманстрацыі быў і доктар-псыхіятар А. Валашановіч[146], які выехаў з СССР у лютым сёлета ды прыйшоў, каб асабіста ўшанаваць, як ён выразіўся, «вялікага чалавека Міхала Кукабаку», зь якім ён сустрэўся ў Маскве. Прыбылі на дэманстрацыю й прадстаўнікі ад рэлігійных ды сьвецкіх установаў Лёндану.

Мы, Беларусы, чуліся ўзмоцнены духам, назіраючы, як жанчыны чэскае, вугорскае ды польскае нацыянальнасьці стаялі з партрэтамі М. Кукабакі. Мы вельмі

---

[145] Аляксандр Ракункоў (рус. Александр Рекунков, 1920–1996), савецкі юрыст. У 1981–1988 гг. — Генеральны пракурор СССР.

[146] Аляксандр Валашановіч (рус. Александр Волошанович, нар. 1941), псіхіятр, праваабаронца. Ад 1977 г. выступаў кансультантам Працоўнай камісіі па расследаванні ўжывання псіхіятрыі з палітычнымі мэтамі. Праводзіў уласныя абследаванні палітычных зняволеных, прызнаных псіхічна хворымі, і выказваў нязгоду з прынятымі афіцыйнымі псіхіятрычнымі службамі рашэннямі. У выніку ціску ў 1980 г. эміграваў з СССР.

ўдзячныя арганізатарам дэманстрацыі, асабліва сп-ні Рывэ Бэрман, сп-чне Караляйн Пэковэр ды сп. Чарльсу Рабы, а таксама студэнтам і студэнткам ды ўсім, хто спрычыніўся да паданьня голасу за свабоду беларускага вязьню сумленьня, дарагому суродзічу Міхасю Кукабаку.

А. Здановіч[147]

***

У вабарону М. Кукабакі[148]

Як падае лёнданскі «Таймс» (22.V.82), на Захад трапіў з Савецкага Саюзу зварот ад неафіцыйнае прафсаюзнае арганізацыі СМОТ[149] з просьбай аб дапамозе беларускаму вязьню сумленьня Міхалу Кукабаку, якога трымаюць ад 16 красавіка сёлета ў маскоўскім Інстытуце Судовае Псыхіятрыі імя Сербскага.

---

147 Аляксандр Жданковіч (Зданковіч) (1924–1996), грамадскі дзеяч. Пасля Другой сусветнай вайны апынуўся ў Вялікабрытаніі. Жыў у Лондане. Ад 1947 г. быў сябрам Згуртаваньня беларусаў у Вялікабрытаніі, аднак далучыўся да апазіцыі і выйшаў з арганізацыі. Ад 1948 г. быў сябрам Хрысціянскага аб'яднання беларускіх работнікаў, уваходзіў у Часовую ўправу арганізацыі, быў першым старшынём Лонданскага акруговага цэнтра. Цягам усяго існавання ХАБР уваходзіў у Галоўную ўправу. У 1962 г. стаў стваральнікам беларускай школкі ў Лондане. Ад 1956 г. уваходзіў у Краёвы штаб Беларускага вызвольнага фронту, у сярэдзіне 1960-х гг. спрабаваў адрадзіць дзейнасць лонданскага асяродку БВФ. У 1972 г. вярнуўся ў ЗБВБ, пастаянна абіраўся ў Галоўную ўправу, быў намеснікам старшыні, сакратаром, у 1995 г. быў абраны на пасаду старшыні.

148 Беларус. 1982. Чырвень–ліпень (№ 301–302). С. 5; Кантакты: Сіла прыцягнення Бацькаўшчыны… С. 64.

149 Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся (СМОТ) — адна з першых спробаў стварэння ў СССР незалежных прафсаюзаў. Зарганізавана ў 1978 г.

Лёнданскі аддзел Амнэсты Інтэрнэшэнал ладзіў 1-га ліпеня сёлета дэманстрацыю перад савецкім пасольствам у Лёндане, дамагаючыся звальненьня з «псыхушкі» М. Кукабакі, чалавека зусім нармальнага, і дазволу яму выехаць на Захад.

***

АС № 4770[150]. Сообщение о процессе Михаила Кукобаки в Липецком облсуде 11-13.8.82 (без места, вскоре после 13.8.82)[151]

11–13 августа областной суд г. Липецка[152] приговорил рабочего Михаила Игнатьевича КУКОБАКУ, 1936 г. р., к трем годам заключения в колонии строгого режима по ст. 190-1 УК РСФСР. Это третий срок его заключения. Предварительно, весной 1982 г., он был подвергнут экспертизе в Ин-те им. Сербского, где комиссией в составе проф. КАЧАЕВА, к-та мед. наук ПОДРЕЗОВА[153] и врача ПОТАПОВА был признан вменяемым (в 1971–1975 гг. КУКОБАКА по решению суда подвергался принудительному лечению в Сычевской СПБ; в 1978 г., арестованный[154] по ст. 186-1 УК БССР, он был вновь направлен на экспертизу в Ин-т им. Сербского, но признан вменяемым и отправлен для отбывания срока в Новополоцкий лагерь — учр. 25/10[155], где к концу трех-

[150] Копія дакумента захоўваецца ў фондзе Янкі Запрудніка ў БДАМЛМ.

[151] *Перепечатка с фотокопии оригинала из АС.*

[152] *Т. е. Липецкий облсуд.*

[153] *В получ. копии м. б. опечатка и следует читать «Подрезовой», т. е. Людмила Л. Подрезова, ст. науч. сотр. ин-та; в марте 1979 — член СПЭК по делу В. Зайцева (АС № 3738:18).*

[154] *19.10.78 в Бобруйске (АС № 4209:1); о суде 20–21.6.79 см. Хр. 53:56–60.*

[155] *В получ. копии здесь и далее опечатка, след. читать «15/10» — укр. УЖ-15/10, г. Новополоцк, Витебская обл.*

летнего срока было возбуждено новое дело по ст. 190-1 УК РСФСР[156]).

Председательствовал в суде КОТОВ, прокурор ЧЕРНЫШЕВ, официально назначенный адвокат, от услуг которого подсудимый отказался, — ФИНКЕЛЬШТЕЙН. Ходатайство подсудимого о затребовании документов из его личного лагерного дела, на основе которых он мог бы осуществлять свою защиту, суд отклонил. Из 14 свидетелей 7 отсутствовали и были представлены письменными показаниями, данными на следствии (из них БЕЛОУСОВ, ДИБЕЛА, КОВРОВ, ЛОМАКИН[157], ПАНАДА — заключенные учр. 25/10, и КОМАРОВ — уже отбывший срок заключения там же). Из 7 присутствовавших свидетелей четверо — заключенные того же учр.: АМЕЛЬЯНЧИК (хулиганство, 6 лет), ГУКОВ (ЧУКОВ?)[158], Л. МАРЧЕНКО (ст. 206 УК[159] РСФСР), СНИТЬКО и двое — судимые за воровство и хулиганство заключенные Елецкой тюрьмы ДУХЛИК и ХВАТКОВ; седьмой — замполит учр. 25/10 майор БОЯРЧЕНКО.

По прочтении обвинительного заключения, где говорилось о распространении КУКОБАКОЙ среди уголовников «заведомо ложных измышлений», КУКОБАКА отказался признать себя виновным.

Судебное расследование начали с допроса обвиняемого, заявившего, что он практически не общался с другими заключенными-уголовниками, т. е. и со свидетелями, показания которых вымышленные и даны под давлением. Себя он характеризовал как убежденного антитоталитариста, антикоммуниста, подкрепляя свое определение советского строя соответствующими аргу-

---

[156] *Вернее, в тюрьме г. Ельца Липецкой обл. в сент. 1981; сюда он был переведен в мае 1981 (АС № 4723:1).*

[157] *Сергей Ломакин (там же).*

[158] *Юрий ГУКОВ (там же).*

[159] *«Хулиганство»; в получ. копии «УПК» — опечатка.*

ментами. При допросе свидетеля ГУКОВА (ЧУКОВА?) КУКОБАКА сделал заявление, что последний сидел вместе с ним в так называемой пресс-камере и вместе с другими заключенными избивал его, пытаясь таким образом добиться от него покаянного заявления. На вопрос судьи, обращенный к ГУКОВУ (ЧУКОВУ?), последний заверил, что ничего подобного не было. Из других свидетельских показаний следует отметить показания ХВАТКОВА, отказавшегося от сказанного им на следствии, т. к. на него оказывали давление.

Прокурор потребовал заключения на 3 года в лагерь строгого режима. Подсудимый от защитительной речи отказался, в последнем же слове подробно изложил свои убеждения и подчеркнул, что за них именно его и судят, тогда как убеждения и «заведомо ложные измышления» (ст. 190-1) — вещи разные. Поэтому-то он и считает себя «вечным узником» КГБ.

***

9753[160]

3

Тэма: ДЗЕНЬ ГАЛАДОЎКІ МІХАЛА КУКАБАКІ

Час: 4:32

9.XII.82

Штогоду на працягу свайго зьняволеньня дні 30-га кастрычніка й 10-га сьнежня беларускі іншадумец і вязень сумленьня Міхал Кукабака адзначае галадоўкай. Гэтак было й сёлета. Адзначаем гэтак 10-га сьнежня і мы. З нататкай пра Міхала Кукабаку ля мікрафону Арсень Загорны[161].

А.З.: У сваім апошнім лісьце да няведамага адрасата, напісаным Міхалам Кукабакам недзе каля 17-га

---

[160] Скрыпт перадачы для Радыё «Свабода». Захоўваецца ў фондзе Янкі Запрудніка ў БДАМЛМ.

[161] Арсень Загорны — псеўданім Янкі Запрудніка.

красавіка сёлета ў горадзе Яльцы Ліпецкай вобласьці ў Расійскай Фэдэрацыі, беларускі вязень сумленьня апісаў фізычны зьдзек, што праводзілі над ім крыміналісты-сукамэрнікі зь ведама й падбухторваньня турэмнага начальства. *«Праводзіцца нейкі “Валагодскі мэтад”,* — пісаў Кукабака, — *калі самым страшным бандытам даюць поўную свабоду рук у камэрах з мэтай перавыхаваньня рэшты зьняволеных і выкананьня пляну працы. Тут з блаславеньня начальства тварыліся страшныя рэчы. Паніжэньне людзкае годнасьці бязь межаў».*

«Як звычайна, — пісаў Кукабака, — *30-га кастрычніка й 10-га сьнежня я праводзіў галадоўкі пратэсту: гэта было заўсёды, будзе й надалей».*

У травені сёлета, як падаваў лёнданскі «Таймс» за паведамленьнем заходняга прэсавага агенцтва Асошыэйтэт Прэс, Міхал Кукабака быў пераведзены ў Інстытут Сербскага, дзе ўжо быў колькі гадоў раней.

Міхал Кукабака, 1936 года нараджэньня, быў арыштаваны паўторна ў Бабруйску ў кастрычніку 78-га году, а ў чэрвені 79-га году засуджаны на тры гады турмы. Але адбыўшы тэрмін пакараньня, волі Кукабака не дачакаўся, а трапіў ізноў у гэтак званую псыхушку, інакш кажучы, псіхіятрычную турму. І за што ўсё гэта? — За тое, што Кукабака крытычна выказваўся пра савецкія парадкі; што трымаў у сябе над ложкам іконку й партрэты акадэміка Андрэя Сахарава; што адмовіўся ад савецкага грамадзянства й дамагаўся, каб яго выпусьцілі ў якую-небудзь запраўды дэмакратычную дзяржаву; што ў вадным із сваіх нарысаў пратэставаў супраць русыфікацыі Беларусі; што пашыраў сярод сяброў-рабочых тэкст Усеагульнай Дэкларацыі Правоў Чалавека. Міхал Кукабака нікога не забіў, не абакраў, не растраціў дзяржаўных фондаў. Савецкая ўлада праводзіць фізычны зьдзек з Кукабакі, трымае яго ў звычайнай турме або ў турме псыхіятрычнай за ягоныя перакананьні.

Але перакананьні Міхала Кукабакі, як ён сам давёў гэта сваймі пакутамі, непахісныя. Імя Міхала Кука-

бакі за гэтыя гады сталася ведамым па цэлым сьвеце. У Нью-Ёрку й Лёндане летась адбываліся дэманстрацыі за вызваленьне Кукабакі; прозьвішча ягонае фігуруе на сьпісе вязьняў сумленьня, зь якім амэрыканская дэлегацыя паехала на Мадрыдзкую канфэрэнцыю; Кукабакавы сьветчаньні зьмешчаныя ў выдадзенай у Амэрыцы кнізе пра савецкія псыхіятрычныя турмы; нядаўна ў Нью-Ёрку ў Гантэрскім каледжы пра Міхала Кукабаку была прачытаная сэмінарская работа; лёнданскі аддзел міжнароднае арганізацыі Амнэсты Інтэрнэшэнал, а таксама ньюёрскі Камітэт Абароны Вязьняў Сумленьня на Беларусі ўзялі беларускага рабочага-іншадумца пад сваю апеку, дамагаючыся ягонага вызваленьня і, як гэтага дамагаецца сам Кукабака, эміграцыі з Савецкага Саюзу; у Нью-Ёрку выдавецтва газэты «Беларус» выдала адмысловую паштоўку, прысьвечаную справе вызваленьня Міхала Кукабакі ад зьверстваў над ім савецкае ўлады.

І ўсе гэтыя намаганьні тымчасам дарэмныя: Міхал Кукабака хворы й зьняможаны і надалей можа толькі пратэставаць спосабам галадоўкі. У адным толькі сэньсе гэтыя намаганьні не дарэмныя: яны паказваюць на бесчалавечнасьць савецкага рэжыму ды падтрымваюць надзею, што можа ўсё-ж савецкія ўлады надумаюцца выпусьціць гэтага чалавека на Захад, як ён дамагаецца ў моц свайго натуральнага людзкога права.

Гаварыў АЗ.

***

Куды пісаць пра М. Кукабаку[162]

Амнэсты Інтэрнэшэнал у Лёндане ў лістоўцы, прысьвечанай беларускаму вязьню сумленьня Міхалу Кукабаку, падала два адрасы, савецкага лідэра Андропава й Генэральнага Пракурора СССР Ракункова, з просьбай

[162] Беларус. 1983. Кастрычнік (№ 313). С. 2; Кантакты: Сіла прыцягнення Бацькаўшчыны... С. 65.

пісаць да іх, каб 46-гадовага Кукабаку, здароўе якога вельмі слабое, звольнілі з турмы. Пісаць можна на абодвы адрасы. Пішучы, трэба памятаць наступнае, як гэта раіць Амнэсты Інтэрнэшэнал: 1. Ліст павінен быць кароткі й ветлівы. Грубы тон і мова ліста барджэй пашкодзяць Кукабаку, як памогуць. 2. У лісьце трэба каротка падаць дэталі Кукабакавае справы. 3. Можна пісаць па-ангельску, зварачаючыся да міністра й пачаслоў словамі «Your Excellency». 4. Згадаць у лісьце, што Кукабака падаў заяву на выезд з Савецкага Саюзу.

У лістоўцы Амнэсты Інтэрнэшэнал пададзены ўзор гэткага ліста [...]

Варта таксама выслаць копію такога ліста савецкаму паслу ў тэй краіне, адкуль ліст пішацца.

***

«Таймс» пра М. Кукабаку[163]

Лёнданская газэта «Таймс» зьмясьціла ў нумары за 25 кастрычніка сёлета артыкул пра М. Кукабаку, падаючы коратка гісторыю перасьледаў яго ды паведамляючы, што ў нядзелю 30 кастрычніка зьняволены Кукабака будзе галадаваць, пратэстуючы супраць пагвалтаваньня правоў чалавека ў СССР.

***

Памятайма пра Міхала Кукабаку![164]

У беларускай праграме радыё «Свабода» 17-га кастрычніка сёлета, а ў расейскай 19-га кастрычніка, былі перададзеныя радыягутаркі пра беларускага іншадумца Міхала Кукабаку, які дагэтуль знаходзіцца ў зьняволеньні за свае палітычныя, нацыянальна-культурныя

---

[163] Беларус. 1983. Кастрычнік (№ 313). С. 2; Кантакты: Сіла прыцягнення Бацькаўшчыны... С. 65.

[164] Беларус. 1984. Сьнежань (№ 324). С. 1; Кантакты: Сіла прыцягнення Бацькаўшчыны... С. 66.

й рэлігійныя перакананьні. Хворага Міхала Кукабаку савецкая «гуманная» ўлада гадамі трымае ў турмах і лягерох прымусовае працы, адмаўляючы яму права на выезд з Савецкага Саюзу, ад грамадзянства якога Кукабака адмовіўся, у які-небудзь дэмакратычны край.

***

Плякат пра М. Кукабаку[165]

Плякат гэты выданы лёнданскім аддзелам Амнэсты Інтэрнэшэнал. Вялікага фармату, 1 м. удаўжкі й 65 цм. ушыркі, з чорным фонам і белымі літарамі, плякат прадстаўляе колькі найважнейшых мамэнтаў з жыцьця беларускага іншадумца Міхала Кукабакі, рабочага родам з Бабруйску, які ўжо гадамі гібее ў савецкіх турмах, «псыхушках» і лягерох прымусовае працы.

Канфлікт у Міхала Кукабакі з савецкай уладай выбухнуў, калі ў 1968 г. савецкае войска акупавала Прагу. Міхал Кукабака, быўшы тады ў Кіеве, пайшоў у чэхаславацкае пасольства там і склаў пратэст супраць савецкае інтэрвенцыі ў Чэхаславаччыне. Мамэнт гэты паказаны першым на плякаце.

На плякаце, ілюстраваным рысункамі й фатаграфіямі Кукабакі ды некаторых месцаў ягонага зьняволеньня, зьмешчаная таксама цытата з Кукабакавых выказваньняў у часе суду над ім. Беларускі іншадумец сказаў:

«Найпершае ды найважнейшае права чалавека, а фактычна абавязак перад самім сабой, гэта трымацца сваіх перакананьняў. Я баюся турмаў, лягероў, псыхбальніцаў... але яшчэ больш як турмы баюся хлусьні, нікчэмных паводзінаў ды свайго ўдзелу ўва ўсім гэтым. Мне ня сорамна, калі мяне завуць вязьнем, але мне прыкра, што я нарадзіўся ў гэтай краіне, і мне сорамна, што блізу трыццаць гадоў я быў сам паслухмянай прыладай гэтай сыстэмы. Ды мае пагляды даўно зьмя-

[165] Беларус. 1985. Сакавік–ліпень (№ 327). С. 1; Кантакты: Сіла прыцягнення Бацькаўшчыны... С. 66–67.

ніліся. Я хачу жыць паводля сваіх перакананьняў, чытаць, што мне падабаецца, і глядзець, што хачу. І вы судзіце мяне за гэтае жаданьне».

Плякат пытаецца вялікімі літарамі: «Ці Кукабака свабодны?».

Плякат паведамляе, што здароўе ў Міхала Кукабакі вельмі слабое, і заклікае пасылаць просьбы да савецкага пасла ў Лёндане, каб Міхалу Кукабаку было дазволена эміграваць на Захад. Пададзены адрыс савецкага пасольства [...].

***

У абарону М. Кукабакі[166]

У Лёндане 30 кастрычніка 1985 г. перад будынкам пасольства адбылася аднадзённая галадоўка й дэманстрацыя ў абарону Беларуса-іншадумца Міхала Кукабакі, шматгадовага вязьня сумленьня ў Савецкім Саюзе. Дэманстрацыю ладзілі актывісты з Амнэсты Інтэрнэшэнал (аддзел Бэльсайз Парк, раней — Гэмпстэд Юнітэрыян). Штагоду 30-га кастрычніка іншадумцы ў Савецкім Саюзе ды іхныя прыхільнікі ў вольным сьвеце адзначаюць Дзень Палітычнага Вязьня.

Ужо а 7-й гадзіне ўраньні дэманстранты пачалі сваю актыўнасьць на месцы дэманстрацыі, разьмяшчаючы плякаты й партрэт М. Кукабакі ды раздаючы пазьней лістоўкі й зьбіраючы подпісы пад пэтыцыяй да савецкіх уладаў аб вызваленьні Кукабакі й дазволе яму выехаць за межы Савецкага Саюзу.

Вялікае зацікаўленьне праходжых выклікаў ілюстраваны плякат, прысьвечаны Кукабаку.

М. Кукабаку ўзялі пад сваю абарону лёнданская група Амнэсты Інтэрнэшэнал ды гэткія-ж групы ў Даніі і Аўстрыі. Лік абаронцаў Кукабакі павялічваецца, у чым можна было пераканацца з таго, што на дэманст-

---

[166] Беларус. 1986. Студзень–сакавік (№ 328). С. 2; Кантакты: Сіла прыцягнення Бацькаўшчыны... С. 67–68.

рацыю прыбылі людзі з розных краінаў вольнага сьвету, каб выказаць сваю салідарнасьць зь беларускім іншадумцам.

Беларусы Лёндану й ваколіцаў падтрымалі дэманстрацыю групай, на чале якое быў старшыня ЗБВБ сп. Я. Міхалюк[167].

А. З.

***

Гарбачову пра Кукабаку[168]

Кангрэсмэн Франк Анунцыё[169] із штату Іліной (г. Чыкага) напісаў ліст генэральнаму сакратару ЦК КПСС М. Гарбачову[170] з просьбай дазволіць беларускаму вязьню сумленьня Міхалу Кукабаку выехаць на Захад. Кукабака знаходзіцца ў зьняволеньні ад 1970 году за свае палітычныя, рэлігійныя й нацыянальныя перакананьні.

Тэкст ліста кангрэсмэна Анунцыё зьмешчаны ў ягоным выступленьні ў Кангрэсе ЗША з нагоды 68-х угод-

---

[167] Янка Міхалюк (1922–1995), грамадскі дзеяч. Пасля Другой сусветнай вайны апынуўся ў Вялікабрытаніі. Быў сябрам Згуртавання беларусаў у Вялікабрытаніі, адзін з заснавальнікаў беларускага жыцця ў Брадфардзе. Ад 1965 г. жыў у Лондане (Вялікабрытанія). Быў пастаянным сябрам Галоўнай управы Згуртавання беларусаў у Вялікабрытаніі, у 1970–1995 гг. — нязменным старшынёй арганізацыі. Належаў да кіраўніцтва Англа-беларускага таварыства, займаўся распаўсюдам часопіса The Journal of Byelorussian Studies. Уваходзіў у Раду апекуноў Беларускай бібліятэкі імя Ф. Скарыны.

[168] Беларус. 1986. Верасень (№ 330). С. 3; Кантакты: Сіла прыцягнення Бацькаўшчыны... С. 68.

[169] Франк Анунцыё (анг. Frank Annunzio, 1915–2001), амерыканскі палітычны дзеяч з Чыкага. Быў дэпутатам Палаты прадстаўнікоў Кангрэса ЗША ў 1965–1993 гг.

[170] Міхаіл Гарбачоў (рус. Михаил Горбачёв, нар. 1931), савецкі партыйны і дзяржаўны дзеяч, у 1985–1991 гг. — Генеральны сакратар ЦК КПСС.

каў абвешчаньня незалежнасьці Беларускае Народнае Рэспублікі (гл. «Кангрэсавыя Запісы», 8.IV.1986, б. E1010).

У сваім выступленьні кангрэсмэн Анунцыё адзначыў патрыятычную дзейнасьць Беларускага каардынацыйнага Камітэту ў Чыкага[171] ды выдатны ўдзел амэрыканскіх Беларусаў у «духовым, эканамічным і інтэлектуальным росьце Амэрыкі».

***

М. Кукабака ў Віцебскай турме[172]

Як падала брытанская арганізацыя, што сочыць рэігійныя справы ў Савецкім Саюзе, Кестан Коледж, беларускі вязень сумленьня Міхал Кукабака (пра якога былі весткі, што яго выпусьцілі на волю ў ліку 150 вязьняў) пераведзены зь Пермскага лягеру №36 у віцебскую турму. [...]

Падаем просьбу да ўсіх людзей добрае волі пасылаць Кукабаку словы падтрыманьня, бо ў яго падарванае здароўе ў выніку шматгадовага й жорсткага зьняволеньня.

***

Галадоўка М. Кукабакі[173]

На 18-м годзе свайго зьняволеньня беларускі вязень сумленьня ў Савецкім Саюзе Міхал Кукабака адзначыць яшчэ раз галадоўкаю Дзень палітычнага Вязьня ў СССР 30-га кастрычніка сёлета. Тое самае зробіць Кукабака і

---

[171] Беларускі каардынацыйны камітэт у Чыкага — грамадская арганізацыя, створаная прадстаўнікамі паваеннай эміграцыі ў 1970-х гг.

[172] Беларус. 1987. Студзень–сакавік (№ 333). С. 1; Кантакты: Сіла прыцягнення Бацькаўшчыны... С. 69.

[173] Беларус. 1987. Кастрычнік (№ 340). С. 3; Кантакты: Сіла прыцягнення Бацькаўшчыны... С. 69–70.

10 сьнежня на ўгодкі прыняцьця Аб’еднанымі Нацыямі Ўсеагульнае Дэкляарацыі Правоў Чалавека.

Зь беларускім іншадумцам будуць сёлета салідарызавацца ягоныя абаронцы на Захадзе правядзеньнем дэманстрацыяў у Лёндане, Даніі, Аўстрыі ды ў Чыкага. Ініцыятары дэманстрацыяў — аддзелы Міжнароднай Амністыі, а ў Чыкага — Беларускі Каардынацыйны Камітэт.

Беларуска-Амэрыканскі Камітэт Абароны Вязьняў Сумленьня на Беларусі й Беларуска-Амэрыканскае Задзіночаньне выслалі тэлеграмы ў Міністэрства Юстыцыі СССР з просьбаю вызваліць Міхала Кукабаку й даць яму магчымасьць выехаць у якую-небудзь некамуністычную краіну, як аб гэтым просіць сам Кукабака. З падобнымі просьбамі было выслана зь ініцыятывы Міжнароднае Амністыі ў Лёндане на працягу кастрычніка сёлета колькі дзясяткаў лістоў да савецкага міністра юстыцыі Краўцова[174]. Рэдакцыя «Беларуса» просіць усіх сваіх чытачоў таксама пісаць лісты да міністра Краўцова з просьбай вызваліць М. Кукабаку. [...]

***

У Маскве пра М. Кукабаку[175]

Савецкі акадэмік Андрэй Сахараў на прэсканфэрэнцыі ў Маскве ў часе побыту там прэзыдэнта Рэйгана[176] гаворачы пра палітычных вязьняў, якіх савецкая ўлада трымае яшчэ ў зьняволеньні, назваў першым беларускага іншадумца Міхала Кукабаку.

---

[174] Барыс Краўцоў (рус. Борис Кравцов, нар. 1922), савецкі юрыст, Герой Савецкага Саюза, у 1984–1989 гг. быў Міністрам юстыцыі СССР.

[175] Беларус. 1988. Чэрвень (№ 348). С. 2; Кантакты: Сіла прыцягнення Бацькаўшчыны... С. 70.

[176] Рональд Рэйган (анг. Ronald Wilson Reagan, 1911–2004), амерыканскі палітычны дзеяч, губернатар штата Каліфорнія, акцёр і радыёвядучы, 40-ы прэзідэнт ЗША (1981–1989).

***

Паштоўка пра М. Кукабаку[177]

Архітэктар Сьвецік Каранеўскі[178] ў Аўстраліі выдаў паштоўку на абарону беларускага вязьня сумленьня Міхала Кукабакі. Кукабака адбывае цяпер тэрмін пакараньня ў лягеры прымусовае працы.

На адным баку паштоўкі — фатаграфія Кукабакі, на другім — адрас і просьба (па-ангельску) да пракурора РСФСР Емельянава[179], каб Кукабаку выпусьцілі на волю й дазволілі яму выехаць з Савецкага Саюзу, як ён гэтага дамагаецца ад 1977 году.

Паштоўкі гэткія Вы можаце дастаць задарма з рэдакцыі «Беларуса». З маркай за 36 цэнтаў (у ЗША) яна будзе дастаўленая адрасату паветранай поштай.

Просьба да ўсіх: пасылайце гэтыя паштоўкі або пішэце лісты пракурору Емельянаву з дамаганьнем (ветлівым) выпусьціць Міхала Кукабаку на волю. [...]

***

М. Кукабака на сьпісе аб звальненьні[180]

У канцылярыі кангрэсмэна Фрэнка Вульфа[181] із штату Вірджынія газэце «Беларус» было сказана, што зьняволены беларускі іншадумец Міхал Кукабака быў на сьпісе

---

[177] Беларус. 1988. Чэрвень (№ 348). С. 2; Кантакты: Сіла прыцягнення Бацькаўшчыны... С. 70–71.

[178] Свецік Каранеўскі, архітэктар, сын беларусаў-эмігрантаў у Аўстраліі Міколы і Аўгінні Каранеўскіх. Жыве ў Сіднэі.

[179] Сяргей Емяльянаў (рус. Сергей Емельянов, 1936–1995), савецкі юрыст, у 1984–1990 гг. быў пракурорам РСФСР.

[180] Беларус. 1988. Верасень (№ 351). С. 2; Кантакты: Сіла прыцягнення Бацькаўшчыны... С. 71–72.

[181] Фрэнк Вульф (анг. Frank Rudolph Wolf, нар. 1939), амерыканскі палітык-рэспубліканец, у 1981–2015 гг. быў дэпутатам Палаты прадстаўнікоў Кангрэса ЗША.

прозьвішчаў, які міжнародная рэлігійная дэлегацыя перадала савецкім уладам улетку сёлета. У складзе дэлегацыі быў і кангрэсмэн Вульф. Савецкія афіцыйныя асобы Фёдар Бурлацкі[182], старшыня Грамадзянскай Камісіі Правоў Чалавека, і Канстантын Харчэў[183], старшыня Савету да Рэлігійных Справаў, публічна сказалі дэлегацыі, што ў верасьні сёлета ў Савецкім Саюзе будзе амністыя. Савецкія чыноўнікі не сказалі, аднак, ці ўсе тыя, хто быў у сьпісе, будуць звольненыя.

На сьпіску было таксама прозьвішча дыякана Уладзімера Русака[184], Беларуса з Баранавічаў.

Дамаганьні вызваленьня Кукабакі ды іншых зьняволеных не павінны аднак паслабляцца ад заяваў савецкіх чыноўнікаў аб амністыі.

***

Міхась Кукабака на волі![185]

Заходнія газэты паведамілі 6 сьнежня, што беларускі іншадумец, шматгадовы палітычны вязень Міхал

[182] Фёдар Бурлацкі (рус. Фёдор Бурлацкий, 1927–2014), савецкі і расійскі палітолаг, журналіст і публіцыст, доктар філасофскіх навук, адзін з аўтараў «Морального кодекса строителя коммунизма» (1961).

[183] Канстанцін Харчаў (рус. Константин Харчев, нар. 1934), савецкі партыйны і дзяржаўны дзеяч, дыпламат. У 1984–1989 гг. быў старшынёй Савета па справах рэлігій Савета Міністраў СССР.

[184] Уладзімір Русак (нар. 1949), праваслаўны святар. Падрыхтаваў трохтамовае даследаванне «Свидетельство обвинения», прысвечанае дачыненням Рускай праваслаўнай царквы і савецкай улады, з аповедам пра рэпрэсіі супраць царквы. За казанні пра пакутнікаў за веру быў пазбаўлены права служэння. У 1986 г. быў асуджаны за «антысавецкую агітацыю і прапаганду» на 7 гадоў. Па вызваленні жыў у Маскве.

[185] Беларус. 1988. Сьнежань (№ 354). С. 1; Кантакты: Сіла прыцягнення Бацькаўшчыны... С. 72.

Кукабака выпушчаны на волю зь Пермскага лягеру суровага рэжыму (лягер № 35). Карэспандэнт газэты «Нью-Ёрк Таймс» А. Розэнталь[186] паведаміў з Масквы, што Кукабаку звольнілі 3-га сьнежня, калі яму споўнілася 52 гады жыцьця. Але не ўгодкі нараджэньня былі прычынай вызваленьня Кукабакі. Ход гэты быў прыстасаваны савецкімі ўладамі да прыезду Гарбачова ў Нью-Ёрк[187]. Як зазначыў Розэнталь, гэта быў свайго роду «падарунак ад Гарбачова гораду Нью-Ёрку».

Кукабака знаходзіцца цяпер у Маскве, затрымаўся ён часова на кватэры былога палітвязьня эканаміста Льва Цімафеева[188], зь якім Кукабаку давялося дзяліць у лягеры № 35 штрафную камэру.

МІХАСЬ КУКАБАКА: ЛІСТЫ ПАСЛЯ ВЫЗВАЛЕННЯ

У раздзеле змешчаны лісты Міхася Кукабакі да Янкі Запрудніка пасля вызвалення. Яны ўтрымліваюць звесткі пра першыя гады жыцця іншадумца на волі ўжо ў крыху іншай краіне, чым тая, якую ён раней ведаў. Лісты распавядаюць і пра побытавыя скла-

---

[186] Маецца на ўвазе Эндру Разэнталь (анг. Andrew Mark Rosenthal, нар. 1956), журналіст, сын вядомага рэдактара «Нью-Ёрк Таймс» Абрама Разэнталя. У той час Эндру Разэнталь працаваў карэспандэнтам у Маскве.

[187] Маецца на ўвазе візіт Міхаіла Гарбачова ў Нью-Ёрк у снежні 1988 г., падчас якога савецкі лідар сустракаўся з Рональдам Рэйганам і Джорджам Бушам, выступаў у ААН.

[188] Леў Цімафееў (рус. Лев Тимофеев, нар. 1936), расійскі пісьменнік, журналіст, эканаміст, грамадскі дзеяч, дысідэнт. Аўтар працы «Технология черного рынка, или Крестьянское искусство голодать». Арыштаваны ў 1985 г., вызвалены ў 1987 г. Адзін з заснавальнікаў часопіса «Гласность» і аднайменага прэс-клуба. Жыве і працуе ў Маскве.

данасці Міхася Кукабакі, і пра жыццё краіны — пра апошнія дні «імперыі зла». Арыгіналы лістоў захоўваюцца ў прыватным архіве Янкі Запрудніка ў Сомерсэце (Нью-Джэрсі, ЗША). Тэксты публікаваліся ў кнізе «Кантакты: Сіла прыцягнення Бацькаўшчыны (Да 90-годдзя Янкі Запрудніка)» (Мінск: Кнігазбор, 2016. С. 78–115).

27.V.89 г.

Здравствуй, дорогой Паша[189]!

Во-первых, большое спасибо за помощь, которую вы все мне оказали. Она мне очень кстати. До этого Леонид Иванович кредитовал меня на неопределённый срок, и я, пользуясь случаем, сразу рассчитался с ним. Он высказал сомнения в отношении Петра Павельевича, и я нашёл его доводы вполне обоснованными. Об этом мы Мише (родичу Светличной) и изложили, надеясь, что он всё передаст Вам при встрече.

Далее Леонид Иванович высказывался в том плане, что лучше бы вообще сюда не пересылали деньги, Петру в смысле, а пересылали на имя Каролин Браун, к примеру, чтобы при поездке в Англию Лёня мог их использовать. В этом тоже, видимо, есть смысл. Ну, да разве всё предусмотришь заранее? Поезд, как говорится, ушёл. Я очень благодарен за саму помощь, в какой бы форме она ни проявилась.

Лёня звонил, что от тебя письмо, но я не застал его дома. На днях заберу. Вообще все письма я получаю на адрес Льва Тимофеева. Мне это удобно, так как в любое время могу забрать их у него. Лучше туда и пиши. Под его фамилией в скобках указать: (Для Миши), и всё будет понятно.

Пользуясь случаем высылаю свою фотографию: такой я через два с лишним месяца после лагеря.

---

[189] Павал Янкоўскі — псеўданім Янкі Запрудніка.

А теперь несколько слов о себе как диссиденте на сегодняшний день.

Итак, коммунисты категорически отказались пересматривать сфабрикованное мне обвинение (иначе пришлось бы меня реабилитировать) и освободили по указу о помиловании, против которого я столь же категорически возражал.

В течение 12 лет я упорно настаивал на своём отказе от советского гражданства, добивался юридического признания этого факта. Мои требования игнорировали, как будто их и не существовало.

Подобный тактический приём — «не замечать» — весьма распространён среди советских чиновников любого уровня.

Если какое-то явление или факт не укладывается в официально установленные догмы, то их не будут замечать, несмотря на их очевидность для окружающих. Так, на протяжении десятилетий «не замечали» таких неудобных для властей явлений, как: пьянство, наркомания, политзаключённые, мафия и т. д. Утверждалось, что ничего подобного при социализме нет и быть не может.

Не посчитались и с моими требованиями прямо из лагеря выслать за рубеж, хотя я неоднократно заявлял, что признавать советское гражданство не буду, поэтому после освобождения возникнут проблемы.

По условиям освобождения (при помиловании) ссылка мне официально не определена. Тем не менее власти отказались выдать мне старые документы, а потребовали, чтобы я ехал на место своего ареста, получал там новый паспорт и устраивался. Это уже явное ограничение меня в выборе места жительства, а сам факт получения нового паспорта означает фактическое признание советского гражданства, против которого я решительно возражаю.

По месту ареста в г. Бобруйске у меня нет ни друзей, ни родственников, нет и не было никакого жилья; враждебное отношение местных властей. Иначе говоря, со-

знательно хотят создать провокационную, конфликтную обстановку вокруг меня. За 10 лет, что я сидел, местные власти содействовали разворовыванию и порче даже моих скромных вещичек, которые по закону должны были храниться на складе до моего освобождения. На мою жалобу бобруйский прокурор даже не стал отвечать вообще.

И вообще, юридически абсолютно необъяснимо, почему я обязан получать удостоверение личности — паспорт именно в г. Бобруйске (с которым меня абсолютно ничего не связывает, кроме неприятных воспоминаний), а не в любом другом городе СССР, в том числе и в Москве?

Вот такую создали ситуацию. Освободили, но... не имею крыши над головой. Не имею права устраиваться на работу и законно арендовать жильё у кого бы то ни было. Вообще лишён всяких прав.

На свои последние заявления в Президиум СССР, поданые ещё в лагере в 1988 г., так и не получил ответа. Буду писать снова. На этот раз «Открытое обращение» в Президиум, в котором буду настаивать на признании (юридическом) своего отказа от гражданства, впервые сделанного 16 апреля 1977 года.

Что же касается процедуры самой эмиграции, то выехать из СССР по «сценарию» советских идеологических служб, вероятно, можно было и в 1976–77 гг. (т. е. фиктивный брак и т. д.).

Но я предпочёл годы заключения, чем соблюдать советский ритуал эмиграции, а точнее, коммунисты решили скорее похоронить меня в тюрьмах, чем позволить выехать из страны не по ихнему «ритуалу».

Чем же я их так «обидел»?

Главное, я отказался от гражданства по политическим мотивам.

Одним из аргументов было следующее: «Мне стыдно, что я родился “русским” в этой стране... я считаю оскорбительным для себя быть гражданином государства, которое уничтожило десятки миллионов собствен-

ных граждан и принесло неисчислимые страдания народам других стран… будучи гражданином, я как бы соучаствую во всём том зле, которое совершает это государство вопреки воле своего народа…»

Я утверждал, что гражданство в СССР — это фикция, как и многое другое, как выборы, демонстрации и т. д.

Дальше, «…так как инакомыслие в этой стране считается преступлением, то я, в силу своих убеждений, всегда буду субъектом преступления по законам этого государства, а значит, обречён на бессрочное заключение… поэтому после освобождения меня от советского гражданства прошу позволить выехать в любую некоммунистическую страну».

Вот так я ставил вопрос в 1977 году и позже в лагерях. Выезд не как самоцель, побег, а как элемент борьбы за суверенитет личности. Как борьба против государственной собственности на человека.

Разумеется, на такие «уступки» коммунисты не могли пойти и упрятали меня на долгие годы за решётку.

Но даже и без всего этого. Вы же знаете — все эти годы был Афганистан. Я не смог бы пройти мимо, как не мог пройти мимо Чехословакии 1968 года.

Значит, я всё равно был обречён на тюрьму. Я стал бы вечным узником, если бы не политические маневры Горбачёва, если бы он не сделал нас — политзаключённых — своей разменной монетой в торговле с Западом. То, что я говорю, — не домысл.

В 1986 году начальство Пермского лагеря угрожало добавить мне новый срок после 1990 года, если я не изменю своих убеждений. Это ещё 10 лет. Всего составило бы 28 лет. Это был бы конец. Я бы умер. У меня нету столько сил, Бог не дал лишнее.

Коммунистическое государство в России является анахронизмом в современном цивилизованном мире. Равносильно, как если бы восточную деспотию XV века перенести в XX-ый. Ни в маленькой Австрии, ни в большой Америке люди не смогут чувствовать себя спокойно, пока существует коммунистический режим в такой

огромной стране, как Россия; пока судьбы многих миллионов людей будут зависить от воли «злого» Сталина или «добренького» Горбачёва.

Для того, чтобы скрыть, замаскировать от мира крепостническую сущность режима в СССР, коммунисты прибегают к имитации всех внешних атрибутов демократии: голосование, демонстрации, псевдообщественные организации, разные названия газет и т. д.

Важным элементом пропаганды является и гражданство.

Но институт гражданства в СССР не имеет ничего общего с тем, что подразумевают под этим в западноевропейском обществе.

Человек в СССР никогда не был и даже сегодня не является гражданином в том понимании этого слова, как о себе может сказать житель Австрии, Дании, Великобритании или, скажем, Вы — гражданин Соединённых Штатов Америки.

Свыше 20 лет назад, когда я стал бойкотировать это коллективное шаманство, эти ритуальные «игры» в демократию — выборы, профсоюзы, демонстрации и т. д., то вопрос гражданства — это важное звено советской пропаганды — как-то выпадало из поля моего внимания.

Но разобравшись во всём этом, я решил официально не признавать того, чем в действительности никогда не обладал и не обладаю — гражданство. Я отказался от соблюдения «ритуала».

Гражданство в СССР — это иллюзия. Принудительное гражданство — это рабство. В СССР человек до сих пор является собственностью государства. Таковы реалии этой страны.

Боюсь, что я утомил Вас своим длинным и, прямо скажем, «школьным» письмом. Просто хотелось, чтобы меня правильно поняли. К сожалению, не всегда меня понимают (или не хотят), в том числе и некоторые диссиденты. Думаю, в первую очередь те, кто хочет спокойно жить и в то же время считаться диссидентом.

Человеку свойственно стремление к душевному комфорту — к согласию с самим собой. А если кто-то рядом это «согласие» нарушает самим фактом своего существования, а точнее, образом своего поведения? Такой человек не всегда приятен, его не хочется понимать.

Вам, как бы со стороны, легче быть объективным в таком деле. По существу, я продолжаю тот же образ жизни, ту же линию поведения, которые были прерваны моим арестом 6 октября 1978 года.

Власти терпят меня на свободе, пока терпят. Дальше будет видно. Возможно, я окажусь на Западе, может, нет. Не всё самому ясно. Пока никаких официальных приглашений я ниоткуда не получал. Об этом мне сказали в ОВИРе (отдел виз).

Мне можно сделать один, но очень серьёзный упрёк — в моей слабой активности, слабой энергичности.

Объективная сторона дела такова: из-за длительного срока заключения (и жестоких условий) у меня разладились некоторые функци организма, своего рода болезнь. Трудности с врачом, лекарством и прочее... Это проблема — очень многих, кто слишком долго сидел и остался без семьи. Со сроком мне «не повезло» больше, чем другим, на сегодняшний день. Но каждый выбирает себе судьбу сам, и здесь нет места для сожалений.

Субъективно то, что из-за своей житейской бестолковости плохо справляюсь с такими проблемами. Плохо то, что допустил слабость, позволил личным неурядицам повлиять на свои общественные интересы. По существу, стою как бы вне окружающей жизни.

Единственный человек — это Леонид Иванович, который с полным пониманием и сочувствием относится к этой моей сегодняшней растерянности. Дай Бог, всё как-то образуется.

М. Горбачёв не раз публично заявлял, что «не обладает истиной в последней инстанции». Далее, он утверждал, что за инакомыслие никто в СССР не будет подвергаться преследованию.

Может быть, этими заявлениями он хотел снизить поток эмиграции и заодно создать себе «имидж» на Западе? Вполне возможно, что так. Если бы его намерения были искренними, то провели бы реабилитацию лиц, пострадавших за политическое инакомыслие в так называемые «застойные годы». Пока об этом не слышно.

Задолго до Горбачёва с его перестройкой я жил и поступал, опираясь на свою совесть и разум, и не оглядывался на решения, указы, заявления разных правителей. При этом убеждении остаюсь и сейчас.

Поэтому я открыто солидарен с любой группой лиц, союзом или партией, которые чётко стоят на демократических (а значит антикоммунистических) позициях. Разумеется, при условии их правильного подхода к национальным проблемам.

Правильным отношением к национальному вопросу я считаю не «признание прав на самоопределение» (об этом и во всех советских конституциях записано), а непризнание Российской Империи — СССР как правового образования. И требование провести деколонизацию в соответствии с решениями ООН.

Как сам белорус по национальности, я твёрдо убежден: только при полной независимости от Москвы белорусы могут возродиться как нация.

Руссификация угрожает и многим другим народам Империи.

Сказанное — не преувеличение. Язык — этот важнейший признак национальной самобытности народа — потерял в сегодняшней Белоруссии свою массовую базу. Разве не парадокс, что Вы — белорусы, живущие в далёкой Америке, за многие тысячи километров от исторической Родины, являетесь более полноценными представителями белорусской культуры, носителями языка, чем люди, живущие на земле своих предков. Печально, но это — факт.

Сейчас, в условиях либерализации, делаются попытки исправить такое положение. Но это усилия энтузиастов вопреки воле продажного белорусского чиновничье-

го аппарата и... при равнодушии, прямо скажем, основной массы писателей. Это ли не показатель национальной деградации народа, утери им чувства национального достоинства? Всё это результат коммунистической национальной политики, проводимой десятилетиями.

А вот положению, вернее, отношению к национальным вопросам в Прибалтийских республиках нам, белорусам, можно только завидовать. Там даже партийная верхушка вынуждена считаться с требованиями народа, учитывать его настроения.

Да ведь и в лагерях, если вспомнить, основную массу политзаключённых составляли представители из Прибалтики, потом украинцы. Из белорусов лишь я один был осуждён по ст. 7 УК РСФСР по обвинению в «национализме», да и по ст. 190 — то есть по статьям, которые считаются «классическими» политическими статьями.

За освобождение МартаНиклуса[190], Тарто[191], Тамкевичюса[192], Сваронераса и др. в Прибалтике выступала интеллигенция, устраивались демонстрации.

Меня поддержали только Вы и правозащитные организации за рубежом. Здесь, в СССР, в мою защиту выступали только некоторые московские диссиденты во главе с академиком А. Д. Сахаровым.

В Белоруссии же — тишина. Все эти сегодняшние крикуны-перестройщики, конъюнктурщики: Алесь Ада-

---

[190] Март Ніклус (эст. Mart Olav Niklus, нар. 1934), эстонскі праваабаронца. За антысавецкую дзейнасць знаходзіўся ў зняволенні ў 1958–1966 і 1981–1988 гг. У 1990–1992 гг. быў дэпутатам Кангрэса Эстоніі.

[191] Маецца на ўвазе Эн Тарта (эст. Enn Tarto, нар. 1938), эстонскі палітычны дзеяч, адзін з лідараў дысідэнцкага руху. У 1956–1960, 1962–1967 і 1983–1988 гг. знаходзіўся ў зняволенні за антысавецкую дзейнасць.

[192] Маецца на ўвазе Сігітас Тамкевічус (літ. Sigitas Tamkevičius, нар. 1938), літоўскі каталіцкі дзеяч, арцыбіскуп Каўнаса. У 1983 г. быў арыштаваны і асуджаны за антысавецкую прапаганду і агітацыю. Вызвалены ў 1988 г.

мович[193], Василь Быков[194], Гилевич[195] и др. Никто из них и слова не сказал в мою защиту, да и вообще в защиту сегодняшних политзаключённых. С завидным энтузиазмом они сейчас «разрабатывают» очень им выгодную, золотую жилу — сталинских репрессий 40–50-летней давности. Как же?! И безопасно, и престижно. Но ни один из них даже сегодня, когда я на свободе, не поинтересовался: как я живу, как устроен, в чём нуждаюсь после почти 17-летнего заключения.

Никто из них ни в чём не попытался помочь мне, поддержать мои требования о пересмотре сфабрикованных мне дел, помочь мне в реабилитации, пока я жив. Как же! Мёртвых легче, безопаснее реабилитировать, ведь не только жертвы, но и палачи в могилах. Мои же палачи и сегодня при деле, на своих местах, только ждут своего часа. Поэтому и обходят их стороной быковы и адамовичи.

Потому и не верю я в искренность слов Быкова и Адамовича — ни устному, ни письменному. Все они конъюнктурщики. Хотя Вас, на Западе, их броская, эффектная, «смелая» фраза с высоких трибун может легко ввести в заблуждение. Не забывайте только. Их показная «смелость» — это разрешённая смелость как элемент перестроечной пропаганды Горбачёва. Изменится власть — и фраза их изменится.

Вы для меня важный фактор поддержки сегодня, и я благодарен Вам за это. Паша! Мне было бы интересно

---

[193] Алесь Адамовіч (1926–1994), пісьменнік і грамадскі дзеяч. У 1989 г. быў народным дэпутатам СССР.

[194] Васіль Быкаў (1924–2003), пісьменнік і грамадскі дзеяч. У 1978–1989 гг. быў дэпутатам Вярхоўнага Савета БССР, у 1988 г. стаў адным з заснавальнікаў Беларускага народнага фронту. У 1989 г. абраны народным дэпутатам СССР.

[195] Ніл Гілевіч (1931–2016), паэт і грамадскі дзеяч, народны паэт Беларусі. У 1985–1990 гг. быў дэпутатам Вярхоўнага Савета БССР.

увидеть фотографии Ваших мест, всё, что связано с белорусским землячеством.

Привет твоим близким и всем сябрам белорусам. И конечно, передайте привет и мою благодарность за поддержку Зинаиде Михайловне[196].

Всего Вам доброго!

МК. 3.III.89.

Вот примерно такое письмо, Паша, я отправил тебе со своей фотографией. Схожие письма послал Каролин Браун в Англию и Герхальд Кугере в Австрию. Ни одно из них не дошло до адресата. Такова эта избирательная «гласность». Фотографию твою получил, большое спасибо, и за бандероль с кофе тоже. В моих делах пока никаких изменений нет. 10 марта я направил «Открытое обращение» в Президиум. Пока ответа не получил и вряд ли получу. Очень они любят «отмалчиваться», когда ответить нечего или неудобно.

Что скрывать, настроение у меня отвратительное. В лагере я был как стальная пружина, чем больше давят, тем больше сопротивление.

Сейчас полная душевная расхлябанность как никогда в жизни. Но и проблемы личного плана, которые пытаюсь решить, раньше тоже не возникали.

Ну, да ладно об этом. Пока Леонид Иванович будет в Англии, успеешь написать ему для меня. У Вас почта быстрее гораздо, чем у нас, работает.

Всего доброго!

Привет землякам, Зинаиде Михайловне и, по возможности, выехавшим из СССР недавно, кто меня знает. Где-то в Штатах Петренко, Мария Гавриловна с семьёй. Она очень много мне старалась помочь, пока я сидел. Не знаю её адреса. Ну, будь здоров!

МК (Кукабака).

---

[196] Маецца на ўвазе жонка Пятра Грыгарэнкі Зінаіда, якая падтрымоўвала Міхася Кукабаку і з якой быў знаёмы Янка Запруднік.

14.II.1990 г.

Здравствуй, дорогой Паша!

Давненько я не писал тебе. Да ведь у нас письма за границу всё равно что из лагеря. Пишешь и как бы ощущаешь чьё-то недремлющее око, которое заглядывает через плечо: то ли слово написал, так ли мысль выразил, чтобы её выпустить за кордон. И часто не выпускают, несмотря на все разговоры о гласности. Кстати, получил ли ты мою Рождественскую карточку?

По-прежнему разгоняют митинги, если они не понравились властям. 18 января в Москве на площади около памятника Юрию Долгорукому[197] Демократический Союз[198] и Московский Народный Фронт[199] пытались провести митинг в память о разгоне Учредительного Собрания в 1918 году.

Понаехали «чернорубашечники» (спецназ), с дубинками разгоняли, а кого и арестовали; своими глазами видел. Любопытно, что помогали им арестовывать демонстрантов немало людей в «штатском». Среди них, говорят, много «афганцев» — бывших интервентов. Их охотно берут на службу в КГБ и другие карательные органы.

И всё таки народ осмелел, как меньше стали сажать. И в Белоруссии народ стал просыпаться понемно-

---

[197] Помнік кіеўскаму князю Юрыю Даўгарукаму (1090-я — 1157), што лічыцца заснавальнікам Масквы, стаіць на Цвярской плошчы расійскай сталіцы, якая да 1993 г. называлася Савецкай.

[198] Дэмакратычны саюз — першая палітычная партыя ў СССР, якая адкрыта абвясціла сябе апазіцыйнай. Заснаваная ў траўні 1988 г. групай праваабаронцаў і дысідэнтаў. Міхась Кукабака пазначаецца як адзін з удзельнікаў дзейнасці партыі.

[199] Маскоўскі народны фронт — грамадска-палітычная арганізацыя, якая існавала ў Маскве ў 1988–1990 гг. Асноўная мэта — дамагчыся рэфармавання СССР.

гу. Даже Христианское Демократическое движение[200] образовалось, в котором и священники принимают участие. Благо Литва рядом, есть с кого пример брать.

Недавно написал статью «Где взять средства для экономики (или Во что обходятся ложные стереотипы)», где утверждал необходимость ликвидации армии, КГБ, пропаганды и предлагал бороться за статус постоянного нейтралитета для России.

Так оказалось проблемой даже в неформальной печати (самиздат) опубликовать, не говоря уже, чтобы включить в программу какой-либо организации. Лидер ХДС России[201] заявил, что нейтралитет — это безнравственно (?). Выходит, пацифисты во всех странах безнравственные люди?

К сожалению, шовинистическое сознание у русскоязычного населения очень сильно развито. Оно главным образом тормозит достижение независимости в Латвии, Эстонии и Молдавии, не говорю уже о Белоруссии.

Чуть раньше написал аб Афганской проблеме. Коекто поморщился, но в самиздате где-то, пусть в сокращении, но пошла. Полный текст посылаю тебе, почитай и поступай по своему усмотрению.

У американцев слишком эйфорическое представление о Горбачёве. Они не сознают хорошо, что многое он делает исключительно под давленим обстоятельств и с целью любыми путями сохранить власть за собой. И всё же, пока, хоть со скрипом, но страна движется вперёд.

---

[200] Відаць, маюцца на ўвазе першыя спробы стварэння Беларускай хрысціянска-дэмакратычнай злучнасці, афіцыйны ўстаноўчы сход якой адбыўся пазней — 1 чэрвеня 1991 г.

[201] Маецца на ўвазе Аляксандр Агароднікаў (рус. Александр Огородников, нар. 1950), расійскі дысідэнт, хрысціянскі дэмакрат. У 1989 г. стаў арганізатарам і старшынёй Хрысціянска-дэмакратычнага саюза Расіі.

Намечается официальный раскол КПСС. Это будет началом конца коммунизма в СССР.

Ну, желаю тебе всего наилучшего, счастья и покоя в семье. Привет Зинаиде Михайловне, при возможности. Будут новости, напишу обязательно.

МК.

4.IV.90.

Здравствуй, дорогой Паша!

Ваше общее поздравление с Новым Годом получил, большое спасибо. Правда, получил в начале марта. 2 месяца шло письмо-поздравление с Америки до Москвы. Таково «сито» советской цензуры даже при ихней перестройке.

Сейчас я помимо своих личных дел — прописки, трудоустройство, жильё и т. д. — пытаюсь как-то содействовать освобождению оставшихся политзаключённых. Из активных диссидентов я последний покинул лагерь. Но там остались те, кто не хотел бороться с режимом и не хотел жить в СССР. Разными путями они хотели уехать или убежать из страны. За это их судили как за «измену Родине».

Один из них, к примеру, Саша Голдович[202] (обрусевший белорус) на надувной лодке пытался вместе с женой сбежать в Турцию. Поймали и 15 лет лагеря и 5 лет ссылки дали. Судили в 1985 году. Значит, конец срока в 2005 году. А у него плохое здоровье.

Мать его обращается во все инстанции и к разным людям за помощью, чтобы заставить власти пересмотреть в суде приговор её сына. Я пытаюсь ей в этом помочь.

---

[202] Аляксандр Галдовіч (рус. Александр Голдович, нар. 1947), інжынер. Быў асуджаны ў 1985 г., памілаваны і рэабілітаваны ў 1991 г.

Свидетели обвинения недавно отказались от своих показаний. Они заявили, что КГБ заставило их лгать на Голдовича, чтобы осудить его как «изменника». Свидетели обратились в Верховный Совет СССР, в Прокуратуру, в Верховный Суд СССР. Все они пока «отмалчиваются».

Мать обратилась с просьбой о помощи к Барбаре Буш[203] (жене Президента США) и к мадам Миттеран[204] (аналогично).

Вы, наверное, знаете о положении в Литве[205]? В Москве проводились митинги в поддержку независимости Литвы. Я тоже выступал на одном из крупных (первый раз в качестве «оратора»).

Недавно Центральное Телевидение пригласило меня на Теле-Мост, с Лондоном, вроде. Это будет 26 апреля в 7 или 8 часов по местному. Дают 1 минуту. Плохо представляю, что можно рассказать за одну минуту.

Паша, ты спрашиваешь, что мне прислать? Вообще я очень непритязательный и обхожусь самым малым. Так что мне пока ничего из вещей (в смысле одежды) или продуктов не нужно.

А вот одна вещь мне бы очень не помешала. Я имею в виду диктофон с запасными кассетами.

Хотя великий Энштейн[206] и говорил, что «хорошие мысли так редко приходят в голову, что их не трудно и

---

[203] Барбара Буш (анг. Barbara Pierce Bush, нар. 1925), жонка 41-га Прэзідэнта ЗША Джорджа Буша старэйшага, маці 43-га Прэзідэнта ЗША Джорджа Буша малодшага.

[204] Даніэль Мітэран (фр. Danielle Mitterrand, 1924–2011), грамадская дзяячка, жонка Прэзідэнта Францыі Франсуа Мітэрана.

[205] Маюцца на ўвазе падзеі, звязаныя з прыняццем 11 сакавіка 1990 г. Вярхоўным Саветам Літоўскай ССР Акта аб аднаўленні незалежнасці Літвы і наступнымі спробамі кіраўніцтва СССР супрацьстаяць выхаду Літвы са складу Савецкага Саюзу.

[206] Альберт Эйнштэйн (ням. Albert Einstein, 1879–1955), нямецкі фізік-тэарэтык, стваральнік тэорыі адноснасці.

запомнить», на самом деле это не так, во всяком случае у меня. Если во время не запишу, то легко забываю. Здесь и низкая грамотность сказывается, да и годы заключения даром не прошли. Так что если можно мне диктофон или какой-либо портативный магнитофон (я в этом плохо разбираюсь), на ваше усмотрение, то я буду весьма благодарен.

А вот как переслать, чтобы дешевле обошлось? Только через Петра Павельевича не нужно. А если переслать посылкой в Австрию, Герхельд Кучере, а она мне передаст? Вот её адрес [...]. Она очень хороший человек, много мне помогла во всём. Если иначе, то вот телефоны в Москве [...].

Всего тебе доброго! Привет семье и землякам.

МК.

19/VI.1990 г.

Здравствуй, дараги земляк Паша!

Леонид передал мне, что ты звонил, и объяснил зачем. Постараюсь встретить Аллу[207] и, конечно, заранее благодарю тебя за внимание к моим нуждам. С ней же и письмо это рассчитываю передать. Недавно получил письмо от Алеся Юстыновича[208] из Лондона и от Каролин.

Знаешь, Паша, вопрос выезда я решил пока отложить на неопределённый срок. События в стране так нарастают, что любой неравнодушный человек может

[207] Маецца на ўвазе Ала Орса-Рамана (нар. 1936), грамадская дзяячка, прафесар хіміі. Заснавальніца танцавальнага гурта «Васілёк», з якім у 1990 г. якраз і прыязджала ў СССР на гастролі.

[208] Відаць, маецца на ўвазе Алесь Жданковіч.

быть полезен. Я всегда был неравнодушным и надеюсь внести свою скромную лепту в развал этой «империи зла», как справедливо заметил Рейган в своё время[209]. И хочется надеяться, что мы с тобой доживём до того часу, что в Беларусию можно будет приехать как в независимую свободную страну.

Другой вопрос, что я плохо справляюсь с разными своими житейскими проблемами, и это отвлекает, мешает заниматься делом.

Алесю Зданковичу я посылал свою статью «Как закончить Афганскую войну». Ты её не читал? Посмотри, может быть, в «Беларус» подойдёт. Возможно, я самонадеян, но мне кажется, никто ранее не давал такого бескомпромисного анализа этой проблемы, как в этих двух статьях. Первая была написана в конце 1988 года и называется «Мне стыдно за своего отца», была опубликована в «Русской Мысли»[210] за февраль 1989 (№ 3761 и 3762). Я очень неравнодушен к этой теме. По данным официальной советской прессы, Чернобыльская авария обошлась уже около 15 млрд рублей, в то время как война в Афганистане забрала 60 (!) млрд рублей. Представляешь?! И несмотря на это Горбачев продолжает по 4–5 млрд ежегодно тратить на Афганистан, на поддержку своего холуя Наджибуллы[211], а белорусы в это время калечатся от радиации.

Потом я написал статью на антивоенную тему «Где взять средства для экономики (или Во что обходятся

---

[209] 8 сакавіка 1983 г. Прэзідэнт ЗША Рональд Рэйган у сваёй прамове ў Фларыдзе перад Нацыянальнай асацыяцыяй евангелістаў назваў СССР «Імперыяй зла».

[210] «Русская мысль» — рускамоўная газета, якая выдавалася ў Парыжы ад 1947 г.

[211] Махамад Наджыбула (1947–1996), афганскі дзяржаўны і палітычны дзеяч. У 1987–1992 гг. — прэзідэнт Афганістана.

ложные стереотипы)». Копию переслал Каролин Браун. Можешь попросить копию, если хочешь.

У нас здесь эта статья, видно, не по вкусу многим пришлась. Думаю, причина не в литературных недостатках (я ведь не профессионал). В ней я анализирую причину формирования «оборонного сознания» у народа и ставлю вопрос о ликвидации ВПК (военно-промышленного комплекса) и принятии статуса постоянного нейтралитета для страны. Я посылал статью в «Литер. Газету», в «Огонёк»[212] и др. издания — бесполезно. К сожалению, у нас даже некоторые диссиденты заряжены великодержавным шовинизмом. Впрочем, лучше почитать статью, чем пересказывать её.

И потом, ты, наверное, знаешь, что Горбачёв выбрасывает десятки миллиардов на так называемую «помощь» Кубе, Эфиопии, в Анголу и в другие места, далеко не всем известные. В то же время экономика страны в крайне тяжёлом состоянии. Кругом очереди, во всём дефицит. Но им-то всегда всего хватало. Всем этим генералам от Партии, Армии и КГБ. Недавно в «Огоньке» были краткие данные о дачных постройках у некоторых генералов. Так вот, у маршала Язова[213] 1400 м^2 дача, а приусадебный участок равен 16,5 гектара. Какому помещику в Царской России снилось такое поместье? У других генералов поменьше, но всё равно по несколько сот кв. метров, в то время как многие тысячи семей ютятся в коммуналках да по общежитиям.

По существу, Армия у нас является врагом народа. И это особенно ясно выявилось во время событий пос-

---

[212] «Огонёк» — савецкі і расійскі грамадска-палітычны ды літаратурна-мастацкі штотыднёвы часопіс, які выходзіць у Маскве ад 1923 г.

[213] Дзмітры Язаў (рус. Дмитрий Язов, нар. 1924), савецкі вайсковы і дзяржаўны дзеяч, Маршал Савецкага Саюза. У 1987–1991 гг. — міністр абароны СССР.

ледних двух лет: Тбилиси[214], Баку[215], Армения[216]. Сейчас десантники разбойничают в Прибалтике[217], а завтра их бросят разгонять белорусов, если те начнут добиваться независимости по примеру Литвы. По последним подсчётам, на «оборону» уходит не меньше 200 млрд руб. в год, или 20–25% от ВНП (валового национального продукта). Кто сегодня угрожает белорусам, молдаванам, прибалтийцам? Кроме Москвы, никто. Армия нужна Горбачёву для удовлетворения своих имперских амбиций; народу, нам — она не нужна. Это я и хотел показать в статье.

К сожалению, взгляды, подобные моим, пока не находят широкого распространения. Но я всё же хочу взяться за это дело в ближайшем будущем. Ещё в начале прошлого года я попытался встретиться с Василём Быковым. Хотелось найти в нём единомышленника и земляка. К сожалению, не получилось. Отнёсся он ко мне очень равнодушно, мягко говоря. Оно и неудивительно. Он же коммунист, а я свыше 20 лет открыто выступал против коммунизма как системы. Об этой

---

[214] Маецца на ўвазе спецыяльная аперацыя па разгоне апазіцыйнага мітынгу каля Дома ўраду ў Тбілісі, што была ажыццёўлена ў ноч на 9 красавіка 1989 г. сіламі ўнутраных войскаў і Савецкай арміі і прынесла чалавечыя ахвяры.

[215] Маюцца на ўвазе падзеі гэтак званага «Крывавага студзеня» 1990 г., калі ў Баку сіламі Савецкай арміі ў ноч на 20 студзеня былі падаўленыя выступленні азербайджанскай апазіцыі, у выніку чаго загінулі сотні мірных дэманстрантаў.

[216] Відаць, маюцца на ўвазе падзеі армяна-азербайджанскага канфлікту вакол Нагорнага Карабаха, што актывізаваўся ў 1987–1988 гг. і які спрабавалі ўрэгуляваць з прыцягненнем савецкіх войскаў.

[217] 26 сакавіка 1990 г. савецкія дэсантнікі занялі будынкі гарадскога камітэта Кампартыі Літвы, Вышэйшай партыйнай школы, ЦК КПЛ, каб абараніць савецкую ўласнасць і вымусіць літоўскія ўлады адмяніць Акт аб аднаўленні незалежнасці Літвы.

короткой встрече я и написал небольшой очерк «Писатель спешит на заседание»[218]. Посылаю его тебе на твоё полное усмотрение. Я не знаю, был ли он где опубликован. Наверное, нигде не был. Наша беседа с Быковым всего 20 мин. была.

Конечно, даже то, что делает Быков, — это нужное дело сегодня, учитывая, насколько забит сегодня народ в Белоруссии. Но он мог бы сегодня быть решительнее: ведь бояться ему нечего.

Кстати, в числе подаренных ему рукописей был и очерк «Свидание с детством», написанный летом 1977 года и вошедший в Обвинение по ст. 190 УК РСФСР. Ты, наверное, его знаешь. Я Каролин его посылал месяца три назад.

Ты, наверное, слышал, что прошлым летом лагерь посетили французские журналисты. Провели интервью с некоторыми. Посылаю тебе перепечатку в финском журнале. Это мне один эстонец передал (Март Никлус). Посмотришь на мой последний концлагерь: всего их у меня было 7, три психушки, а тюрем трудно подсчитать — десятка три наберется с апреля 1970 года.

И ещё посылаю «Экспресс-хронику»[219], самиздатская газета.

Недавно освободился Леонид Лубман[220]. Это еврей. Но один из честнейших и порядочных людей в лагере. И добавлю, очень мужественный и интеллигентный. К сожалению, он заболел сильно за время заключения. У него брат в Израиле. Может, помогут ему излечиться. В газете смотри его комментарии об оставшихся там.

---

[218] Гл.: Кукабака, Міхась. Пісьменьнік сьпяшаецца на паседжаньне... // Беларус. 1990. Чырвень–ліпень (№ 371). С. 4, 10.

[219] «Экспресс-хроника» — расійская штотыднёвая праваабарончая газета, заснаваная ў 1987 г. Галоўным рэдактарам да 2000 г. быў Аляксандр Падрабінак.

[220] Леанід Лубман (рус. Леонид Лубман, нар. 1936), інжынер, дысідэнт. У 1977 г. быў асуджаны на 13 гадоў за «здраду Радзіме», вызвалены ў 1990 г.

Утомил я тебя, наверное, длинным письмом? При случае передавай привет Зинаиде Михайловне и, конечно, землякам-белорусам. Алесь Зданкевич согласен посылать мне газету «Беларус». Буду рад.

Желаю тебе доброго здоровья прежде всего и благополучия всей семье!

МК.

12/VII/90 г.

Дорогой Паша!

Шчыра дзякую за такі цудоўны падарунак, а таксама за фотаздымкі, на якіх я адразу пазнаў суайчыннікаў, з якімі правёў увесь дзень 25 чэрвеня.

Цяпер, на ўсякі выпадак, перайду на рускі, а то шмат памылак параблю.

К сожалению, на концерт[221] я опоздал, так как без паспорта не рискнул ехать сразу, а 25 июня было посещение детсада, когда я всё же решился приехать в Минск без документов. Паспорт я сдал в милицию для прописки в Москве, и он там до сих пор.

Ко мне земляки отнеслись очень хорошо, по-братски. А вот представителю «Радзімы»[222] я почему-то очень не понравился (как и он мне).

Вернувшись в Москву, я набросал мини-очерк, который высылаю тебе. Поступай с ним по своему разумению.

Кажется, Юрко[223] подарил мне пляжную кепи с белорусским гербом. А я не нашёл ничего лучшего, как дать

---

[221] Маецца на ўвазе канцэрт танцавальнага гурта «Васілёк».

[222] Відаць, маецца на ўвазе Беларускае таварыства «Радзіма» — заснаваная ў 1964 г. як Беларускае таварыства па сувязях з суайчыннікамі за рубяжом грамадская арганізацыя, што мелася падтрымоўваць сувязі з суайчыннікамі па-за межамі СССР. Ад 1976 г. змяніла назву на Беларускае таварыства «Радзіма».

[223] Маецца на ўвазе Юрка Кіпель.

ему в виде «сувенира» свою лагерную бирку, которую вывез из Пермской зоны 2 декабря 1988 г. (обычно отбирают при освобождении, но я утаил её при обыске). Мы не раз вместе фотографировались, и с Верой[224] отдельно, и с Аллой Романо. Если получатся снимки, то и мне пришлёшь.

Знакомых у меня нет в Минске, поэтому вернулся в Москву сразу. Дозвонился до редакции газеты «Свобода»[225] из БНФ[226], но встретиться со мной не захотели, ссылаясь на нехватку времени.

С Лукашуком[227] я, конечно, спишусь и встречусь.

Высылаю тебе три номера одной независимой газеты «Экспресс-Хроника». В № 27 на 3-й странице реплика по моей мелкой житейской проблеме.

Кому-то из земляков дал газету со статьёй генерала КГБ Олега Калугина[228]. Он много лет шпионил в США

---

[224] Тут і далей у гэткіх выпадках маецца на ўвазе Вера Запруднік.

[225] «Свабода» — грамадска-палітычная штотыднёвая газета, што выходзіла ў Мінску ў 1990–1997 гг. Галоўным рэдактарам ад 1991 г. быў Ігар Гермянчук.

[226] Беларускі народны фронт «Адраджэнне» (БНФ) — грамадска-палітычны рух за пераўтварэнне грамадства і адраджэнне беларускай нацыі. Заснаваны ў 1988 г., установчы з’езд адбыўся ў 1989 г. у Вільні. У 1993 г. створана таксама партыя БНФ.

[227] Аляксандр Лукашук (нар. 1955), журналіст, публіцыст, перакладчык. Скончыў Мінскі дзяржаўны педагагічны інстытут замежных моў. Працаваў перакладчыкам, журналістам, рэдактарам. У 1990–1992 гг. — галоўны рэдактар выдавецтва «Беларусь». Ад 1993 г. працуе на Радыё «Свабода», ад 1999 г. — дырэктар Беларускай службы гэтага радыё.

[228] Алег Калугін (рус. Олег Калугин, нар. 1934), грамадскі і палітычны дзеяч СССР, генерал-маёр КДБ, народны дэпутат СССР. На пачатку 1990-х гг. актыўны ўдзельнік руху «Демократическая Россия». Аўтар кнігі «Первое главное управление. Мои 32 года в разведке и шпионаже против Запада» (1994), ад 1995 г. жыве ў ЗША. У 2002 г. завочна асуджаны ў Расіі «за дзяржаўную здраду».

и других странах. Советую почитать, не пожалеешь о затраченном времени. Кстати, этого генерала Горбачёв уже наказал за откровенность: лишил всех наград и званий.

Прилагаю также самый свежий список политзаключённых в СССР для информации. В основном это отказники от службы в армии. Среди старых, кого лично знаю: более достойные — это Казачков Михаил[229], Смирнов Валерий[230], Александр Голдович. Есть там и негодяй один — Олег Михайлов[231] за попытку угона самолёта. В лагере сотрудничал с КГБ, по мнению многих, вёл себя как провокатор.

Алесь Зданкович обещал мне присылать «Ніву»[232] і «Беларус». Конечно, буду рад. Написал, чтобы высылали из Минска «Свабоду».

Меня радует и удивляет твоя энергичность. Видимо, это уже результат чисто американского воспитания.

---

[229] Міхаіл Казачкоў (рус. Михаил Казачков, нар. 1944), фізік. У 1975 г. арыштаваны афіцыйна за валютныя спекуляцыі, насамрэч за намеры выехаць у ЗША. Правёў у зняволенні 15 гадоў. Вызвалены ў 1990 г. і хутка выехаў у ЗША.

[230] Валеры Смірноў (рус. Валерий Смирнов) згадваецца ва ўспамінах розных былых палітзняволеных як чалавек, які змог у часе знаходжання замяжой (ці то ў ФРГ, ці ў ЗША) папрасіць палітычнага прытулку, аднак вярнуўся ў СССР, каб забраць сям'ю. Быў арыштаваны і асуджаны на 10 гадоў.

[231] Алег Міхайлаў (рус. Олег Михайлов, нар. 1948), трэнер па цяжкай атлетыцы. На пачатку 1970-х правёў тры гады ў зняволенні, пасля чаго вырашыў уцякаць з СССР. Рыхтаваў угон самалёта, але быў схоплены КДБ у 1979 г. і асуджаны «за здраду Радзіме» да 13 гадоў лагераў і 3 гадоў высылкі. У 1990 г. уцёк з высылкі, нелегальна дабраўся да Літвы, потым у 1991 г. з Беларусі з Белавежскай пушчы на самаробным мотадэльтаплане пераляцеў у Польшчу. Стаў адным з апошніх уцекачоў з СССР.

[232] «Ніва» — беларуская газета, што выдаецца ў Беластоку (Польшча) ад 1956 г.

В этом отношении я обратил внимание также на Веру Бартуль[233] и Аллу Романо. Сколько жизнерадостности и непоседливости. Несмотря на уже немолодой возраст, они мало отличались от молодых по энергичности.

Большой привет от меня им и всем землякам, с которыми мне довелось свидеться.

Дай Бог тебе здоровья, Паша, и благополучия семье! Ещё раз спасибо за всё, что ты для меня делаешь.

МК.

1/X.90 г.

Дорогой Паша!

Прабачте, что несколько задержался с ответом. Я последовал Вашему совету: пазнаёмився с Сашей Лукашуком, съездил в Белоруссию. Выник вельми обнадёживающий. (Правда, проф. Шыраева[234] я не нашёл; в Москве такой не проживает, как мне сказали в Горсправке.)

Саша оказался чудесным человеком, как по характеру, так и как организатор. Я выступал в Доме Печати. Говорил не только о своих злоключениях, но и о сегодняшних проблемах. Попытался и о национальном вопросе коснуться, но меня остановили. А один из коммунистов демонстративно покинул зал, когда я дал оценку роли Ленина в наших сегодняшних проблемах. Ну, это мелочи. В целом встречи прошли очень хорошо.

---

[233] Вера Бартуль (1922–2006), грамадская дзяячка, жонка Францішa Бартуля. Ад 1956 г. жыла ў Нью-Ёрку. Працавала як мадэлька, пазней — як менеджар кампаніі модаў. Была сябрам Беларуска-Амерыканскага задзіночання, у 1960–1970-х гг. была старшынёй Жаночай секцыі арганізацыі. Спявала ў жаночым секстэце «Гоман».

[234] Маецца на ўвазе Яўген Шыраеў (нар. 1933), геадэзіст, доктар тэхнічных навук. Ад 1977 г. — прафесар геалагічнага факультэта Маскоўскага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Я написал в Верховный Суд БССР заявление с предложением заставить Прокуратуру пересмотреть мои так называемые «преступления». Некоторые депутаты обещали.

В начале сентября был в Ленинграде на 2-й Международной конференции по правам человека. Еле-еле удалось пробиться на трибуну для пятиминутного буквально выступления в последний день работы.

Здесь прилагаю Вам текст своего выступления. Не всем оно понравилось. Слишком сильны в умах стереотипы «оборонного» сознания. Даже кто-то из белорусов послал мне записку: «земляк, а ты не боишься Саддама Хуссейна[235]?».

Вот такая логика — сначала помогали создавать себе врагов, а потом нас же приучают их бояться. И где же конец всему этому? Примерно так и ответил.

Вскоре после возвращения пришла от Саши Лукашука газета со статьёй обо мне. Высылаю Вам также эту газету. Статья написана в целом очень хорошо. Однако чувствуются цензурные ограничения. Так, он не упоминает фамилию ст. следователя Витебского КГБ Соловьёва Анат. Фёдоровича, которого я публично обвинил в уголовном преступлении — подлоге. Я заявил, что готов это доказать в судебном расследовании.

Одновременно была большая статья «Рэабілітаваць пры жыцці» в газете «Літаратура і Мастацтва»[236]. Она также подготовлена Сашей Лукашуком.

В общем, он действительно оказался хорошим человеком и журналистом. Чувствуется, что изрядно потрудился над материалом.

Вы, наверное, слышали, что у нас некоторые бывшие (и даже сегодня состоящие на службе) работники КГБ начинают выступать с критикой своего ведомства.

---

[235] Садам Хусэйн (1937–2006), іракскі дзяржаўны і палітычны дзеяч, прэзідэнт Ірака ў 1979–2003 гг.

[236] «Літаратура і мастацтва» — штотыднёвая літаратурная газета, што выдаецца ў Мінску ад 1932 г.

Одним из «героев» этого года стал бывший генерал КГБ Олег Калугин. Михаил Горбачёв лишил его всех званий и наград за публичные выступления. Газету с его статьёй я передал кому-то из ребят Аллы Романо, надеясь, что она попадёт к Вам.

Выступление это важно тем, что он своим авторитетом генерала КГБ подтверждает: КГБ не изменило своих принципов работы со времён Ежова–Берии[237]. Он нанёс удар по КГБ изнутри, что для массового сознания гораздо убедительнее, чем критика таких людей, как я, то есть репрессированных. За что он и был наказан.

Я тоже решил не остаться в стороне и написал статью в его поддержку «Вашу руку, генерал! (Заявление Олега Калугина подтверждаю)». Но ни одно из «смелых» официальных изданий не захотело её опубликовать. Ни «Огонёк», ни «Лит. Газета» или другие. Я передал Саше, и где-то в газете БНФ была напечатана статья, наверное, в «Свабода».

Если попадёт ко мне, я Вам перешлю для интереса. Всё-таки я уверен, что передовой фронт борьбы за демократию, за спокойствие во всём мире проходит здесь, на бескрайних просторах Империи. Все эти Саддамы Хусейны, Пол-Поты[238] и т. д. лишь следствия политики Москвы.

Всего Вам доброго! Привет Вере, семье Веры Бартуль и всем нашим общим друзьям.

Будьте здоровы!

МК.

---

[237] Маюцца на ўвазе Мікалай Яжоў (1895–1940), народны камісар унутраных спраў СССР у 1936–1938 гг., ды Лаўрэнцій Берыя (1899–1953), народны камісар унутраных спраў СССР у 1938–1945 гг., што з’яўляліся арганізатарамі «сталінскіх рэпрэсій».

[238] Пол Пот (1925–1998), камбаджыйскі палітычны і дзяржаўны дзеяч, Генеральны сакратар Камуністычнай партыі Кампучыі ў 1963–1979 гг. Яго кіраванне суправаджалася масавымі рэпрэсіямі, ад якіх пацярпелі больш за мільён чалавек.

13.XI.1991 г.

Здравствуй, Паша!

Давненько я не писал тебе. За это время успел съездить в Австрию. Посмотрел, как живут обычные люди обычной нормальной жизнью. Как и должны мы все жить.

Приглашала меня пенсионерка (по болезни) доктор философии Герхильд Кучера. Судя по её фамилии — чешского происхождения. Впрочем, по моему мнению, добрая половина австрийцев имеет славянскую кровь в каком-то поколении.

Герхильд — член Международной Амнистии и вела компанию за моё освобождение в последние годы. Всё это я узнал лишь освободившись, когда она мне написала. Жил я в Innsbruck 52 дня и около 3 суток в Вене провёл. Инсбрук очень спокойный город. За это время я не видел ни одного случая хулиганства или ещё какого происшествия. Всего раза три попадались на глаза солдаты и раз 6–7 полицейские. Это главное отличие от московских улиц, плюс отсутствие суеты, спешки как пешеходов, так и тех, кто едет в авто.

Но Инсбрук, думаю, не типичный город. Отношение ко мне было очень доброжелательным как со стороны новых знакомых, так и посторонних людей.

Ездил практически без денег, так как из-за путча[239] валюту не продавали. Но там мне немного помогли разные люди, и я привёз с собой поношенную, но в хорошем состоянии обувь, одежду тёплую. В условиях сегодняшнего дефицита и дороговизны в Москве это хорошее подспорье для меня. Так что поездка не в убыток прошла, да и на другой мир немножко глянул. Такое, может, один раз в жизни человека бывает. И я благодарен Герхильд и её коллегам, что эту возможность они мне предоставили.

---

[239] Маюцца на ўвазе падзеі жнівеньскага путчу ў Маскве 19–21 жніўня 1991 г.

Приезжала из Лондона Каролин Браун (член AI[240]) на 3 дня. Привезла мне письмо от Алеся Юстынавича и немного денег от него же. Но я всё сэкономил. С первого и до последнего дня я не смог преодолеть своеобразной жадности в себе. Дело в том, что советское правительство меняет рубли по такому курсу, что все цены на Западе становятся для нас в 100–150 раз дороже. И хотя я в Москве ничего не менял, но в уме своём переводил на рубли.

Поясню на примерах. Года два назад банк в Москве за 1 рубль давал 20 шиллингов, а в августе 1 шиллинг продавал уже за 3 рубля. Так же, как раньше 1 доллар = 0, 60 коп., то в августе 1 доллар = 33 руб.

Это означает: сходить в туалет (извините) в Москве — 20 коп., в Инсбруке — 28 руб. (в 140 (!) раз дороже). То же самое и позвонить по телефону. Хлеб в 90 дороже, транспорт раз в 180 и т. д. От этой психологии я так и не избавился до конца. Когда хозяйка легла в больницу на неделю и дала мне деньги, чтобы я сам себе готовил, как я поступил? Не угадаете! Я просто спрятал эти деньги в чемодан, подальше от собственного соблазна. Две булки хлеба разделил на 8 частей. Получилось по 200 гр. хлеба на день. Так же разделил другие остатки продуктов и объявил сам себе «лечебное голодание». При посещении больницы хозяйка дотошно расспрашивала меня, что я готовлю. Я сочинял, насколько позволяла моя фантазия. «Gut, gut!» — кивала она головой. Таким образом, за 8 дней я не истратил ни шиллинга. Всё сэкономил и чуствовал себя отлично. Джинсы, которые были тесноваты, через неделю надевал их легко, без усилий. Со стороны всё это выглядит немного комично.

Но представь себе, что там, где ты платишь 1 доллар, вдруг, по чьей-то злой воле, тебя заставили бы платить 140 долларов. Коммунисты нас грабят самым

[240] Маецца на ўвазе арганізацыя «Міжнародная амністыя» (Amnesty International).

бессовестным образом. Когда только они одни ездили за границу, был один курс, когда позволили простым людям ездить, стал другой. Очень мешало мне незнание языков, ни немецкого, ни английского. Эту зиму буду «зубрить» и тот, и другой.

Вернулся я в Москву 24 октября. Договорился с хозяйкой, что до весны меня «не попросит» из своей коммуналки. Для «подкрепления» (негласного, конечно) договора привёз ей тёплые полусапожки. Купил в комиссионном магазине Вены за 50 шиллингов. Но и в Москве не дешевле. Теперь добиваюсь от Моссовета хоть какого-нибудь жилья, чтобы не зависеть от случайных людей. Надеюсь до весны получить комнату в «коммуналке». Если получу, то в ней и умирать придётся. На квартиру уже ни сил, ни времени не хватит. Ты, возможно, не очень представляешь, что такое «коммуналка»? Это когда в одной 3–4-комнатной квартире живут 2–3 или 4 семьи (бывает и больше). Где сейчас я временно живу, имеется ещё 3 семьи. Всего нас 9–10 человек. На всех — одна кухня, один туалет и одна ванная.

Я, наверное, не писал тебе. По всем 4 судимостям я добился реабилитации по суду к июлю этого года. Но ни о какой компенсации пока речи нет. Это мне самому надо ходить по судам подавать иски и всё такое прочее. Ни сил, ни желания нету.

Весной ездил в Могилёв — не лучший город в Белоруссии. На основании решения о реабилитации просил предоставить хоть какое-то жильё, чтобы жить в Белоруссии. «Мэр» города Габрусь со мной и разговаривать по существу не захотел. С тем я и укатил снова в Москву. В Москве некоторые люди доброжелательней ко мне, чем в Минске. Там только на словах сочувствуют. А ведь я единственный белорус, который за последние 20 с лишним лет находился в лагерях по чётким политическим обвинениям. Украинцев, эстов, литовцев, латышей, русских было много, а белорус — один. Во всех этих республиках принят закон о компенсациях (пока в России задерживается). Грустно мне немного от

всего этого. И я думаю, не уехать ли мне, чтобы хоть под старость пожить относительно по-человечески, если здесь мне не дадут жилья. Всю оставшуюся жизнь скитаться по чужим углам — без радости. Чужая земля бывает приветливей, чем формально, по документам, родная.

Кстати, в позапрошлом году в американском посольстве мне дали статус «беженца» — документ храню. Я их ещё спросил: «А если я сразу не уеду, то через год-два или больше мне снова нужно проходить стадию проверки на статус?» — «Нет, — ответили мне, — это срока давности не имеет, когда захотите, тогда и приезжайте».

Нет-нет да и появляются у меня мысли о выезде от всей этой бытовой неустроенности и несправедливости людей, которые на всех углах кричат, что они демократы и болеют за народ.

Правда, и один боюсь ехать, так как кому я нужен в свои 55 лет на чужбине? Но и здесь ни одна женщина не захочет со мной связываться из-за отсутствия жилья.

Таковы итоги моего без малого 17-летнего пребывания за кратами. Я одержал убедительную моральную победу над своими палачами и палачами моего народа. Но они разгромили меня физически — лишив всякой материальной основы для достойного человеческого существования. Не говоря уже о том, что ограбленные годы и здоровье никакими «указами» не вернуть.

Кстати, КГБ в последние годы постоянно меня убеждал, мол, никому я не буду нужен, ни самому себе, если много просижу. Так как не смог создать семьи и всё в этом духе. Всё это они «доказывали» мне, чтобы получить «покаянное» заявление.

И странное дело, сегодняшние демократы, на словах проклиная КГБ, своим поведением, отношением к людям моей судьбы оправдывают, точнее, оставляют в силе все замыслы КГБ. Получается — зло торжествует, а порядочность — проигрывает. Преступник-следова-

тель м-р Соловьёв Анатолий Федорович живёт в хорошей квартире в г. Витебске, пользуется разными льготами, имеет семью (уже внуков), а я — его жертва (он сфабриковал моё последнее дело в 1984 г.), юридически реабилитированный, лишён практически всего. Ведь сам факт моей реабилитации — доказательство его преступления. И местные депутаты от БНФ (Бел. Нар. Фронт), и «Мемориал»[241] — смотрят на эту несправедливость совершенно спокойно. Я оставлен один на один с этой несправедливостью. Поневоле рождаются в голове разные нехорошие мысли.

Я боюсь ехать в Витебск или Могилёв. Боюсь случайно встретить следователя. Потому что не уверен, что смогу перейти на другую сторону улицы или как-то обойти его стороной. Однажды во время следствия говорю ему: «Вот Вы фабрикуете мне дело. А не думаете, что придёт время, и меня реабилитируют? Как Вы будете объяснять это своим детям, смотреть в глаза людям? Ведь подобное уже было 30 лет назад?»

Он злорадно рассмеялся: «Ты, Кукобака, никогда не будешь реабилитирован! Мы реабилитировали невинных советских граждан, а ты сознательно выступаешь против нашего государства».

И ещё один эпизод. Убедившись, что на никакие сделки склонить меня не удасться, он как-то не выдержал: «Да-а! Гуманные у нас законы, слишком гуманные. Ведь ты же открытый враг! Тебя бы вывести да к стенке! А мы тебя должны судить, а мы тебя должны сажать». Он чуть не брызгал ядом от ненависти ко мне.

Я слишком слабый христианин, чтобы всё это простить и забыть. И потому нет мне покоя, пока живут спокойно эти люди. Я подал на него заявление в Прокуратуру Беларуси с требованием возбудить против него

[241] Відаць, маецца на ўвазе «Мартыралог Беларусі» — добраахвотнае грамадскае гісторыка-асветнае таварыства памяці ахвяр камунізму і сталінскіх рэпрэсій у Беларусі, заснаванае ў 1988 г.

дело о подлоге. Но оно вяло где-то бродит по инстанциям. Все они преступники: следователи, судьи, прокуроры. «Ворон ворону глаз не выклюет» — говорит народ. И это правда.

9–10 ноября был на съезде Объединённых Демократических Партий Белоруссии[242]. Очень грустное впечатление. Общие слова, обтекаемые мысли, повторяют друг друга. Мне позволили сказать пару слов. Я призвал радикализировать программу партии. Призвать народ выступить за полную демократилизацию Белоруссии и принятие Статуса о нейтралитете. Объявить моральную войну армии и всему военно-политическому комплексу. Не реформировать, а упразднить КГБ как государственный институт. Запретить профессию разведчика-шпиона, как запрещены «профессии» воров, грабителей и т. д. Точно так же Белоруссия может обойтись и без Министерства обороны. Или, по крайней мере, сам народ должен решать, сколько ему нужно генералов держать на своей шее, а не наоборот.

Текст своего выступления я отправил Алесю Зданковичу с просьбой: если посчитает подходящим, то пусть отправит в редакцию газеты «Беларус», к Вам. Кстати, вернувшись, я получил 3 номера «Беларуса», большое спасибо.

7 ноября впервые Москва встречала без красных флагов на стенах и портретов Ленина. Правда, большевики провели свою демонстрацию. Но их, твердолобых, собралось относительно немного. Было много любопытных, спорящих чуть не до драки со своими оппонентами.

В Москве всё увеличиваются очереди и цены на продовольствие. Это называется «рынком», а по существу идёт бессовестное ограбление народа ради великодержавных амбиций российских лидеров. Вместо того, чтобы остановить конвейеры по производству оружия и

---

[242] Маецца на ўвазе Аб'яднаная дэмакратычная партыя Беларусі, заснаваная ў 1990 г. У лістападзе 1991 г. адбыўся яе Другі з'езд.

начать радикальное сокращение армии, наши правители торгуются с Америкой из-за каждой ракеты, растягивая нищету народа на долгие годы. Даже Ленин и тот в свое время решился на 10-кратное сокращение армии с 5 млн до 500 тыс. В этом был главный успех НЭПа, а не в рыночной экономике.

Утомил я тебя своим меланхоличным письмом. Кстати, давно уже я передавал для «Беларуса» небольшой очерк о лагерной жизни — «История одного ненаписаного рассказа». Передавал через Михаила Казачкова, который разьезжает по Европе и Америке после своего освобождения.

Передавайте привет нашим землякам Вере Бартуль и Вере Запрудник, Юрке Кипелю и другим, кто меня помнит.

Доброго тебе здоровья и благополучия в делах!

МК.

9.VII.92 г.

Здравствуй, Паша!

Давненько не писал тебе. Правда, на Пасху послал открыточку, не знаю, дошла ли. У нас здесь сейчас ни в чём нельзя быть уверенным. И на этом не слишком оптимистическом фоне у меня в личном плане произошло весьма приятное событие. Можешь поздравить меня с успехом. Отныне у меня есть своя квартира. В прошлом месяце я переселился с чужой коммуналки в свою «берлогу». Уже прописался, стал в очередь на получение телефона. Кончились мои скитания по чужим углам и зависимость от капризов случайных людей. Вообще то, что мне удалось, это на грани чуда. Если учесть трудности с жильём не только в Москве, но и по всей Империи.

Нередки случаи самовольных захватов квартир, разные преступления на этой почве. Поэтому я очень нервничал последние месяцы. Ведь до этого у меня уже было несколько неудач и в Москве, и в Белоруссии. Просил в г. Могилёве хоть комнату в коммуналке или

в общежитии – отказал тамошний «мэр» Габрусев. Хотя я к тому времени (март 1990 года) был уже реабилитирован. Вообще моя удача — это результат и ряда случайностей, и благодаря поддержке разных людей. Есть здесь и твой, Паша, заметный вклад и других земляков-белорусов за кордоном. Вот только в самой Белоруссии… Впрочем, уже говорил. Кстати, оттуда местные власти даже не выплатили денежную компенсацию вопреки закону о реабилитации.

Весь месяц бегал по комиссионным магазинам в поисках обстановки для квартиры, что подешевле. Цены у нас сейчас «космические». Но это уже мелочи быта, как говорится.

Квартира неплохая: общая пл. 40 м^2, есть туалет, ванная, кухня просторная с эл. плитой. Есть лоджия. К зиме, может, сумею застеклить её. Расположена на 4-м этаже в 14-этажном доме, до ближайшей ст. метро добираться около 20 минут автобусом.

Что делается у нас здесь, в России? Надеюсь, Вы имеете общее представление. «Ястребы» — генералитет страны продолжают разрушение экономики и пытаются организовать политическое контранаступление по всему фронту бывшей Империи. Всё ещё 1/3 ВНП (вал. нац. прод.) идёт на военное производство. Спускаются на воду новые военные корабли (в т. ч. атомные подлодки), а русские священники их освящают, благословляют они и новоиспечённых офицеров «на ратный труд». Широко разрекламированная «конверсия» в итоге «родила мышь» — за год было остановлено лишь 12 военных заводов из 5 (пяти) тысяч. Это по официальным данным. Остальные 4990 продолжают разрушать собственную страну. И в то же время с протянутой рукой к Западу: дай! дай! дай! Такого абсурда ещё в мире не было.

На сегодня в Москве издаётся легально 30 (!) чисто фашистских газет. Масса разного рода «патриотических» (читай — профашистских) организаций, в которых самый активный контингент: разные спецназовцы, омо-

новцы, КГБэшники — бывшие и сегодняшние. Одним словом, всё, что связано с ВПК, с армией — этой школой убийц — агрессивно ощетинилось, не хочет уступать своих позиций, не понимая, что это самоубийство.

Ельцин[243] проявляет преступную нерешительность, задабривает их всячески в ущерб остальному трудовому населению страны. Либо он трусит, либо сам скрытый шовинист, рядящийся в «демократическую» фразеологию.

В Белоруссии тоже мало утешительного. Правительство холуйничает перед Москвою. Лишь руководители Балтийских республик и Молдова мужественно и последовательно ведут политику национальной независимости от Московской Империи, не всегда, правда, успешно. Но их силы слишком малы, а прав-во США не столь решительно, как хотелось бы. Прилагаю к этому письму три газетные вырезки на военную тему.

Недавно получил из Лондона письмо от Алеся Здановича. Довольно грустное. Из него следует вывод, что в Беларуси «монополию» на культуру захватывают те, которые раньше ей вредили, как могли. Сеяли вражду и к честным эмигрантам за кордоном, и к тем, кто здесь, в Империи, как мог сопротивлялся произволу.

Моё имя тоже вскользь упоминается у «деятелей» белорусской культуры из Минска. Впрочем, процитирую строчки из письма. Для тебя, Паша, думаю, это будет интересно знать: кто есть кто? Думаю, они и в Штаты любят сегодня ездить, эти сегодняшние «патриоты».

«...У 1982 годзе прыбыў працаваць у Бібліятэцы (имеется ввиду в Лондоне) Адам Мальдзіс[244], загадчык сэктара беларускай дакастрычніцкай літаратуры ордэ-

---

[243] Барыс Ельцын (рус. Борис Ельцин, 1931–2007), савецкі і расійскі палітычны і дзяржаўны дзеяч, першы прэзідэнт Расійскай Федэрацыі ў 1991–1999 гг.

[244] Адам Мальдзіс (нар. 1932), літаратуразнаўца, гісторык, пісьменнік, доктар філалагічных навук, прафесар.

на Дружбы народаў Інстытута літаратуры імя Янкі Купалы АН БССР, член саюза пісьменьнікаў СССР. Папрацаваўшы 2 месяцы, выбыў і ў 1984 г. у газеце "Голас Радзімы" зьмяшчаў "За Ла-Маншам сярод беларусаў" з "Англійскага дзёньніка".

І так у ягоным дзёньніку між іншага сказана: "...А. Надсон[245] дастаў з кішэні вялізны пук ключоў... Каб Вы адчувалі сябе самастойна, вось Вам запасныя ключы!". Далей ён піша: "...і я рашыў паглядзець у чытальнай залі перыёдыку. У Нью-Ёркскім "Беларусе" кінулася ў вочы фатаграфія: некалькі чалавек "дэманстравалі" ля савецкага пасольства "ў абарону беларускага дысідэнта" Кукабакі". А вось і партрэт самога "дысідэнта" – барадатага і, відаць, далёкага ад інтэлектуальнасці. Хто б гэта мог быць? — не выцерпеў я і спытаў у Аляксандра Надсона, які праглядаў новы нумар "Літаратуры і Мастацтва". — Мы ў Беларусі ня ведаем такога "беларускага дзеяча". — "Ат, — махнуў рукой Надсон, — не звяртайце ўвагі. Трэба было выдумаць — то і выдумалі! Як гэта так: іншыя маюць сваіх дысідэнтаў, а беларусы не маюць. Бо чым мы горшыя?".

Дазвольце прывесьці і яшчэ адну цытату з "дзёньніка" за 13 лістапада 1982 г.

"...Вось і настаў "судны дзень" — дзень, на які прызначана мая лекцыя. Аляксандар Надсон супакойваў мяне: усё абыдзецца добра, бо рассылаючы запрашэнні, ён абмінуў "экстрэмістаў", якія здольны ўзьняць "вэрхал". Але тыя ж "экстрэмісты" могуць прыйсьці і няпрошаныя... Апрача таго, я ведаў, што на вечары будзе сам Антон Адамовіч[246], адзін з галоўных антысаветчыкаў сярод беларускай эміграцыі".

---

[245] Аляксандр Надсан (1926—2015), рэлігійны і грамадскі дзеяч, грэка-каталіцкі святар, кіраўнік Беларускай бібліятэкі імя Ф. Скарыны ў Лондане.

[246] Антон Адамовіч (1909—1998), грамадскі дзеяч, літаратуразнавец, гісторык, публіцыст, літаратар, аўтар вялікай колькасці літаратуразнаўчых прац.

Да вышэй прыведзеных “экстрэмістаў” былі Надсонам залічаны Я. Сяўковіч[247], А. Ружанец[248] і А. Здановіч (заступнік старшыні ЗБВБ). Гэтыя нумары “Голасу Радзімы” трапілі ў мае рукі пару месяцаў таму назад, і з гэтым выступіў на агульным зьезьдзе ЗБВБ 30-га траўня г. году...

...Зачытаў на зьездзе і іншы матэрыял, дзе гаворыцца аб утварэнні спэц. сэкцыі для “апекі” над беларусамі за межамі Рэспублікі (чытай, “апекі” над іх кішэнямі) і там сказана, што ўжо ў 1990 годзе Урад БССР узаконіў, што ўсе мы, эмігранты, падлягаем Таварыству Беларускай Мовы[249], якое ў спалучэнні з Таварыствам Радзіма разгарнула сусьветную дзейнасць, і там якраз дзеяч Адам Мальдзіс, які прыслаў ліст Управы ТБМ, звяртаючыся да суайчыннікаў аб Фондзе — яны задумалі выдаць 130 тамовую энцыклапедычную “Памяць”. На мой погляд, то будуць перапісваць хіба ўсё тое савецкае, што пісалася дагэтуль. Немагчыма! Школы не маюць кніжак, брак паперы, грошы, а партакраты вядуць сябе так, як і раней!».

Я полностью разделяю тревогу Алеся. [...]

Ну вот и все мои скромные новости. Если у тебя возникнет необходимость послать мне что-то, минуя цензуру, то это можно сделать через Герхильду в Австрии. Она знает как.

---

[247] Янка Сяўковіч (1920—1992), грамадскі дзеяч. Пасля Другой сусветнай вайны апынуўся ў Вялікабрытаніі. Быў сябрам Згуртавання беларусаў у Вялікабрытаніі. У 1975—1990 гг. кіраваў Лонданскім аддзелам ЗБВБ.

[248] Маецца на ўвазе Аляксандр Ражанец (1921—2014), грамадскі дзеяч. Пасля Другой сусветнай вайны апынуўся ў Вялікабрытаніі. Быў сябрам Згуртавання беларусаў у Вялікабрытаніі. Жыў спачатку ў Брадфардзе, потым у Лондане.

[249] Таварыства беларускай мовы імя Ф. Скарыны — грамадская арганізацыя, заснаваная ў 1989 г. з мэтай адраджэння беларускай мовы.

Впрочем, сегодня это уже не столь важно. Ну, желаю Вам доброго здоровья! Привет от меня Бартулям, Яну и Вере Запрудникам и другим землякам, кто меня знает.

Будьте здоровы!

МК.

15.VIII.1993 г.

Здравствуй, дорогой Янка!

Давно я тебе не писал. Случайно от кого-то узнал, что ты был в Минске в июле на собрании белорусов из разных дальних краёв[250]. Мне тоже хотелось посмотреть и послушать, о чём там говорят, но после некоторых колебаний не решился поехать в Минск. Видимо, там были по приглашениям. И потом, организатором был опять господин Мальдзис (как мне позже сказали), а я хорошо помню его едва скрытое раздражение моим присутствием в прошлом году в Молодечно. И если бы не ты, то меня попросили бы выйти вон, пусть даже формально вежливо, под каким-то предлогом.

Может показаться, что я обижен за прошлое и поэтому преувеличиваю? Не совсем так. Хотя бы потому, что до сих пор мне не выплатили (и не начислили) материальную или денежную компенсацию по «закону о реабилитации». И это несмотря на мои неоднократные напоминания. И это несмотря, что на протяжении 20 лет (а может, и больше) я едва ли не единственный человек в Белоруссии, осуждённый по формально политическому обвинению. И отсидел по белорусским судам свыше 7 лет. В России таких, как я, сотни (если не тысячи), и всем им выплатили (мне тоже — за 3 года, а за 6 лет пока не хотят). Так что у меня есть основания думать, что я в Белоруссии «персона нон грата», и кое-кому там хочется обо мне просто забыть, как будто меня такого нет и не было в природе. История с неудачей в получе-

[250] Маецца на ўвазе Першы З’езд беларусаў свету, што праходзіў у Мінску 8–10 ліпеня 1993 г.

нии жилья в Могилёве тоже не случайность. Скорее случайность, что в Москве удалось «выкрутить» однокомнатную квартиру. Хотя в одной Москве таких, как я, многие десятки, а то и сотни.

Белорусская правящая верхушка всё больше «братается» с Российской правящей верхушкой и втягивает Республику в разные сомнительные союзы под флагом славянина и т. п.

Вряд ли эти угроза независимости — одно дело быть «намесником» Москвы в Минске и совсем другое быть президентом «на равных» с Клинтоном[251] или Миттераном — но страдания народа продлятся. Потому что привязка к российскому ВНП, к российским политическим амбициям замедлит укрепление белорусской экономики, замедлит разоружение-конверсию. А это главный балласт, от которого сумела освободиться Прибалтика, и итоги уже видны. Эстония резко улучшила всю свою финансовую систему. Не намного отстают и Латвия с Литвой. И это несмотря на огромную зависимость от России, в первую очередь, по энергоносителям. Белоруссия в более лучшем положении объективно из-за многопрофильности экономики, её мощности. Всё дело в политике, в управлении страной. Конечно, мне неудобно упрекать оппозицию во главе с З. Позняком[252] и другими лидерами групп хотя бы потому, что я сам живу в Москве. И всё-таки они делают гораздо меньше, чем могли бы. Для этого надо чуть меньше личных амбиций, меньше честолюбивой борьбы за лидерство как самоцель. Но, повторяю, мне такие упрёки делать

---

[251] Біл Клінтан (анг. Bill Clinton, нар. 1946), амерыканскі палітычны дзеяч-дэмакрат, 42-і прэзідэнт ЗША (1993–2001).

[252] Зянон Пазьняк (нар. 1944), палітык і грамадскі дзеяч, археолаг, мастацтвазнаўца, пісьменнік. Адзін з заснавальнікаў і кіраўнік у 1989–1999 гг. Беларускага народнага фронту «Адраджэнне». Ад 1996 г. жыве на эміграцыі, атрымаў палітычны прытулак у ЗША.

публично не очень тактично из-за своего двусмысленного положения, из-за того, что живу в Москве и оторван от практического участия в событиях в Белоруси, от её жизни. Но, повторяю, я там многим неудобен: бывшим партаппаратчикам как живой свидетель и жертва их преступлений, так и молодым, честолюбивым деятелям оппозиции. Потому что есть опасение конкуренции им. Ведь в глазах рядового обывателя-избирателя мои «теоретические» убеждения, мои аргументы опираются уже на практику прошлой биографии, они подкреплены ею. А поведение моё в прошлом безупречное.

Но у меня никогда не было и нет амбиций в этом плане. Отсюда я и не могу быть конкурентом кому бы то ни было. Но кто об этом знает, кроме меня самого или Бога? На Украине почти все бывшие политзаключённые стали депутатами разных уровней или вошли в управленческие структуры. И это аргумент правоты моих рассуждений. Поэтому и дорога в Белоруссию мне была, по существу, «закрыта» после многолетнего заключения. Конечно, если бы я был фанатиком, мог бы приехать и жить там на положении бомжа, скитаться по общежитиям (если кто-то пустит человека моего возраста в общежитие). Но я не фанатик, а обычный человек, которому за 50 лет, не имевший никакого имущества, ни денег и выгодной профессии в том числе. А хотелось чуть-чуть устроить как-то свою жизнь. И как-будто на удивление в Москве, столице самой Империи, это оказалось несравнимо легче, чем в «родной» Белоруссии. Так что, Янка, идея моего старого очерка «Украденая Родина» не потеряла своей актуальности и сегодня. Сместились лишь отдельные акценты. Кстати, нигде и никто в Белоруси не захотел опубликовать этот мой очерк, как и другие мои материалы, хотя бы в назидание современникам — за что человек может провести добрую часть своей жизни за решётками. Кому-то это невыгодно. Подозреваю, и «тем», и «другим». Одним словом, забыть прошлое, не напоминать обо мне.

[...][253] В общем, настроение злое и хорошее одновременно. Все страхи у меня давно позади. Если кого и боюсь, то скорее самого себя.

Всего тебе доброго, Янка! Успехов в делах!

МК.

Падрыхтоўка тэкстаў да друку Наталлі Гардзіенка і Лявона Юрэвіча.

---

[253] Купюра датычыцца падрабязнасцяў у лісьце пра расейскую ўнутраную палітыку й дэталі прыватнага жыцця М. Кукабакі.

Міхась Кукабака

Навукова-папулярнае выданне

Укладанне:
Наталля Гардзіенка, Паліна Сцепаненка

Вёрстка:
Віктар Корзун

Вокладка:
Віктар Трацякоў

Карэктар:
Алена Сяргейчык

Наклад 500 ас.